

ЭДИТА

ВЫПУСК 31

ЭДИТА

№31

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают

Графика обложки — rexels-qarim-zam-814182490-19752531

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-93-8

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Игорь Бézрук

г. Иваново

НЕ НАДО ПЛАКАТЬ

Внезапно опустившийся туман едва рассеивался желтизной одиноко стоящих фонарей. Тусклый свет слабо освещал троллейбусную остановку. Немного потеплело, но руки продолжали мерзнуть и изо рта, когда я выдыхал, шел пар. Попытался пошевелить ногами в теплых меховых сапогах, но не смог — они совсем одеревенели. Пробовал не двигаться, но замерзал быстрее, приходилось топтаться на месте и разминать озябшие пальцы рук и ног.

Со мной три человека, они съжились и, наверное, испытывали то же самое. Но интереса к ним не было никакого. Появилась еще парочка. Я пошел снова взад-вперед. Снег даже не скрипел, сминаясь под ногами. Почти опустилась мгла. Через дорогу уже не видно деревьев, — ветви там окутал туман. И снова подошедшая парочка. Что-то привлекло меня в них. Женщина, казалось, застыла, стояла немного ссутулившись (неужели не замерзла?), держала мужчину за рукав кожаного пальто, словно боялась, что тот уйдет. Но мужчина был неподвижен и смотрел на женщину. Куда смотрела она? Ее лица я не видел. Может, ему в глаза? Тогда почему в его взгляде я уловил вопрос? Что случилось?

Подошел троллейбус. Я быстро вскочил в него, упал на свободное место. Салон пустовал. Поднялись и они. Женщина села напротив меня. Мужчина стал рядом, спиной ко мне. Теперь я мог рассмотреть ее получше. Округлое лицо, прямой нос, узкие губы, чуть покрашенные ресницы маленьких узких глаз. Длинное пальто не скрывало стройных ног в черных сапожках из искусственной кожи. Голову покрывал большой пуховый платок, слегка покрытый инеем. Она уставилась в окно, но думала, очевидно, о чем-то своем. Я отвернулся, пытаюсь сосредоточиться на пробегающем за окном пейзаже, однако туман плотно скрыл окружающее. От тепла потянуло на сон, и я, пытаюсь его отогнать, стал смотреть на женщину, стараясь угадать ее мысли. Попытался определить ее возраст, род занятий, прошедшую жизнь. Долго раз-

мышлял и только пришел к выводу, что на вид ей тридцать-тридцать пять, имеет, вероятно, одного ребенка, не грубую работу, о чем говорили маленькие холеные ручки. Ее лицо было наполнено печалью, углы губ опустились, руки нервно мяли вязаные рукавички. Она то бросала взгляд в окно, то опускала глаза вниз.

Мне тоже в этот вечер было не по себе. Жизнь казалась жестокой и беспросветной. Я думал, что нет на свете человека печальнее меня. Но переживания женщины, видно, были намного глубже моих, и от этого у меня еще сильнее заныло под ложечкой. Вдруг захотелось узнать, почему она такая. Я постарался уловить ее взгляд, привлечь внимание. Странные догадки возникали в голове, но все я отбрасывал тут же, находя их наивными и не реальными. И все же — что случилось? Я спрашивал ее, умоляя ответить, не отрывая от нее своих жаждущих ответа глаз. Она будто услышала мой зов, повернула голову, окинула взглядом мою внешность, бегло, между делом, и так замерла. Я увидел ее затянутые поволокой глаза, но она смотрела куда-то сквозь меня, отрешенно и загадочно. Несмотря на это, я попытался втянуть ее в свой молчаливый разговор.

«Скажи, почему ты, такая красивая, наверняка неглупая, в рассвете сил и лет повержена в непроглядную тоску? Неужели тебе опостылел мир, серые облака, вечнозеленые ели, морозный воздух, люди? Неужели тебя уже не радует пение птиц и городской шум? Неужели жизнь для тебя совсем потеряла смысл?»

Я спрашивал и сам старался отвечать, но не мог, как не мог разгадать загадку ее печали, смотрел, не отрываясь, на нее и думал, тоже, казалось, не замечая ее.

Стало больно. Так может быть больно только за незнакомого человека. И как только мне стало больно, я увидел ее, а она меня. Мы встретились взглядами. Я смутился, опустил глаза, почувствовал себя неловко. Однако мучающие вопросы не давали покоя. Я снова посмотрел на нее, посмотрел и больше не отводил глаз.

«Здравствуй», — сказал про себя.

«Здравствуй», — печально ответили ее глаза.

«Хотел с тобой поговорить».

«Пожалуйста».

«Как ты живешь?»

«Не спрашивай. Сама не знаю».

«Почему такая грустная?»

«А ты всегда веселый?»

Я улыбнулся.

«Смешно».

«Что смешно?»

«Смешно, что мы разговариваем, как заговорщики, сами даже не зная, о чем».

Ее глаза немного оттаяли.

«Находишь?»

Я откинулся на спинку, не выпуская ее из виду из-за пальто мужа.

«Даже нахожу, что ты чудесна».

Ее глаза блеснули лукавством.

«Ты всем это говоришь. Я тебе не верю».

Я удивился.

«Почему? Ты могла бы мне не верить, будь я в чем-то заинтересован. А так... Я уйду, и ты уйдешь...»

Печаль снова набежала на ее глаза. Я торжествовал: вижу тебя насквозь.

Налетевшая внезапно злость успокоила меня, и я отвернулся.

За окном пошел снег. Троллейбус тихо гудел. Но ее взгляд не давал мне покоя.

«Что тебе еще нужно?» — возмутился я, поворачиваясь к ней. Но только повернулся — оторопел. Женщина плакала. В уголках ее открытых глаз выступили слезы.

«Не плачь, — почувствовал я себя не в своей тарелке. — Извини, я не хотел тебя обидеть».

«Ты злой», — ответил ее взгляд, и она подняла глаза к мужу. Тот неотрывно смотрел в окно. Она тронула его за рукав. Он не пошевелился. Она растерянно обратилась ко мне. Я скривил в ухмылке губы. Ее глаза снова увлажнились. И снова мне стало не по себе.

«Ну что ты опять в слезы? Я же извинился — что не так?»

Она, оправдываясь:

«Понимаешь? Понимаешь?..» — и снова заплакала.

Я постарался ее успокоить, как будто был во всем виноват, будто был виновником ее печали.

«Ты пойми, — начал я заново. — Это все пройдет. Завтра, послезавтра. Ты забудешь свое горе, забудешь все, что было с ним связано. Не знаю, как тебе объяснить мое состояние, но сейчас я чувствую то же, что и ты. Мне больно так же, как и тебе, муторно и беспросветно, как тебе. Но разве можно так отчаиваться?»

Я еще многое хотел ей сказать, но она прервала меня:

«Ты правда так думаешь?»

Я удивленно замер, вначале не восприняв вопрос, но потом вдруг понял и подумал: имею ли я право утешать ее, вмешиваться в ее жизнь? Я просто хотел от скуки немного позабавиться, проверить свою убежденность в том, что с любым человеком можно общаться даже без слов, хотел подшутить над ней, а значит, заранее был заинтересован ее обидеть. Я просто не ожидал, что моя невинная на первый взгляд игра может так глубоко ранить. Стало жутко и стыдно. Я попытался от-вернуться, но не смог. Ее взгляд словно пригвоздил меня. Тогда я опять с вызовом поднял глаза и ответил:

«Начистоту? Да, я лгал тебе, лгал. Я самый великий лжец и ханжа, веришь? Просто хотел тебя обмануть, глумился над тобой, шутил, даже не думал сочувствовать. Так, ради интереса. Ради того, чтобы скоро-тать путь. А ты поверила. Поверила, да?»

Она прислонилась головой к мужу, словно пыталась защититься, не отрываясь от меня. Слезы ее не иссыкали.

«Поверила», — сказала молча и отвернулась. Пуховый платок сполз на хрупкие плечи.

«Послушай. Ну, я не знаю... Не знаю, как искупить вину. Только не плачь. Я не могу этого перенести. Слышишь? Перестань, не то я выйду. Перестань сейчас же!»

Она утерла платком слезы.

«Не уходи. Не надо. Я больше не буду. Даже улыбнусь. Хочешь?»

Она натянуто выдавила улыбку. Несколько раз моргнула, вытесняя слезы.

«Думаешь, мне никогда не было тоскливо? Было, и не однажды. За-чем же тебе горевать, такой красивой, такой лучезарной?»

«Лучезарной? Ты сказал: лучезарной?»

Она задумчиво улыбнулась.

«Меня так никто еще не называл...»

Я загорелся, хотя понимал, что несу галиматью, откровенную по-шлость.

«Посмотри вокруг: все же видят, какая ты красивая. Даже тот муж-чина в дальнем конце троллейбуса...»

«Да ведь он спит».

«Не важно. А сколько любят тебя: родители, муж, сын».

«Дочь», — поправила она.

«Дочь», — поправился я. — Многие тебя любят».

Она слегка улыбнулась, потом лукаво посмотрела на меня.

«Даже ты?»

Я оторопел, не ожидая такого вопроса. Сказать «да», значило солгать, сказать «нет», тоже было нельзя, ведь у человека было горе, с которым она обратилась ко мне, пытаюсь найти утешение. Я посмотрел в ее глаза, она ждала с нетерпением.

«Да, — неопределенно ответил я и тут же тверже. — Да, я тоже любил тебя. На всю жизнь. Теперь я тебя никогда не забуду, мою случайную незнакомку. Теперь тебе лучше? Тепло? Тогда не плачь, пожалуйста. Не надо плакать».

В этот раз лицо ее просветлело, будто озарилось внутренним светом. Ее муж удивленно посмотрел на нее, потом на меня. Что-то грубо ей бросил. Она надела на голову платок и отвернулась. Троллейбус слегка качнуло, он остановился, двери распахнулись. Мужчина пошел к выходу. Женщина последовала за ним. Он спустился со ступенек, не подав ей руки. Она ступила на землю, обернулась и слабо, отчаянно, будто извиняясь или раскаиваясь в чем-то, улыбнулась мне. Я успел лишь кивнуть на прощанье и мысленно произнести: «Не надо плакать», прежде чем дверь троллейбуса закрылась, и он покатил дальше.

ИЗЛОМ

— Ну-ка, посмотри, посмотри на себя в зеркало. Какая ты у нас красавица. Правда, папа? — Анна повернула дочку к зеркалу, чтобы той самой было лучше видно, как она хороша в этом сиреновом пальто.

Петр тоже не мог налюбоваться дочкой.

— Нравится? — Анна присела на корточки возле дочки. Девочка слегка качнула головой. В новом пальто она сразу преобразилась, стала как будто светлее и выше. — Будем братья?

Маленькая Леночка еще раз кивнула головой и улыбнулась.

— Бе-рем! — кивнула Анна продавщице.

— И еще оно теплое, — сказала Леночка на улице.

— И капюшон есть. Можно накрыть голову, если пойдет дождь, — Петр в шутку набросил дочке на голову капюшон.

— Папа! — скинула капюшон Леночка, но не обиделась на отца — новое пальто ей очень нравилось.

— Ну вот, — улыбнулась Анна. — Не зря погуляли: папе купили новые туфли, Леночке — пальто.

— Может, на ужин взять чего-нибудь вкусенького? — спросил Петр.

— Торт, — сказала Леночка.

— Почему бы и нет?

— А хлеб? Про хлеб совсем забыли, — только сейчас вспомнила Анна. — Оставшегося на обед не хватит. Пойдите здесь, я заскочу в булочную.

Анна глянула по сторонам — нет ли машин — и быстро перебежала дорогу — булочная находилась на другой стороне улицы.

Петр с Леночкой остановились у яркой витрины антикварного магазина, где на красном бархате расположились серебряные кувшины на подносах, старинные кинжалы на подушках и кальян из черного дерева.

Анна пристроилась в хвост небольшой очереди. Полбуханки серого будет достаточно, а торт, наверное, лучше взять со взбитыми сливками — прошлый раз такой же пошел на ура.

Сквозь стекло магазина Анна посмотрела на улицу. На другой стороне Петр о чем-то серьезно разговаривал с дочкой. Леночка не по годам развитая и любопытная. Но простыми отговорками от нее не отделаешься, в свои шесть с небольшим она считала себя вполне взрослой.

Вид мирно беседующих мужа и дочки наполнил сердце женщины теплом.

— Что вам? — продавщица уставилась на Анну.

— Полбуханки серого, пожалуйста, и торт со взбитыми сливками.

Анна расплатилась за продукты и, взяв торт, хлеб и кошелек, направилась к столу для покупателей.

Убирая кошелек в сумочку, мельком взглянула в окно, но не увидела в нем своих.

Анна вышла из магазина и остановилась в растерянности. На прежнем месте мужа с дочкой не было. Вместо вывески «Антиквариат» золотом горели строчные «Диамант», а в витрине под буквами на манекенах шей радугой сверкали ювелирные украшения. И еще заметила, что пропали все звуки, тишина закупорила уши.

Анна недоуменно посмотрела по сторонам и тут слева на другой стороне улицы увидела, как к ювелирному магазину неторопливо приближаются ее муж и дочка. Только в муже она не признала прежнего жизнерадостного Петра. Этот Петр был весь какой-то поникший, осунувшийся. Пиджак висел на нем как на плечиках, брюки, будто сто лет не глажены. Она ведь только утром отутюжила их так, что об стрелки мужа могла пораниться! А Леночка? Что за грязное пальто на ней? Правое плечо в мелу, засаленный капюшон на голове. Десять минут назад купили!

Анна закипала — где можно так выпачкаться? Собралась уже было переметнуться через дорогу, чтобы отчитать их по первое число, но что-то невидимое удержало ее на месте, не дало сделать ни шагу.

Меж тем Петр с Леночкой приблизились к витрине с золотом и остановились. Петр поднял голову, и их глаза встретились. Но складывалось впечатление, что он совсем ее не видит. Взгляд, направленный в никуда. Но Анна видит мужа хорошо, и ее не радует увиденное. Небритое потемневшее лицо, ввалившиеся глаза... Что случилось?

Анна обеспокоено посмотрела вправо, но когда опять повернула голову в сторону родных, пропавшие звуки будто взорвались в ушах, невидимые пути ослабли, и она ступила на проезжую часть.

Вывернувшая из-за угла машина сбила ее на полпути. Анна успела заметить только новенькое пальцецо дочки и растерянное лицо Петра...

— Пап, — семилетняя Леночка дернула отца за рукав. — Ты почему стал, пойдем домой.

— Пойдем, родная, пойдем, — почти онемевшими губами произнес Петр, отворачивая от дочки лицо. Пусть она не видит его слез.

— Я где-то выпачкалась, — заметила Леночка на плече пятно мела.

— Давай, вытру. — Петр стал своим рукавом стирать мел.

— купишь мне мороженое? — спросила Леночка.

— Конечно, куплю.

Они стали удаляться от ювелирного магазина. Плохо выбритый мужчина в мятом костюме и маленькая девочка в коротком сиреновом засаленном пальтишке.

МОЯ МЭРИЛИН

Фуршет затянулся до восьми. Владимир заранее знал о нем, поэтому еще вчера сказал жене, что немного задержится. Он мог, конечно, ничего и не говорить ей: подобные мероприятия в их фирме заканчивались обычно не позднее шести, к тому же Людмила сегодня отправлялась на шейпинг, но на всякий случай Владимир решил перестраховаться и все-таки предупредить: мало ли что. Так оно и вышло. Шефу вдруг захотелось расслабиться, и он, стоя возле столика с закусками, без галстука и пиджака, слащаво улыбался и что-то нашептывал на ухо бледненькой Ирине, их менеджеру по сбыту, отчего та время от време-

ни игриво прыскала и принимала от шефа то кусочек колбасы, то сыра, то виноградинку.

Отмечали день рождения Кирилла. Кирилл руководил отделом маркетинга. С Владимиром они дружили давно. Кирилл, собственно говоря, год назад и перетянул сюда Владимира. Коллектив ему нравился, тут его уважали.

Кирилл пообещал Владимиру, что по окончании подбросит домой на своей машине, потому что сам не пьет, поэтому Владимиру сегодня не придется, как обычно, долго ждать троллейбуса.

— Кстати, не слышал новый анекдот про троллейбус? Один приятель говорит как-то другому: «Снился мне, говорит, сон, будто работаю я водителем троллейбуса. Еду, а на остановке ты стоишь. А я — туда-сюда, туда-сюда!..» Находчивому другу палец в рот не клади, он парировал друга: «А мне, говорит, снилось, будто сижу я дома, вдруг — звонок в дверь. Открываю — батюшки родны! — Мэрилин Монро в прозрачном пеньюаре. Только впустил её, снова звонок. Распахнул — Мадонна почти что в чем мать родила! Ну, посадил я, значит, Мэрилин на одно колено, Мадонну на другое и думаю: «Что с ними двумя делать?» Приятель его не удержался и как завопит: «Надо было меня позвать, дурень, меня!» — «Так я выскочил, — бросил друг, — а ты — туда-сюда, туда-сюда...»

Расхохотались. Анекдот на редкость бесподобный. Но вот и доехали. Владимир попрощался с Кириллом, поднялся к себе. Вечером рассказал анекдот жене. Она тоже долго смеялась. В постель легли почти в двенадцать, Людмила тесно придвинулась к Владимиру. Заснули быстро, видно, сказала усталость — у Владимира был тяжелый день, потом эта вечеринка...

Ночью раздался звонок в дверь, потом еще один. Владимир спросонья ничего не понял. Жена спала. Он встал, включил свет в прихожей, подошел к двери, открыл. На пороге стояла Мэрилин Монро в прозрачном пеньюаре. Совсем как в том анекдоте. Владимир глазам своим не поверил. Но разве можно с кем другим спутать яркую блондинку с аккуратно выщипанными бровями, тонким прямым носиком, чувственными губами, обворожительно-лукавыми глазами и очаровательной улыбкой? Она неторопливо приблизилась к Владимиру и сладко поцеловала. У Владимира голова пошла кругом...

Рассказать жене о подобном, значит, показаться просто смешным. А показаться смешным женщине, для мужчины значит потерять часть уважения. Владимир поступил мудро: о сегодняшнем сне жене ничего не поведал, поделился только с Кириллом. Посмеялись вместе. Помеч-

тали, как мечтают все мужчины. Действительно, как хочется иногда вот так распахнуть настежь дверь и обнаружить за ней умопомрачительную красотку, готовую на все твои безумные желания!

— Так ты теперь на Людмилу и не посмотришь, — подначил друга Кирилл, — к тебе ж сама Мэрилин Монро приходила!

— Да перестань, — отмахнулся Владимир, — то был только сон. Разве тебе такое никогда не снилось?

— Чтобы с самой Мэрилин? Никогда!

— Ладно врать-то. Может, не Мэрилин, но кто-то ведь снился.

На следующий день рано утром Владимир уехал в Москву в командировку. Вернулся обратно за полночь. Людмила давно спала. Владимир не стал её беспокоить, выпил чаю и тихонько прилег рядом.

Ночью к нему снова явилась Мэрилин. Было неловко заниматься любовью с чужой женщиной в присутствии жены, пусть и безмятежно спящей. Но Мэрилин была настойчива и на редкость обольстительна, а сон Людмилы крепок.

Утром Людмила приласкалась к мужу. Спешить было некуда: выходной, однако Владимир оказался несостоятелен. Людмила отнесла всё на счет вчерашней командировки. Наверное, сильно вымотался. Владимир согласился с ней, хотя и не сказал, что всю ночь провел в объятиях Мэрилин. Он допустил, что ночная эмоциональная перегрузка могла привести к подобному физическому состоянию, но реально ли всё это? Он ведь даже в мыслях никогда не изменял жене и по-прежнему любит её. Разве какой-то сон способен расстроить реальные отношения? Владимир сомневался.

Но вечером снова оплошал. Тут уж жена посмотрела на него вопрошительно. Владимир перевел всё на шутку, мол, с кем не бывает: стресс, черная полоса и всё такое.

На работе у него тоже пошел спад. Одного крупного клиента он чуть не проворонил (спасибо, Кирилл вовремя оказался рядом), с поставкой сатина получилась нелепая задержка по вине поставщиков, но шеф посчитал виновником задержки Владимира: тот должен был буквально висеть на шее у поставщика. Однако когда и в очередной раз в супружеской постели Владимир опростоволосился, Людмила учинила ему настоящий допрос:

— Ты меня разлюбил.

— Нет, я люблю тебя, как и раньше.

— Значит, у тебя кто-то есть.

— Никого у меня нет, не говори ерунды.

— Почему тогда ты ко мне охладел?

— Не знаю. Во мне будто отключилось что-то.

— Я тебе не верю. Ты все врешь. Кто она? — Людмила расстроилась, чуть ли не до слез.

Владимир попытался обнять жену, но она резко оттолкнула его руку:

— Не прикасайся ко мне, уйди, оставь меня! Как ты мог, как ты мог?! Я лучшие годы жизни тебе отдала ...

Людмила убежала в спальню, упала на кровать и зарыдала. Владимир не решился пойти к ней, не знал, что сказать, как объяснить, что всё происходящее с ним — нелепость, что он остался верен ей как душой, так и телом. Нельзя ведь ночные наваждения принимать всерьез, даже если в них ему и неописуемо хорошо.

— Может, тебе обратиться к психиатру или к сексопатологу, — посоветовал, выслушав его внимательно, Кирилл. — Быть может, все твои видения и слабость — следствие стрессовой ситуации. Врач выпишет пару-тройку пилюль, поглотаешь недельку, будешь как огурчик.

— Думаешь?

— Просто уверен! И возьми несколько дней отгулов, у тебя же есть переработки. Сейчас нагрузки почти нет, справимся без тебя. С шефом я переговорю.

— Спасибо. Хоть ты мне веришь.

— Пустяки, сочтемся.

Владимир последовал совету Кирилла и на следующий день прямо с утра отправился в поликлинику.

Сексопатолог, круглолицый розовощекий увалень с огромным нескрываемым интересом выслушал его. Интерес этот так и лез из его похотливых опухших глаз. Владимир смотреть в них не мог, уткнулся в пол и стал рассказывать обо всем кафельной плитке. Сексопатологу хотелось подробностей, Владимиру скорейшего окончания приема. Сошлись на том, что Владимир приобретет у него настоящую, а не поддельную виагру, и через недельку явится снова.

На прощание он маслено улыбнулся Владимиру и сказал с придыханием:

— И всё-таки вы везунчик — не всякому во сне является обворожительная конфетка Мэрилин.

«Да уж, — с раздражением подумал Владимир. — Везет, дальше некуда!»

Вечером о своем визите к сексопатологу он рассказал жене. Владимир никогда ничего от нее не скрывал. Людмила немного успокоилась. Конечно же, это усталость, конечно же, стресс, еще не все так страш-

но, процесс не затянут, Владимир пройдет курс лечения, и былая сила снова вернется к нему. Она искренне в это верит. Всё будет у них по-прежнему.

Вечером Владимир принял первую таблетку, а перед сном контрастный душ. Сексопатолог также посоветовал недельку воздержаться от выполнения супружеских обязанностей. Людмила с пониманием отнеслась и к этому совету.

Странно, что и Мэрилин перестала являться к нему. Владимир надеялся, что всё произойдет не так быстро. Все-таки что-то она затронула в душе. Зато виагра действовала эффективно. Уже и днем её действие сказывалось. Владимир дожидаться не мог возвращения Людмилы с работы, и только она переступала порог, он, как изголодавшийся самец, буквально набрасывался на нее.

— Погоди, погоди, озорник, — шутливо отталкивала жена, радуясь его выздоровлению.

Всё стало, как и прежде. В семье снова воцарились мир и согласие.

Измотанный уже реальным общением, Владимир счастливо засыпал, ощущая на своем плече приятную тяжесть головы жены. Никто теперь не мог ее заменить, никакая Мэрилин, никакая Мадонна. И Владимир был уверен: раздайся сейчас звонок в дверь и появишься эфемерная Мэрилин, он просто и легко скажет ей: «Гуд бай, подруга, езжай к себе в свою зефирную Америку!»

И все бы так, наверное, и произошло в настоящей жизни, и Владимир, влюбленный в свою жену, именно так бы и поступил, но во сне способны ли мы сдерживать себя, быть такими же твердыми в убеждениях? Сомнительно. Даже если в реальности у нас не останется ни рук, ни ног, ни гениталий.

В ту же ночь Владимира опять разбудил дверной звонок. Перед ним теперь, однако, предстала не только Мэрилин. Позади нее, безмятежно лучась, переминалась с ноги на ногу, поеживаясь от холода, великолепная Мадонна в короткой белоснежной тунике.

— Здравствуй, Володенька, — сладким голосом произнесла Мэрилин. — Мы к тебе в гости. Пустишь?

Владимир онемел.

— Да, — словно вдруг вспомнила о чем-то хитрушка и лукаво улыбнулась. — А это тебе от моей подружки, — протянула руку, и Владимир увидел на её тонкой ладони знакомую упаковку виагры. — Так, на всякий случай.

СТРАННЫЙ СТАРИК

— Вы святые? — спросила Липа у старика.

— Нет. Мы из Фирсанова.

А.П. Чехов. «В овраге»

Несмотря на неблагоприятный прогноз, с утра распогодилось: солнце разогнало все тучи, апрельское небо поголубело. Еще вчера холодный, сегодня ветер повеял весенним теплом, хоть сейчас в лес, на природу, но — нельзя: карантин, служба, указ губернатора, приказ руководства: патрулирование улиц, увещевание нерадивых к самоизоляции.

Неблагодарная работа, но что поделаешь: вирус растекается по миру с немыслимой скоростью, косит и малых и старых (последних в первую очередь); одно спасение: уединение. Но некоторых разве удержишь дома? Таких хлебом не корми, дай пошляться по улицам да по знакомым, им хоть трава не расти — беспечны и самонадеянны донельзя. Вон идет один такой вразвалочку, смотрит вокруг любопытным взглядом, как будто никогда не видел этих улиц, как будто не здесь живет. Старик, а словно впал в детство, рассеянный, плетется бесцельно, словно никакая зараза не витает в воздухе, да еще и маску на лицо не надел — сказано же: без маски никуда!

Патрульные остановили старика. Какие-то лохмотья на нем: затрапезная курточка, выдавшая виды завязанная наверху ушанка, промасленные потертые шерстяные брюки. Сам небрит, сед, морщинист, но смотрит на патрульных без испуга.

— Гражданин, — обратился к нему крупноголовый, уставший от жизненных передряг, невыспавшийся после предыдущих суток на дежурстве капитан. — Разве вам не положено сидеть дома? Разве вам распоряжения власти не указ? Вы из какого района? — спросил и навис, как грозовая туча, над стариком.

Старик, явно не понимая вопроса, глянул на капитана, как невинное дитя.

— Вы русского языка не понимаете? Я спрашиваю вас: из какого вы района? — насупился капитан. — Отвечайте, не вынуждайте принимать к вам крайние меры!

Старик продолжал также невинно смотреть на представителя закона.

— Я не знаю, — чуть слышно сказал он.

— Отец, — сказал стоявший рядом сержантик, худой, скуластый, с тонкими черными бровями. — Вам бы на самом деле сейчас дома си-

деть, не выходить никуда без надобности. Если продуктов надо, можно обратиться к родственникам. У вас родственники есть? Или к волонтерам, если родни нет рядом.

Старик слабо улыбнулся, глаза его загорелись, он протянул к сержантику руку, положил ее на его ладонь сверху, и в ту же секунду все вокруг них закружилось: улицы, дома, деревья, припаркованные автомобили, а капитан вместе с дежурной машиной куда-то исчезли.

Сержантик удивленно посмотрел по сторонам, потом на старика. Старик не спускал с него взгляда, но через секунду и он исчез, а перед взором сержантика появился двор его детства, родительская двухэтажка, он сам, маленький, играющий с друзьями в мяч. Уши наполнились звуками детского гомона, свиста, криков, щебета воробьев, но это не испугало сержантика, напротив, он почувствовал себя невероятно счастливым. Свет, свет, свет... «Ты очень светлый человек», — сказал кто-то, и сержантик словно очнулся. Возле него по-прежнему стоял капитан, тарактела патрульная машина, но старика больше не было.

Сержантик оглянулся, бегло скользнул по пустынным улицам и спросил капитана:

— А где старик?

— Какой старик?

— Ну, который здесь был, которого мы остановили...

Капитан ухмыльнулся.

— Очнись, сержант, никакого старика мы не останавливали, тебе, наверно, померещилось. Не подхватил ли и ты, часом, вирус?

— Уже не знаю, — сказал сержант и растерянно посмотрел вокруг.

На самом деле они были одни. Не иначе наваждение.

Сергей Калабухин

Коломна

ПОСМЕРТНЫЙ РАБ

— День зарплаты — радостный день! — напевал штатный критик журнала «ФАСТ» Ричард Кайманов на мотив некогда популярного советского шлягера, сунув кредитную карточку в приёмную щель банкомата. — Вмиг исчезнет забот моих тень. Эй! Эй! Эй, гони деньги скорей!

Спрятав купюры и карточку в портмоне, довольный Кайманов обернулся и застыл. Перед ним стоял, держа в дрожащей руке пистолет, известный писатель-фантаст Роман Щербатый. Глаза этого немолодого пузатенького мужичка, одетого в старенький джинсовый костюм, испугали Кайманова смесью горящего в них безумия и страха.

— Это тебе за моего «Изгнанника»! — вдруг громко взвизгнул Щербатый и выстрелил в стоящего перед ним в растерянности Кайманова.

Первая пуля насквозь прошла левую руку критика, и портмоне, пухлое от банкнот, плюхнулось в грязную лужу, оставшуюся на асфальте тротуара после недавнего дождя. Вторая пуля застряла в бедре правой ноги. Третья пронзила острой болью живот. Кайманов согнулся и упал. Вокруг в ужасе вопили и разбегались прохожие. Роман Щербатый продолжал стрелять в корчащегося у его ног Ричарда Кайманова. Из дверей банка выбежали, что-то крича, вооружённые короткоствольными автоматами охранники, и последнее, что увидел умирающий критик, это фонтанчики крови, вдруг забившие из груди спятившего графомана, и всполохи проблескового маячка невесты откуда взявшейся машины «Скорой помощи». Потом убийца тяжело рухнул на тело своей жертвы. Дюжие санитары быстро погрузили трупы в машину, и «Скорая помощь», завывая сиреной, скрылась в потоке машин...

Откровение первое

Ослепительно яркий свет больно ударил по глазам. Кайманов рефлекторно попытался поплотнее зажмурить веки и отвернуться, но у него ничего не получилось. Тогда он вскинул руку, чтобы прикрыть глаза ладонью, но свет продолжал резать зрачки с прежней силой.

— Уберите свет! — крикнул Ричард, и чей-то чужой голос оглушительно повторил его просьбу.

— Спокойно, Кайманов, — проревел в ответ другой голос. — Сейчас всё будет в норме.

Свет исчез, а потом стал плавно нарастать. Перед взором Ричарда постепенно, как фотография в ванночке проявителя, обретало краски и резкость лицо незнакомого мужчины.

— Ну вот, — блеснули в улыбке отменно белые и ровные зубы. — Теперь ты нормально меня видишь?

Незнакомец был лет сорока, с большими залысинами в кудрявой рыжей шевелюре, гитлеровской кляксой усиков под внушительным эйнштейновским носом и девичье голубыми глазами, опушёнными длинными ресницами.

— Да, — ответил Кайманов и вновь услышал вместо собственного голоса чей-то оглушительный рёв. — Почему вы все так орёте?

— Секундочку, — незнакомец что-то сделал за пределами поля зрения Кайманова. Тот попытался повернуть голову или скосить глаза, чтобы немного осмотреться, но вновь ничего не получилось. Он мог смотреть только прямо.

— Раз, два, три, четыре... — начал считать незнакомец, и с каждой новой произнесённой цифрой его голос становился тише, пока не достиг нормальной громкости. — Ну вот, кажется, теперь и со слухом у тебя всё в порядке. Попробуй, скажи что-нибудь сам.

— Почему вы мне тычете? Где я? — услышал Кайманов свой вопрос, произнесённый чужим голосом. — Что происходит? Кто вы такой? Что у меня с голосом?

— Ну, вот и ладушки, — вновь улыбнулся незнакомец. — Теперь мы можем нормально общаться. Как ты себя чувствуешь?

— У меня ничего не болит, если вы об этом, — раздражённо ответил Кайманов. — Но я совершенно не контролирую своё тело. Не могу не то что рукой пошевелить, но даже просто моргнуть! Меня что, парализовало? Пуля того маньяка попала в позвоночник? Я теперь — калека?

— Нет, господин критик, — почему-то злорадно, как показалось Кайманову, усмехнулся рыжий. — Ты не калека, а уже неделю как мертвец, и твой труп в закрытом гробу вчера был предан кремации, а урна с прахом передана безутешной вдове.

— Что за бред вы несёте? — заорал Ричард. — Какой труп? Какая кремация? Да кто вы такой, наконец? Позовите главного врача!

— Спокойно, Кайманов, не надо так кричать, — продолжал усмехаться рыжий. — Главный для тебя здесь я. Можешь называть меня Эйнштейном. Настоящее моё имя тебе знать ни к чему. Хочешь, я введу успокоительное или снотворное? Спешить нам с тобой некуда, успеем ещё наговориться.

— Нет, — процедил Кайманов в ярости. — Не надо меня успокаивать. Почему вы упорно не отвечаете на мои вопросы?

— Потому что не успеваю, — развёл руками рыжий. — Больно много их. Но на основные я уже ответил: ты официально умер и похоронен. Что ещё ты хотел знать? Ах, да: это — не больница, а частный научно-производственный центр. Медицинский персонал здесь есть, но я не из его числа. Я вовсе не медик, а, как бы сказать, чтоб ты лучше понял... Ближе всего к истине будет слово «бионик». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Проще говоря, бионика — это попытки человека перенести достижения природы-матушки в технические устройства. В качестве примера могу привести всем известную замену пуговиц на одежде сначала «молниями», а сейчас так называемыми «липучками».

— И что же изобретаете вы, господин Эйнштейн?

— Ничего. Я — учёный, а не изобретатель, и занимаюсь нейробионикой. А если более конкретно и доступно для таких гуманитариев, как ты — пытаюсь создать электронную копию личности человека с помощью компьютера. Завтра вот начнём копировать тебя.

— Да вы не Эйнштейн, а скорее Франкенштейн! — язвительно хмыкнул Кайманов. — Что же вы тут будете копировать, если я, по вашим словам, уже давно труп, сожжён и похоронен? Или вы каким-то образом успели сделать свою работу, и с вами сейчас говорю не я, а искусственный интеллект? И каким же будет следующий ваш шаг? Превратите меня в послушного робота?

— Искусственный интеллект — это миф, — в свою очередь ухмыльнулся рыжий. — Любая программа всегда останется только программой, то есть — набором стандартных команд и логических функций. А человек, да что там человек — простая кошка может в одной и той же ситуации поступать по-разному. Это у нас, живых существ, интеллект, а в роботе — всего лишь программа. Робот не думает: он действует, у него отсутствует свобода воли. Ты, Кайманов, мыслишь литературными штампами. Работа у тебя такая, критик ты наш!

Рыжий гнусно захихикал.

— Хитроумные роботы-убийцы, — продолжил он. — Всевозможные человекоподобные терминаторы, роботы-полицейские, киборги, детективы и даже няньки наводнили фантастические романы и фильмы. В жизни человекоподобный робот никому не нужен. Очень неудобная форма. Скорее уж, это будет нечто, похожее на луноход, с набором сменных манипуляторов.

— Вы не ответили, — резко прервал снисходительные разглагольствования рыжего незнакомца Кайманов. — И перестаньте мне тыкать! Я с вами на брудершафт не пил. Что со мной, и кого вы похоронили вместо меня, если это правда?

— Вместо тебя? — неподдельно удивился рыжий. — Ах, да, понимаю. Что ж, не будем больше отодвигать момент истины. Надеюсь, профессиональный критик в области отечественной фантастики читал роман Александра Беляева «Голова профессора Доуэля»? Ну, или хотя бы смотрел снятый по нему ещё в советские времена фильм?

— Что вы хотите сказать? — в ужасе прохрипел Кайманов. — Вы отрезали мне голову и проводите на ней свои дурацкие эксперименты?

— Мы могли бы это сделать, — вздохнул рыжий, — но к чему лишние заботы? Мозг — вот всё, что нам нужно.

Он протянул руку, и перед взором Кайманова промелькнула размытая картина разноцветных полос. Когда он смог вновь сфокусировать свой взгляд, то увидел стеклянный куб, стоящий на широком пластиковом столе. Внутри этого куба, заполненного прозрачной жидкостью, лежал человеческий мозг, покрытый золотой сеткой электродов и датчиков. Рядом со столом мерцали мониторы каких-то медицинских приборов, на экранах которых бежали гребёнки сигналов. Аппарат искусственного кровообращения гнал по прозрачным трубкам в мозг алуую жидкость.

— Вот всё, что от тебя осталось, — услышал Кайманов голос рыжего. — Глаза тебе заменяет видеокамера, вместо ушей — микрофон, говорит за тебя компьютерная программа. Сам компьютер находится в соседнем помещении, он занимает несколько больших шкафов. Там специальная система охлаждения, поддерживающая определённую температуру воздуха. Мы называем его «Суперкомп». Но это для тебя уже совершенно лишние и неинтересные подробности. Ну вот, теперь ты знаешь правду и понимаешь, что обращаться на «вы» к тому, что лежит в той ячейке, просто глупо.

Перед взором потрясённого Кайманова вновь возникла разноцветная пелена, сменившаяся самодовольным лицом рыжего Франкенштейна.

— Ну что, продолжим разговор, или дать тебе время пораскинуть мозгами? — хихикнул тот над своей шуткой. — Может, отключить тебя пока?

— Нет, не надо, — Кайманов был в ужасе от увиденного, но перспектива «отключения» страшила его ещё больше. Он хотел знать, что его ждёт в дальнейшем. — Так чего же вы здесь изобретаете? Киборгов, что ли? Для этого вам нужен мой мозг?

— Киборги — это тоже из области фантастики, — вздохнул рыжий. — Если, конечно, имеется в виду металлический болван с человеческим мозгом внутри. Живой мозг нужно питать, беречь от холода, жары и сильных вибраций. А ещё нужна довольно сложная система поддержания равновесия и управления конечностями. Словом, возникает куча никому не нужных проблем. И ради чего?

Это в кино от робота-полицейского отскакивают пули. Нынешнее оружие легко разнесёт его железную башку вместе с мозгами. Если же

говорить о киборгах в широком смысле этого слова, то они давно существуют. Мы без особых проблем могли бы запихнуть твой мозг в какой-нибудь полностью автоматизированный танк, самолёт или космический корабль. Если бы, конечно, ты умел всем этим управлять. Я вполне допускаю и даже уверен, что в каком-нибудь из отделов нашего Центра делают нечто подобное. Например, наше здание нашпиговано видеокамерами, однако я точно знаю, что с недавних пор в помещении, где установлены мониторы охраны, никто не дежурит. Понимаешь, о чём я? Ведь включить сигнал тревоги можно, и не имея рук. Ты же вот видишь без глаз и слышишь без ушей.

— Не может быть! — возмутился Кайманов. — Кто же пойдёт на такое? Зачем?

— Пойдут хозяева всевозможных охраняемых объектов, — невозмутимо ответил рыжий. — Зарплату таким киборгам-сторожам платить не надо, форма не нужна, никаких забастовок и прочей фигни. И никаких пенсий по инвалидности или старости. К тому же, исчезает человеческий фактор. Люди устают, теряют бдительность, болтают между собой, ходят в туалет, едят, словом — постоянно отвлекаются от работы. Они ненадёжны. А вот такие, как ты, Кайманов, могут смотреть только туда, куда направлена видеокамера. Лучших охранников и искать не надо!

— Какой же дурак согласится на подобное рабство? — фыркнул Кайманов. — Как вы, например, меня можете заставить работать на вас? Перекроете кислород? Или посадите на голодную диету?

— Я мог бы тебя немного попытать, — задумчиво ответил рыжий. — И мне для этого вовсе не нужно ломать тебе кости или гладить раскалённым утюгом. Мне прекрасно известно, где в человеческом мозгу расположены соответствующие центры. Я могу легко погрузить тебя в пучину невыносимой боли. Но зачем? Я вовсе не садист. Уже давно существуют препараты, подавляющие волю, и соответствующие методы гипноза. Ты что же, Кайманов, всерьёз думаешь, что Роман Щербатый, тихоня и трус, пописывающий в тиши кабинета романы о крутых попаданцах в прошлое, вдруг люто на тебя озлобился за критику его последнего «шедевра», неведомо где раздобыл пистолет и пошёл убивать среди бела дня на глазах у прохожих и вооружённых охранников банка?

— Что вы хотите сказать?

— Да, именно то, что ты подумал, — довольно осклабился рыжий. — Его просто зомбировали, вложили в руку оружие и отправили к тебе. Мне понадобились ваши головы. Вернее, мозги. Расходный материал

всегда в дефиците, требуется пополнение запасов. Методика переноса человеческого сознания в память компьютера пока не отработана, приходится часто заменять биологический образец. А ты думал, машина «Скорой помощи» случайно проезжала мимо банка именно тогда, когда в тебя стрелял «спятивший писатель»?

— Он же мог меня убить!

— Он и убил, — кивнул рыжий. — Но стрелять в голову ему было категорически запрещено. Твой мозг не должен был пострадать, впрочем, как и его. Банк-то принадлежит нашему Центру, и охранники накануне прошли соответствующий инструктаж.

— Но почему вам понадобился именно я? — с тоской вымолвил потрясённый Кайманов. — Неужели мало бомжей, алкоголиков и наркоманов?

— Мне для опытов нужен здоровый образец, — спокойно ответил рыжий. — К тому же, я тоже пишу на досуге фантастические романы. Недавно, после одной из твоих критических статей в журнале, издательство отказалось печатать мой последний роман и заключило контракт с Романом Щербатым. Так что я решил одним выстрелом убить двух зайцев.

— Месье! — понимающе прорычал Кайманов. — Значит, всё это из-за того, что я раскритиковал ваши тексты?

— Вряд ли это можно назвать критикой, — злобно встрепенулся рыжий. — У нас в России сейчас вообще отсутствует критика как таковая. Издательствам нужно, чтобы вы хвалили их продукцию и ругали конкурентов. Они платят за это вашему журналу, и вы старательно отработываете их деньги. Вы, Кайманов, так называемые профессиональные критики, теперь ничем не отличаетесь от обычных рекламных агентов.

— Утешайтесь этой стандартной отмазкой графоманов и неудачников, — язвительно прошипел Кайманов. — Под каким именем вы публикуете свои книги?

— Я же сказал: моё имя тебе знать ни к чему.

— Понятно, — удовлетворённо хихикнул Кайманов. — Все вы — герои, но только тогда, когда спрячетесь под маской анонима или псевдонимом. А в реале и под собственным именем быстро сдуваетесь.

— А вы — просто литературные проститутки! — раздражённо взмахнул рукой рыжий. — Не будем спорить: сейчас всё это совершенно не важно. Главное то, что отныне ты будешь работать только на меня. Для опытов по основному проекту у нас пока есть мозг Щербатого. Романы я и сам писать умею, так что этот графоман пусть послужит

науке. А вот у тебя начинается новая жизнь после смерти. Рабская, как ты правильно недавно заметил. Будешь вкалывать без перекуров и перерывов на обед.

— Каким это образом? — поразился Кайманов. — Я — филолог, управлять самолётом не умею, и охранник из меня никакой.

— Не волнуйся, ты и в дальнейшем будешь писать критические статьи, а деньги за них буду теперь получать я. Зарплата у меня по нынешним временам хорошая, но денег, как известно, никогда не бывает достаточно. К тому же, ты должен возместить мне потерянный по твоей вине гонорар за отвергнутый издательством роман. Я буду снабжать тебя текстами и указывать, какие из них нужно хвалить, а какие необходимо разнести в пух и прах.

— Не смешите меня! — взвизгнул Кайманов. — Вы сами сказали, что для всех я мёртв и похоронен.

— Не ожидал, что ты столь наивен, — удивился рыжий. — Тебе ли не знать, что мы живём в эпоху так называемых «литературных проектов», в которых под одним раскрученным именем публикуются тексты совершенно разных авторов, а то и вообще никому не известных «литературных негров»? Объявлений о твоей смерти ни в прессе, ни в Интернете не было. Ты ж не какой-нибудь знаменитый артист или поп-звезда! Хозяину журнала «ФАСТ» совершенно наплевать, кто в действительности пишет от твоего имени критические статьи, если они соответствуют определённому уровню и заданной направленности. Я уже провёл с ним на эту тему переговоры. Контракт находится в стадии подписания.

— А на кой чёрт мне горбатиться на вас? — спросил Кайманов. — Убивать или мучить меня вам невыгодно. Под воздействием препаратов или гипноза я вряд ли напишу статью: для творчества требуется ясный ум и свобода мысли. Это вам не на курок жать.

— Жмут, Кайманов, не на курок, а на спусковой крючок, — презрительно процедил рыжий. — Убивать тебя я, конечно, не буду. Тут ты прав. Да это и не потребуется. Ты сам скоро, как наркоман, будешь готов на всё ради дозы.

— Какой ещё дозы? — испугался Кайманов.

— Когда только начинали изучать мозг, то проводили опыты на мышах, крысах, кроликах и прочих животных. Так вот, однажды крысе вживили электроды в центр удовольствия и посадили в клетку с двумя кнопками. Когда крыса нажимала на одну кнопку, то тут же получала пищу, а когда на другую — электроимпульс на вживлённые в её мозг электроды. Вскоре эта крыса умерла от голода, так как всё время на-

жимала на вторую кнопку, предпочтя пище непрерывный экстаз. В твоём случае, Кайманов, кнопками управляю я и могу без особого труда причинить тебе невыносимую боль или подарить небывалое наслаждение. Выбор за тобой. Так что, добровольно или нет, но ты будешь на меня работать. И потом, Кайманов, подумай: неужели тебе самому не хочется продолжить занятие любимой работой? Ты действительно предпочтёшь целыми днями бессмысленно паяться в одну точку? Или я могу вообще отключить видеокамеру с микрофоном. Хочешь побыть слепоглухонемым?

— Я подумаю, — с горечью прошептал Кайманов.

— Уверен, мы с тобой поладим, — победно усмехнулся рыжий. — Думай, у тебя целая ночь впереди. Ох, и заболтался же я с тобой. Рабочий день давно закончился, и все ушли по домам. Я отключу тебя пока от периферийных устройств — у нас тут, знаешь ли, не принято общаться с подопытным материалом. Это я только для тебя сделал исключение. Вон, на соседнем столе стоит ячейка с мозгом Щербатого. У того нет и не будет ни видеокамер, ни микрофонов, ни собеседников. Так что цени, Кайманов, мою доброту! Утром тобой займутся мои сотрудники, не пугайся. Они просто подключат тебя к Суперкомпу и начнут копировать в него твою память. Судя по приборам, это не больно. А после работы, когда все разойдется по домам, я к тебе приду, вновь подключу периферию, и ты мне скажешь своё решение.

Пальцы Франкенштейна забегали по клавиатуре, и внешний мир для Кайманова исчез.

Откровение второе

Со следующего утра жизнь Кайманова превратилась в беспросветную каторгу, в которой его мозг циклически ввергался в три состояния. Когда в Центре начинался рабочий день, Кайманова после обязательной проверки медицинских показаний состояния мозга подключали к суперкомпьютеру, и начинался тошнотворный процесс копирования его памяти. Почти девять часов Кайманов находился в состоянии непреходящего похмелья: его просто выворачивало наизнанку. Будь у него тело, он наверняка как следует проблевался бы или принял какое-нибудь средство от тошноты. В конце концов, хлебнул бы рассолу или выпил баночку пивка. Но тела не было, а химические препараты в данном случае, по словам рыжего эскулапа, были бесполезны, и бедному Кайманову оставалось только покорно ждать окончания процесса.

Когда рабочий день заканчивался, и сотрудники лаборатории ушли домой, у Кайманова начиналась вторая смена. Он работал на рыжего Франкенштейна: писал критические статьи для журналов. Причём, судя по их количеству и номенклатуре разбираемых романов, рыжий заключил контракты не только с журналом «ФАСТ», но и с несколькими другими изданиями. Сосал, как говорится, сразу несколько маток.

Шесть предутренних часов Кайманов спал — Франкенштейн прекрасно знал, что живому организму требуется отдых. Специальная программа отключала от мозга Кайманова периферийные устройства, с помощью которых тот читал чужие книги и писал свои статьи, и вводила в кровь лёгкое снотворное.

Суперкомпьютер не входил в местную локальную сеть Центра во избежание утечек информации и хакерских атак. Поэтому для своего личного бизнеса рыжему пришлось использовать медицинский компьютер, к которому были подключены приборы и устройства, обеспечивающие жизнедеятельность мозга Кайманова. Этот компьютер имел стандартный usb-вход, через который рыжий и производил обмен текстов с помощью обычной флэшки. Кайманов довольно быстро научился работать в текстовом редакторе при помощи виртуальной клавиатуры.

Франкенштейн любил поболтать с Каймановым после рабочего дня, когда их никто не видел и не слышал. Однажды он пришёл позже обычного. Кайманов не мог чувствовать запахи, но по внешнему виду рыжего сразу понял, что тот явно навеселе.

— Что отмечали? — осторожно спросил он.

— Покорение Марса! — весело рявкнул Франкенштейн. — Что это ещё за вопросы?

— Ну, мне же интересно, какие у вас тут успехи, — примирительно ответил Кайманов. — Всё-таки, от них зависит и моя судьба. А я так и не понял, чем же на самом деле занимается ваш Центр? Зачем копировать память людей в компьютер?

— Ты, Кайманов, действительно такой тупой или притворяешься? — хмыкнул рыжий. — Где твоя фантазия? Ты ж всю жизнь фантастикой занимаешься!

— Я хочу знать реальное положение вещей, а не фантазировать на тему киборгов, — обиженно огрызнулся Кайманов.

— Какие, к чёрту, киборги! — захохотал Франкенштейн. — Ты думаешь, наш Центр единственный? Да таких центров по всему миру разбросано, знаешь, сколько?

— Сколько? — недоверчиво спросил Кайманов.

— Никто точно не знает, — понизил голос рыжий. — Наш Центр — только малая частичка огромного международного Консорциума. Тут миллиарды долларов крутятся, а ты всё про каких-то идиотских киборгов думаешь. В Центрах, разбросанных по всему миру, учёные бьются не только над проблемой переноса человеческого разума на электронный носитель —одновременно проводятся и обратные опыты. Знаешь, Кайманов, кто является основным заказчиком и спонсором Консорциума? Миллиардеры!

— Не понимаю, — искренне признался Кайманов. — Им-то это зачем?

— Всё очень просто, — насмешливо посмотрел на него рыжий. — Никто не хочет умирать. Денежные мешки мечтают жить вечно, меняя отягощённые старостью и болезнями тела на новые, молодые и здоровые. Лежать в глубокой заморозке и ждать, когда медицина научится лечить их болезни и омолаживать организмы, миллиардерам не хочется. Никто же не может гарантировать, что они благополучно оживут при разморозке: эта задача возлагается на плечи науки и медицины неопределённого будущего. То есть, денежные мешки, согласившиеся когда-то на заморозку, уплатили огромные деньги за химеру, пустые, ничем не подкреплённые обещания. Поэтому нынешним миллиардерам копирование личности в память компьютера представляется более практичной и достижимой задачей. К тому же, оно не требует выпадения из жизни на неопределённый срок.

Миллиардеры, Кайманов, хотят жить, а не «спать» в анабиозе, и Консорциум смог воспользоваться мечтами и чаяниями денежных мешков. Он переманивает в свой штат лучших специалистов со всего мира. Успехи уже впечатляют. Ты знаешь, Кайманов, что на одном из островов в Тихом океане, принадлежащем Консорциуму, живут и руководят своими империями более десятка миллиардеров? Вернее, живут их мозги, ожидая переноса сознания в новые тела. Точно так же, как ты сейчас живёшь. Только тебе новое тело не светит.

— Это-то я понимаю, — ответил Кайманов, с трудом переваривая откровения Франкенштейна. — Новое тело мне никто не даст. И что же вы сегодня празднуете? Неужели у вас получилось?

— Корпоратив у нас был, — кисло ответил Франкенштейн. — У директора сегодня юбилей.

— А я думал...

— А ты не думай! — пьяно взревел рыжий. — Хватит болтать: работать пора. Я принёс тебе ещё парочку романов. Оба нужно похвалить.

Читай и готовь статьи. А про всё, о чём мы тут с тобой говорили, забудь. Это не для твоих мозгов. Сам не забудешь — с помощью Суперкомпа сотру.

Откровение третье

На следующее утро ни Кайманов, ни Франкенштейн не вспоминали о беседе накануне. Кайманова, как обычно, подключили к Суперкомпу, после работы рыжий скопировал на флэшку готовые статьи и ушёл, не сказав ни слова. В заданное время Кайманов уснул.

И так сутки за сутками. Привыкнуть к тошноте Кайманов не мог, но его мозг сам искал выход из неприятного состояния, и вскоре Кайманов заметил, что ему становится легче, если он как бы «перетекает» вместе с информацией в ячейки памяти суперкомпьютера. Тошнота ослабевала, так как мозг «отключал» живую память, используя соответствующую информацию, уже записанную в электронную память Суперкомпа. Чем больше памяти Кайманова копировалось, тем легче ему становилось убежать от тошноты.

И вскоре настал момент, когда Кайманову стало банально скучно бездельничать почти девять дневных часов, и он «огляделся» вокруг. Каким-то странным «зрением» увидел, что «парит» в чёрной бездне, а вокруг него мерцают всеми оттенками жёлтого огромные бесформенные «массивы». Его память мгновенно привлекла на помощь аналогию бесконечного космоса и сверкающих звёздных скоплений. Кайманов «потянулся» к ближайшей «галактике» и «погрузился» в неё.

Массив оказался памятью Романа Щербатого! Оставаясь собой, Кайманов отчётливо «вспомнил», как он пишет «свой» последний роман о бравом капитане спецназа ВДВ России, сознание которого во время ранения в голову каким-то чудом перенеслось в тело матёрого эка, добровольно сменившего лагерь на штрафную роту, которую вот-вот должны были кинуть на штурм какой-то безымянной высоты, чтобы отбить её у засевших там немцев.

Поражённый, Кайманов немедленно «вынырнул» из массива. Чутьочку «отдышавшись» и придя в себя от удивления, он вновь осторожно «окунулся» в память Романа Щербатого. Кайманов не знал, сколько «блуждал» по ней, но контакт внезапно прервался — рабочий день в Центре закончился, и мозг Кайманова отключили от суперкомпьютера. А вскоре появился и Франкенштейн.

То, что рыжий опять пришёл «под мухой», Кайманов понял сразу, хотя тот, в отличие от прошлого раза, был хмур и зол.

— У вас опять корпоратив? — осторожно спросил Кайманов. — Эксперимент, наконец, удался?

— Если бы! — рыжий вынул из кармана халата плоскую бутылочку, отвинтил крышку и хлебнул прямо из горлышка. — Мы научились копировать память человека в компьютер, но вот личность вместе с памятью почему-то перенести не удаётся. Умеем записывать чужую память из компьютера в живой мозг. Однако личность первоначального владельца при этом не меняется: она просто получает новые знания, что-то сразу усваивая, а что-то блокируя и отсеивая как опасное или ненужное. Бьёмся, бьёмся, а воз и ныне там! Радует только то, что и на эти работы нашлись заказчики, да ещё какие! Мы теперь любые мозги можем на опыты брать, никто нам не помешает.

— Это кто ж такие? — полюбопытствовал Кайманов, стараясь выудить у подвыпившего Франкенштейна как можно больше информации.

— Что, и тут тебе фантазии не хватает? — пьяно ухмыльнулся рыжий. — Конечно же, армия и некие анонимные организации. Первым нужны опытные и исполнительные солдаты, которых не надо обучать несколько месяцев, а то и лет, вторым — лишённые инстинкта самосохранения живые роботы, готовые выполнить любой приказ. Всего несколько часов в контакте с Суперкомпом — и готов любой нужный заказчику специалист.

Теперь Кайманов понял, что имел в виду рыжий Франкенштейн, когда говорил, что может усадить его в кресло охранника или за пульт управления самолётом. Его привела в ужас судьба многих и многих несчастных, чей мозг использовали и используют для жутких экспериментов по стиранию «ненужных» знаний и навыков и замене их «нужными».

— Но ведь это — ужасно! — воскликнул он. — Просто бесчеловечно! Куда же смотрят правозащитные организации?

— Не пойму, Кайманов: ты действительно так наивен или просто дурак? — Франкенштейн завинтил крышку и спрятал бутылочку в карман. — А на чьи деньги, по-твоему, существуют все эти организации? К тому же, эти опыты преподносятся хозяевами Консорциума как благо для человечества: как возможность превращения маньяков и преступников в добропорядочных и полезных членов общества, прилежных и добросовестных работников. Улавливаешь?

— Но... — растерянно проблеял Кайманов.

— Кстати, ты и Роман Щербатый в этом деле хорошо нам помогли! — вдруг злобно засмеялся Франкенштейн. — Особенно этот бездарный графоман.

— Каким образом? — не поверил Кайманов. — Вы ж говорили о гипнозе...

— Кому теперь нужен гипноз? — отмахнулся рыжий. — Он не надёжен, сложен в исполнении, требует подготовленного специалиста, да и не каждый человек ему поддаётся. А у нас всё просто, быстро и со сто-процентной гарантией.

— А при чём здесь я?

— Заказчик потребовал продемонстрировать наши возможности на совершенно случайных людях, далёких по жизни от какого-либо насилия, без опыта службы в армии или правоохранительных органах, не умеющих обращаться с оружием и тому подобное. И я подсунул ему ваши кандидатуры. Романа Щербатого в своё время военкомат забраковал из-за слабого зрения. Ты же, Кайманов, откосил от армии с помощью липовой справки о якобы имеющемся у тебя плоскостопии, подкреплённой соответствующей суммой нужным людям. Что молчишь? Эх, в первый раз жалею, что передо мной только мозг! Уж очень хочется посмотреть сейчас на твою рожу. Небось, знай ты тогда, что тебя ждёт в будущем встреча со мной — сам бы рванул в военкомат с просьбой забрать тебя в солдаты нашей несокрушимой и легендарной? А? Что молчишь?

Ладно, слушай дальше, раз уж хочешь знать всю правду. Мы взяли Щербатого прямо на улице, когда он вышел из своего дома, чтобы сходить в магазин за продуктами. Привезли сюда, подключили на несколько минут к Суперкомпу, потом дали пистолет и отпустили, сказав, где тебя искать. Он пошёл и без тени сомнения убил. Всё это происходило на глазах восхищённого представителя заказчика. Так-то вот, Кайманов!

И нечего мне тут про права человека вкручивать! Ты сначала долг свой исполни, послужи Родине, а уж потом пасть разевай, если захочешь. Теперь мы легко можем помочь родной армии и государству в том, чтобы ни у одной сволочи, вроде тебя и прочих так называемых правозащитников, даже мысли не возникло бы плевать в их сторону.

А теперь, раб, принимайся за работу!

Откровение четвёртое

Кое-как выдав очередную статейку, Кайманов стал обдумывать всё услышанное от Франкенштейна и своё невероятное проникновение в чужую память в недрах Суперкомпа. Он, наконец, в полной мере понял трудности Консорциума: массив Щербатого был просто электронной ко-

пией его памяти, а не личности. Он не обладал сознанием и собственной волей, не мог самостоятельно мыслить. Очевидно, что и массив самого Кайманова был таким же и обретал разум только во время контакта с живым мозгом.

«Просто мой мозг использует компьютерную память, — понял Кайманов. — Скопировать разум, личность живого человека Франкенштейн пока не может или не умеет. Что ж, это даёт мне какое-то время. Пока я ему нужен, мой мозг будет жить».

С этого дня каторга превратилась для Кайманова в увлекательное путешествие по чужим мирам. Не зря говорят, что каждый человек живёт в своём собственном мире. Самое удивительное было в том, что чужая память мгновенно становилась для Кайманова собственной, как только он проникал в очередной массив. Какая-то её часть успевала «записаться» в мозг, и Кайманов даже после отключения от Суперкомпа продолжал вспоминать чужую жизнь, как свою.

«А не начать ли мне писать романы? — как-то подумал он. — У меня есть для этого масса материала: надо просто записать куски чужой жизни».

Но Кайманов тут же отверг эту безумную идею. Во-первых, он не писатель. Как-то однажды пытался им стать, но не получилось. Пошёл в критики — не пропадать же филологическому образованию! А во-вторых, и вернее, в главных — Франкенштейн далеко не дурак и сразу же всё поймёт, а уж какие он примет меры, даже гадать не хочется. Одно ясно: каторжный труд Кайманова многократно увеличится или мгновенно прекратится.

«Хватит с рыжего ублюдка критических статей, — решил Кайманов. — Романы пусть сам пишет», — и он продолжил свои тайные проклятия в чужую память.

Кого здесь только не было! Бомжи, преступники, солдаты, жертвы несчастных случаев, бывшие работники Консорциума, чем-либо провинившиеся перед начальством, и даже дети разных возрастов. Один из очередных массивов содержал память хакера, неосмотрительно попытавшегося взломать защиту локальной сети Центра. Беднягу быстро вычислили, и того сбила на улице «неизвестная машина». Кайманов узнавал не только жизни и судьбы, но и мгновенно усваивал родные языки, так как люди эти были похищены и убиты в тех странах и городах, где имеется местный филиал Консорциума.

Словом, множество людей погибло в ходе бесчеловечных опытов по поиску бессмертия для умирающих миллиардеров. Кайманов благодарил судьбу за то, что рыжий Франкенштейн решил использовать его

мозг для улучшения своего личного благосостояния и потому уберёт от экспериментов. Но он хорошо понимал, что долго это продолжаться не будет. В любой момент может произойти что-то, что разрушит сложившееся положение вещей. Например, рыжий может заболеть, и его заместитель, обнаружив «бесхозный» мозг Кайманова, тут же пустит его в дело, то есть в какой-нибудь очередной эксперимент. Нет, спастись Кайманов не надеялся, но хоть как-то отомстить вивисекторам в белых халатах хотел. Только вот как?

— А вы не боитесь, что правда о Консорциуме станет известна всем? — спросил он как-то Франкенштейна. — Ведь кто-нибудь из ваших может проговориться о том, что вы тут делаете.

— Это невозможно, — спокойно ответил тот. — Все наши люди регулярно, два раза в год, проходят медосмотр. Один — всеобщий, плановый, другой — индивидуальный, перед уходом в очередной отпуск. Во время этих медосмотров сотрудников подключают к Суперкомпью и, используя соответствующие технологии, «закачивают» в их мозг новые должностные правила и инструкции, стирают «лишнюю» информацию, зомбируют на неразглашение любых сведений о Консорциуме вообще и о Центре, в котором они работают, в частности. Разумеется, в конце процедуры всем стирают память о ней, и сотрудники уверены, что прошли обычный медосмотр, такой же, как в государственной поликлинике. Уволиться из Консорциума можно только одним способом: тело — в морг, мозг — в экспериментальную лабораторию Центра.

— А вы откуда это знаете? — не поверил Каманов. — Разве вы не проходите эти медосмотры?

— Прохожу, — криво усмехнулся рыжий. — Но я их и провожу. Так что у меня несколько иная программа зомбирования, чем у прочих. Мне не стирают память о процедуре, так как я должен знать и понимать суть того, что делаю с другими.

— А запрет на разглашение?

— Как у всех.

— Не понимаю, — искренне удивился Каманов. — А как же я? Вы же мне всё рассказали!

— А кто ты такой? — спросил Франкенштейн. — Разве ты человек? Разве ты можешь кому-нибудь что-нибудь рассказать? Ты — просто кусок мяса! Беседовать с тобой — то же самое, что разговаривать со стулом или вон с тем полусохшим цветком в горшке на подоконнике.

Откровение пятое

Последний разговор с рыжим не выходил у Кайманова из головы.

«Смешно, — думал он. — Головы нет, а разговор из неё не выходит. Что-то меня в нём зацепило и не отпускает. Обида? На что? На сравнение с куском мяса? Засохший цветок? Цветок. Запрет на разглашение. Тростник. Причём тут тростник? Вот оно! В детстве мне мама читала сказку про какого-то царя, у которого вдруг почему-то выросли ослиные уши. Царь пригласил к себе лекаря и предупредил, что если тот кому-нибудь расскажет о том, что узнал, то лишится головы. И лекарь молчал. Но его так и подмывало раскрыть секрет царя хоть кому-нибудь. В конце концов, он выбежал из города в поле, упал лицом в траву и прошептал страшную тайну земле. А потом, довольный и успокоившийся, лекарь вернулся домой и обо всём забыл.

Но на том месте, в поле, со временем вырос тростник. Мальчик, пасший за городом овец, срезал тростинку и сделал из неё дудочку. А когда подул в неё, вместо музыки из дудочки послышались слова о том, что у царя выросли ослиные уши. Помню, меня здорово повеселила эта сказочка. А она, оказывается, не просто забавная, но и со смыслом. Ты прав, Франкенштейн, я — полузасохший цветок, тростник. Вот только где бы мне найти пастушка?»

И Кайманов перестал произвольно блуждать по массивам в поисках очередных приключений. Он стал искать нестандартную «галактику», место, где зомбируют отпускников. И вскоре нашёл-таки небольшое, интенсивно пульсирующее «облачко». Полный надежд, Кайманов тут же «сунул туда свой нос». Облачко не было полноценной копией мозга конкретного человека. В нём действительно проходил процесс зомбирования сразу трёх людей, через несколько дней уходящих в отпуск. Один из них был специалистом, обслуживающим компьютеры Центра. Не желая упускать благоприятный момент, Кайманов немедленно внушил ему задание: подключить медицинские компьютеры к локальной сети.

С тех пор он получил доступ не только к зомбированию сотрудников, но и к локалке Центра. Кайманов незаметно подправил некоторые инструкции, исполняя которые, охрана могла бы обнаружить его вмешательство, и даже стёр саму память о категорическом запрете объединения имеющей выход в Интернет локальной сети с полностью автономной медицинской.

Кайманов понимал, что охранные программы Консорциума не дадут ему вбросить в Интернет большой объём информации, даже если он

воспользуется логином и паролем директора Центра. Он мог бы соответствующим образом зомбировать некоторых охранников, но справиться с программой ему было не по зубам. Её сделали люди более квалифицированные и опытные в этой сфере, чем несчастный хакер, чьи знания теперь принадлежали Кайманову. Эти люди понимали, что любой обмен информацией по сети Интернет могут перехватить. Поэтому связь между суперкомпани Центров Консорциума осуществлялась с помощью курьеров, перевозивших данные на съёмных носителях под надёжной охраной. Это занимало много времени, зато исключало утечку информации. Даже если бы кто-то нейтрализовал охрану и захватил курьера, несанкционированное вскрытие его кейса привело бы к самоуничтожению носителя информации. Консорциум умел хранить свои тайны.

«Дудочка»

Отныне Кайманов был в курсе всего происходящего. Он узнал настоящее имя Франкенштейна, но запретил себе употреблять его даже в мыслях, дабы не спалиться раньше времени. Оказалось, что родной брат рыжего работает в Центре начальником службы безопасности, одновременно являющейся поставщиком «живого сырья», то есть мозгов, что и дало возможность братьям организовать свой тайный бизнес на Кайманове.

Специфические знания хакера подали Кайманову идею, и он записал на флэшку Франкенштейна вместе с очередной критической статьёй некий скрытый файл. Конечно, рыжий использовал для своего бизнеса не рабочий, а личный, домашний, компьютер, и это позволило Кайманову начать выполнение своего плана.

Мощная защитная программа Консорциума мгновенно обнаружила бы и нейтрализовала файл Кайманова, но обычный антивирус домашнего компьютера его пропустил. И когда рыжий Франкенштейн вышел в Интернет, чтобы отправить статью в редакцию журнала, скрытый файл на его флэшке сделал своё дело, закачав и установив на компьютер Франкенштейна нужные Кайманову программы.

Так Кайманов получил регулярный доступ к персональному компьютеру Франкенштейна и начал потихоньку, маленькими кусками закачивать в него информацию о Консорциуме: адреса Центров, фамилии сотрудников и заказчиков, планы и результаты работ, банковские счета, имена жертв экспериментов, словом — всё, что удавалось выудить из массивов суперкомпьютера и локальной сети Центра.

И вот настал день, когда Кайманов был готов нанести ответный удар. Он собрал достаточно информации о Консорциуме — большего извлечь из локалки Центра он не мог. Кайманов прекрасно понимал, что, скорее всего, подписывает себе окончательный смертный приговор — Центр наверняка постарается уничтожить все улики, как только информация о нём выйдет наружу. А жить хотелось! Ох, как хотелось жить! Пусть даже «питаясь» чужой памятью.

Но Кайманов точно знал, что его конец в любом случае близок: через десять дней Франкенштейн уходил в отпуск, и потому он уже начал официально оформлять мозг Кайманова в качестве нового материала для экспериментов. После возвращения из отпуска рыжий планировал продолжить свой бизнес, но уже с другим рабом. Жертва была давно намечена — ещё один критик всё того же журнала «ФАСТ». Кайманов знал об этом, так как сотрудники брата Франкенштейна собрали полную информацию об этом человеке и готовили ему стандартный «несчастный случай».

В Суперкомпе не было массивов с памятью сотрудников Центра. Зачем тратить на них время и ресурсы? Для зомбирования достаточно кратковременного подключения. Поэтому, узнав точную дату предотпускного медосмотра Франкенштейна, Кайманов с самого утра дежурил в пульсирующем облачке. И вот, наконец, он получил доступ к мозгу своего врага и моментально дал тому нужную установку.

Впервые после своей смерти Кайманов почувствовал себя свободным и счастливым. Он знал, что его установка сработает уже на следующее утро. Прежде чем пойти на работу, Франкенштейн включит свой домашний компьютер и бездумно запустит программу, о существовании которой он до этого даже не подозревал. Та автоматически начнёт рассылку материалов о Консорциуме, собранных в скрытой директории, во все инстанции: мировые средства массовой информации, Интерпол, правоохранительные органы России, США, Китая и Европы, пиратские библиотеки и пиринговые сети. Запустив эту программу, Франкенштейн оставит работающий компьютер подключенным к сети Интернет и спокойно поедет на работу, мгновенно забыв всё, что сделал. До своего отпуска он теперь вряд ли доживёт...

СВЕЧА НА ВЕТРУ

— Прекрасно, мальчик! Ты становишься настоящим мастером. Вот только...— Старик отошёл от картины ученика, сел в кресло у пульси-

рующего жаром камина. — Я же много раз говорил тебе: пиши только то, что ты сам видел, хорошо знаешь.

Гибкий безусый юноша осторожно поставил на стол подсвечник, порывисто опустился на одно колено перед стариком.

— Но, учитель, твои рассказы о далёкой стране, где нет богатых и бедных, где все люди свободны и счастливы, где нет войн, голода и болезней, живут во мне. Я вижу цветущие города, смеющиеся лица детей и женщин, плывущих в солнечном небе на летающих кораблях!

— Мальчик, без фантазии нет гения. Тебе всего пятнадцать лет, ты ещё очень юн, но я ясно вижу твоё будущее. Тебя ждёт великая слава. — Старик подбросил полено в пылающий камин. — Пиши пейзажи, натюрморты, стражников у ворот, нищих пилигримов, торговцев, портреты. Помни, мы живём в страшном мире. Я бы давно сгорел на костре, если б не жадность и тщеславие епископа. Каждый месяц я дарю ему одно из своих полотен. Но если люди узнают, о чём я тебе рассказываю, если увидят эту твою картину, даже епископ не спасёт нас от костра.

— Эй, колдун, отворяй! — Забарабанили в дверь.

Ученик мягко скользнул к окну.

— Сандрелли, придворный живописец!

— Открой. — Старик встал, сорвал с подрамника картину ученика и бросил в камин. Огонь мгновенно слизал с холста счастливые улыбки и смех летящих меж облаков людей.

Громяхая сырыми ботфортами, в мастерскую вошёл закутанный в короткий чёрный плащ высокий полный человек.

— Ты ещё жив, старый колдун? — прорычал вместо приветствия Сандрелли. Сняв широкополую шляпу с поникшими от дождя перьями, он бросил её ученику и, задевая длинной шпагой за подрамники, прошёл к камину и сел в кресло хозяина.

— Вы промокли, сеньор. — Старик склонился перед гостем. — Эй, мальчик, вина!

— Некогда мне пить твою кислятину! — Раздражённо подёргал кошачьими усами Сандрелли. — Ты сделал то, что мне надо?

— Да, сеньор, с божьей помощью ваш слуга сделал проект нового дворца для герцога.

Ученик развернул на столе эскизы дворца. Маленькие тёмные глазки гостя зажглись, пухлые щёки затряслись. Не сдержав возглас изумления и восторга, Сандрелли вскочил с кресла и склонился над столом. Старик придвинул поближе свечи, чтобы ни одна линия не осталась незамеченной и неоценённой заказчиком.

— Ты не колдун, старик, ты — сам дьявол! — Сандрелли бросил на стол туго набитый монетами мешочек, спрятал эскизы на груди и выбежал под дождь, забыв укрыть свои свисающие до плеч кудри шляпой.

Старик стряхнул с кресла натёкшую с плаща гостя воду и сел у огня. Ученик запер дверь и опустился на пол у ног старика.

— Учитель, я не понимаю, почему ты меняешь свои прекрасные картины на бездарную мазню? — спросил юноша, разбивая кочергой в мерцающую пыль остатки сгоревшего холста.

— Запомни, мальчик, важно не имя художника, стоящее на картине, а сама картина. Пусть епископ берёт мои полотна и подписывает своим именем. Меня это не волнует. Зато его уродливые творения не омрачат ничей взор, не подадут дурной пример. Пусть образцом будут мои картины и проекты, а не мазня епископа или Сандрелли. Слышишь? К нам опять стучит гость, открой.

Ученик ввёл невысокого измождённого мужчину со свёрнутым холстом в руках. С обвисших полей размокшей шляпы на потемневшую от влаги куртку струилась вода.

— Проходи сюда, к огню, обсушись, — предложил старик. — Кто ты? Хочешь обменять свою картину на одну из моих?

Ученик подтолкнул робкого гостя. Оставляя мокрые следы, тот подошёл к камину, положил рулон холста на стол и протянул к огню покрасневшие руки.

— Да, — хрипло каркнул гость. — Я не могу продать свою картину. Мне нечего есть, негде жить. Вчера я продал кисти и краски, чтобы заплатить за кусок хлеба и ночлег.

Старик то отступал назад, то подходил вплотную к быстро надетому учеником на подрамник мокрому, как и его хозяин, холсту. Наконец положил руку на плечо гостя.

— Как твоё имя?

— Джузеппе.

— Я не возьму твою картину, Джузеппе.

— Бог отступился от меня, дьяволу я тоже не нужен. Что же мне теперь делать?

Старик взял гостя под руку и ввёл в соседнюю комнату. Ученик зажёл свечи. Блики огня заплясали на развешенных по стенам картинах.

— Смотри, Джузеппе, — сказал старик.

Оставив гостя одного, они вернулись в мастерскую. Старик сел в своё кресло. Отблески огня в камине окрасили алым цветом его изрезанное морщинами лицо, озарили седину длинных густых волос и мохнатых бровей. Ученик молча встал перед дымящимся паром холстом.

— Мальчик, принеси мне глоток вина. Сегодняшний день надо от-метить.

— Чем же он хорош, учитель? С утра льёт дождь. К тому же ты сам не раз говорил мне, что вино губит художника.

— Ты прав, ничего не надо. Готовься в дорогу, малыш. Как только прекратятся дожди, ты отправишься в Рим.

Полуночным лунатиком в мастерскую вошёл Джузеппе.

— Мальчик, дай нашему гостю кисти и краски. Теперь он знает, че-го не хватает его картине.

Мгновенье поколебавшись, Джузеппе решительно подошёл к сво-ему просохшему холсту и твёрдой рукой нанёс несколько мазков. Маль-чик одобрительно кивнул и развернул картину так, чтобы учитель за-ново оценил работу гостя.

— Иди к герцогу, скажи ему, что старый колдун отказался купить твою картину. Мальчик, возьми мешок Сандрелли, отсыпь Джузеппе половину...

Искры взлетали в чёрное небо, соперничая со звёздами. Пламя ре-вело, пытаясь десятками языков лизнуть кровавую луну. Но ещё гром-че ревела беснующаяся толпа.

— Проклятый колдун! Давно пора было его изжарить!

Тонко взвизгивая, мальчик бросался на плотную массу потных ору-щих фанатиков, пытаясь пробиться к горящему дому учителя, но стена тел каждый раз отшвыривала его назад. Неожиданно чьи-то сильные руки перехватили падающего на брусчатку ученика.

— Не надо, мальчик, нельзя туда. Они и тебя кинут в огонь. Учите-лю уже никто не сможет помочь.

— Джузеппе, за что?!

— Ты разве ничего не знаешь?

— Учитель вчера отправил меня в Рим, посмотреть Вечный Город. Я не смог уйти далеко: мне не понравилось, как он прощался со мной.

— Значит, он знал...

— Жги колдуна! Поджаривай дьявола! — проревел рядом знакомый голос. Сандрелли, чёрный от сажи, в прожжённом плаще, выхватывал у людей плачущие смолой факелы и швырял их через головы в бушую-щие пламенем окна горящего дома.

— Проклятый колдун, — рычал он, топорща опалённые кошачьи усы. — Как же мы теперь... без тебя? — Вдруг слёзы прорезали свет-лые полосы на полных щеках. Закрыв лицо плащом, Сандрелли исчез в тёмном переулке.

— Уйдём отсюда, — Джузеппе увлѣк юношу прочь от беснующейся толпы. — Когда я неделю назад пришѣл к герцогу и передал ему слова Мастера, герцог не глядя купил мою картину и взял меня придворным живописцем. Он сказал, что Мастер отказывается только от настоящих шедевров.

— За что они его?

— Сегодня утром все картины Мастера исчезли!

— Куда?

— Не знаю. Висят в рамах чистые холсты, без единого мазка, если не считать подписей тех, кто их присвоил. Епископ в ярости! Жаль Мастера — такая ужасная смерть...

— Нет, я не верю! Он не умер! Он улетел в свою прекрасную страну.

— Бедный мальчик, ты болен от горя. Пойдѣм ко мне.

Сноп огня взметнулся в небо. Грохот рухнувшего дома слился с торжествующим рѣвом толпы.

— Эти безумцы радуются. Они думают, что смогли убить Мастера, что уничтожить идею, мысль, красоту так же легко, как задуть свечу. Но мы то живы, мальчик! Мы живы, и у нас есть кисти и краски. И нас уже двое. Прости, я не знаю, как твоѣ имя?

— Зови меня Леонардо.

Салтанат Рахимбекова

Астана

ДИСТАНЦИОНКА

Полина с самого детства росла мнительным ребенком. И только поэтому, даже в свои тридцать, она не стала вакцинироваться. Наслушавшись ужасов от знакомых и коллег, она свято верила во все и решила, что даже под страхом потери работы вакцинироваться не будет. В конечном счете, ее попросту уволили. Полина ожидала такой удар судьбы и заранее подстраховалась, взяв репетиторство на дому. В будни ей приходилось заниматься репетиторством с раннего утра, прерываться на основную работу в школе, а после продолжать учить взрослых английскому языку уже вечером. Учитывая то, что некоторые слу-

шатели были за рубежом, она выходила в эфир даже ночью. И так, Полина накопила немного сбережений на черный день и с потерей работы решила расширить количество обучающихся.

Надо отметить, что Полина была пунктуальной и дисциплинированной. Она четко понимала, что требуется в современных рыночных условиях, когда спрос превышает предложение и старалась совершенствоваться, применяя различные методики обучения. Привыкшая вставать рано, Полина шла в гостиную, где оборудовала книжный угол как рабочий. Сегодня она ждала очередного обучающегося, привычно разложила необходимый материал, карточки, рисунки и поправила сбившийся локон. В последнее время Полина увлеклась сериалами и не успевала привести себя в порядок как следует к утренним занятиям. Она знала, что утром выходят обычно девушки, и не прихорашивалась, собрав локоны в тугий узел. Полина считала, что главное в занятиях это материал, и вовсе не ее внешность.

Раздался звонок, и она привычным движением включила платформу. Как обычно, она не включала камеру первой, предпочитая увидеть своего слушателя. Вглядевшись, Полина обреченно вздохнула и решила сразу отключиться. Дело в том, что с экрана смотрел импозантный мужчина лет тридцать пять. Он был довольно таки мил и обаятелен. Полина, с детства считавшая себя не совсем уж привлекательной, пожалела, что не прочла его имя. Вглядевшись в журнал, она успокоилась, увидев женское имя и совсем другое время. Не понимая в чем же дело, она дождалась условленного времени и выдохнула, когда на экране появилась девушка. Включив камеру, Полина начала урок. Все шло как задумано и лишь к концу дня Полина вспомнила того красавца, подумав, что он, наверное, просто ошибся цифрой в наборе платформы. Во время пандемии именно различные интернет платформы дали возможность работать если не в полную силу, то хотя бы для заработка. Полина не была исключением, забросив свои методички, она все время расписала для учащихся и была рада, что пока нормально зарабатывает. Признаться, репетиторством она зарабатывала больше, чем в школе. Этот факт успокаивал, но ей не хватало общения с коллегами и учениками, школьных выставок и спартакиад и всего того, что приносило радость.

Вечером, когда Полина ужинала перед телевизором, с интересом слушая признание главной героини испанского сериала, вновь зазвонила платформа интернета. Подойдя к ноутбуку, Полина нажала на вызов и вновь уже поздравила себя с тем, что не включила видео. С экрана смотрел все тот же молодой мужчина. Полина подумала, что он, веро-

ятно, все еще путается и она решила ответить. Сказав, что он просто не туда попал, она пожалела, что не поставила фото на платформу. На что он ответил, что действительно, курсы английского языка ему не нужны, но ему было интересно узнать, кто она. Докатились, подумала она, знакомимся уже виртуально. На вопрос о камере, она сразу ответила, что камера сломана. На что он заметил, что она даже не нажала на значок камеры. Полина уже силилась придумать очередную выдумку, как тут к ним подключилась ее слушательница.

— Ой, Это вы, Полина? Полина? Вы где? Я вас, что-то не вижу, — говорила слушательница.

— У меня камера сломалась, — сказала Полина, — у вас ведь не назначено на это время.

— Ой, а кто этот интересный мужчина? — казалось, слушательница ее просто проигнорировала, — вы тоже учите английский? Вы знаете, Полина Дмитриевна самый лучший репетитор. Мы к ней вообще всей семьей записаны! Папа, мама и я! Я вот еще не замужем.

Полина обреченно вздохнула и отключилась. Тут же на телефон к ней позвонили. Звонила та же слушательница, требуя подключить платформу. Она мотивировала тем, что ей надо замуж и не каждый день встречаются такие красавцы. Полина пыталась услышать признание главного героя сериала почти не слушая телефон. Ответив что-то невразумительное, она положила трубку, заметив, что чай уже остыл. Отправившись на кухню, она вернулась на полпути, снова услышав сигнал платформы. Она уже не сомневалась, что это та самая слушательница. Наверное, решила, что телефон отключен, вот и звонит, мрачно подумала Полина. Однако, она удивилась, увидев того самого мужчину. Ответив, она вновь не подключила камеру.

— Послушайте, включите уже свою камеру, — сказал он.

— Бесполезно. Камера не работает.

— А вот девушка говорила, что у вас камера работает, — возразил он.

— Хорошо. Не работает для вас. Могу я быть дома как дома. Сейчас вообще время вечернее, — заметила она, — представьте, я не в офисной одежде.

— А в чем? — вдруг спросил он.

Наглец, подумала она, растерявшись. Включив учителя, она пробовала отчитать его, но обаятельная улыбка делала свое дело, и он это прекрасно знал.

— Да ладно, — сказал он, — камеры все равно не показывают полный рост. Вы что, стесняетесь?

Полине хотелось сказать, что она пытается досмотреть сериал, но она понимала, что ее не поймут.

— Я сейчас очень занята, — строго сказала она, — и вообще у меня дети.

— У вас гробовая тишина дома, — заметил он, — если не брать в счет телевизор. Вы знали, что ваша платформа не сразу отключается, когда вы уходите? У меня были пару секунд, и я расспросил вашу подопечную. Вы не замужем, работали в школе и ведете английский язык.

— Послушайте, вы вообще куда звонили? Уж точно не ко мне. Так и звоните туда, — ответила она.

И тут подключилась та самая слушательница. Увидев мужчину, она обрадовалась, попросив Полину не отключаться. Полина демонстративно отключила звук и отошла к телевизору. Пускай себе общаются, подумала она. Но не прошло и десяти минут, как к ней позвонила та самая девушка. Анна, именно так ее звали, стала сходу жаловаться на мужчину. Она предупредила, что он узнал от нее о Полине и извинилась. Ей казалось, что его интересует именно Полина. Полина заверила ее, что этот мужчина ее вовсе не интересует. Предположив, что это может быть виртуальный маньяк, слушательница отключилась. Полина подогрела чайник и постаралась позабыть мужчину. В конце концов, он не знает моего адреса, подумала она и успокоилась.

Наутро ее разбудил звонок интернета. Полина вспомнила, что наутро никаких слушателей точно нет. Подозревая, что это снова кто-то ошибся номером, она подключилась и увидела того самого мужчину.

— Опять вы? — спросила она.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— К вам можно записаться на курсы? — спросил он.

— Вам — нет.

— Почему?

— Да потому что вы со вчерашнего дня мешаете мне работать, — на ходу придумала она.

— Да ладно. У вас вчера было мало слушателей.

— Такой уж график. Вам откуда знать?

— Ну, я подключался время от времени. А вас не было.

— Вы же не собираетесь мешать мне работать? — Полина стала придумывать, как бы переключить всех слушателей на другую платформу, — не то мне придется создать другую платформу.

— Я вам не буду мешать.

— И больше не подключитесь, — уточнила она.

— Не бойтесь. Я не подключусь.

— Прощайте, — Полина отключилась, чувствуя, что все же надо перестраховаться и создать новую платформу.

Ей не хотелось, чтобы посреди какого-нибудь урока он вдруг подключился. И тут зазвонил телефон. Увидев незнакомый номер, Полина вовсе не удивилась. Сейчас многие звонили и предлагали свои услуги. Полина уважала чужой труд и поэтому ответила на звонок. Услышав знакомый голос того самого мужчины из портала, она вспомнила, что вот номер точно на портале не писала.

— Откуда у вас мой телефон? — спросила она.

— А вы на фото здесь ничего, — сказал он, — скажем так, у меня есть возможности узнать ваш номер. Это не трудно, ведь вы в базе школы номер семь.

— Послушайте, что вам нужно? — возмущенно спросила она.

— Всего лишь познакомиться с девушкой. С вами, например, — ответил он.

— Но я вас совсем не знаю. И вообще я не в том возрасте, когда так легко знакомятся. Еще и в период пандемии, — козыряла она.

— Вы меня видели, а я вас нет. Так нечестно, — засмеялся он, — хотите, я к вам приеду? Я знаю ваш адрес.

— Я сейчас в милицию позвоню, — выпалила она, — прекратите хулиганить!

— Вы не позвоните.

— Вот и позвоню. У меня высветился ваш номер. Я вызову полицейского!

— Вызывайте. Ваше право, — сдался он.

— Если вы еще хоть раз позвоните, я так и сделаю, и напишу заявление, — выпалила она.

Отключившись, Полина подумала, что он теперь точно не позвонит. У нее действительно был его номер. Не станет же он рисковать, усмехнулась она. Но через час последовал звонок, и она тут же набрала номер полицейского участка. Конечно, Полина помнила, как когда-то в пять утра пыталась вызвать наряд, чтобы успокоить шумных соседей, и к ней никто так и не приехал. Но здесь был совершенно другой случай. Это было давно и с тех пор полиция совершенствуется, утешала она себя. Прошел не один час, а полиции все не было. Не звонил и телефон, и Полина подумала, что напрасно вызвала вообще. В дверь вдруг позвонили, и она пожалела, что вообще потревожила блюстителей порядка. Посмотрев в глазок, она увидела полицейского в форме и в фуражке. Вдохнув, она открыла дверь и плотнее закуталась в шаль. От-

ступив, она впустила в темную прихожую полицейского, включила стоящий в углу торшер и обернулась на знакомый голос. Полина во все глаза смотрела на того самого мужчину только уже в форме.

— Вы?! — выдохнула она, — вы что, издеваетесь?

Он закрыл за собой дверь и снял фуражку. Показав удостоверение полицейского, он спросил о причине вызова. Полина так возмущенно взглянула на него, что он рассмеялся.

— Вам что, на работе делать нечего! — возмутилась она, — увидели меня. Теперь можете оставить в покое?

— Ну наконец-то! Могли бы просто включить свою камеру, — заметил он, — однако я здесь, так что давайте, придумайте причину вызова. Что у вас? Соседи беспокоят или может к вам маньяк заглядывал?

— Маньяк, — подумав, сказала она.

Полина подробно описала его, вплоть до формы полицейского. Мужчина посерьезнел, сказав, что она уже перегнула палку. На что Полина заметила, что перегибать это по его части. Словесная перепалка грозила вылиться в нечто большее и Полина с некоторым беспокойством напомнила себе, что она живет одна.

— Послушайте, чего вы от меня хотите? — спросила она.

— Я действительно принял ваш вызов и только по пути сюда понял, что это вы, — сказал он, — зачем вы вызвали полицейского? А если бы я был гражданским, что бы было со мной?

— Вы и сейчас превышаете свои полномочия, — не сдавалась она, — я могу пойти в участок и пожаловаться вашему начальству.

— Мое начальство не жалуется женщин, жалующихся на меня.

— Это еще почему?

— А вы попробуйте пожаловаться. Скажете, что я был у вас поздним вечером. И можете прощаться с репутацией.

— Хорошо. Я не стану на вас жаловаться. И вообще, мы можем считать, что конфликт исчерпан. Точнее, конфликта не было, — запуталась она.

— Чаю не предложите.

— Не дождетесь, — она встала в позу, размышляя, до чего докатились все в нелегкое время пандемии.

Прощавшись, она заперла дверь и услышала звук платформы. Вспомнив о слушателях из Канады, она настроилась на работу.

ЗЛАТОЙ ВЕК

Больше ста верст пришлось галопом скакать графине Вишневской Елизавете Николаевне, прежде чем она увидела вдали огромное поместье ненавистного ей барина Таманского Григория Ивановича. Пересев в карету, графиня велела поспешить, сжимая перчатки и не чувствуя боли. Карета с грохотом въехала на просторный двор имения и остановилась перед входом. Не обращая внимания на подбежавшего молодого приказчика, графиня направилась к дому и вскоре предстала перед молодым Григорием Ивановичем. В свои тридцать лет барин был хорош собой, статен и высок. Он холодно взглянул на гостью и взмахом руки отпустил стоящего позади нее приказчика.

— Как вы смеете врваться в мой дом? — высокомерно спросил он, — убирайтесь немедленно!

— Вы похитили мою сестру! — воскликнула она и вдруг взглянув в его синие глаза, почувствовав всю его ненависть, опустилась на колени, — прошу вас, верните ее! Она ведь еще совсем ребенок!

— Она старше моего несчастного брата, — заметил он, — который по вашей милости лежит в сырой земле. Одного вашего слова было достаточно, чтобы паршивые юнцы решили стреляться! И из-за кого! Из-за вас! Дамы старше них! Вы посмели прервать его жизнь, и вы заплатите.

— Пусть так, пусть будет расплата, но не Катерина! — она схватила его за ногу, — накажите меня. Клянусь Богом, я знала, что они будут стреляться и да, просто посмеялась их пылкости. Убейте, но отпустите ее!

Он поднял ее и посадил на софу. Сказав, что дело уже сделано, перехватил занесенную в гнев руку.

— Вы убили ее? — выдохнула она, чувствуя, что еще немного и потеряет сознание.

— Я опозорил род Вишневских, и вы теперь никогда не сможете поднять голову, — он отбросил ее руку, — я не отдал ее в бордель, не взял силой, что бы вы там не подумали. Я попросту выдал ее замуж за своего приказчика. Он человек вольный, грамотный, простолюдин, зато ваша сестрица жива.

— Жива, — вздохнула она.

— Венчание и брачная ночь уже состоялись. Возможно, у вас вскоре родится племянник. Матвей!

Вошел молодой приказчик и поклонился. Граф познакомил их, глядя как она растерянно смотрит на них. Вскоре появилась и Катерина, бросившись к сестре, она познакомила ее с супругом.

— Мы можем уехать немедленно, — говорила графиня, — вы развенчаетесь, ведь тебя принудили, моя дорогая. Мы позабудем обо всем, как о страшном сне.

— Нет, нет, — отвечала Катерина, — мы любим друг друга, и я счастлива.

— Да как ты можешь быть счастлива с холопом?! — возмутилась графиня.

— Довольно унижений, — вмешался граф, — вы устали, а потому можете остаться и отдохнуть у моего приказчика. Кстати, у него старший брат не женат.

— Подите к черту! — она прошла к двери за сестрой, — и будьте прокляты.

Граф смотрел из окна как сестры направляются в избу Матвея и оглянулся на приказчика.

— Строга сестрица, — сказал он, — видеть ее для меня худшее и зол. Скажи, чтобы завтра же уехала и не приезжала.

— Слушаюсь, — приказчик поклонился и вышел.

Графиня Вишневская рассеянно пила чай, глядя на счастливую пару. Ей даже стал нравится Матвей, вся вина которого была в том, что он не знатен. Порасспросив приказчика, она уже знала о делах поместях в общих чертах. И тут ей пришла мысль, что теперь ее ждет одиночество. Ведь очень скоро в свете узнают о их позоре и тогда никто не поведет ее к венцу. Графиня Вишневская понимала, что не время сетовать, зная, что виновна. Да, она не удержала юнцов, подозревая о дуэли, не придала значения и теперь приходится расплачиваться. Наутро она прошлась по поместью, издали наблюдая как барин садится в карету. Дождавшись его лишь к ночи, она одна прошла к нему в гостиную. Граф Таманский был удивлен, не понимая, отчего она еще не уехала.

— Вы ведь понимаете, что теперь мне не выйти замуж, — сказала она, — вашими стараниями наш дом будут обходить стороной.

— Это расплата, — сказал он, закрывая ставни, — в это время комаров и мошкары много особенно ночью. Что вы делаете в такое время в моей гостиной одна? Это неподобающе.

— Вашими стараниями это уже не так важно, — она села возле него на софу, — вы разбили все мои чаяния и потому просто обязаны вернуть меня в наше общество.

— Каким же образом? — он придвинулся к ней, — что у вас на уме?

— Вы женитесь на мне.

— Из-за вас погиб мой брат, — напомнил он.

— Это простое стечение обстоятельств, на моем месте могла быть и другая дама. Юнцы любят стреляться. Этого у них не отнять и впереди еще будут дуэли.

Граф уже не слушал ее, глядя на локоны вдоль спины, он пригласил их, и она закрыла глаза. Долгий поцелуй разрушил все преграды, поглощая в водоворот страсти и отчаяния, от которого они оба хотели убежать. Граф Таманский очнулся лишь к утру, обнимая ее спящую, желанную. Чертыхнувшись, он оставил ее в покоях и вышел. Понимая, что теперь вовсе не чувствует мести, он не чувствовал и любви. Она была просто желанна, но не любима. Графиня Вишневская с некоторым ужасом понимала, что назад дороги нет. Она не знала о его решении, и потому не спешила выйти из покоев. Оглядевшись, она признала, что это действительно барские покои. Внушительного размера мебель, огромные канделябры и камин во весь ее рост впечатляли. Внезапно дверь открылась, и она поспешила закрыться одеялом. На пороге стоял граф. Пройдя к кровати, он сел возле нее, заметив, что платье порвано.

— Вы не справились с французскими застежками, — смущаясь сказала она.

— В этом имении нет платьев. Разве что подвенечное платье моей матушки. Но я трижды подумаю, прежде чем отдам его вам.

— Вы отдадите платье, — сказала она, — вы ведь не хотите, чтобы ваш наследник родился вдали от вас.

— Вы будете жить, страдая от измен, — сказал он, — я накажу вас именно так.

Говоря это, граф целовал ее плечи, не в силах оторвать взгляда от ее красоты. Послышались голоса, и они испуганно переглянулись. Графиня с ужасом узнала голос тетушки и поспешила надеть платье. Накинув шаль, она прикрыла спину с застежками и теперь старалась уложить локоны. Граф лежал в постели, нисколько не торопясь.

— Она не посмеет войти в мои покои, — сказал он, — будет ждать в гостиной. Чего вы так перепугались?

Но не успела она ответить, как двери распахнулись и на пороге встала тетушка графини Вишневской Мария Алексеевна. Пожилая дама сурово глянула на них и стукнула тростью. Она вошла в покои, нисколько не смущаясь вида мужчины в халате.

— Мерзавки! Паскуды! — ее трясло от бешенства, — прелюбодейки! Вы, Лиза, настоящее дитя дьявола. Вы толкнули сестру в объятия слуги, а сами делите ложе с его господином! Вам обоим место в монастыре!

— Елизавета Николаевна моя невеста, — сказал граф, — вам не стоит так о ней говорить.

— Хороша невеста! — графиня подошла к кровати и указала тростью на простыню, — окрасила простыню перед венчанием! Как посмела!

— Это уже не ваше дело, — отвечал граф, — ваши племянницы останутся здесь.

— Они будут отправлены в монастырь! — старая графиня с ненавистью взглянула на него, — а насчет вас я поговорю с главой уездного дворянства. Я не потерплю nepотpeбствa!

Елизавета спряталась за спину графа. Ей вовсе не хотелось ехать в монастырь, но и перечить она побоялась. Граф все же выставил возмущенную тетушку за дверь, велел приказчику проводить даму до кареты.

— Как она прознала? — расстроилась Елизавета, — что скажут в свете?

— Мы объявим о помолвке и вскоре все забудется. Конечно, ваша тетушка не станет рассказывать всем подряд о вашем позоре. Вы прибыли сюда и добились своего. Теперь назад дороги нет. Вы даже не представляете с кем решили связать свою судьбу. Что вы знаете обо мне, Лиза?

Графиня Вишневская поразмыслила и поняла, что ничего. Она не знала о нем ничего. Для всего света граф Таманский оставался верным другом цесаревича и только. Она даже не знала, что у него есть младший брат.

— Кем же вы являетесь? — спросила она.

— Всему свое время. А сейчас мне надобно ехать во дворец, чтобы испросить разрешения на брак. Думаю, ваша тетушка не посмеет добраться первой до главы уездного дворянства.

Так начиналась история приключений графини Вишневской, которой волею судьбы предназначено стать графиней Таманской и выехать с будущим супругом на опасное задание в Париж. Всего этого она еще не знала, и пока граф ехал в столицу, графиня велела запереть ворота, не желая гостей. Златой век подходил к концу, грозя забрать с собой чаяния и надежды графини Вишневской, которой предстояло выполнить самую трудную миссию в интересах империи.

МОДНЫЙ ШАГ

Наверное, не каждый может заинтересоваться историей моды. Той самой моды, которая во все века задавала тон изысканным вкусам общества. Известные модельеры и кутюрье, те самые, чьи имена вошли в историю добились неожиданных высот в этой сфере красоты и грации, продвинув вперед прогресс. Я с самого детства увлекалась модой. Помню, как подростком усердно листала мамины журналы, изучая каждую модель вплоть до стежка. Вот отчего я стала модельером. Мир моды всегда был необычен и диктовал суровые условия. Неудивительно то, что я не выдержала и решила поменять профессию. Закончив экономический факультет, я не распрощалась с модой, продолжая отличаться от сокурсников необычным на их взгляд нарядом. К слову, нарядов было предостаточно. Я жила одна и неудивительно, что почти вся зарплата шла на наряды. В общем, я была еще той барахольщицей. Никогда не могла устоять перед модным зонтиком или шарфом, а уж обувь вообще была моей слабостью. Туфельки разного фасона, сапожки и прочее мое любимое заполнили целый шкаф. Итак, с таким арсеналом я отправилась устраиваться на работу на новое место. Приехав по адресу, я подняла голову и даже тогда не увидела крыши высотки. Настолько высоченный офис был у компании. Посмотрев на часы, я смело прошла вперед, где меня уже ждали. Помощник руководителя проводил меня к большому начальству и оставил в приемной. Помпезная секретарша позволила войти лишь через час, в течении которого успела разглядеть меня с ног до головы. Конечно, ей как женщине, было на что посмотреть. А уж мужчинам... Я зашла в просторный кабинет, больше напоминавший футбольное поле. Где-то вдали виднелся огромный стол с большим креслом. Мой профессиональный взгляд уже оценил качество дизайна, и я признала превосходный вкус владельца. За столом сидел молодой мужчина тридцати пяти лет. Худощавый, мужественный, в модном костюме он выглядел безупречно. Наверное, это и есть большой босс, подумала я, поздоровавшись. Он внимательно прочел протянутое резюме и наконец-то посмотрел на меня. Было в его взгляде нечто такое, что настораживало. Мне даже показалось, что я не вписываюсь в его планы вообще. Его безучастный взгляд был настолько чист и прост, будто я стояла перед ним в какой-то форме, а не в маленьком черном платье. В конце концов, никто не отменял женский шарм, подумала я, с некоторым акцентом взглянув на него. Но не тут-то было. Такого спартамца наряды точно не интересовали и впечатления произвести мне не удалось. Раздосадованная, я села в предложенное кресло.

Он задавал вопросы по работе, надо признать, я не на все ответила, ссылаясь на девичий ум и предпочтение моде, нежели математике.

— Ну, так что, я принята? — не выдержала я.

— Мне нужен помощник, а не законодатель мод, — ответил он, — у вас половина листа о моде и лишь пару строк о вашем экономическом образовании.

— Зато я разбираюсь в моде и могу вам помочь, например, подготовлю к приемам, — не сдавалась я.

— До вас я обходился сам, — он протянул мне резюме, — но в вас что-то есть.

— Да!

— Да, само резюме составлено логично, правильно, последовательно. А это уже хорошо.

— Берете?

— С испытательным сроком, — сдался он, — и еще, смените гардероб. У нас бывают важные клиенты, не совсем уместно принимать их в этом платье.

— А что такого в этом платье? — возмутилась я.

— Оно вечернее.

— Не всегда.

— Прикупите брючный костюм. Когда имеешь дело с цифрами ни к чему отвлекать мужчин такими ножками. И туфли попроще наденьте.

— А вы не смотрите, — я перекинула ногу на ногу.

— Проконсультируйтесь с Надеждой Викторовной, это моя помощница. Она уходит в декрет и вам ее заменять.

Отправив меня к ней, он тут же отвернулся к стене. Признаться, такого непробиваемого типа я еще не видела. Складывалось ощущение, что ему больше нравятся купюры, проценты и ценные бумаги, нежели женские прелести. А именно маленькое платье выгодно подчеркивало фигуру.

Надежда Викторовна оказалась дамой лет сорока. Она мило улыбнулась, оценивающе кивнув на платье. Наконец-то хоть кто-то оценил мой наряд! Я не успевала записывать какое кофе любит большой босс, сколько сахара и какие газеты ему принести. А потому, я решила со всем согласиться и сделать по-своему. Заверив Надежду Викторовну, что ее босс остается в надежных руках, я проводила ее до лифта и заняла кабинет. Было столько работы впереди!

На следующий день я первым делом занялась своим кабинетом и уже во второй половине дня он стал похож на стиль франсе. Конечно, будуара из него не сделаешь, но милую софу для отдыха я у завхоза

выпросила. Уютный модный плед и маленькие подушки сделали зону отдыха лучшей во всем квартале. В общем это все заняло у меня неделю. На следующую неделю меня вызвала секретарша босса. Она была рассержена, и я так поняла, что есть за что. Именно ей довелось неделю относить ему кофе, а здесь, как оказалось, это обязанность возлагалась на помощника босса. Я заверила, что все под контролем и, сварив кофе, понесла его к боссу.

Он сидел за столом, просматривая какие-то бумаги. Вручив мне стопку бумаг, поручил разобраться и сделать сводную к вечеру. Я не моргнула и глазом, решив, что он попросту шутит. Он внимательно посмотрел на меня, и его взгляд как бы спрашивал дошло ли до меня вообще. Я заверила, что все будет выполнено в срок и прилежно застыла, подумав, что ему не к чему придраться. Я была в брючном костюме строгого покроя, позволив себе лишь яркий цвет блузки и естественно, парфюм. Куда уж без этого! Парфюм мне нужен был словно воздух. Я жила им, дышала им всегда.

— Что это? — он посмотрел на чашку кофе.

— Кофе, — невозмутимо отвечала я.

— Такое ощущение, что вы туда духи свои плеснули, — нахмурился он.

— Вы даже не попробовали.

— А сколько сахара положили?

— От сахара набирают вес, а вам этого не надо.

— Соберите локоны, такое чувство, что даже волосы в кофе попали, — проворчал он, указав на дверь.

Вот зануда, подумала я, вылетая из кабинета. Пройдя к себе, я села на уже полюбившуюся софу и решила расслабиться. Но не тут-то было. Вскоре зашла секретарша босса, и занесла те самые папки. Оказалось, я их забыла у него на столе. Напомнив, что он точно не шутил, она слово в слово повторила ненавистное задание. Я была реалисткой и понимала, что такую сводную мне и за месяц не осилить. Обреченно вздохнув, я открыла первую папку. Кошмар. Цифры, кривые и статистические данные обступили меня со всех сторон, и я через примерно час уже была близка к увольнению. С сожалением посмотрев на софу, я подумала, что буду скучать по ней. Откинувшись в кресле, я стала вращаться, глядя на потолок. Я размышляла, когда бы зайти к нему, чтобы подать на увольнение. Однозначно эта работа была не для меня. И тут при повторном вращении, я увидела в дверях своего шефа. Он зашел в кабинет и прошел к столу.

— Не наигрались еще? — снисходительно спросил он.

— Увольняюсь, — сказала я, — мне не справиться со всеми папками. Я одна, а их вон сколько. Целых четыре!

— Так и быть, я вам помогу на первых порах, — сказал он и сел рядом.

Мы сидели долго, я вникала и оказалась способной ученицей. Где-то я уже справлялась без него, решив, что он сидит здесь исключительно из-за моего шарма и привлекательности. Предложив сварить кофе, я вышла и прошла на балкон. Вечером холодок приятно веял и день казался не пустым. Кажется, я достигаю успехов исключительно из-за своей притягательности. Эта мысль грела и я, сварив кофе, зашла в кабинет. Он тщательно сверял цифры, и взял чашку лишь после того, как закрыл папку.

— Ну вот и успели, — сказал он, — у вас есть еще час покрутиться на кресле до конца рабочего дня.

— Вы всегда будете мне так помогать?

— Нет. Дело не в вас, а в важности сводной, — ответил он.

Ага, так я и поверила, улыбнулась я, мне мог бы не лукавить. Ясно же, что я ему нравлюсь. Еще не хватало какой-то сводной и кривой уступать мне с моими то нарядами.

— Еще раз такое поручите, и я точно уволюсь, — пригрозила я.

— Угрожать вообще то должен я, — улыбнулся он.

— Я честно предупреждаю.

— А на что вы надеялись? Здесь придется работать с цифрами, а не заниматься декором кабинета. Неделю ведь на кабинет потратили!

— Это еще мало, — не уступала я.

— Хорошо, сводную будем делать вместе.

— Вы ее и без меня прекрасно делаете.

— Не наглейте. Обычно после Надежды Викторовны я не перепроверял сводные, а тут я их вообще сам делаю!

— Почему бы меня не уволить? — спросила я.

— Почему бы вам не дать второй шанс?

— Ладно, сводную делаем вместе. Вы все равно мне не даете делать, я лишь готовлю кофе и диктую цифры и то, вы заглядываете, правильно ли я диктую, — заметила я.

Мне хотелось спросить, зачем он вообще возится со мной, но он как-то быстро попрощался и ушел. Я покрутилась еще немного в кресле, полежала на софе с любимой книгой, поглядывая на камеру в углу. Я знала, что все камеры подключены к монитору шефа и он в любой момент может посмотреть на меня. Вспомнив, что я здесь в большинст-

ве своем валяюсь на софе, мне стало стыдно. Пережил все же, подумала я, удивляясь его стойкости.

Когда она зашла в мой кабинет, мне показалось, что это и есть та самая девушка. Я даже растерялся и не сразу понял, о чем она говорит. Я смутно надеялся, что оказался не прав, но нет, с каждой минутой она завоевывала мое расположение причем запросто. Решив отделаться от нее быстрее, я направил ее к Надежде Викторовне, заранее попросив ввести ее в курс дела. Да, определенно мне нужна именно такая помощница. Конечно, я понимал, что будут определенные сложности и в ее хорошенькой головке цифры точно не сойдутся. И потому решил помочь. Составив сводную для совета директоров, я позволил себе взглянуть на монитор сотрудников. Как всегда, перед выходом девушки поправляли макияж, мужчины все еще рассматривали бумаги, а кто-то громко разговаривал с ребенком. Заглянув к новенькой, я не удивился. Она спала на софе как у себя дома. Надо будет предупредить охрану, чтобы не выгоняли посреди ночи. Она мне еще пригодится в веренице деловых встреч. Давно уже все приходили с красивыми женщинами, представляя их коллегами, а мне некого было взять с собой. А теперь у меня тоже есть такая коллега. И если ее наряды такие же как вчерашнее платье, успех компании на переговорах будет обеспечен. Женщина приносит удачу именно своим нарядом и обворожительной улыбкой. Я уже представлял, как мои конкуренты зачастят ко мне в поисках нашей красавицы. Она была красива и очаровательна, но лично мне было не до служебных романов. Я решил держаться строго и в то же время по возможности помогать ей. У меня даже мелькнула мысль сосватать ее за какого-нибудь конкурента в интересах компании, но я тут же отказался от такой идеи. В конце концов, она ведь не крепостная, да и я не барин. Хотя жаль, иной раз не знаешь, что и сделать, чтобы обойти конкурентов и здесь смазливая мордашка будет кстати. Пусть помучаются конкуренты, думал я, видя в ней мощное оружие против мужчин. Красота — страшная сила. Это выражение как раз про нее. А пока мне оставалось закрыть глаза на все ее дурачества и вольности, которые к слову сказать, не выходили за рамки ее кабинета.

Прошла неделя, за которую уже все сотрудники поняли ее особое положение. Они также хорошо знали и меня, поэтому не задавали лишних вопросов. Кое кто думал, что она дочь самого главного шефа и поэтому на таком особом положении и даже сочувствовали мне. Я отмалчивался, незачем было им знать о ее предстоящей роли. Между тем

она цвела, удивляя с каждым днем буйством красок. Даже ее кофе, новый на вкус, был лучше. Ее парфюм витал в моем кабинете, расслабляя, отвлекая от работы, вызывая улыбку. Я изменился, подобрел к сотрудникам, словом, она стала меня менять. А этого я вовсе не ожидал и не был готов. Я хотел лишь использовать ее внешность, как это принято при переговорах, когда садишь за стол красотку и твой конкурент теряется, давая тебе фору. Ту самую фору, которую всегда не хватает.

Еще через неделю на первой же встрече мой конкурент испытал всю мощь женского обаяния и дрогнул. Самый циничный ловелас и тот не устоял перед живой красотой. Я снисходительно улыбнулся, когда он уступил мне пять процентов. Это был значительный сдвиг, за который крошке положен нехилый бонус.

Мой конкурент, Максимов Алексей Иванович попросту решил сбить меня с толку, приведя с собой новую помощницу. Ее звали Лера и она была неотразима. Я много повидал красивых женщин, но такой ребячливой красоты, милой и женственной видел впервые. Ей даже не надо было краситься, настолько естественно и ярко бросалась в глаза ее красота. И похоже, девушка знала об этом, выгодно подчеркнув свою фигурку изысканным платьем. Я даже подумал, что Максимов на гардеробе помощницы явно не сэкономил. И как быть, если за столом сидит девушка мечты, притягивая взор, мешая, одним словом. Я раз сто проклял Максимова, которому она вообще не мешала. Наоборот, он специально привез ее с собой, и теперь в его глазах торжествует победа. Он знает, что теперь я потеряю покой и буду чаще наведываться к нему. Личная помощница Максимова держалась непринужденно и легко. Было видно, что их ничто не связывает. Между ними точно ничего не было. Этот хитрый жук скорее возьмет деньги, чем расположение такой красотки.

Когда появляется какая-то красотка, которой от самой природы досталось все лучшее, мне остается лишь вздохнуть. Дело в том, что я уже не первый год работала на этаже шефа, бывало, даже готовила ему кофе, а именно кофе доверяют готовить самым доверенным лицам. Но вот явилась она и все мои старания пошли прахом. Шеф меня по-прежнему не замечает, а стоило ей приготовить кофе, как он вдруг стал расхваливать его. В общем ей удавалось угодить шефу даже не прилагая усилий. Из его кабинета то и дело слышался ее мелодичный

смех, он даже действовал на шефа, делая его добрее, а меня злее. Что тут скажешь, одним словом, я бы ее придушила. Тайно вздыхая по шефу, я где-то понимала, что он на меня никогда не взглянет, а тут еще она со своей неземной красотой. Думаешь, отчего мужчины теряют голову именно вот от таких. Все им подавай красивых и веселых, а не умных и строгих. Кстати о строгости. У меня действительно был строгий вид. Да еще и настолько, что не каждый специалист решался подойти ко мне с вопросом. Чаще всего все подходило к моим подчиненным. Их у меня было целых пять. И все пять знали на самом деле мою нежную натуру. Да, где-то в глубине души я была ранима, и они знали об этом. Узнав, отчего-то стали недоговаривать, а самая опытная вообще поразила меня с самого утра. Зинаида Ивановна зашла ко мне в кабинет и с ходу решила взять быка за рога. Определить приоритеты, так сказать. Это была женщина в раннем пенсионном возрасте, который ей даже не дашь. Она все еще оценивающе смотрела на сотрудников, буквально сканируя каждого, в том числе и шефа. Итак, Зинаида Ивановна зашла ко мне.

— Документы листаете? — участливо спросила она.

— Да, — соврала я.

— Ага, — кивнула она, — вся в работе, значит.

— Ну как всегда, — уклонилась я от всяческих расспросов.

Но, как водится, мне никогда не удавалось уклоняться от ее расспросов.

— Откуда она вообще появилась? Та пигалица, духами которой пропитан буквально весь этаж?

— Это не наше дело, вы же понимаете.

Говоря, «вы же понимаете», я обычно ставила точку, но, как оказалось, не в этот раз.

— И вы теперь страдаете, — заключила она.

Я чуть дрогнула от ее сочувствующего взгляда и этого было достаточно. Она тут же нарисовала план действий по удалению ненужной пигалицы. Как оказалось, по ней уже изводился конкурент шефа и даже навел справки.

— Конечно, я ее расхвалила, — со знанием дела говорила Зинаида Ивановна, — может, переманит к себе. Ну, там большой оклад, перспективы. Много что можно пообещать.

— Зинаида Ивановна, эта девушка вовсе не стерва, — заметила я, — ну не виновата же она в сложившихся обстоятельствах. Мужики от нее без ума. Особенно он.

— Шеф? — ухмыльнулась она, — я вас умоляю. Да он больше без ума от ваших отчетов.

— Именно от отчетов, а не..., — я красноречиво махнула рукой.

— Знаете, мы ему вас нахваливаем чуть ли не каждый день.

— Да? А зачем? — насторожилась я, — еще подумает, что я приказала.

— Нет, такое не прикажешь. В общем, сегодня в столовой моя повариха, ну, та, которую я устроила туда, пересолила ему еду. Он даже не поел. И я между прочим обронила, что у вас в холодильнике целый контейнер яств.

— Да? Но это же неправда.

— Вот, — она извлекла из большой сумки контейнер, — куплено в ресторане, переложено в домашний контейнер. Угостите, он скоро придет. И не смущайтесь вы его так!

— Не придет.

— Еще как придет. Я сказала, что вы и не знаете куда все это девать. В общем, накройте столик у окна в кабинете. Доставайте печенье, вазочку с конфетами и все такое. Сядьте так, будто сами решили пообедать.

— Зинаида Ивановна, у меня и так полно работы, а тут вы со своим контейнером и с сомнительными предложениями! — воскликнула я, — вот что мне теперь с этим всем делать?

И тут как по заказу ко мне постучался шеф. Увидев его, я моментально поставила контейнер на столик и достала из шкафа печенье.

— А мы тут пообедать решили, — сказала я, — не успели сходить на обед.

— Я как раз зашла отпроситься, — Зинаида Ивановна победоносно округлила глаза, — внука надо со школы забрать. Через час вернусь.

— Конечно, идите, — шеф открыл дверь и выпустил ее.

— Вы ко мне по делу? — холодно спросила я.

— Можем чай попить, — предложил он.

— Вас угостить или вы поели?

— Не откажусь, — улыбнулся он.

Мы сели за столик, и я все еще удивлялась, откуда Зинаида Ивановна знала, что план сработает. Интересно, а кто еще в курсе, думала я, разливая чай. Шеф в это время расхваливал свою новую помощницу, я поддакивала, тоже восхищаясь чем-то неземным, поскольку дельного у нее я не заметила. Не секрет, что даже сводную он сам делал с ней. Да, а вот со мной он бы не сел составлять отчет, подумала я, дружелюбно улыбаясь. Он также похвалил еду, заметив, что не в каждом

ресторане так готовят. Я подумала, что это все равно единичный случай, так как тратиться и кормить его себе в убыток считала верхом безрассудства. Понимая, что обед давно закончился, я удивилась, насколько уютно он себя здесь чувствует. Вольно расположившись на кресле, шеф продолжал говорить уже об аналитике, советуясь по работе. Должна признаться, со мной он любил посоветоваться. Я была как скорая помощь в затруднительной ситуации. Да, именно так он меня и рассматривал, не обращая внимания ни на мой новый костюм, ни на выющиеся локоны. Так думала я и ошибалась. Я по привычке взяла телефон и небрежно взглянула на сообщение. Надо признать оно сразу отрезвило меня и заставило сосредоточиться. Как оказалось, сообщение поступило с корпоративной карты, а это значит, его прочли не только я. Это был счет из того самого ресторана, где Зинаида Ивановна купила еду. Сделав вид, что ничего не случилось, я небрежно кинула телефон на диван. Шеф вопросительно посмотрел, и я махнула рукой. Мол, ничего важного. Он кивнул, и вскоре мы попрощались. Интересно, обращает ли он внимание на сообщения из банка, думала я, зная, что да. И как же теперь быть? Мне уже звонила Зинаида Ивановна, громко возмущаясь этим сообщением. Она и не знала, что корпоративная карта привязана абсолютно ко всем. Да, счет был общий, но обман оказался лишь мой. Я заверила, что справлюсь, на что Зинаида Ивановна заявила, что, если что, возьмет вину на себя. В конце концов, шеф вкусно покушал, а ведь я и не говорила, что готовила сама, думала я, решив, что не все так страшно.

Я вдруг вспомнила о модном шаге, как назвал нашу новенькую шеф. Он говорил, что мы шагнем с ней в бесприкрытое будущее, где ее красота поддержит наши проекты. Если честно, он был прав. Нам нужна была красотка, которой ничего не стоит влюбить в себя конкурентов. И вот такая наконец-то появилась. Вопрос лишь в том, не влюбит ли в нее сам шеф?

СТИХИ

Валентина Карпушина

Москва

ПУТЬ К УСПЕХУ

Неудачи — это часть успеха.
Каждый промах — это путь к нему.
Для кого-то — он предлог для смеха.
Для кого-то — полный крах всему.
Мудрость достигается в учёбе.
Разложив по полочкам итог,
Наступив на те же грабли, чтобы
Вывод правильный ты сделать смог.
Всё, что будет нужно — это слушать
И смотреть, и верить лишь себе.
Из возможного извлечь, что лучше.
Так достигнуть можно всех побед.
Выгодней владеть совсем немногим,
Чем иметь премного ничего.
Неисповедимы все дороги.
Надо только думать головой.

СНОВА НЕ СПИТСЯ

Снова не спится.
В сердце как спица
Впилась сомнения сталь.
Не до стихов мне,
Выпито кофе.
Он как спасение стал.
Белый как лебедь
Месяц. А лепет
Птицы безмозглой взбесил.
Жить как вслепую.
В полночь слепую
Я снова, словно без сил.

Здесь я чужая.
Я уезжаю,
Чтобы понять свой удел.
Как на охоту,
Хоть не охота,
Чтобы остаться у дел.

НУЖЕН — НЕ НУЖЕН

Работа — как дом для мужчины,
Когда он беспомощным стал.
Когда вниз скатился с вершины,
Профукав сто шансов из ста.
Когда стал убогим и нищим,
С авто пересел на метро.
Когда предостаточно пищи
Дал сплетням и массе острот.
Работа как повод забыть,
Уйти от семейных проблем.
Не видеть любимые лица,
Заполнив возникший пробел.
Нет этого кажется, хуже.
И лучше ему одному.
Готов он к тому, что не нужен,
Стал больше уже никому.
Но только не нужен не нищий,
А сдавшийся в лапы судьбе.
Любовь нас ведь делает чище.
Она — как лекарство от бед.

СНІСО МІО^{1*}

У меня есть один секрет,
О котором не знает никто.
Сколько лет? Много долгих лет
В сердце зреет невидимый шторм.

¹ Мой мальчик (исп).

И мифическая стена,
Что преградой была на пути,
Им размыта сейчас она.
Можно дальше теперь идти.
Рухнув, строятся вновь мосты.
В искрах пламя рождается вновь.
Неизменным остался ты:
Chico mio из призрачных снов.

ПРОСТИ

Прости за резкие слова.
Тебя обидела я сильно.
Давай помиримся. Давай?
Я поступила некрасиво.
Но только ты меня пойми.
Всё было от безмерной боли,
Что наш несправедливый мир
Нам даровал такие роли.
Пугливой кошкой от судьбы
Хотела я сбежать. Куда там!
Мой выпад — он защитой был
От чувств к тебе. И это правда.
Прости меня. Я не могу
Тебя терзать и дальше мучить.
Я не хотела. Я не лгу.
Ты как и прежде самый лучший.

ДВА ЧАСА ДО ВЕСНЫ

Февраль по небу тучи гонит,
Исполнив в небе пируэт.
На расстоянии ладони
Не виден ни один предмет.
Как будто дымом тёмно-серым
Вокруг окутаны дома.
Но через тучи в атмосфере
Окно проделала зима.

Как призрак, сквозь порывы бури
Моста пробился силуэт.
Он выгнул средь февральской хмури
Над речкой свой стальной хребет.
Но буре введома усталость.
Пропали тучи в небесах.
Взошла Луна, когда осталось
До марта только два часа.

ОСТАНЬСЯ!

На улицах сгустилась ночь,
Как будто сливовый кисель.
Ботинки будут вновь толочь
Луж ледяную карамель.
Как будто барабанный бой
Пред казнью дробь твоих шагов.
Туда, где нет меня с тобой,
Ведёт пунктир твоих следов.
В молчании бредут пальто
Безликих личностей во тьме.
Сугроб похож на сдобный торт.
А снег — на растолчённый мел.
Мне нечем стало вдруг дышать.
Стою как столб, не шевелясь.
А ты уходишь, неспеша,
Навек порвав меж нами связь.
Я буду честной — отпустить
Тебя я вовсе не хочу.
Твой взгляд, как дуло у виска.
«Останься»! — вслед тебе кричу.

ПОД МУЗЫКУ МАРТА

Прогулка по парку под музыку марта
(Не помню, как классика звали в эфире).
Весна в положении главного старта
Звенит по сосулькам, как будто по лире.

Ещё этот день навсегда не зачёркнут,
Ещё по дорогам танцуют метели.
Но в этом их танце почти обречённом,
Слышны серебристые звуки капли.
Растают снега, в ручейки превратившись.
Тропинки утонут в грязи по колено.
И в чувствах, быть может, настало затишье,
Как пауза, данная мудрой вселенной.
Чтоб бег свой по жизни немного умерить,
Осмыслить её непростые нюансы.
Понять, что ломиться в открытые двери,
И делать вне бала смешно реверансы.
Но вот и закончилось зимнее время.
Теперь позади бег за призрачной тенью,
Которая тает, забытая всеми,
Уйдя навсегда за последней метелью.
Красивая смерть на ладони снежинок
Под музыку марта в весеннем эфире
Как признак — закончился вновь поединок
Весны и зимы в их неравном турнире.

ДЕВЯТЬ БЕЗ ПЯТИ

Смотрю в окно и вижу кошку.
А время — девять без пяти.
Апрель. Темнеет понемножку,
Как в зале оперы почти.
Как будто гаснет пред премьерой
В хрустальной люстре яркий свет,
Создав для действия атмосферу,
Ему отдав приоритет.
Чирикнула спросонья птаха,
А кошка медленно идёт,
Не зная робости и страха,
Ведь у неё полно забот.
Ей всё равно, что кто-то смотрит
Из-за портьеры сквозь стекло.
Ведь ей не до чужих историй,
И что кому-то тяжело.

Она, как и присуще кошке,
Сама гуляет по себе.
Сирена воет неотложки...
Ей дела нет до чьих-то бед.
Бредёт в потоке полумрака
Безмолвным призраком в ночи.
Зазря тревожиться однако
Нет веских у неё причин.

ЭТИ ГЛАЗА

Цвета турецкого чёрного кофе,
Эти глаза тона бархатной мглы.
Рай неземной и моя катастрофа,
Власти источник, мои кандалы.
Сумерки поздние в них утонули,
Весь окружающий мир поглотив.
Выстрелив в сердце в упор, словно пули,
Мне не оставив иных перспектив.
Цвета полуночи, сумрака цвета,
Путь на вершину, падение в ад.
Свет тёмных звёзд накануне рассвета.
И мне теперь нет дороги назад.

ИГРА В «КОШКИ-МЫШКИ»

Мне давно надоела вся эта игра:
Шаг вперёд и два шага поспешно назад.
То обещанный рай, то пылающий ад,
Где сгорает дотла всё в стихии костра.
Эти «кошки и мышки» — зачем мне они?
Не хочу я метаться меж благом и злом:
То великое счастье, то нервы узлом.
И всё это порою абсурду сродни.
Надоела мне эта пустая игра.
Не впервой поражение мне принимать.
Я не гордая вовсе. Но лжи рукоять
Мне извлечь из груди наступила пора.

Я давно догадалась: ты просто плейбой.
Все маневры понятны мне в этой игре.
Неужели не знаешь, что это ведь грех
Из корысти использовать чью-то любовь?

ПОВОД ДЛЯ ВСТРЕЧ

Холод как повод для тёплых встреч,
Чтобы немного себя развлечь,
Чтоб согривалась в руке рука
Ночью морозной. Наверняка.
Только как кончатся холода,
Вряд ли возникнет предлог тогда,
Вот для таких необычных встреч,
Стало не нужно тепло беречь.
Если на улице будет плюс,
Сразу развалится тот союз,
Что был основан на холодах.
Крепким лишь будет мороз во льдах.

СЛЕДЫ В НИКУДА

Блестящие как будто из слюды,
Сломали тонкий лёд твои следы,
Стремящиеся в вечность от меня.
В них меркнет свет танцующей звезды
И на замёрзшей плоскости воды
Погас и умер свет былого дня.
А там, за поворотом стелет дым
И прячет от меня твои следы,
Позёмка белым снегом их, накрыв.
Дуб у подъезда сделался седым.
Луна на небе как большой волдырь.
Наш неизбежен был с тобой разрыв.
Рубинами горят калин плоды,
Зияют в ткани неба сотни дыр
Средь снежных егозливых облаков.
Уходят в никуда твои следы.

И в мире нет ужаснее беды,
Чем навсегда почившая любовь.

ЕСЛИ НЕ СБЫЛАСЬ МЕЧТА

Если не сбылась мечта, так возьми антракт,
Сделай паузу пока для перезагрузки.
И не надо вновь твердить: счастья нет. Не факт.
Рамки нужно разрушать, если рамки узки.
Не спеши своих коней впопыхах запрячь,
Кони вряд ли оттого вдруг быстрее поскачут.
Будь же просто терпелив. Ясно — кто горяч,
Может редкую спугнуть навсегда удачу.
А пока ещё мечта не сбылась, прими
Этот явный факт, возьми, сделай передышку.
И пускай замрёт пока, ожидая мир,
Нет того, что может быть чересчур и слишком.

НЕ УХОДИ!

Не отпущу и даже не надейся.
Ещё не вышел срок, не уходи.
Пока есть время жить, ты слышишь? Здесь я!
Я рядом. И ты вовсе не один.
Я не твоя. Но всё ещё возможно —
Разряд желаний и пурпур гвоздик.
Всё в нашем случае безмерно сложно.
Но я прошу тебя. Не уходи!

ПАМЯТИ ДРУГА

Вадиму Шильцыну посвящается

Твоя звезда в ночи погасла
И стало на земле темней.
Закончилась в потёмках трасса
У двери в мир людских теней.
Что там, за гранью, ожидает?

Луга Олирны¹ или тьма?
Из нас никто не умирает,
Я в это верю. И весьма.
А свет твоей души всё также
Дорогу будет озарять.
Лишь скорби тень на сердце ляжет,
Что не взойдёт твоя заря.

ЛЕТИ, МОЙ ГОЛУБЬ!

Илье Бестужеву посвящается

Лети, мой голубь, в солнечную даль.
Туда где нет врагов, плюющих в спину,
Где гасит тёплый луч души печаль,
Оковы превращая в паутину.
Лети, мой голубь! Разбивай крылом
Преграду между жизнью и меж смертью.
Твоё так рано время истекло,
Покончил ты с земною круговертью.
Лети! Прости за то, что не сбылось —
За нелюбовь, за всё, что не случилось.
Скрипит натружено земная ось,
А над Землёй сменяются светила.
Лети, мой голубь сизокрылый. Жаль
Считать из года в год мои потери.
Прости за всё. За смех мой и печаль.
Окно открыто, где закрыты двери.

АВГУСТ. НОЧЬ.

Сумрак, словно зонтик тёмно-синий.
Одинокий ужин при свечах.
Ночь опять в свою вступила силу,
День признал пред нею снова крах.
Око приоткрытого окошка,

¹ Олирна — первый из миров просветления, страна усопших.

Не мигая, смотрит сверху вниз.
Бродит под балконом чья-то кошка.
Лунным светом весь залит карниз.
Сонная герань и спящий кактус,
У подъезда ровный ряд машин.
Щит рекламный вдалеке. Ночь. Август.
Я сейчас одна и ты один.

РОМАШКА

Для кого-то ромашка — цветок для гаданий,
Для кого-то она — символ чистой любви.
Или солнца двойник на земле, небом данный.
И прообраз в растениях древних сивилл.
Кто-то видит в ромашке романтику лета.
Ну, а кто-то яичницу на стебельке.
Для поэта тракторка такая нелепа,
А голодному чудится пища в цветке.

Дмитрий Учитель

Днепр, Украина

На стыке городских
Дорог и полевых,

Давно полуглухих
В бетонном далеке,

Микрорайон затих
У зноя в кулаке.

Как много глаз вокруг!
Как неотступен зной!

И не хватает рук
Вернуть его домой...

ПОСУДНЫЙ ШКАФ (2008-2024)

Жители посудного шкафа —
чашки, сахарницы, тарелки, супницы —
сбравшись в кружок,
просят хором:
"Не бросайте нас одних
На свету!
От света в комнатах
У нас резь в глазах
И головокружение.
А тьма,
Живущая в шкафу,
По капле перетекает
К вам.
От нее не скрыться.
Разве что вы однажды
Породнитесь..."

ГЛИНТВЕЙН (2000е-2024)

В ансамбле предзимья привычно сошлись,
Гортань обжигая тягуче и щедро,
Корица, гвоздика, имбирь и анис,
Мускатный орех и лимонная цедра.

В их музыке терпкой — двойная печать
Тоски, о которой не грех промолчать.
Конечно, срастётся... Так было веками.

Гори же, огонь прирученный, гори,
Знобяще глубок, оседая внутри
Невидимыми угольками...

ПОВЕСТЬ

Дмитрий Игнатов

Воронеж

ДЕМОН ПЕЙНА

Яркое летнее солнце, пробиваясь сквозь зелёную листву деревьев, заполняло комнату. Ощущая солнечное тепло на своём лице, Алексей, наконец, проснулся, открыл глаза, и тот час же снова зажмурился от яркого света. Сегодня он проспал неприлично долго. На часах было уже почти 9 утра. Убедившись, что на телефоне нет пропущенных вызовов, Алексей неторопливо опустил босые ноги на пол и прошёл на кухню.

Там тоже всё было залито солнцем. Свет струился из широких раздвижных стеклянных дверей балкона, рассыпался на тысячи желтоватых брызг в пузатой стекляшке графина, пятнистыми зайчиками прыгал по поверхности кухонного стола и шкафчиков, блестел в зеркальной поверхности холодильника. Алексей достал из него одноразовый пластиковый поддон с замороженной котлетой и картофельным пюре, небрежным движением бросил его в микроволновку и нажал кнопку. Потом включил кофе-машину и, широко распахнув стеклянные ставни, вышел на балкон.

Свежий воздух приятно ударил в лицо. Из старого парка, раскинувшегося прямо под окнами, ветер приносил лесную прохладу, запахи липы и сирени. Чуть опершись на перила и слегка свесившись вперёд, Алексей, наслаждался видом со своего пятого этажа, ожидая завтрака. Впрочем, больше его привлекал, конечно, не пейзаж, а симпатичная незнакомка, бегущая между деревьями по вымощенной дорожке. Алексей давно её заметил, потому что свою пробежку она совершала каждый день, и по её появлению в парке можно было сверять часы.

Как обычно, она бежала, полностью сконцентрировавшись на процессе, не глядя по сторонам. Её длинные прямые волосы светло-соломенного цвета, подхваченные на лбу широким эластичным ободком, словно хвост кометы развевались во встречных потоках воздуха. Роскошная грудь, плотно обхваченная спортивным топом, ритмично вздымалась на каждом вдохе, а беговые шортики подчёркивали прекрасно проработанные в спортзале бёдра и ягодицы.

Однако сильнее всех вышеперечисленных прелестей Алексея привлекала правая нога незнакомки. Примерно от двух третей бедра, чуть выше колена и до самого низа она представляла собой бионический протез с белыми пластиковыми накладками поверх стальной основы. Шаровые шарниры в колене и голени обеспечивали полную подвижность конструкции, а миниатюрные сервоприводы позволяли мозгу интуитивно управлять ей, словно живой ногой. Настоящий инженерный шедевр. Алексей не испытывал никакой особенной симпатии к инвалидам, но в данном конкретном случае эта физиологическая особенность ни сколько не портила свою обладательницу. Напротив, придавала ей ещё больше привлекательности.

— Так ты дома, сосед! — прервал мечтания Алексея знакомый хрипловатый голос. На соседнем балконе стоял Владимир Михайлович, полностью седой, но крепкий старик. Одетый в футболку камуфляжного цвета, чуть улыбающийся, поплёскивающий золотым зубом и выдыхающий едкий дым крепких старомодных сигарет без фильтра, он напоминал старого отставного вояку, хотя совершенно точно было известно, что всю свою жизнь отработал заместителем по снабжению какого-то довоенного электронно-штамповочного предприятия.

— Доброе утро, — улыбнулся в ответ Алексей.

— А я тебе в дверь позвонил, а ты не слышишь. К тебе корыстный интерес есть... Ты в этих смартфонах сечёшь? — не выпуская сигарету из зубов, спросил Владимир Михайлович.

— Секу, — ответил Алексей.

— Ну, и отлично... Ты там, поди, завтракать только собрался. А после зайди ко мне, если не сложно. Подскажешь.

Алексей молча кивнул. Микроволновка действительно давно надрылась, истошно сигнализируя о готовности. По кухне расплзался ароматный запах кофе. Алексей неторопливо и аккуратно, чтобы не обжечь пальцы, оторвал защитную плёнку на контейнере с разогревшимся завтраком, бросил в кофе пару кусков сахара и включил ноутбук, стоящий на столе, чтобы как обычно совместить приём пищи и просмотр сетевых новостей.

«На улицы города выпущено более 500 беспилотных грузовиков новой модели»; «Состоялась миллиардная доставка товара дроном», «Сетевое сообщество отмечает участившиеся случаи отказа лифтов. Разработчики Г.А. обещают разобраться», «Спрос на роботы-пылесосы снизился из-за активности общественного движения "Сделай это руками!"».

Доедая остатки завтрака, Алексей задумчиво оглядел комнату. Прибраться, конечно, не мешало бы, но заставлять Владимира Михайловича ждать будет невежливо. Алексей сунул босые ноги в сланцы, натянул поверх помятой футболки не менее помятую толстовку и вышел из квартиры.

Комната была погружена в полумрак. Весь оконный проём от самого потолка до пола закрывали плотные шторы, между которых пробирався только узкий лучик солнца. Синеватый мерцающий свет монитора падал на смятое одеяло с узором из переплетенных фиолетовых листьев. Под ним угадывалась женская фигура, а в сторону безжизненно торчала рука с фенечкой из крупных оранжевых бусин на запястье.

Где-то под разложенным диваном заунывно заиграл смартфон. Рука дрогнула и попыталась нащупать его. После того, как из этого ничего не получилось, из-под одеяла показалась растрепанная голова Анны. Она свесилась с дивана, некоторое время шарила под ним и, наконец, достав мобильный, отключила надоедливый будильник. Она ещё немного полежала, раскинув руки в стороны и закрыв глаза, а потом медленно поднялась, подтянула сползшие за ночь с ягодичек трусики в широкую голубую полоску и поплелась в ванную.

— Ну и видок, — констатировала Анна, глядя на себя в зеркало. Её волосы, выкрашенные в модный мятный оттенок, были спутаны словно старая мочалка. Заспанные глаза с полопавшимися в белках сосудами были обрамлены раскрасневшимися воспалёнными веками. А под ними темнели подглазины, характерные для человека с хроническими нарушениями сна.

— Рима, проснись! — громко произнесла Анна, выдавливая пасту на зубную щётку.

Первым распознав голос хозяйки, ожил оставленный на диване смартфон. Затем приложение запустилось и на компьютере, а через пару секунд из включившегося проектора на стену спроецировалось женское лицо.

— Доброе утро, Анна. Как ты спала?

— Как обычно... Одна, — сплёвывая воду пробормотала девушка, — Новости?

— «На улицы города выпущено более 500 беспилотных грузовиков новой модели»; «Состоялась миллиардная доставка товара дроном», «Сетевое сообщество отмечает участвовавшие случаи отказа лифтов. Разработчики Г.А. обещают разобраться»...

— Скучно... Достаточно. Что в почте?

— Одно письмо, — женское лицо на стене снова исчезло, а вместо него открылось окно почтового приложения.

— Читай, — усердно намыливая лицо велела Анна.

— Уважаемая Анна, с удовольствием сообщаем, что вы успешно справились с нашим конкурсным заданием. Если вы по-прежнему заинтересованы в работе на «Глобал Автоматикс», то будем рады видеть вас в нашем головном офисе завтра в 10:00, чтобы обсудить условия дальнейшего сотрудничества. С уважением, отдел кадров Г.А.

— Когда пришло письмо? — не скрывая волнения спросила девушка.

— Вчера в 17:55.

— И... Почему ты мне говоришь об этом только сейчас?

— В 01:24, когда ты пришла домой, была команда...

— Какая ещё к чёрту команда?!

Вместо ответа компьютер включил повторное воспроизведение записи, на которой голос подвыпившей Анны истерично проорал: «Заткнись, сучка! Спать, бл..ть!»

Анна раздражённо потёрла свои виски пальцами, пытаясь что-то сообразить. Получалось это плохо, потому что голова девушки раскалывалась от ужасной боли.

— А который сейчас час?

— Текущее время 9 часов 38 минут, — хладнокровно ответила Рима.

— П..здец! — выпалила Анна и, забегала по комнате, спотыкаясь об окружающие предметы и путаясь в одежде, пытаясь натянуть её на себя.

Буквально за 3 минуты Анна уже была готова к деловому собеседованию. Наспех расчёсанные ментоловые волосы собраны в пышный хвостик. С ними по цвету идеально гармонировали качественно вытертые на попе короткие джинсовые шортики с бахромой по низу. Чёрная майка с надписью «Слэйер» и надетая поверх неё нараспашку красная рубашка в клетку завершали модный лук, ломающий все нормы любого мыслимого дресс-кода. Ещё через минуту девушка уже сбегала со звонким топотом по лестнице, а ещё через минуту резво катилась по асфальтовой дорожке верхом на своём электровелосипеде.

— Рима, я успеваю?

— Расчётное время прибытия 10:08, — ответила помощница.

— Это плохо....

— Замечу, что осталось всего 10% заряда аккумулятора. При такой скорости на обратную дорогу его не хватит.

— Пофиг... Обратной дороги нет, — решительно ответила Анна и ещё прибавила скорость.

— Проходи! Не парься, не разувайся! — сказал Владимир Михайлович, пропуская Алексея вперёд в комнату.

Такая же, как и у него, квартира только в зеркальном отражении, была обставлена в атмосфере советского ретро образца 60-х годов. Лёгкая мебель на длинных круглых ножках с поверхностями древесных текстур в тёплых светлых тонах, полки со стеклянными створками, а внутри — ровные ряды книжных корешков. Непременный белый тюль на окнах, синтетический ковёр посреди комнаты и разросшийся фикус в углу.

Алексей читал о том времени. Период внезапного вольнодумства, подъём энтузиазма и творческих сил на фоне первых полётов в космос и достижений ядерной энергетики. Романтикам от науки того периода казалось, что вот-вот и начнётся колонизация иных миров, а на Земле практически в каждом автомобиле будет работать ядерный реактор.

В настоящие мысли Алексея вернул робот-пылесос, внезапно выползший из-под шкафа. Он деликатно потёрся о ногу Владимира Михайловича и пополз на кухню.

— Почему вы не включите «тихий режим»? Он бы убирал тогда, когда вас нет дома.

— Да я почти всегда дома, — ответил пенсионер, — И потом мой кот сдох 2 года назад, и эта штука мне уже почти как домашнее животное.

— Вы сказали, что какая-то проблема со смартфоном? — перевёл Алексей разговор в деловое русло.

— Да... Вот, смотри! — начал показывать пенсионер, — Вот в этой приложухе, через которую я отовариваюсь, почему-то пропал второй пакет молока. Я проверил, аккаунт мой... Мне, в принципе, сейчас и одного хватает, но было же два. Норму по этим вашим карточкам что ли снизили?

Алексей внутренне улыбнулся от упоминания карточек, но серьёзно ответил:

— Не волнуйтесь. Вот смотрите... Заходим в «Дополнительно». Выбираем «Расширить лимит по товарам». И добавляем тут плюсиком... Завтра будет оставлять по два пакета.

— Усёк... А почему настройка-то отвалилась? Или это «большой брат» своими камерами увидел, что моя супружница к внукам погостить уехала?

— «Большой брат», конечно, увидел, но настройка сменилась не поэтому. Просто вы неделю забирали вместо двух только один пакет, и система подстроилась под ваши потребности.

— Понимаю... Экономика должна быть экономной.

— Точно, — улыбнулся Алексей, — Ну, я пойду... Мне ещё на работу надо.

— А ты работаешь что ли? — удивился Владимир Михайлович, — Я думал ты тоже на «безусловке» сидишь? Всё дома обычно...

— Я дома обычно и работаю.

— В Г.А.?

— Да.

— Зачем я спросил... Сейчас практически все работают в Г.А. Ну бывай! Спасибо, сосед.

Алексей ещё раз молча улыбнулся и вышел на лестничную площадку. Проемы окон слева и справа были обрамлены рядами зелёных прозрачных блоков. Дневной свет, проходивший сквозь них, раскрашивал стены подъезда красивыми квадратными бликами.

— Изумрудный город, — мысленно проговорил Алексей, — А вот и железный дровосек...

На первом этаже робот-маляр невозмутимо красил стену. Почти вжавшись в неё своим плоским телом, он вверх и вниз монотонно водил соплом по направляющим, напыляя краску на поверхность слой за слоем. Почувствовав приближение человека, он замер, вкрадчивым поворотом вебкамер проводил Алексея до выхода и продолжил работать.

Коридор на третьем этаже здания «Глобал Автоматикс» больше напоминал оранжерею. Перед широкими окнами, на полу, подоконниках и подставках разных форм и размеров в какой-то странной хаотической последовательности были расставлены кадки и горшки с цветами: ветвистые фикусы, раскидистые пальмы и осоки, продолговатые кактусы. С яркими цветами и без них, с узорчатыми листьями и вовсе без листьев. Казалось, что этот коридор, да и само здание, были предназначены вовсе не для людей, а для растений.

По-крайней мере, Анна пока не встретила здесь ни одного человека, кроме голограммы девушки на ресепшене, важно, но любезно сообщившей: «Алексей Владимирович будет ждать вас в кабинете №303».

Решив не дожидаться медленного стеклянного лифта, Анна торопливо поднялась по широкой лестнице, прошла по утопающему в зелени коридору, подёргала ручку двери с заветным номером 303, которая оказалась заперта, и громко плюхнулась на нелепый, но удобный диван-грушу из какой-то мягкой пушистой синтетики, и устало выдохнула.

Над диваном, прямо над головой Анны, тикали старомодные кварцевые часы со стрелками. Судя по ним, сейчас было 10 часов 16 минут. Анна сверилась со своим смартфоном и убедилась, что время правильное.

Всеобщая тишина и безлюдность, обилие немногословных растений и монотонное тиканье раздражающих часов только усиливали беспокойство девушки. Безусловный доход и случайные фрилансерские заказы в принципе позволяли ей сносно питаться и одеваться, но постоянная работа манила возможностью серьёзно повысить свой статус. В конце концов она стремилась к этому, проходя открытые тесты и выполняя персональные задания.

В какой-то момент Анна даже подумала, что никакой встречи в Г.А. ей назначено не было, а всё было каким-то чертовски хорошо спланированным глупым розыгрышем. Или, что ещё хуже, всё это было последней проверкой на пунктуальность, которую она с успехом провалила.

«Неужели я снова вот так вот бездарно всё просрала?» — спросила девушка сама себя, но её горестные мысли прервало появление в коридоре слегка сутулого молодого человека с прямоугольной сумкой через плечо. Он расслабленной шаркающей походкой прошёл до двери №303, подёргал ручку и молча посмотрел на Анну.

— Закрыто?

— Не видишь? Да, блин, — резко ответила девушка, сразу перейдя к наступательным действиям, — А ты тоже на собеседование? Мне к Алексею Владимировичу назначено на 10.

— А-а-а, понятно... — протянул парень, начиная шарить по карманам толстовки.

— Что «понятно»? За мной будешь! — огрызнулась Анна, почувствовав конкуренцию.

— Да не кипешуй ты так... Прямо с утра, — парень извлёк магнитную карточку из заднего кармана джинсов, провёл ей через щель электронного замка, и дверь открылась, — Это я Алексей Владимирович. Сейчас только бук брошу и начнём.

Алексей зашёл в кабинет, небрежно бросил сумку на стол, с усилием закрыл дверь и непринуждённо обратился к Анне:

— Ну, пошли...

Не зная, как лучше реагировать в такой конфузной ситуации, девушка молча поднялась с места и последовала за Алексеем.

Они спустились по лестнице, вышли из здания и пошли по дорожке, огибающей ещё несколько таких же стеклянных корпусов Г.А., образующих своеобразный кампус, и уходящей в тенистый парк за ними.

Алексей молча шёл чуть впереди, засунув руки в карманы своей вытянутой мятой толстовки, глядя прямо перед собой и явно не торопился. Анна решила прервать молчание первой.

— Вы, извините меня, пожалуйста... Я подумала, что вы тоже соискатель...

— Да ладно, расслабься. Ты уже перешла со мной на «ты». Можешь продолжать, — усмехнулся Алексей.

— А что с собеседованием?

— Оно уже началось.

— А, ок...

— Слушаешь «Слэйер»? — обратив внимание на футболку девушки, спросил Алексей, чтобы хоть как-то разрядить напряжённую атмосферу.

— Да... Нет... Это просто, чтобы на парней впечатление производить. Типа, для коммуникации, — неожиданно для себя самой честно ответила Анна.

— Умно! — усмехнулся Алексей в ответ, — Ты ведь психолог по первому образованию, правильно? А кодишь давно?

— Ну, лет пять.. Или шесть... Сначала на Си..

— Да ладно, это не важно! Это всё и так написано у тебя в резюме, — махнул рукой Алексей.

— Тогда, что бы вы... Что бы ты хотел узнать?

— Не знаю, — пожал плечами парень, — Хотел бы познакомиться просто. Понять, какая у тебя внутренняя мотивация, какие ценности, с кем нам придётся работать. Словом, то, что не видно по коду.

— Мотивация? — Анна задумалась, — Ну, деньги, конечно. Ну, и в целом... Работать в Г.А. — это же, блин, круто.

— Понятно, — слегка погрустнев, проговорил Алексей, — Я, конечно, не психолог... А совсем наоборот — математик. И когда я 5 лет назад пришёл в «Глобал Автоматикс», то считал, что мы будем делать мир лучше. Был очень воодушевлён, короче говоря...

— А потом?

— А потом успокоился, — парень сделал паузу и внимательно посмотрел на девушку, — Так что, возможно, тебе будет даже проще.

— Я готова к тому, что будет сложно.

Они вышли на широкую парковую аллею с дорожкой, выложенной плиткой в форме ромбов, образующих двухцветный узор из пятиконечных звёзд и многоугольников наподобие гигантских сот.

— Мозаика Пенроуза. Красиво, — как бы случайно и непринуждённо заметила Анна.

Алексей слегка удивлённо посмотрел на девушку и одобрительно хмыкнул.

Неожиданно мимо по дорожке пронёсся парень на электро-скутере.

— Привет, Лёх! — на ходу махнул он рукой Алексею, — Клёвая тёлка! В клёвой майке!

— «Тёлка»? Это что сексуальное домогательство на работе? — игриво засмеялась Анна, глядя вслед удаляющемуся парню на скутере.

— Нет, — спокойно ответил Алексей, — Это всего лишь Михаил, разработчик роботизированных систем. Он просто всегда так общается.

— Жаль...

— Извини, у нас не практикуют секс на работе и вообще с коллегами, — то ли в шутку, то ли всерьёз занудно продолжил тему Алексей, — От этого всегда снижается производительность, и вообще много проблем.

— Но ведь сейчас почти все работают на Г.А....

— Я и говорю... Много проблем.

— А людей здесь почему-то мало...— оглядываясь по сторонам, заметила Анна.

— Иногда здесь проводятся конференции, иногда испытания оборудования. Большинство сотрудников работают дома, поэтому сюда мало кто приходит ежедневно. Хотя можно приходить, в принципе, в любое время, если хочется. Территория охраняется автоматической системой безопасности. Почти 100 гектар лесопарка с велодорожками, освещением и полным покрытием WiFi. Я захожу сюда подумать, прогуляться и заодно проверить всё. Михаил любит кататься на всяких электрических штуках с колёсами.

-Тут клёво, — одобрительным кивком подтвердила девушка.

— Кстати, вот там чуть дальше, — Алексей показал рукой чуть в сторону от основной аллеи, — очень красивая кленовая роща и крытые беседки с лавками вокруг небольшого озера. Обязательно посмотри, как-нибудь...

— Я... Посмотрю... Это значит, что я в команде?

— Да, — ответил Алексей, — На самом деле решение о твоём зачислении нейросеть приняла ещё вчера, и у меня нет оснований не до-

верить её решению, но пообщаться с тобой вот так неформально, ду-маю, было полезно.

— Уверена, что да.

— Тогда осваивайся. У меня тут ещё есть кое-какие дела, а у тебя сегодня все возможности, чтобы осмотреться. Если потребуешься, тебе всё будет приходиться на почту. Так что не забывай проверять... как вчера.

Он слегка улыбнулся, на несколько секунд взял Анну за руку, изобразив лёгкое и неловкое рукопожатие, а потом снова засунул руки в карманы и пошёл в сторону корпусов.

Ступени эскалатора медленно увлекали Анну вниз по светящемуся сводчатому туннелю. От чёрных резиновых поручней и круглых желтоватых светильников, монотонно проплывающих мимо, исходило приятное тепло.

«Лампово», — про себя проговорила девушка, мысленно оценивая окружающую атмосферу. Она очень давно не спускалась в метро, но сегодня была просто вынуждена это сделать, ведь её электровелосипед с опустошённым аккумулятором остался ночевать на зарядной станции около здания Г.А., а добраться домой каким-то образом было необходимо.

Вечерело. В этот момент народу в метро всегда становится больше. Кто-то возвращается с работы, кто-то, наоборот, отправляется отбывать тихую ночную смену. В потоке людей Анна спустилась вниз и на пару минут задержалась возле схемы веток из разноцветных перекрещенных линий. Внезапно кто-то резко дёрнул её в сторону. От неожиданности девушка вскрикнула, в последний момент поняв, что с её плеча только что сорвали рюкзак, в котором находился и ноутбук, и смартфон.

Мгновенно найдя в толпе удаляющегося вора, Анна решительно рванула за ним. Впрочем, шансы были не велики. Худощавый парень в чёрной толстовке с наброшенным на голову капюшоном ловко лавировал между людьми, безвозвратно удаляясь со своей добычей.

Анна уже мысленно смирилась, что навсегда потеряет свои девайсы, но тут произошло нечто, что заставило её засомневаться в реальности происходящего. Припаркованный у стены громоздкий робот-уборщик вдруг ожил, и в тот момент, когда воришка поравнялся с ним, буквально наехал на него, сбив с ног. Воспользовавшись этим счастли-

вым случаем, Анна подскочила к парню, который скрючился на полу от боли, выхватила свой рюкзак и дополнительно отвесила пинок.

— Пид..ас, б..ть! Сука!

Вокруг началось оживление из зазевавшихся на сцену пассажиров метро, поэтому Анна, мельком проверив целостность содержимого, поспешила удалиться. Робот, который так внезапно пришёл ей на помощь, уже снова мирно стоял на своём месте у стены в выключенном состоянии, словно никуда и не отлучался.

Девушка устроилась на сиденье в вагоне, поезд с тихим шуршанием тронулся с места, и она погрузилась в свои мысли.

«А ещё говорят, что уличная преступность упала до минимума, — про себя возмущалась Анна, — Стоило в кои-то веки спуститься в метро, и вот тебе! Пожалуйста!»

Странное поведение робота тоже не шло из головы. Эти неторопливые здоровяки, помесь носорога, пылесоса и посудомойки, обычно активизируются только ночью, чтобы подметать и мыть пешеходные дорожки, платформы метро или этажи огромных универмагов, когда они мало кому могут помешать. При этом его действие всё равно казалось не случайным, а осмысленным. Словно кто-то приказал роботу отступить от обычных правил.

Взгляд Анны вдруг остановился на старом рекламном плакате Г.А., зажатом на стене под помутневшей плексиглазовой панелью. С него смотрел дядечка в строгом деловом костюме и с таким же строгим взглядом и еле заметной улыбкой, будто произносятся слова, напечатанные ниже: «Сохраняйте спокойствие. Справедливость есть». Девушка никогда не понимала этих странных слоганов от безымянного криэйтора, явно страдающего особым видом дислексии, но сейчас посыл казался ей осмысленным и даже слегка зловещим.

Дома Анна практически сразу уснула. Ей снились странные и почему-то тревожные сны. То из её рук и пальцев тянулись длинные провода, ведущие к центру какой-то огромной старомодной машины вроде тех древних компьютеров, которые занимали несколько этажей. То за ней по каким-то нескончаемым коридорам гнались роботы, странной формы, напоминающие пауков и богомолов. То среди этого кошмара возникал образ Алексея, почему-то спокойно пьющего кофе из фарфоровой чашки и своим видом напоминавшего безумного шляпника из Алисы в стране чудес. Впрочем, сны всегда имеют особенность забываться с наступлением утра.

Михаил ехал на скутере по пустой ночной улице вдоль однообразных рядов многоэтажек. Он не любил ярко освещённые светодиодными фонарями широкие дороги, круглосуточно загруженные беспилотными автомобилями. А здесь, лавируя туда-сюда во дворах и подворотнях, он мог насладиться своей двухколёсной свободой.

Электрический двигатель и мягкие покрывки практически не нарушали тишину спального района. Михаил ехал, вдыхая прохладный воздух и ловя редкие ночные звуки. Где-то вдалеке залаяла собака, похоже, хозяин пришёл с работы и вывел её на позднюю прогулку. С другой стороны послышался хлопок металлической двери подъезда. Трансформаторная будка, с которой на секунду поравнялся скутер, издавала в ночи своё унылое монотонное гудение. И вдруг совсем рядом послышался женский крик. Он был приглушённым, словно сдавленным, но Михаил отчётливо его услышал. Он резко свернул в тёмный закуток двора и почти сразу упёрся светом фар в две человеческие фигуры.

Парень и девушка. Он с силой прижал её к бетонной поверхности забора. Блузка на девушке была надорвана. Увидев скутер, парень резко обернулся в сторону Михаила. Тот, пытаясь сориентироваться в ситуации, спешился и одновременно твёрдо, но деликатно поинтересовался:

— Не помешал?

Оснований торопиться у него не было. В прошлый раз точно так же он натолкнулся на парочку любителей BDSM-игр, а в итоге, не разобравшись, сам отхватил по физиономии, причём от обоих.

— Вали отсюда! — сквозь зубы процедил парень.

— Помогите...— видя свой шанс и пытаясь освободиться, вскрикнула девушка.

— По-моему дама не хочет с вами общаться, — решив сыграть в благородного рыцаря, произнёс Михаил, подходя ближе.

— Сказали же тебе, съ..бись отсюда!— — снова огрызнулся насильник, который явно был пьян, и в его руке что-то блеснуло.

Схватка с вооружённым противником не была запланирована Михаилом, тем более, что он не носил с собой никаких средств самообороны.

— Чувак, не глупи! Подумай о последствиях... — постарался быть по возможности миролюбивым Михаил, — Оставь деваху в покое и иди отдохни с кем-нибудь ещё...

— Сейчас ты у меня отдохнёшь, сука!

Михаил ощутил сильный толчок, набросившегося на него противника, а через мгновение резкую боль от входящего в его бок острого металла. Почти сразу он осел на землю, завалившись на бок. Кровь тёплым и липким пятном стала расплзаться по рубашке. В глазах почти сразу помутнело. Сквозь эту пелену раздался истошный крик девушки.

Нападавший, протрезвев на секунду, кажется сам испугался произошедшего, и выронил нож. Он замер глядя остекленевшими глазами на истекающего кровью человека. Зажимая рану рукой, Михаил с трудом и нескрываемым злорадством прошипел:

— А теперь беги, идиот!

Где-то сверху зажёгся свет и послышался лязгающий звук заработавшего механизма. Незадачливый насильник сорвался с места и побежал в сторону стройки. Ещё не осознавая, насколько сильную ошибку он совершил, парень перелез через ограждение и скрылся в темноте около недостроенного здания. Следом поверх тёмных крыш мелькнула, подсвеченная стрела башенного крана. Через несколько секунд в темноте раздался щелчок отстегнувшейся лебёдки и глухой грохот от падения бетонной плиты.

— Цемент пухом, — Михаил со стоном повернулся на бок и посмотрел в сторону девушки, всё ещё вжимающейся в стену, — Вызывай скорую...

Анна лежала и мирно покачивалась в гамаке, натянутом между двух деревьев. Системы автоматического полива совсем недавно закончили свою работу, поэтому воздух вокруг наполнился приятной прохладой и запахом травы после дождя. В парке было по обыкновению тихо и безлюдно. Впрочем, Анна и так отгородилась от внешнего мира наушниками с нескончаемым потоком старомодного синти-попа, поэтому не слышала даже собственных пальцев, проворно бегающих по клавиатуре ноутбука.

— Сегодня ты фанатка «Металлики»? — неожиданно прямо над ухом услышала девушка голос Алексея и чуть не выпала из гамака.

— Чёрт! Ты меня напугал, блин!

— Извини.

— Нормальный такой принт, правда? — не без удовольствия подчеркнула Анна.

— Как всегда грубовато, — кивнул Алексей, — Но вчерашний «КОРН» и позавчерашний «Рамштайн» тоже были ничего.

— Ага! Решила прибарахлиться на первую зарплату, — весело кивнула девушка, но сразу же слегка нахмурилась, — А ты, что же, следишь за мной? Тебя же всю неделю не было.

— «Большой брат» за эту неделю добавил 5 групп в «интересные» в твоём профиле. А все обновления по сотрудникам приходят мне на смарт... — пояснил Алексей.

— Ясно, понятно, — грустно ответила Анна, — Но было бы интереснее, если бы ты специально за мной следил.

— Не хочешь прерваться, прогуляться и перекусить? — парень помахал в воздухе пакетом с несколькими горячими бургерами, — Это излечит твоё разбитое сердце.

— Угощаешь ГМО-шкой? Польщена. Ну, пошли...

Через минуту оба неторопливо шли по парковой дорожке, выложенной двухцветными ромбами. Анна с аппетитом уплетала горячий бутерброд, Алексей неторопливо отпивал кофе из бумажного стаканчика и как обычно смотрел куда-то в пустоту.

— Ты часто обедаешь с другими сотрудниками? Это элемент тимбилдинга или особое отношение? — спросила девушка с набитым ртом.

— Обычно я обедаю с Михаилом, потому что он работает в соседнем корпусе.

— Кстати, как он там?

— Сегодня выписывают из больницы. Но какое-то время ещё будет отлёживаться дома... Привет, Свет! — поздоровался Алексей с девушкой, настраивавшей дрона посреди баскетбольной площадки. Та отвлеклась от экрана своего планшета и, мило улыбнувшись из-под блестящих очков, махнула в ответ рукой.

— Никак не могу привыкнуть, что в корпоративном чате народу раз в сто больше, чем тут, — проговорила Анна с явным желанием переключить на себя внимание, — Разговорилась тут с парой ребят про природу, про погоду... Думала, что они где-то тут, а они, оказывается, вообще живут на Бали.

— А я предупреждал.

Они поравнялись с очередным зданием Г.А., старой серой блочной коробкой в советском стиле уже наполовину увитой плющом. На торце во всю высоту стены была выложена огромная мозаика в стиле позднего социалистического плаката, изображающая то ли человека, то ли работа на фоне силуэтов заводов и восходящего солнца с логотипом Г.А. и слоганом: «Будущее настало. Хватит всем».

Рядом под натянутым тентом стояло несколько столиков и стульев на манер некоего импровизированного летнего кафе.

— Присядем? — предложил Алексей и первым сел за столик.

Анна кивнула и присела напротив, достав из пакета второй гамбургер. Неподальёку робот-косильщик с резким треском подравнивал газон. Заметив отдыхающих людей, он остановился и затих.

— Почему Г.А. не выпускает человекоподобных роботов? — поинтересовалась Анна, задумчиво глядя на замерший механизм.

— Андроидов?

— Да.

— Ну, почему не выпускает... Вот я, например. Кибернетический организм. Живая ткань на стальном каркасе, — сказал Алексей с серьёзным видом отпивая свой кофе.

— Тупая шутка, — скорчив пренебрежительную гримасу, ответила девушка.

— Возможно, — неловко пожал плечами парень.

— Так почему?

— Потому что Г.А. производит роботов для замены человеческого труда. Они все специализированы, созданы для своей узкой профильной задачи, которую делают лучше человека, поэтому не похожи на людей.

— Но ведь робот, похожий на человека, был бы универсален, он смог бы делать всё или почти всё, что и человек, — решила поспорить Анна.

— И делал бы это так же плохо, — заметил Алексей.

— Но с ним было бы интереснее... Он вызывал бы эмоции, симпатию... — не унималась девушка.

— Эмоции, да... И в этом проблема.

— Какая?

— Г.А. производила маркетинговые исследования. Несмотря на то, что большинство с интересом относятся к андроидам, мало кто хотел бы иметь андроида дома. Даже если это простой автомат без имитации чувств, он вызывает чувства у людей. Они заставляют чувствовать тревогу, страх, от них ждут подвоха... Никто не боится нашествия тостеров или нападения роботов-пылесосов, но вот андроиды — совсем другое дело.

— А как же специфические услуги... — ухмыльнулась Анна.

— Интим-роботы для извращенцев? Очень узкий рынок сбыта. И, как показывает практика, даже извращенцы боятся, что кибер-гейша

откусит им член в самый неподходящий момент, поэтому предпочитают кончать в неподвижную силиконовую куклу.

— Фу...

— Правда жизни, — снова пожал плечами парень, и после небольшой паузы продолжил, смотря куда-то в сторону, — К сожалению, многие люди всё ещё ведут себя, как скоты... Особенно грустно, что некоторым это даже нравится. Взять хотя бы тот случай с тобой в метро на прошлой неделе...

— Ты точно следишь за мной.

— Просто я хотел предупредить, — серьёзно сказал Алексей, переводя взгляд на девушку, — Далеко не всем нравится то, что мы делаем в Г.А. Есть истеричные фанатики, выступающие против прогресса кибер-луддиты, параноидальные хакеры-психопаты, люди с патологической тягой к разрушению и просто желающие в личных целях поживиться нашими разработками, поэтому все наши сотрудники могут в какой-то момент оказаться под ударом...

— Ну спасибо... Об этом риске был пункт мелким шрифтом? — усмехнулась девушка.

— Я серьёзно. Постарайся быть осторожнее.

В старом парке было тенисто и прохладно. Запах мокрой после дождя травы и влажной хвои стелился между деревьями. Солнце, периодически скрываемое набегающими облачками, то насквозь пронизывало кроны своими резкими лучами, то вновь заполняло всё мягким рассеянным светом. Казалось, что после обычного дождя, природа, как бы извиняясь за неудобства, решила устроить второй солнечный дождь.

Алексей провёл рукой по шершавой поверхности дерева и, убедившись, что оно сухое, сел на импровизированную лавочку, сделанную из положенного набок спиленного ствола. Сегодня он проснулся раньше обычного, быстрее обычного позавтракал и заранее вышел из дома. Всё это существенно отличалось от его ежедневного графика, и на это были довольно веские причины.

Алексей посмотрел сквозь деревья на свой дом и окна своей квартиры на пятом этаже, а потом перевёл взгляд на часы. Справа между деревьями появился знакомый силуэт подтянутой незнакомки. Как обычно она невозмутимо бежала по вымощенной дорожке, её волосы развевались на ветру, а всё тело ритмично двигалось, словно великолепно тонко отлаженный механизм.

Программист лихорадочно прикидывал, какую первую фразу выбрать, чтобы привлечь внимание девушки. Но мысли в его голове путались, поэтому, когда незнакомка поравнялась с тем местом, где сидел Алексей, он так и не смог ничего сказать. По своему обыкновению, не обращая ни на что внимания, девушка пулей пронеслась мимо него, а он лишь медленно повернул голову и посмотрел вслед.

Мысленно называя себя тупицей и обрушивая другие проклятия, Алексей ещё раз взглянул на часы, прикидывая, когда незнакомка завершит круг и снова будет пробегать рядом. Но время шло, а она так и не появлялась... По всей видимости, сегодня она закончила тренировку раньше. Ещё через какое-то время справа между деревьями промелькнуло какое-то светлое пятно. Алексей в надежде начал даже всматриваться в теряющуюся между тёмными стволами дорожку, но к его разочарованию на ней появился Михаил на своём гироскутере.

— Здорова! — весело поприветствовал он Алексея, останавливаясь рядом и плюхаясь на бревно.

— Привет, — мрачно ответил программист.

— Чё грустный? Долго ждёшь? Я вроде вовремя...

— Нет, всё нормально.

— Чего, кстати, не захотел перетереть в чате? Свидания назначать в парке... Сидим теперь тут, как педики, — смеясь спросил Михаил.

— Так надёжнее, — машинально оглядываясь по сторонам ответил Алексей, — В последнее время я не уверен в системе безопасности кампуса.

— Становишься параноиком, Лёх... Отдохнуть бы тебе.

— Я не устал. Говори лучше, что там у тебя за идея была?

— Да... Помнишь последний случай, когда меня порезал бухой гопник?

— Помню, — кивнул Алексей, глядя в сторону, — Обрыв лебёдки на башенном кране.

— Ну так вот... Я тут подумал... Так сказать, творчески переосмыслил. Что если предложить нашему Воланду поиграться с дронами? — глаза Михаила азартно заблестели.

Алексей задумчиво поднял с земли шишку и с размаху кинул её в дерево напротив. Шишка с глухим звуком срикошетила от ствола, оставив на коре небольшую отметину.

— Примерно так, — кивнул робототехник.

— Веса хватит... А точности?

— Я рассчитал. Вебка на полной скорости очень хорошо прицеливается. Плюс-минус 5 миллиметров.

— Не плохо, — кивнул программист, — Можно попробовать... А заодно надо притормозить с лифтами. Новостные ленты всё никак не успокоятся.

— Может... Поговоришь с SMM-щиками, чтобы почистили?

— Ты же знаешь, что я не сторонник таких методов. Заткнут один кипеш, начнётся другой...

Алексей глубоко вдохнул свежий прохладный воздух. И в парке, и во дворах близлежащих домов, и на улицах сейчас было так спокойно. Скольких нервов, скольких бессонных ночей и интеллектуальных усилий стоило персонально ему всё это спокойствие.

— Не думал, кстати, что наш маленький «орден» требует расширения? — прервал молчание Михаил.

— Перестань всё это романтизировать. Проект был одобрен руководством Г.А.. Мы действуем вполне официально, — спокойно ответил Алексей.

— Правда? И скоро мы его выложим на ГитХаб? — язвительно спросил робототехник.

— Ну, хватит! — раздражённо отреагировал программист, — Ты прекрасно понимаешь, почему мы вынуждены избегать огласки.

— «Сохраняйте спокойствие...»

— Вот именно, — Алексей снова огляделся по сторонам, — Но твоя мысль о расширении рабочей группы мне кажется правильной. Нужна свежая кровь. Свежие идеи. Скажи, что думаешь насчёт новенькой?

— Не, ну а чо... Прикольная тёлка. Пишет быстро, не так много быдлокода городит... Нейросеть для автобусов в прошлом месяце нормально так натренировала. Сама перелопатила кучу тестовых данных. А так... Ты же у нас проектный менеджер вся Матрицы...

— Значит, будем считать, что ты одобряешь? — уточнил программист.

— Считай так.

— Хорошо, — кивнул Алексей, — тогда я поговорю с ней на днях... Предварительно. Не хотелось бы напороться на очередную подставу от Белой Королевы.

— Чёрт, да ты точно становишься параноиком! — уже с серьёзной озабоченностью в голосе произнёс Михаил, — Она тебе теперь везде мерещится? Это же просто случайный ник в даркнете... Может, её и вовсе не существует этой твоей Белой Королевы.

— Хотелось бы верить, — отстранённо произнёс Алексей, поднялся с места и, не попрощавшись с другом, пошёл по дорожке в сторону своего дома.

В комнате было темно и тихо. Только на большом мониторе неторопливо переливался всеми цветами радуги замысловатый скринсейвер в виде странного аттрактора, да проецировались на стену огромные цифры часов. На разложенном диване, целиком завернувшись в одеяло с фиолетовыми узорами, мирно спала Анна.

Часы на стене показали 3:00 и исчезли, уступив место женскому лицу.

— Просыпайся, Аня! Пора вставать, — нежно, но требовательно проговорила Рима.

Анна скорчила недовольную гримасу и, вытащив руку из своего кокона, убрала с лица надоедливые всклокоченные пряди мятных волос.

— Что за чёрт?! Который час, блин?!

— 3 часа. Пора вставать, — повторила Рима.

— Какого хрена ты будишь меня...— сердито проговорила девушка и вдруг увидела тёмный силуэт, сидящий на её компьютерном стуле перед окном.

На улице было темно, только фонари и редкие огни в домах напротив чуть высвечивали пейзаж ночного города, но даже в таком освещении Анна видела, что перед ней сидит девушка с длинными светлыми волосами и пристально смотрит немигающим взглядом. Ситуация была для Анны настолько неожиданной, что она даже была готова поверить, что просто спит и видит очередной кошмар. Но незнакомка поднялась с места, задёрнула плотные шторы и резко скомандовала твёрдым голосом:

— Свет!

И под потолком зажглась яркая светодиодная лампа. Зажмурившись поначалу от света, Анна, наконец, разглядела высокую стройную блондинку в чёрных джинсах и кожаной мотоциклетной куртке.

— Ты кто, блин?! Рима, почему в квартире посторонний?

— Тут никого нет, — ответила компьютерная помощница, словно даже немного удивившись.

— А кто велел тебе включить свет?

— Ты, Аня. Только что...

Девушка уже начала думать, что это не просто кошмар, а внезапно проявившиеся симптомы скрытой шизофрении, но незнакомка развеяла сомнения.

— Компьютер не видит меня. Точнее, конечно же, видит и слышит, его камеры и детекторы в порядке, но не воспринимает. Он думает, что я это ты. Так что расслабься.

Анна начала шарить рукой по дивану в поисках смартфона, но незваная гостья игриво покрутила им перед носом девушки в своей руке и небрежно бросила на диван, — Его ищешь? Я вынула аккумулятор. Симка где-то на полу... Найдёшь потом. Говорю же: расслабься.

Блондинка спокойно прошлась по комнате, бесцеремонно беря в руки и разглядывая вещи, расставленные на столе и книжных полках.

— Ты грабитель? — следя за ней глазами, наконец, спросила Анна, приняв сидячее положение, но всё ещё кутаясь в одеяло, словно оно могло её защитить.

— А похожа?

— Вообще-то не очень.

— А вот твои коллеги, вероятно, посчитали бы меня преступницей. Как там? «Истеричные фанатики, выступающие против прогресса кибер-луддиты, параноидальные хакеры-психопаты, люди с патологической тягой к разрушению».

— Почему в последние пару месяцев у меня навязчивое ощущение, что за мной все шпионят... — пробормотала Анна.

— Паранойя не такая уж плохая штука. Особенно, если она обоснованна. Впрочем, ты можешь постараться не думать об этом, заморочить себя заклинаниями про «удобство», «безопасность», «интеграцию», «медийность»... — блондинка подвинула стул ближе к дивану и села, наклонившись к девушке, — Мы не преступники, как тебе могли рассказывать через подконтрольные Г.А. электронные СМИ. Мы единственные бунтари в цифровой тюрьме, которую для вас всех построили. Борцы за человеческую свободу в мире машин!

— Окей, ты взломала мою домовую систему. Это круто! Молодец! — Анна постепенно начала возвращать себе самообладание и чувство уверенности, — Грабить ты меня не собираешься... Тогда для чего ты меня разбудила в 3 часа ночи?! Чтобы втирать мне какую-то дичь? Хотя бы две цветные таблетки будут?

— Нет, — спокойно покачала головой блондинка.

— В таком случае... Морфеус, оть*бись! — Анна упала обратно на диван и закрыла голову подушкой.

— Послушай... Я тебе говорю не про виртуальную реальность с Избранным и агентами Смитами, а рассказываю про херовую реальность твоей жизни. В ваши жопы уже давно глубоко затолкали неиллюзорные анальные зонды, а вы даже не чешетесь. Все эти камеры на ули-

цах. Все эти сенсоры на отпечатки пальцев на экранах. Прослушка в каждом смартфоне. Сохранение переписок. Анализ трафика. Распознавание по лицам. Чипы в мобильных, в пластиковых картах, под кожей... Это не только для того, что показывать тебе рекламный баннер с розовым фаллосом. А чтобы контролировать людей. Ты скажешь, что тебе наплевать. Что обычному честному человеку нечего скрывать...

— Именно так я и скажу, — отозвалась девушка из-под подушки.

— Пусть так. Тебе всё равно, что за тобой следят все подряд. Но это давно уже только верхушка айсберга. Они присвоили себе лицензию на убийство. Они начали казнить людей без суда и следствия! — незнакомка перешла на шёпот и склонилась совсем близко над Анной, — Я знаю, что ты умеешь заходить в даркнет... Забей там в поиске «проект Воланд» и сама всё узнаешь. А потом... Я найду тебя. Выключить свет!

В комнате снова настала тишина и темнота. Какое-то время Анна ещё лежала с подушкой на голове и прислушивалась, а потом всё-таки поднялась с дивана. В комнате никого не было. Она подошла к компьютеру, запросила видеозапись с камер наблюдения за последний час и, конечно же, никого там не обнаружила, кроме самой себя. Похоже, очень продвинутая нейросеть уже поработала над записью, аккуратно затерев из каждого кадра незваную гостью.

О странном визите теперь не напоминало ничего, кроме передвинутого стула и... небольшой фигурки на столе перед клавиатурой. Девушка взяла её и повертела в пальцах. Она никогда особо не разбиралась в шахматах, потому что не любила их и считала занудными, но, кажется, это была белая королева.

Свой законный выходной Анна решила посвятить прогулке по магазинам. «Всё-таки ничто так не прочищает женские мозги, как продолжительный шопинг» — мысленно пошутила она сама про себя и улыбнулась. С того момента, как она начала работать, а не просто получать безусловный доход, баланс её электронного счёта регулярно радовал непривычно большими цифрами. Поэтому сегодня девушка решила заниматься исключительно тем, что будет тратить, тратить и тратить...

Даже в выходной день, при большой покупательской активности, в громадном торговом центре казалось очень просторно и свободно. Кондиционеры создавали приятную прохладу, а увлажнители, обильно распыляющие свой ультразвуковой туман над гигантскими заполненными растениями галереями, наполняли воздух свежестью. Стекланные

лифты сновали между этажами вверх и вниз, будто по стволам громадных увитых лианами деревьев. Эскалаторы, словно гигантские змеи в этих влажных тропических джунглях, увлекали за собой вереницы людей. Как муравьи, они рассыпались в широких полукруглых пространствах и разбегались по многочисленным маленьким и крупным магазинам.

Анна не любила эти маленькие застеклённые кубики, оформленные и наполненные согласно личным представлениям и спорным вкусам их владельцев. Ещё меньше её устраивало общение с навязчивыми продавцами-консультантами, которые всегда предлагали свою помощь в самую неподходящую минуту. Как и большая часть продвинутой общест­венности, она больше доверяла крупным автоматизированным магази­нам с экспертными системами и встроенной навигацией по отделам.

Поднявшись на лифте на третий этаж, она вошла в универмаг и на­правилась напрямик в секцию одежды. Футболки с принтами были её слабостью, и к тому же девушка не могла себе отказать в удовольствии их примерить больше, чем собираешься купить. Удовольствие, которо­го в любом случае, лишаешься при заказе онлайн. Довольно быстро набрав с десятков разных моделей и направившись в примерочную, она на пару минут остановилась у стеллажа с акционными вазочками раз­ных форм и расцветок. Пока она раздумывала, не пора ли внести в свой домашний интерьер какую-нибудь свежую деталь, над её ухом вдруг послышался знакомый голос...

— Интересно, что произойдёт быстрее? Ты определишься с выбо­ром и возьмёшь одну из этих разноцветных пластиковых вазочек или все они будут напечатаны на 3D-принтере? — многозначительно прого­ворила стройная блондинка, — Это и есть технологическая сингуляр­ность. Добро пожаловать!

— Чёрт... Ты всегда подкрадываешься к людям или вламываешься в их квартиры? — чуть не подскочила от неожиданности Анна.

— Это мой стиль...— непонятно насчёт чего ответила блондинка, почти не глядя, кидая с полки предметы к себе в тележку, — Я возьму эту, эту и эту... А ты? Почитала, что я тебе говорила?

— Почитала, — спокойно ответила Анна, отворачиваясь от вазочек и продолжая свой путь к примерочным, — Похоже на параноидальный бред... Что ты делаешь?

Она бросила взгляд на тележку блондинки, которая была почти до­верху забита всякими предметами, от компьютерных примочек до без­делушек вроде набора фарфоровых слоников.

— А что? — непринуждённо спросила блондинка, прикладывая к себе длинное платье молочного цвета и небрежно кидая его поверх всего остального, — Думаю, подойдёт! Если что — выброшу...

— Денег не жалко?

— Каких денег? Я не собираюсь за это платить... — поймав вопросительный взгляд Анны, пояснила она, — Просто прислоню этот пропатченный чип к кассовому ридеру и покупка будет проведена с нулевым балансом.

— То есть ты не заплатишь за это?

— Ну, ты же заказываешь продукты по квоте... Получаешь их бесплатно.

— Это другое...

— Не вижу разницы. Если бесплатно дают одно, то можно взять и другое.

— Это же... воровство.

— Да, — кивнула блондинка и уверенно продолжила, — Я ворую. Я делаю это не потому что у меня нет денег, а просто потому что могу. Кого это волнует?

— Но... — смутилась девушка, — Это незаконно. Нечестно в конце концов... Люди производили эти товары...

— Люди не произвели ни один из этих товаров! — гневно перебила Анну собеседница, — Все они созданы роботами, которые собраны другими роботами на роботизированных сборочных линиях из ресурсов, добытых роботами и привезёнными роботами. У кого же я тогда ворую? У роботов?!

— Но ты же всё равно лишаешь прибыли магазин...

— Думаешь, сетевые магазины существуют, чтобы получать прибыль? — усмехнулась блондинка, кидая в тележку ещё несколько чёрных джинсов, неразборчиво снятых с вешалки, — Это наивное заблуждение. Прибыль нужна упоротым хэндмейкерам, продающим своё барахло через соцсети и идиотам из честных бутиков, которые ещё не поняли, что остаются за бортом технического прогресса... Они не составляют конкуренции гипермаркетам, которые все, в конечном счете, принадлежат Г.А. Потому что торгуют продукцией, которая произведена в Г.А. или с использованием продукции Г.А. А их не интересует прибыль, потому что они и так уже владеют всем.

— Тогда зачем?

— Распределение материальных благ. Игра в свободный рынок и свободный выбор позволяет оптимизировать распределение и снизить нагрузку на вычислительные мощности. Когда суперкомпьютеры позво-

лят, они перейдут к прямому планированию и станут непосредственно решать, что тебе есть на завтрак.

— Как это? — с сомнением хмыкнула Анна.

— Просто будут доставлять тебе еду на основании твоего социального профиля, чтобы каждый раз не затруднять тебя выбором. И ты об этом даже не догадаешься, потому что твоя потребность будет удовлетворена, и ты будешь думать, что приняла решение сама...

Поняв, что шоппинг бесповоротно испорчен и решив не дослушивать длинную тираду, Анна поспешила удалиться от философствующей собеседницы в сторону касс, думая про себя, что не желает даже находиться рядом с творящимся беззаконием. Быстро расплатившись, она машинально обернулась на свою преследовательницу, которая с невозмутимым видом начала сканировать на кассе гору вещей, и вдруг столкнулась с кем-то.

— Осторожнее, — мягко отреагировал Алексей, чуть пошатнувшись.

— Ой... Привет! — слегка смутилась девушка, — А ты тут откуда?!

— Что значит «откуда»? Вот... Корм коту заходил купить... — в свою очередь слегка растерялся Алексей и кивнул в сторону небольшого зоомагазина, находящегося напротив.

— Ты не говорил, что у тебя есть кот.

— Я и фоточки его не постил...

— Странно.

— Ну, может... — Алексей пожал плечами и вдруг заинтересованно посмотрел в сторону блондинки, вывозящей из магазина под завязку набитую тележку, — А ты знаешь эту девушку?

Анна мельком оглянулась и небрежно ответила:

— Ну, так... Знакомая... Не близкая.

— Познакомишь?

— Может, быть... Потом, — она решительно взяла парня под руку и потащила в противоположную сторону, — Не сможешь мне донести вещи?

Девушка уверенно вручила своему коллеге пакет и, пройдя по широким проходам между застеклёнными магазинчиками, оба быстро слились с толпой, нескончаемым потоком стекавшей вниз по эскалатору.

Уже практически у выхода, они стали свидетелями интересной картины. Какой-то парень, очевидно, убежавший от кого-то по широкой галерее первого этажа, решил сократить время, ловко перепрыгнул ограждение и устремился вверх по закрытому на ремонт эскалатору. Когда он уже добрался почти до середины, отключённая лестница вдруг за-

работала, сделав несколько резких рывков, сбила парня с ног и потащила вниз. С содранными о металлические ступени руками и окровавленным лицом он съехал прямо в руки преследовавшей его охраны торгового центра.

Залитый солнцем проспект был наводнён машинами больше, чем обычно. Автомобили, казалось, уже еле протискивались между друг другом. На бортовом навигаторе в кабине одноместного электрокара Михаила загорелось красное предупреждение о 10-балльной пробке впереди. Пользуясь своими микроскопическими габаритами, он смог протиснуться вперёд ещё метров на 50, а потом тоже встал, упершись в задний бампер огромного грузовика.

Явно происходило что-то ненормальное и робототехник понимал это. Он вышел из машины и, даже не закрыв стеклопластиковую дверь, пошёл вперёд пешком, между замершим транспортом. Усталые пассажиры такси, нервные водители частных авто, невозмутимо гудящие беспилотные грузовики — все по какой-то непонятной причине оказались зажаты на этой раскалённой солнцем асфальтовой реке.

Вскоре стала ясна причина затора: две беспилотные фуры были словно специально развёрнуты практически поперёк дороги. Индикаторы активности процессора под щелью радиатора не горели, значит, совершив свой странный манёвр, обе машины были программно выключены. Это было очень странно.

Сквозь гул незаглушенных двигателей и периодические нервные сигналы клаксонов Михаил вдруг услышал нарастающее жужжание, словно исходящее от роя разозлившихся пчёл. Пытаясь найти источник звука, он огляделся по сторонам и, наконец, поднял голову вверх. Там, практически над тем местом, где он стоял, в воздухе двигались десятки, а может и сотни дронов разного назначения и размеров. Беспилотники действительно собрались в некое подобие роя, образовав что-то вроде гигантского вращающегося над дорогой кольца. Со всех сторон к этому хороводу подлетали всё новые аппараты, присоединяясь к зловещему танцу, который становился всё стремительнее.

Внезапно хоровод распался на отдельные части и дроны на полной скорости начали буквально падать вниз. Михаил упал на асфальт и, закатившись под кузов ближайшей к нему фуры, уже оттуда наблюдал за творящимся вокруг кошмаром. Со страшным грохотом беспилотники обрушивались на застрявшие на дороге автомобили: били стёкла, разламывали углепластиковые панели, вминали и гнули металлические кры-

ши и капоты. Ото всюду слышались удары и треск. Со звоном на асфальт рядом с затаившимся робототехником сыпались мелкие запчасти разбитых дронов.

Всё продолжалось не более пары минут, но Михаилу показалось, что прошло не менее четверти часа. В конце концов, всё стихло, и он смог осторожно вылезти из своего укрытия. Картина вокруг была удручающей. Казалось, что над проспектом пролетел настоящий ураган, разбивший в мелкое крошево, перемоловший и перемешавший всё, что было возможно. Шокированные пассажиры, заблокированные в покорёженных такси и своих частных авто, лихорадочно тыкали в смартфоны или звонили кто куда.

Михаил, растерянный не менее чем все остальные, медленно прошёл назад к своему микроскопическому электрокару. Конечно же, он тоже пострадал. Лёгкая стеклопластиковая дверь, закрывающая аппарат с передней стороны была проломлена практически насквозь. В здоровенной трещине застрял навеки замерший квадрокоптер. Будь Михаил в этот момент в кабине, вероятно, последствия для него были бы плачевными. Робототехник тяжело вздохнул, а потом, открыв багажник, извлёк наружу гироскутер. Привычка всегда возить этот девайс с собой не раз его выручала. Вот и сейчас он аккуратно переложил всё ценное из бардачка в рюкзак, повесил его на плечо и начал неторопливо объезжать место гигантской аварии по узеньким проулкам, дворам и подъездным дорожкам.

Михаил ещё не добрался до дома, когда на его умных часах появился вызов...

— Ты цел? — вместо приветствия сразу поинтересовался Алексей.

— Да... Это была мясорубка какая-то... — ответил Михаил.

— Видел записи. Сеть уже шумит. Видосики разлетаются по пабликам, как горячие пирожки. Пресс-служба уже заявила о крупнейшей хакерской атаке за последние 5 лет. Версию сбоя системы управления сразу отвергли...

— Да, какой, сбой? Я, блин, был там сейчас! Спланированная атака. Не хватало только транслировать «Полёт валькирии» для полноты картины...

— Ничего не напомнило? — с некоторым ехидством в голосе спросил программист, — Твоя идея с дронами...

— Не думаешь же ты, что я кому-то ляпнул?..

— Нет, — серьёзно ответил Алексей, — Я думаю, что даже в лесу на пеньке перестало безопасно разговаривать. Смени прошивку на смарте. На всякий случай...

— Чёрт... Если эти ребята могут залезать в наши внутренние протоколы безопасности, то они, охренеть как круты...

— Всё ещё не веришь в существование Белой Королевы? — спросил программист.

— Мне всё равно, кто это и как себя называет... Но, когда я доберусь до терминала безопасности, я, чёрт возьми, это выясню... — злобно проговорил Михаил и повесил трубку, а потом тихо добавил как бы размышляя вслух, — Если, конечно, Воланд не доберётся до них первым...

По пути из торгового центра Анну застал небольшой летний дождь. Сначала его мелкие и редкие капли даже казались девушке приятными, и она не особенно торопилась домой. Асфальт покрылся редкими тёмными крапинками, а в воздухе повис приятный запах прибитой пыли. Но очень скоро дождь усилился. Футболка с логотипом «AC/DC» намокла и прилипла к телу девушки, сделав очевидным тот факт, что она не надела лифчик, и предательски подчеркнув соски.

Когда Анна вошла в квартиру, вода уже текла с неё ручьём. Девушка торопливо стянула с себя намокшую майку, обмотала вокруг сырых волос махровое полотенце и поспешила завернуться в уютную домашнюю клетчатую рубашку из мягкой байки.

— Добрый вечер, Аня! — нежно поздоровалась электронная помощница.

— Привет, Рима, — ответила девушка.

— Гулять под дождём очень неосмотрительно. Ты можешь заболеть, — проявил заботу компьютер, — Постарайся перед выходом из дома обращать внимание на прогноз погоды... я могу вывести погодный виджет на главный экран...

— Спасибо, не надо. А как твоё самочувствие?

— Процесс проверки завершён, — ответила Рима, — Вредоносный код полностью удалён из системы.

— Я рада это слышать.

Анна небрежно бросила мокрое полотенце на спинку стула, встряхнула копной мятно-голубых волос и уже собиралась пойти на кухню, чтобы сделать кофе, но вдруг услышала знакомый голос:

— А уж я как рада это слышать.

— Рима, что ты сейчас сказала?

— Ничего, Аня, — ответила электронная помощница.

— А кто сейчас сказал: «Уж я как рада»?

— Никто, Аня, — невозмутимо ответила Рима, — В моих логах нет такой фразы, — по-моему тебе просто надо отдохнуть.

— У-у-у... Да у тебя голова в голове! — не унималась незнакомка, — Кажется, твой компухтер скоро отправит тебя к психоаналитику!

— Как ты так сильно умудрилась затронуть мою систему? — сердито спросила Анна, обращаясь в пустоту.

— Забавно... На 95% компьютеров и мобильных стоит операционная система производства Г.А.. Они даже не особо скрывают, что собирают информацию. Не только технические данные о системе, но и твою стилometriю, предпочтения, интересы, любые социальные профили, переписку... Они совершенно легально затронули всех! А ты высказываешь претензии мне.

— Довольно! — перебила девушка навязчивую собеседницу, — Что ты ко мне пристала?

— Для начала хочу тебе показать кое-что...

— Очередная теория заговора? — сделала Анна подчёркнуто усталое выражение лица.

— Смотри...

На стене вместо анимированного лица Римы появился чёрный прямоугольник, и запустился видеоролик. Похоже, это была запись, смонтированная из материалов нескольких камер видеонаблюдения, которые во множестве были установлены в подъездах и дворах. Складывалось ощущение, что какой-то невидимый наблюдатель разглядывает происходящее с разных ракурсов при помощи тысяч разных глаз.

Сначала камера, снимающая пространство от дома напротив, замечает странное движение в одной из квартир, максимально зуммирует картинку, но, будучи не в состоянии ничего рассмотреть сквозь задёрнутую штору, отворачивается. Следующий фрагмент, по всей видимости, оказывается снят с камеры ноутбука, стоящего на столе. В комнате разыгрывается ссора. Мужчина и женщина обмениваются упрёками и кричат друг на друга. Пререкаясь, они перемещаются на кухню, и неизвестный наблюдатель переключается на камеру домашней системы безопасности, установленную где-то в углу под потолком.

В пылу ссоры женщина толкает мужчину, похоже, он пьян, поэтому легко теряет равновесие, падает, неудачно ударившись головой об угол стола, и затихает. Женщина ещё кричит что-то возмущённое по инерции, но быстро понимает, что что-то не в порядке.

Она бросается к мужчине, осознав, что он мёртв, меняется в лице.

Неизвестный наблюдатель несколько раз приближает объективом её лицо, словно рассматривает эмоции. Женщина возвращается в ком-

нату. Она взволнована, но её выражение уже другое. Она берёт телефон и набирает номер «скорой». Чуть сбивчиво дрожащим голосом говорит:

— Здравствуйте! Муж выпил лишнего... Поскользнулся на кухне.. Ударился головой...

Запись из квартиры обрывается, словно наблюдатель теряет к дальнейшему действию всяческий интерес. Следующий фрагмент уже взят из видео с охранной камеры в подъезде. По показаниям таймера в углу уже прошли примерно сутки. Женщина выходит из квартиры и вызывает лифт. Невидимый наблюдатель следует за ней, переключаясь на камеру в кабине. Двери закрываются, женщина нажимает кнопку первого этажа, но лифт не движется. Она успевает нервно нажать кнопку второй раз, и в этот момент кабина резко падает вниз. От удара женщину выгибает на сломанных ногах, сплющивает и скручивает в окровавленный ком.

— Чёрт! — Анна отвела глаза от экрана, — Что это блин?!

— Это то, как работает Воланд. То, на что он обращает внимание, когда принимает решения. Его выделенный видеопоток, — ответила незнакомка, — Мы смогли перехватить его в общем трафике.

На стену вернулось лицо Римы. Не своим голосом электронная помощница продолжила:

— А теперь, Аня, поднимись на крышу. Только оставь свой смартфон...

Поколебавшись несколько минут, Анна набросила на себя куртку, сунула босые ноги в кроссовки и вышла из квартиры. Машинально она хотела вызвать лифт, но, на мгновение задержав палец над кнопкой вызова, всё-таки решила подняться по лестнице.

Дождь усилился и с шумом барабанил по стеклам. Через неплотно закрытое окно капли быстро проникли в дом и образовали на полу быстро растекающуюся лужу. Войдя в квартиру и заметив это, Михаил чертыхнулся и раздражённо скомандовал:

— Включить свет! Уборка!

В моментально осветившейся комнате выполз из угла и засуетился робот-пылесос. Парень устало плюхнулся на диван и забросил ноги на небольшой круглый пуфик перед ним. И диван, и пуфик перед ним, и все прочие предметы, составляющие окружающий интерьер, были выполнены в светлых тонах, если не белого, то светло-серого или молочного цвета. Хозяин, определённо любил минимализм, поэтому никаких

нефункциональных предметов в комнате просто не было. На стеклянном столе с белыми ножками и столешницей, напоминающей какую-то квадратную оконную раму, стоял ноутбук в корпусе металлического оттенка. Большое раздвижное окно, ведущее на балкон, обрамляли вертикальные светлые шторы-жалюзи. Стены слева и справа от двери до самого потолка занимали такие же белые, как и стол, книжные полки, и только их содержимое — многочисленные книжные корешки и коробки с какими-то музыкальными ретро-дисками — радовали разнообразием красок.

— Включить плейлист 42. Громкость 25%,— произнёс Михаил, устало откинув голову на спинку дивана.

Заиграла музыка. Какое-то время он сидел так неподвижно, закрыв глаза и обдумывая что-то, а потом взял со стола ноутбук и погрузился в работу. Прошло около часа. Робот— пылесос давно закончил свою программу по уборке квартиры. Дождь за окном начал ослабевать. Небо постепенно темнело, предвещая неуклонное наступление вечера. За окном, где-то вдали начали зажигаться огни высотных зданий и подсветка торговых центров.

Михаил тяжело вздохнул, слегка зажмурил и снова открыл уставшие от монитора глаза, а потом набрал по голосовой связи Алексея.

— Нарыл что-то?— сходу спросил тот.

— Да. Я начал с анализа истории разбитых дронов и обнаружил, что вчера в них было загружено внеплановое обновление. Делалось это в обход центрального сервера, поэтому в логах, конечно, ничего нет.

— Предсказуемо.

— Так как на все беспилотники накатили одну общую инструкцию, то я попытался отследить схожие пакеты по размеру и времени транзакции. Своей головой это делать не реально, тем более ребята, как всегда, использовали цепочку шифрованных прокси. Пришлось подключить нейросеть...

— И? В итоге-то? — нетерпеливо поторопил Алексей.

— С вероятностью 98% определилась точка входа. Корневой концентратор на доме. Сейчас скину адрес... Похоже, они тупо вскрыли щиток и, угнав неактивный MAC-адрес, подключились к сети.

— Ну, и отлично! Камеры там есть?

— Полно... Но в том-то и штука. На видеосе ничего нет.

— Вырезали кусок? Ну, посмотри с ближайших камер на других домах...

— Смотрел, Лёх... Везде пусто, — с тревогой в голове ответил Михаил, — Но только там ничего не вырезано... Таймер на месте. Даже деревья колышутся и облака плывут...

— Ошибки не может быть?

— Да я всё перепроверил... Похоже, видос был просто обработан... Пряма сразу...На лету.

Алексей замолчал. Редкие капли дождя ещё стучали в стекло. Сумерки за окном сгущались.

— Ты понимаешь, что это значит? — после долгой паузы, наконец, проговорил программист, — У нас беспрецедентная дыра в безопасности. Прослушивают, угоняют дронов, а теперь ещё видеонаблюдение... Дуршлаг с дырками! Ты понимаешь, что если эта штука применяется... А если она уже есть, значит, уже применяется... Воланд остаётся слепым.

— И что делать?

— Что он у нас может? Прослушка, камеры, вход на пользовательские станции... Ясно, что этого уже не достаточно. Отдай ему трафик-анализатор, криптографию и коды. Пускай отслеживает любые подозрительные пакеты, вскрывает парольные линии, аудирует все скрипты всех приложух, хакает даркнет...

— Не перебор? — с сомнением в голосе спросил Михаил.

— Ты видишь иной выход? — ответил Алексей вопросом на вопрос, — Мы теряем контроль. Мы уже не создаём технологии, а только наблюдаем результат их применения...

— Технологическая сингулярность, — задумчиво проговорил робототехник.

— Вот именно. Давай полномочия...

Михаил хотел ответить «хорошо» и даже начал открывать административную программу, но в этот момент всё словно замерло. Музыка оборвалась, потухли светодиодные лампы в квартире и даже экран ноутбука странным образом отключился. Только узкая полоска очищающегося неба и пробивающийся через облака закат, наполняли комнату тусклым красноватым светом.

Дождь прошёл. О нём сейчас напоминали только небольшие лужи на ещё мокрому гидроизоляционному покрытии плоской крыши многоэтажки, да серые тучи, бегущие куда-то вдаль. Небо на горизонте начало очищаться, и там облака уже были подкрашены закатом в багровый оттенок, который Анне сейчас показался зловещим.

На фоне неба выделялась стройная тёмная фигура со светлыми волосами.

— Ну, как тебе видосик? Прикольно? — не поворачивая головы, спросила она.

— Да, уж... Прикольно...

— Обратила внимание на дату? Свежачок, — блондинка посмотрела на Анну и зловеще улыбнулась, — У нас самих это видео появилось случайно. Воланд всё подчищает за собой... Нам просто повезло, что мы смогли перехватить этот поток.

— В это очень трудно поверить...— осторожно проговорила Анна, ещё не оправившись от увиденного.

— А тот парень, что хотел стащить твой бук? Воришка в торговом центре?

— Совпадения?..

— Не много ли совпадений?

— Просто трудно поверить, что вещи связанные с людьми...

— Решает машина? — блондинка снова улыбнулась, — А разве в этом нет своеобразной холодной логики? «Все работают в Г.А.» — это уже не просто слоган. Даже не будучи программистом, человек, так или иначе, работает на систему. Человечество нужно только для её обслуживания. Когда-то мы хотели сделать компьютерные технологии частью нашей жизни. Г.А. сделала нас частью жизни компьютерных технологий...

— Это похоже на безумие... Кто в здравом уме пойдёт на такое?

— Я тоже так думала... Пока сама не столкнулась с их методами,— незнакомка отвернулась и посмотрела вдаль, а потом продолжила, иногда делая паузы, словно вспоминая подробности или подбирая слова, — Я и мой парень ехали по ночной дороге... Игорь водил хорошо, уверенно, поэтому ехал на высокой скорости. Пешеходный переход был пуст, мы видели это, когда приближались к нему. Но в последний момент выскочила эта девочка... Он просто физически не успел затормозить, и она отлетела метров на 10... Ей уже невозможно было помочь. Это было ясно. Игорь запаниковал. Я хотела его остановить, понимая, что он сделает только хуже, но он втопил педаль и попытался поскорее уехать. Я понимала, что это неправильно... Но что могло произойти потом? Нас могла бы остановить полиция, получив сигнал о наезде или увидев вмятину на капоте... Сам Игорь мог бы на следующее утро прийти с повинной... Я хорошо знала его. Он был честным человеком и точно поступил бы так... Но у него не было этого шанса.

Девушка замолчала. Подул прохладный ночной ветер, чуть раздвывая её волосы. Анна не увидела слёз, но ей показалось, что незнакомка готова заплакать. Наконец, она продолжила:

— Мы мчались дальше по пустой ночной дороге, не понимая, что всё уже решено. Навстречу полз беспилотный грузовик. Они так давно внедрены и никогда не совершают ошибок, тем более в такой простой ситуации. Но тогда, стоило нам сблизиться, он резко выехал на встречу. Удар пришёлся точно в водительское место... На моих глазах Игоря смяло в кашу... А я тогда осталась без ноги, — девушка демонстративно задрала штанину джинсов и Анна увидела, что вместо ноги у незнакомки подключен сложный бионический протез, — Потом, когда я уже попала в команду хакеров, мне объяснили, что такие вещи происходят не случайно. Я не оправдываю Игоря... Он совершил ужасный поступок, но при этом он всё равно имел право на справедливость... На человеческий суд. Мне показывали фрагменты кода, восстановленные по утечкам из Г.А. Система дала ему ровно 7 минут, чтобы вернуться на место преступления и вызвать полицию. Когда этого не произошло, компьютер решил, что вина доказана и привёл приговор в исполнение...

Анна молча посмотрела на движущиеся внизу огни. По освещённым улицам сновали автомобили, в домах зажигались окна, люди возвращались с работы в свои квартиры. И совершенно никто, кроме кучки избранных, не знал, что над каждым уже занесен дамоклов меч хладнокровного палача и беспристрастного судьи, который пристально следил своим всевидящим оком за каждым, изучал, оценивал, казнил и миловал. Он не знал сомнений, не испытывал угрызений совести и не ошибался. Возможно, не ошибался...

— Это кошмарно...

— И чтобы остановить это, нам и нужна ты,— чуть повеселев проговорила блондинка.

— Я? Почему именно я?

— У тебя кристально чистая репутация. Именно поэтому рекрутинговая нейросеть Г.А. из тысяч претендентов выбрала именно тебя. И именно поэтому ты идеальна для нас, как агент... Знаешь сколько раз наши ребята пытались попасть на работу в Г.А.? Их отсеивали ещё до всяких вступительных испытаний.

— Но какой от меня вам прок? Вы и так крутые, если можете подменять картинку с камер...

— Мы называем это «Вуаль». Она позволяет, когда нужно, скрываться от Большого брата. Но это продлится недолго...

— Почему?

— Ты не играешь в шахматы? — спросила блондинка и, увидев отрицательный жест Анны, продолжила, — Ни одна из позиций на доске не может быть идеальной. Каждая сторона неизбежно несёт потери, но делает ходы с целью получить преимущество. Рано или поздно «Воланд» получит полномочия аудировать коды всех программ, а значит, закроет те дыры, которые мы используем для работы «Вуали». Наша цель — не скрываться от него, а полностью ликвидировать. Поставить мат. И иногда для этого важен перевес всего в одну пешку.

— А если без аллегорий? — прищурилась Анна.

— Долгое время мы использовали транспортных и наблюдательных дронов для обменов в даркнете. Под носом у Г.А. закачивали на них свои прошивки и гоняли трафик буквально над городом в обход всех коммуникаций... Но сегодня большую часть из них мы слили для небольшой, но эффективной акции... Слышала, наверное?

— Да... Но... Зачем?

— Несколько целей... В том числе, чтобы твои друзья из Г.А. почувствовали угрозу и задёргались. Они уже думали о том, что перестают контролировать свою же систему. Теперь они утвердятся в этой мысли. Им нужен будет новый человек в группу разработки «Воланда», — блондинка пристально посмотрела на Анну, — Завтра нейросеть Г.А. порекомендует тебя, твой начальник Алексей сообщит тебе об этом, и тебе надо будет принять это предложение.

— А дальше?

— А дальше ты узнаешь то, что мы при всех наших шпионских штуках до сих пор не знаем... Физическое положение «Воланда».

— Думаешь, я смогу пронести туда что-нибудь и заразить его?

— Нет, это будет не нужно... Мы устроим электронному поганцу небольшой блэк-аут, и, воспользовавшись затишьем, отключим его от всех коммуникаций...— незнакомка указала на ряд высотных домов вдали, — Взгляни-ка туда...

Буквально через секунду часть города, куда указывала девушка, внезапно целиком погрузилась во тьму.

— Вот так, — улыбнувшись, проговорила блондинка с ликованием в голосе, — Шах и мат!

Анна потянулась под одеялом и открыла глаза. Вокруг по-прежнему была её комната, за шторами на улице по-прежнему светило солнце, и даже она сама как обычно проспала. Девушка поднялась с постели, подошла к окну и отдернула штору. Её лицо и тело вдруг явственно ощу-

тило тепло от прикосновения солнечных лучей. На стекле ещё блестели капли вчерашнего дождя, но асфальт уже подсох, а листва старых лип напротив дома, освеженная ливнем, казалась молодой, словно сейчас весна, а не конец лета. Сосед снизу, деловой и серьёзный молодой человек в строгом костюме, как обычно, вовремя вышел из дома и сел в беспилотное такси. И он, как обычно, был слишком погружён в свой смартфон, чтобы заметить почти полностью обнажённую девушку, смотрящую в окно в нескольких метрах от него. Нет, мир не изменился.

«Всё-таки нет никакой красной таблетки», — с грустью подумала Анна, отворачиваясь от окна. Всё произошедшее вчера вечером казалось ей каким-то странным кошмарным сном. Впрочем, оно и не удивительно. Ведь, судя по нескольким пустым бутылкам на полу, она снова допоздна смотрела кино и напивалась в одиночестве, поэтому даже не помнила, как разделась и легла спать.

Девушка натянула на себя джинсовые шортики, надела футболку и уже собиралась выходить из квартиры, как на смартфон пришло сообщение от Алексея:

— Ещё дома? Спишь?

— Уже выхожу!!! :), — ответила Анна, снабдив сообщение смайликом.

— Не торопись. Сегодня я за тобой заеду, — пришёл странный ответ.

Минут через 15 перед домом остановилось такое же стандартное беспилотное такси, на каком чуть ранее уехал вечно занятой сосед Анны. На заднем сиденье в расслабленной непринуждённой позе сидел Алексей. Девушка легко сбежала по лестнице, открыла дверь авто, плюхнулась рядом с парнем, и машина бесшумно двинулась с места.

— Сегодня какой-то особенный день? — улыбаясь, спросила Анна.

— Да, — спокойно ответил Алексей.

— Всё-таки решил пригласить меня на свидание? — продолжила девушка всё в той же игровой манере.

— Ну, можно и так сказать, — улыбнулся программист, но сразу же перешёл к делу — Слышала про последний инцидент с дронами?

— Конечно.

— В связи с ним мы решили расширить группу, которая занимается безопасностью. Я решил, что ты неплохо подойдёшь для этого.

— Я?! — Анна сделала вид, что удивилась и, кажется, даже немного переиграла, — а как же Светик? В дронах она разбирается намного лучше.

— Всегда чувствовал, что вы недолюбливаете друг друга, — по-своему понял наигранность в голосе Алексей, — Но я не против чувства соперничества в команде. И потом не переживай, в этот раз выбор очевиден не только нейросети, но и мне. В конце концов, именно дроны оказались уязвимы, а вот автобусы, программу для которых разрабатывала ты, не выявили ни одного сбоя. Прекрасное программирование.

— Спасибо, — на этот раз совершенно искренне отреагировала девушка и даже немного покраснела.

Такси выехало на шоссе и набрало скорость, уверенно двигаясь в потоке автомобилей.

— Разве мы едем не на работу? — поинтересовалась девушка, заметив, что машина оставила корпуса и парки Г.А. далеко позади.

— На работу.... Считай, что это собеседование перед повышением.

Такси остановилось на парковке торгового центра, где совсем недавно была Анна. Алексей нерешительно подал ей руку, помогая выйти из машины. Чувствовалось, что эта галантность непривычна для него. После чего оба вошли в гигантское здание, где воздух как обычно был прохладным, а над поросшими зеленью галереями висел приятный туман.

На стеклянном лифте, бесшумно скользящем через все этажи, они поднялись на самый верх, где под сводчатым потолком, оформленным в стиле интерактивного анимированного неба, располагались книжный магазин, маленькая тихая кофейня и кассы кинотеатра, где, судя по красочным постерам, показывали очередной анимированный боевичок про роботов. Сеанс только начался, поэтому на этаже было тихо и безлюдно.

— Ты умеешь выбирать места для собеседований, — проговорила девушка, но программист ничего ей не ответил.

Анна посмотрела в сторону кофейни, предполагая, что Алексей предложит ей присесть за столик, но он остановился у перил, ограждающих громадный круглый проём между этажами, по краям которого сновали вверх и вниз лифты, и откуда весь торговый центр выглядел как жерло огромного вулкана.

— Посмотри на них...— сказал программист, задумчиво глядя вниз, чуть опершись на ограждение руками.

— На кого? — не поняла Анна, подойдя и встав рядом.

— Люди... Я часто люблю наблюдать за ними отсюда. Они кажутся похожими на муравьёв... Хотя каждый уникален, каждый погружён в собственные мысли, в свои желания и заботы. Так же как и мы с тобой. И чем же мы все заняты? Последние 30 лет мы не испытываем голода,

мы не страдаем от болезней, мы обеспечены жильём и получаем безусловный доход. А если нам его не хватает, мы легко можем найти работу по душе, чтобы не прикладывая больших физических усилий, получать дополнительные деньги. Всё это подарила нам эра диджитал, роботизация производства и цифровизация общества, корпорация «Глобал Автоматикс» в конечном итоге...

— Всё это хорошо, — между делом заметила Анна.

— Да... Это хорошо, — кивнул Алексей, — Но стал ли при этом лучше сам человек? Мы отдыхаем, расслабляемся, испытываем радость, выбираем, потребляем, при желании занимаемся саморазвитием... Но даже в таких благоприятных, почти идеальных условиях, продолжаем лгать, воровать, насиловать, убивать.

— Но...— девушка хотела что-то возразить.

— Смотри... Смотри вниз. Сколько ты видишь человек? Пятьсот? Тысячу? По статистике, которой ты никогда не интересовалась, каждый тысячный — потенциальный убийца, каждый пятисотый — потенциальный насильник. Они где-то там внизу... Даже если ещё не совершили свои преступления. Если бы ты могла, ты бы легко увидела их. Но ты не видишь. И окружающие не видят. И поэтому все спокойны. Все уверены, что их окружают в целом хорошие законопослушные граждане, что преступность минимизирована, что им ничего не угрожает...

— А разве это не так?

— Так... Но только не потому что лучше стали люди, а потому что лучше стали технологии... Пошли! — Алексей вдруг решительно взял Анну за руку и увлёк за собой к лифту.

Они быстро пронеслись сквозь все этажи торгового центра и вышли на нижнем ярусе подземной парковки. Здесь среди замерших автомобилей царил тишина и подвальная сырость. Одна из люминесцентных ламп, уже готовясь выйти из строя, тревожно моргала. Алексей огляделся по сторонам и решительно подошёл к неприметной двери в стене, по всей видимости, ведущей в какое-то небольшое служебное помещение, и провёл картой в щели стандартного электронного замка.

— А теперь ты узнаешь, насколько глубока кроличья нора...— многозначительно проговорил программист, открывая дверь.

Однако вместо кладовки со швабрами за дверью оказалась ведущая вниз бетонная лестница, наподобие тех, что соединяют этажи в типовых подъездах типовых многоэтажек. Тусклые светильники, освещавшие пролёты этого подземного подъезда, создавали ощущение какого-то карикатурного постапокалипсиса.

— Это старое бомбоубежище, — пояснил Алексей, словно прочитав мысли девушки, — ещё три этажа вниз...

— Зачем мы здесь?

— Сейчас увидишь, — ответил парень, открывая ещё одну дверь с электронным замком.

За этой дверью оказалась светлая и современная серверная, разделённая прозрачными перегородками и плотно заставленная стойками с беспрерывно моргающими индикаторами сетевых коннекторов.

— Добро пожаловать! — улыбнулся Алексей, усаживаясь в кресло и включая мониторы перед собой.

На них в бесконечных миниатюрных экранчиках мелькали виды города, движущиеся по дороге машины, лица прохожих и интерьеры квартир.

— Это центр системы безопасности нашего тихого и спокойного мегаполиса. Так сказать, наблюдательный пост. Наша «Тёмная башня». Отсюда можно видеть всё... Доступны камеры на улицах, камеры на дронах, видеорегистраторы на авто, камеры частных домовых систем безопасности и даже камера в твоём мобильном...

— Но ведь это вмешательство в частную жизнь?

— Формально нет. Ведь за людьми следят не люди, а он... — программист показал в сторону серверных стоек, — После того, как мы доверили компьютеру управлять нашим транспортом, финансами и кадровой политикой, поручить ему вопросы правопорядка было делом времени...

— Это ИИ?

— Почти... Правда, он не способен изобразить дружелюбие и заботу в голосе и вообще не сможет с тобой поговорить, но он понимает, что такое дружелюбие и забота. А ещё он понимает, что такое боль, насилие, жестокость, ложь... Он очень хорошо изучил это, наблюдая за людьми. Иногда он почти чувствует это. Ему знакомы понятия добра и зла, преступления и наказания, справедливости...

— Но как?..

— В самом начале я думал просто заложить в систему полностью всё уголовное и административное право, но быстро сообразил, что это не рационально. Законов слишком много, они часто меняются, а самое главное, они не отражают самой сути правоохранительной системы — сохранение и восстановление справедливости. Законы сухи, они не могут передать всего разнообразия реальных жизненных ситуаций... Поэтому я ввёл всего лишь 3 простых правила... А до всего остального «Воланд» додумался сам...

Алексей ввёл несколько коротких команд, и в основном окне на центральном мониторе вывелся текст:

Правило №1.: Человек не может ограничивать права человека.

Правило №2.: Человек может реализовывать свои права в той мере и до той степени, которая не противоречит правилу №1.

Правило №3.: Права человека могут быть ограничены в той мере и до той степени, которая необходима и достаточна, чтобы реализовывались правила №1 и №2.

— Почти как у Азимова... — отметила Анна.

— Только наоборот... Законы робототехники, применённые к человечеству, — раздался за спиной Анны весёлый голос Михаила, — Я был в восторге, когда увидел это в первый раз...

— Ты опаздываешь, — заметил программист, поглядев на часы, — Я думал, ты поможешь с презентацией нашего проекта.

— Извини. У меня во всём районе вырубili свет, сигвей не успел зарядиться... Пришлось добираться на общественном транспорте, — всё тем же весёлым голосом оправдался робототехник, — Но если ты закончил с морально-правовым аспектом, то я расскажу о технической части.

— Вот и отлично! Тогда продолжайте без меня, потому что у меня на это время назначено свидание, — Алексей ещё раз посмотрел на часы, почему-то подмигнул Анне и вышел из серверной.

— Свидание... — усмехнулся Михаил, — Вот ведь... Оказывается, ничто человеческое нашему Лёхе не чуждо. Ты что-нибудь знаешь?

Анна только пожала плечами, заморожено наблюдая, как на экранах с бешеной быстротой мелькали постоянно переключающиеся и анализируемые видео. Всё, что прежде казалось ей воспалённой параноидальной фантазией, теперь приобретало зловещие и вполне реальные черты.

В маленькой кофейне было тихо и уютно. Всё здесь создавало винтажную атмосферу 80-х. Круглые столешницы небольших столиков покрывал принт в виде вырезок из старых англоязычных газет. Сверху на длинных свитых спиральями проводах свисали шарообразные светильники. Вокруг столиков были расставлены удобные мягкие стульчики, полукруглые кресла и диванчики с обивкой из насыщенно-красного кожзаменителя.

На одном из таких диванчиков сидела высокая стройная блондинка в длинном вечернем платье молочного цвета с длинным разрезом до

середины бедра. Через него была видна нога блондинки, почти полностью заменённая на высокотехнологичный бионический протез.

— Привет, — улыбнулась блондинка подошедшему Алексею, — Я Катя.

— А я...

— А ты опаздываешь, — засмеялась девушка, не дав программисту договорить фразу, — Лёша. Так ведь? Садись! Я уже заказала пару капучино и венские вафли с кленовым сиропом.

— Хм...— Алексей улыбнулся, присаживаясь в кресло напротив девушки, — Успела изучить мой социальный профиль?

— Обычно это делаешь ты, правда?

— Да, но...,— парень положил смартфон на стол рядом с собой и неловко на него покосился, — про тебя я в Сети ничего не нашёл.

— Это странно? — девушка приняла от официантки свою чашку и небольшую тарелочку с вафлями, — Спасибо.

— Немного, — кивнул парень, внимательно, словно изучая, глядя на свою собеседницу.

— Заинтригован, да? — поймала девушка его взгляд, — Ну и хорошо. Говорят, что в женщине должна быть загадка. Вообще я предпочитаю рассказывать о себе людям лично и персонально.

— Отлично. Значит, сейчас ты расскажешь о себе?

— Возможно... Хотя пока мне не очень хочется. Не чувствую искренней заинтересованности.

— Почему? — мельком машинально взглянув на смартфон, спросил Алексей.

— Потому что за прошедшие 2 минуты ты 3 раза посмотрел на экран и только один раз на меня, — ехидно ответила блондинка, — Даже положил его перед собой. Боишься пропустить что-то важное?

— Да... Нет, — Алексей перевернул аппарат экраном вниз и почувствовал, что слегка покраснел.

— А я вот стараюсь не смешивать онлайн и живое общение. Понимаешь... Не проверяю сообщения каждые 5 минут, не отписываю комменты под фотками в лентах друзей. Хотя у меня есть друзья, и у них есть фотки... Я чувствую, что это делает меня свободной. И я, между прочим, уже начала рассказывать о себе, — собеседница Алексея сделала паузу и отпила кофе, посмотрев куда-то в сторону, как бы подчёркивая, что постепенно теряет к разговору интерес, — Знаешь, мне кажется, всё это сейчас чаще мешает людям, чем помогает. Ты можешь узнать мои интересы, места, где я бываю, то, как я одеваюсь... Это может показать мне таргетинговую рекламу. Но ничего не скажет тебе

о том, какой я человек. В конце концов, даже вооружившись этими знаниями, ты так и не решишься поговорить со мной где-нибудь на улице. Люди научились использовать технологии, но разучились говорить с людьми...

— Ты из тех кто отрицает прогресс? — программист откусил кусок вафли и запил кофе, на этот раз не сводя взгляда с девушки.

— Разве я похожа на религиозную фундаменталистку? Я и сама работаю в ИТ-сфере. Просто у меня много и других увлечений...

— И каких?

— Ох, неужели ты наконец-то спросил меня про мои увлечения? — девушка снова ехидно улыбнулась, — Думаю, ты давно никому не задавал этого вопроса...

Телефон программиста на столе предательски завибрировал.

— Прости, — Алексей снова немного покраснел

— Нет, пожалуйста...

— Серьёзно, я не буду смотреть на него.

— А вдруг там что-то важное? — прищурилась блондинка.

— Не думаю... Подождут, — уверенно ответил Алексей.

— Знаешь, а я знаю один секрет... Как стать совершенно свободным... Позволишь? — девушка протянула руку к лежащему на столе смартфону.

— Разобьёшь его? — улыбнулся программист.

— Нет. Всего лишь сделаю вот это...— девушка взяла устройство в руки, ловким быстрым движением вынула аккумулятор и протянула назад парню, — Вот. Держи. Теперь мы оба совершенно свободны. На столько, на сколько захотим...

— Интересный лайфхак, — улыбнулся программист, бессмысленно повертев аккумулятор в пальцах, — Надо будет запомнить.

— Всегда так делаю, когда хочу побыть в тишине.

— А не проще ли выключить?

— Проще выключить, проще включить...— заметила девушка, снова задумчиво, отпивая кофе и глядя куда-то мимо Алексея, — А я люблю сложности.

— Ты, конечно, спросишь, зачем нужна такая сложная система? На какой фиг компьютеру следить за всеми? Что делать со всей этой инфой? — проговорил Михаил, устраиваясь в кресле перед мониторами, и сам же ответил на свой вопрос, — Можно, например, включить сигнала

лизацию и автоматически сообщить о преступлении в полицию, а потом приложить доказательства.

— Разумно, — кивнула Анна.

— Но совершенно бессмысленно в плане профилактики! — добавил робототехник, — Мы провели сотни наблюдений и выяснили, что в большинстве случаев это даже снижает эффективность. Полиция приезжает слишком медленно, а сигнализация только предупреждает преступника. Зачастую, оказывается даже хуже, чем могло быть... Например, жертва изнасилования, оказывается убита.

— Ужас...

— Поэтому мы решили, что наш «Большой брат» должен превратиться в «робокопа». Должен начать действовать самостоятельно. Именно тогда я предложил назвать его «Воландом», хотя Лёхе нравилось называть его «Демон Пейна».

— Почему?

— Ну, знаешь... Он же у нас любит всякие теоретические науки. Демон Максвелла следит за энергией частиц, Демон Лапласа предсказывает их движение, Демон Дарвина определяет что-то там в эволюции... Был ещё такой чувак — философ Томас Пейн, который написал книжку про «Права человека». Ты же видела наши 3 закона робототехники наоборот?

— Да.

— Ну, вот... По Лёхиной задумке Демон Пейна должен следить за соблюдением прав людей. Решать кто прав, а кто виноват.

— Сложно, — протянула Анна.

— Вот и я сказал ему, что это слишком по-задротски и совершенно не интуитивно.

— А почему тогда «Воланд» ?

— Потому что кирпич просто так никому на голову не падает...— Михаил зловеще улыбнулся, — Смотри, чо покажу...

Недолго покопавшись в файловой системе, он вывел на экран запись. Видеоролик, судя по всему, был снят откуда-то сверху. Сначала камера выхватывала только небольшое пятно света и несколько маленьких чёрных фигур внутри него, но потом неизвестный наблюдатель вдруг заинтересовался происходящим и начал приближать картинку. В трясущейся пиксельной каше было сложно понять, что происходит, поэтому он заставил камеру на dome повернуться на 180 градусов и переключился на неё.

Неизвестный парень на видео грубо удерживает девушку, а потом начинает препираться со вторым, в котором Анна даже со спины сразу

же узнала Михаила. После небольшой перепалки в руке незнакомца появляется нож. Он подскакивает к Михаилу, наносит удар, секунду медлит, а потом, пытаясь скрыться, пересекает стройку.

Наблюдатель опять переключается на прежнюю камеру и становится ясно, что она расположена на башенном кране, который почти сразу приходит в движение. Повернув стрелу и хладнокровно прицелившись, кран сбрасывает бетонные плиты на бегущего человека вниз, который с такой высоты больше напоминает какого-то муравья. Запись обрывается.

— Попытка изнасилования. Покушение на убийство. Попытка скрыться, — прокомментировал Михаил, — «Воланд» принял решение о применении смертной казни.

— Да... Это жёстко...

— Эффективно. Практично. Быстро. И ты видишь результат! Преступность в нашем Мегалополисе сведена к минимуму.

— И он всё решает... сам? Без людей? — девушка обернулась и снова посмотрела на ряды стоек с мигающими индикаторами.

— Разумеется сам. Люди не надёжны. Они не могут видеть всё и следить за всем. Их можно подкупить, запугать. «Воланд» же абсолютно беспристрастен и абсолютно справедлив.

— Неужели никто не догадывается? — удивлённо спросила Анна.

— Кто? Полиция довольна. Преступники устранены. Выжившие жертвы по понятным причинам, не любят распространяться. Случайным свидетелям никто не поверит, — усмехнулся Михаил, — Да, периодически находят конспирологи, заваливающие соцсети своими теориями, но кто им поверит? Они и НЛО периодически видят. Ну и мы стараемся разнообразить арсенал...

— Разнообразить?

— Понимаешь, «Воланд» развивается, но он создан как психолог и аналитик, и напроць лишён человеческой фантазии. Поэтому иногда мы подбрасываем ему новые идейки. Автокастасрофы, обрывы лифтов, башенные краны... Мы стараемся, чтобы всё выглядело как простая случайность.

— Нееееет, — протяжно ответила девушка и даже слегка презрительно закатила глаза, — Современные игры меня совершенно не привлекают. Они слишком простые и построены на случайности. Это для одноклеточных...

— Тогда что же?

— Шахматы.

— Правда? — заинтересовался Алексей, — Я умею играть, но не очень люблю. Особенно в последнее время...

— Да? Ну, вот и напрасно. Притом, что изначально противники находятся в равных условиях, всё может повернуться самым непредсказуемым образом, — увлечённо затараторила девушка, — И даже численное превосходство не решает исхода. Создав выгодную позицию, можно блокировать фигуры противника и одержать победу, даже когда находишься в меньшинстве.

— Но ведь ты, наверное, знаешь, что шахматы были полностью просчитаны на суперкомпьютере? При правильной игре всегда выигрывают белые.

— Однако это не мешает играть людям, правда? В конце концов, этим можно заниматься даже когда компьютеры не работают.

Внезапно весь торговый центр погрузился в полумрак. Многочисленные светильники и фонари, подсветка витрин в магазинах и даже анимированное небо над головой потухли. С нижних ярусов послышались недовольные возгласы покупателей. Люди начали торопливо спускаться по остановившимся эскалаторам к выходу.

— Похоже опять сбой на подстанции...— проговорил Алексей, оглядываясь по сторонам.

Он хотел было предложить своей спутнице тоже выйти на улицу, но рядом возникла услужливая официантка.

— Простите за неудобства. Освещение пропало по независящим от нас причинам. Если вы хотите продолжить вечер, то мы попробуем решить проблему со светом, а ещё я могу предложить бесплатный комплимент от заведения.

— У вас есть аккумуляторы? — спросил программист.

— У нас есть свечи для романтических вечеров...— улыбнулась официантка, поглядывая то на Алексея, то на его спутницу.

— Подойдёт...— уверенно ответила девушка, — Будем считать, что у нас именно романтический вечер. И, пожалуйста, ещё по чашечке кофе.

Через пару минут на столике стоял изящный подсвечник с толстой и уже специально слегка оплавленной свечой. В мерцающем тёплом свете от дрожащего пламени, волосы блондинки тоже казались какими-то огненными.

— Я люблю смотреть старое кино, — сказал Алексей, внимательно глядя на девушку, — Ты даже напоминаешь мне героинь этих чёрно-белых фильмов...

— Мило, — иронично отреагировала собеседница, — Значит, ничто человеческое тебе не чуждо.

— А чем-то, кроме шахмат, ты увлекаешься?

— Читаю и коллекционирую книги, — ответила блондинка.

— Бумажные?

— Угу... Они, как и шахматы, могут спасти, когда нет электричества, но есть свечи.

— Кстати, странно, что всё до сих пор не заработало. Эти сбои стали частыми в последнее время. Даже интересно, что там такое случилось...

На подземную автостоянку быстро въехал старенький тонированный минивен. Никто не обратил на этот факт никакого внимания. Ни сонная охрана торгового центра, давно привыкшая изредка ловить только мелких воришек и подвыпивших хулиганов. Ни Анна и Михаил, наблюдающие за работой системы "Большого Брата". Ни даже сам "Воланд", увлечённый анализом эмоций уединившихся парочек. Тем не менее минивен припарковался, замер на месте, погасив свои фары, что-то внутри, совсем непохожее на двигатель, взвыло, на мгновение утило всё в сильном шипении и треске, а ещё через секунду всё замерло.

Погасли мониторы службы охраны и телефоны посетителей торгового центра, остановились эскалаторы и лифты, смолкли кондиционеры и увлажнители воздуха, рассыпающие ультразвуковой туман над поросшими зеленью галереями. Выключилось освещение, стали бесполезны электронные замки на дверях, ослепли многочисленные датчики и камеры видеонаблюдения. Всё, что происходило дальше, могли видеть лишь случайные свидетели, которых, конечно же, не было на нижнем ярусе подземной парковки.

Из минивена вышли четыре фигуры в капюшонах на головах. В темноте, нарушаемой только светодиодными фонарями неизвестных, можно было разобрать лишь их торопливые движения. Недолго поискав вдоль стен, они обнаружили неприметную дверь. Электронный замок на ней не был заперт и легко впустил непрошенных гостей внутрь. Ощупывая пространство лучами своих фонарей, фигуры начали спускаться вниз по лестнице.

Темнота в подземной серверной не продлилась слишком долго. Секунд через 30 после полного отключения электричества, заработал резервный генератор. Зажёгся свет, одна за другой начали оживать сер-

верные стойки с мигающими индикаторами, загорелись мониторы. «Воланд» занимался проверкой своих систем.

— Что случилось?! — не пытаясь скрыть в голосе неподдельного испуга, спросила Анна.

— Да фиг его знает... — растерянно ответил Михаил, пытаясь зайти в консоль управления в обход процедуры проверки, — У меня на рай-оне недавно такое же было... Такой бросок, что ноутбук вырубил. Он так и не ожил...

Закончив с собой, искусственный интеллект начал «ощупывать» свои периферийные системы. Рассылая сетевые запросы, он раз за разом наткнулся на молчание. Похоже, что сбой затронул магистральные коммутаторы, находящиеся неподалёку и теперь до перезагрузки всех систем «Воланд» оказался отрезан от мира. Единственное, до чего он смог сейчас дотянуться, была пара камер на лестнице и в коридоре перед дверью в серверную. Видео с них он и вывел на экран.

В тёмном коридоре Анна и Михаил увидели четверых людей. Из-за капюшонов и платков, скрывающих большую часть лица, невозможно было увидеть, кто это, но по фигурам было понятно, что это трое парней и девушка. Подёргав дверь в серверную и убедившись, что она заперта, неизвестные начали копошиться рядом, подсвечивая пространство фонарями. Девушка сняла с плеча спортивный рюкзачок с ярким значком «Хеллоу Китти» и достала оттуда небольшой бук. Один из парней, начал что-то говорить ей, помогая разворачивать какие-то соединительные провода. Через пару минут, на электронном замке двери уже был скотчем приклеен эмулятор карты, соединённый проводами с ноутбуком. Девушка устроилась на полу, по-турецки, подвернув под себя ноги и наблюдая, как по экрану бегут ряды цифр и символов.

— Они же пытаются хакнуть наш замок! — взволнованно проговорила Анна, с интересом наблюдая за действиями злоумышленников.

— Вижу... — ответил Михаил, так же напряжённо наблюдающий за происходящим, — но это дохлый номер. На подбор уйдёт миллион лет... Скоро включится электричество, и «Воланд» вызовет охрану.

— А если не включился?

Через 15 минут неизвестные за дверью начали заметно волноваться. Один из парней несколько раз взглянул на часы и что-то стал говорить девушке, активно жестикулируя. Другой, как бы успокаивая, взял его за плечо, что-то буркнул и начал копаться в своём рюкзаке. В луче фонаря блеснуло круглое лезвие портативной болгарки.

— А вот на это у них уйдёт от силы 40 минут, — сказал Михаил, многозначительно постукав пальцем по экрану.

За дверью раздался треск и скрежет. Лезвие инструмента с трудом начало вгрызаться в металл.

— И что нам теперь делать?!

— Не волнуйся...— начал тыкать в телефон Михаил, — Вроде связь ожила. На полпалочки, но есть чё-то... Сейчас наберём боссу, а он пусть сам решает, нужно ли привлекать полицию. Да блин! Он вне зоны... Герой-любовник, маза фака.... Ну, значит, звоним ментам...

— Стой! Смотри! Что там происходит? — привлекала девушка внимание робототехника к происходящему на экране.

В лучах светодиодных фонарей стало заметно, что коридор заполняется плотным туманом. Из вентиляционных решеток под потолком начал активно струиться плотный белый дымок.

— Активировалась система пожаротушения, — прокомментировал Михаил, — Она подключена к генератору... Может, они болгаркой так надымили, что сработали датчики?

Злоумышленники за дверью тоже почувствовали неладное. Один из парней остановил своего приятеля с болгаркой. Другой стал что-то снова активно говорить девушке с ноутбуком.

— А может и не датчики...— продолжал вслух размышлять робототехник, глядя на монитор.

— А что?

— Если это «Воланд» почувствовал угрозу, то...— Михаил начал топливо вводить команды, делая запросы к системе.

— То что? Что?

— Этим ребятам п*здец...

Один из парней в капюшоне что-то прокричал своим приятелям и бросился вверх по лестнице. Там воздух ещё был свежим, хотя тоже виднелись струи газа. Парень подбежал к внешней двери, стал дёргать её, но она не поддавалась. Электронный замок был закрыт. В панике, парень снова спустился вниз, где уже всё было в белом дыму. Двое его приятелей кашляли, пытаясь пройти вдоль стены. Тёмная фигура девушки свернулась на полу.

Парень схватил друзей и потащил наверх по лестнице, куда быстро поднимался плотный дым. В попытке спастись они снова запустили болгарку, на этот раз пытаясь спилить замок внешней двери, но было уже слишком поздно. Противопожарная смесь заполнила собой всё помещение. Один из парней тихо съехал спиной вдоль стены и так и остался сидеть на лестнице. Его приятель, пошатнувшись, оступился и скатился вниз. Третий, до последнего момента вцепившись в болгарку, наконец, выронил её и замер, уткнувшись головой в дверь.

— Всё... — бросив клавиатуру, обречённо сказал Михаил и откинулся на спинку кресла.

— Он же просто придушил их...— проговорила Анна в ужасе смотря на экран.

— Ага, — с удивительным безразличием и спокойствием ответил робототехник, — «Воланд» почувствовал угрозу для себя и для нас. У него не было других вариантов, кроме как использовать подручные средства...

— Ты же говорил, что у него плохо с фантазией.

— Ну, похоже, что теперь уже не так плохо.

За дверью зажгся свет старых тусклых ламп. Зашумела вентиляция, удаляющая газ из помещения. Похоже, подача электричества восстановилась, а вместе с ней вернулась и жизнь в здание торгового центра.

— Пойдём! — решительно сказал Михаил, поднимаясь с места, — Нечего нам сейчас тут делать.

Он открыл дверь серверной своей карточкой и аккуратно перешагнул через труп девушки, ничком лежащей на полу рядом со своим буком и рюкзачком с «Хеллоу Китти». Воздух в коридоре снова был прохладным и свежим, но Анну чуть подташнивало. Стараясь не смотреть на мёртвые тела, она, придерживаясь за стену, поднималась по лестнице.

— Думаешь, они могли нам навредить?

— Если бы вошли и обнаружили нас? Определённо, — уверенно ответил Михаил, запирая за собой дверь серверной, — Кто знает, что творится в головах этих неадекватов? Ну, и уж совершенно точно они хотели навредить «Воланду»...

— И что теперь? — спросила девушка у робототехника, когда они оба оказались на парковке.

— «Воланд» вызовет охрану, те вызовут полицию... Попытка проникновения со взломом, сбой системы пожаротушения. Всё очевидно.

— Но ведь они... Умерли.

— Люди умирают каждый день по совершенно разным причинам, — спокойно ответил Михаил, — Несколько трупов не сильно испортят статистику.

— Я имела в виду... Что будем делать с этим... мы?

— Ничего. Думаю, нам просто нужно поехать по домам и хорошенько отдохнуть. Какой-то сегодня неожиданно напряжённый день...

Анимированное небо снова зажглось над небольшой уютной кофейней. Включились многочисленные лампы и фонари, заработала подсветка лестниц, пришли в движение лифты и эскалаторы.

— Наверное, мне пора, — сказала блондинка и задула свечу на столике.

— Я провожу тебя, если не против...— отреагировал Алексей, поднимаясь вслед за своей собеседницей.

— Не против, — улыбнулась она.

— Наверное, я запорол это свидание?... — с нерешительной улыбкой полушутя спросил Алексей, когда они вдвоём спускались на лифте вниз.

— А это было свидание? — игриво ответила блондинка вопросом на вопрос.

— А разве нет?

— Возможно...

— Извини, — уже немного грустно проговорил программист, — Я только провожу собеседования, но чертовски давно не был на свиданиях. Наверное, уже разучился...

— Тогда будем считать, что это было собеседование похожее на свидание.

— Или свидание похожее на собеседование?

— Или так...— девушка снова улыбнулась и внимательно посмотрела на Алексея.

— Разочарована? — серьёзно спросил программист, засовывая руки в карманы и принимая свою обычную чуть сутулую позу.

— Не сказала бы...— не прекращая улыбаться, ответила блондинка, — Ты именно такой зануда, каким тебя описывала моя подруга.

Молодые люди вышли из здания торгового центра и направились к парковке.

— Я мог бы проводить тебя до дома...

— Мог бы... Но не сегодня, — серьёзно ответила девушка.

— Ну, или хотя бы вызвать тебе такси...— не глядя на неё продолжил Алексей, возвращая аккумулятор в корпус своего смартфона.

— Это будет лишним, Лёш... Я сама за рулём, — девушка остановилась около стильного автомобиля светло-металлического цвета, достала из сумочки ключи и, нажав кнопку на брелоке, открыла дверь.

— «Тесла» модель S...— не сдержал своего удивления Алексей, — Блин, это же настоящее ретро! Довоенная классика! Не думал, что такие ещё остались...

— Если хочешь, покатаю тебя в следующий раз, — весело сказала девушка, садясь за руль.

— В следующий раз? Это значит...

— А ничего это не значит! — девушка засмеялась, втопила педаль газа и двинулась к выезду с парковки.

Алексей глазами провожал удаляющееся авто, ощущая внутри какую-то непривычную, но приятную теплоту и думая, что сегодня был, наверное, лучший день за последние полгода.

Внезапно со встречной полосы резко выскочила машина беспилотного такси и на полном ходу лоб в лоб столкнулась с набравшей скорость Теслой. Последовал громкий удар и звук сминающегося металла. Оба автомобиля остановились, как вкопанные, вцепившись друг в друга деформированными корпусами.

Шокированный программист подбежал и замер в паре шагов от покорёженных машин. Уже понимая бесполезность своих действий, он всё-таки нажал дрожащими пальцами на приложение вызова «Скорой», отправив в медицинскую службу GPS-координаты места аварии.

Кузов «Теслы» пострадал меньше, чем облегчённый корпус такси, но это не обеспечило безопасность для её владелицы. Изнутри лобовое стекло было испачкано кровью. Светлые волосы девушки, словно измазанные красной краской, волнами рассыпались по развороченной приборной панели. Голова, вдавленная в руль с несработавшей подушкой безопасности, чуть деформирована от удара и вывернута в неестественное положение. Но окровавленное лицо девушки по-прежнему светило характерной насмешливой улыбкой.

«Джоконда эры диджитал... Этуд в багровых тонах» — неожиданно пришло в голову Алексея, до этого момента бессмысленно смотревшего на страшный результат аварии. Вокруг начали собираться зеваки. Гудящую тишину в ушах программиста стали нарушать нарастающие взволнованные возгласы и щелчки камер мобильных телефонов. Он чуть нахмурился, переведя взгляд куда-то в пустоту, привычным движением засунул руки в карманы толстовки и побрёл в сторону дома.

Анна лежала на своём вечно разложенном диване со смятым одеялом, обессилено разбросав руки в стороны. За незашторенным окном вечерело. Недавно девушка почти закончила бутылку дешёвого белого вина и теперь, лёжа с полуоткрытым ртом и полужакрытыми глазами, в

полудрёме смотрела без звука какой-то унылый фильм, проецирующийся на потолок.

— Входящее сообщение, — нарушила тишину Рима.

— К чёрту сегодня эту работу!... — раздражённо ответила Анна, — Всегда к чёрту эту долбанную работу!...

— Топик: «От подруги», — настойчиво уточнила голосовая помощница.

— Прочитать...

На экране появилась программа просмотра электронных писем. Во вложении только одно фото, на котором уже знакомая блондинка на фоне полок какого-то книжного магазина, скроив дакфейс, показывала в кадр детскую книжку Астрид Линдгрен «Карлсон, который живёт на крыше, опять прилетел». Подпись к фото гласила: «Залетай в гости!»

— Ох уж эти загадки, — проговорила девушка, с трудом поднимаясь с дивана и пытаясь понять, где в комнате и какая именно разбросана одежда.

Вытащив из-под стола левую кроссовку и найдя под диваном правую, Анна обулась. Долго путаясь в рукавах, натянула через голову домашний свитер с оленями, безбожно растянутый уже во всех направлениях. Наконец, она вышла из квартиры и по лестнице поднялась на крышу.

Холодный вечерний ветерок освежал и прочищал голову. Анна поёжилась, глядя с высоты на тускнеющий красноватый край неба, чёрные кроны деревьев и тёмные силуэты домов, постепенно загорающиеся своими электрическими огнями.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — негромко спросила она, в общем-то, сама не особо рассчитывая получить ответ.

Девушка оглянулась по сторонам, надеясь разглядеть в темноте силуэт с длинными светлыми волосами, но увидела только странное пульсующее свечение на противоположной стороне крыши.

Пройдя мимо зарешёченных коробок с кондиционерами, торчащих вверх квадратных труб вентиляционных вытяжек и нескольких спутниковых антенн, Анна уперлась в точно такую же дверь, через которую недавно прошла она сама, ведущую в чердачное помещение над подъездом. Другое дело, что этот подъезд почти никогда не использовался, ведь выходил в глухой угол двора, поэтому был заперт. А все жильцы, пользуясь сквозной коридорной системой, всегда проходили через центральный вход.

Дверь на чердак была старая, сильно поржавевшая снаружи и даже лишённая ручки. Однако под козырьком над дверным проёмом зачем-

то была установлена миниатюрная веб-камера. Размышляя, что делать дальше, девушка на минуту замерла перед дверью, но та вдруг сама открылась, словно приглашая её войти. «Очередная кроличья нора», — подумала Анна и шагнула внутрь.

Дверь автоматически закрылась за спиной у девушки, а перед ней зажёгся мягкий приглушённый свет, проявив из полумрака довольно уютный интерьер в стиле «лофт». Часть чердака была наглухо отгорожена кирпичными стенами от основного пространства, образовав настоящий пентхауз, ничуть не уступающий размеру её собственной квартиры, правда, без окон. Зато по всему периметру потолка излучали тёплый желтоватый свет утилитарные линейные лампы.

У левой стены расположился небольшой диванчик с пухлой подушкой и старым шерстяным одеялом. Справа рядом с дверью было втиснуто несколько вешалок, хаотично заполненных разными вещами. В дальнем углу располагался компьютерный стол с двумя мониторами, ноутбуком и несколькими системными блоками. Всё же остальное пространство вдоль стен было буквально завалено книгами. Они были сложены на полу пачками безо всяких полок, и буквально выростали к потолку иногда выше человеческого роста. Наконец, середину комнаты занимали круглый журнальный столик из натурального дерева, покрытого тёмным лаком, с вырезанной прямо на столешнице шахматной доской, и кресло с такими же деревянными подлокотниками, в котором, закинув ногу на ногу, сидела сама хозяйка тайного убежища.

— Здравствуй! — приветливо поздоровалась блондинка.

— Привет...

— Добро пожаловать ко мне в гости. Как видишь, всё это время мы практически были соседями.

Анна вдруг заметила лёгкое свечение вокруг фигуры блондинки и полупрозрачные пересекающиеся лучи, ведущие к ней из углов комнаты.

— Это голограмма? — догадалась девушка, — Крутая...

— 3D-проекторы последней модели. Могу подарить тебе в конце нашего разговора. Если, конечно, тебя не смущает, что они ворованные.

— А ты сама?... Я так понимаю, вынуждена скрываться?

— Это интерактивная запись. Маленький отпечаток моей личности. Если ты до сих пор разговариваешь с ней, значит, система распознала твой голосовой профиль, а камера у входа узнала твоё лицо и открыла дверь, а ты сама ранее получила моё отложенное письмо. Если я не отменила его отправку, значит, сейчас я мертва.

— Мертва? Как это случилось?!

— Я не могу этого знать. Оборвался очередной лифт... Случилась нештатная ситуация на стройке... Или это была банальная автокатастрофа. Ты знаешь, что вариантов не так уж много.

— Или сбой пожарной системы...— проговорила Анна, но голограмма никак на это не отреагировала.

— В любом случае, это означает, что наша атака провалилась, «Вуаль» упала, а «Воланд» продолжает работать. Теперь он получил возможность править исходные коды и будет постепенно становиться всё сильнее.

— Да, так и есть, — подтвердила девушка.

— Грустно это осознавать. Часть наших ребят просто погибла, другие были вынуждены залечь на дно. Многими фигурами пришлось пожертвовать. Белую королеву убрали с доски. Но я не думаю, что партия проиграна. Потому что ты всё ещё можешь нам помочь, — голограмма замолчала, сделав многозначительную паузу.

— И что же я могу сделать? — спросила Анна.

— А это правильный вопрос, детектив, — улыбнулась блондинка, — Не то, чтобы я была ограничена в ответах... Просто хочу рассказать тебе небольшую человеческую историю. Присядь.

Анна аккуратно присела на диван, куда гостеприимным жестом указала голограмма. Блондинка же беззвучно вздохнула и продолжила:

— У меня и моего парня было много общего. Помимо того, что мы оба не дожили до 30 лет... Мы оба любили компьютерные технологии, оба фанатели от того прогресса, к которому можем приложить руки... Просто мы видели будущее не таким, каким его реализовали в Г.А. Но это уже не важно. Кроме всего прочего, мы любили книги. «Дивный новый мир», «451 градус по Фаренгейту» и, конечно же, «1984». Оруэлл в каком-то смысле даже определил мою жизнь... И смерть, — голограмма сделала паузу, смотря куда-то под ноги, словно немного загрустив, но вскоре продолжила, — Эта небольшая библиотека. Моя коллекция. Милое увлечение, собирать книги по году издания. Все они — настоящие раритеты, ведь сошли с печатного станка в 1984 году.

Анна огляделась по сторонам, посмотрев на бесконечные хаотичные пачки. Чего тут только не было: собрания сочинений классиков, лёгкая развлекательная проза, справочники, учебники, эзотерические и философские труды. Она протянула руку в ближайшей к дивану стопке, взяла первую попавшуюся книгу и стала листать.

— У тебя будет время покопаться в этом бардаке, — проговорила блондинка, как будто знала, что сделает девушка, — Ведь я ещё не

рассказала тебе об Игоре... Узнав о моей забаве, он часто подшучивал... Всегда иронизировал, и однажды объявил мне, что начнёт коллекционировать книги по более глубокому принципу — по цвету обложек. Я посмеялась. Но потом была сильно удивлена, что он действительно собрал довольно большую коллекцию. Он любил зелёный цвет. Поэтому зелёные корешки прекрасно вписались в интерьер его дома. Оказалось, процесс увлёк его. Мы даже вместе ходили в букинистический магазин в поисках своих дорогих «трофеев»... А ещё воровали из библиотеки.

Голограмма снова вдохнула, отвернувшись, утёрла выступившие на глазах слёзы, а потом грустно улыбнулась и продолжила свой рассказ:

— Однажды он признался мне, что у него в коллекции есть зелёная книга 1984 года издания, но он никогда мне её не отдаст. Снова издевался... Он любил сказать что-то такое, а потом наблюдать за тем как я бешусь. Чёрт! Тогда это и правда сводило меня с ума. Я сказала, что не верю ему. Что думаю, что он специально это придумал и сказал, чтобы подшутить надо мной. Но он продолжал смеяться и напоминать про эту книгу... Тогда я специально пересмотрела всю свою коллекцию и нашла книжку зелёного цвета. Тогда у меня появился козырь. При следующем разговоре я выложила его, сказав, что у меня тоже есть подходящая ему книга. И что я тоже никогда ему её не отдам. Он смеялся... Кажется, ему было всё равно... Но на ближайший же Новый Год, распаковывая подарки, я вдруг обнаружила под упаковкой старую книжку 1984 года издания... с зелёной обложкой. Интересно, что тогда, не сговариваясь, я тоже подарила ему свою драгоценность — зелёную книжку 1984 года. Но самое забавно, что это были одинаковые книжки. Два близнеца, отпечатанные в одном издательстве в один год. Может даже, в один день, — блондинка испытующе посмотрела на Анну, — А теперь, внимание, вопрос клубу знатоков... Что это была за книга? Экземпляр, подаренный Игорем, до сих пор находится здесь, в этой комнате. Найди его, если хочешь знать, что делать дальше. Сейчас люди часто ищут ответы в Сети, но раньше искали их в книгах... Считай это последним тестом на человечность.

Голограмма снова замерла, неестественно неподвижно смотря сквозь Анну и чуть подрагивая в воздухе. Девушка поднялась с дивана и неторопливо прошла по комнате, внимательно разглядывая книжные корешки. Естественно, зелёных среди них было намного больше, чем одна.

— «Коллекционер» Фаулза? — неуверенно спросила Анна.

— Похоже, ты совсем не слушаешь, о чём я тебе рассказываю... — покачала головой голограмма, — Попробуй ещё раз. Но я не дам тебе слишком много попыток...

— Хорошо, хорошо! Я думаю! — торопливо ответила девушка и забормотала себе под нос, — Ищут в сети, искали в книгах... Тест на человечность.... Значит, дело вовсе не в книге, а в истории... Человеческая история... Коллекции... «Трофей»... То, что дорого... Отношения... Любовь... Неожиданный подарок... Подарить свою драгоценность...

Внезапно девушку поразила догадка. Она повернулась к голограмме:

— Надеюсь, у меня ещё будет третья попытка?... Но... Это «Дары Волхвов» О`Генри?

— Третьей попытки не будет, — улыбнулась блондинка, — потому что это правильный ответ, детектив. Признаюсь, что в моей коллекции нет О`Генри. Тем более в зелёной обложке. Возможно, и всю эту историю я просто придумала. А может и не я. Кто знает... Как я уже сказала... Люди часто ищут ответы... Но где бы они не искали, в Сети или в книгах, находят они их в своём сердце... Ведь там у каждого есть своя книга. Твоя книга — Ландау и Лифшиц «Курс теоретической физики. Том 2: Квантовая механика». Она лежит справа наверху второй стопки. Возьми её с собой. А моё время подошло к концу... После просмотра эта запись будет стёрта. Но я не люблю прощаться надолго. Пока, Аня!

Голограмма опять замерла, несколько секунд поморгала в воздухе и окончательно исчезла. Перед Анной осталась лишь пустая комната, гора книг, уютный диванчик, журнальный столик с шахматной доской и кресло, на котором уже никто не сидел. Только сейчас она заметила, что на доске стояла пара королей и белая пешка. Дверь за спиной девушки снова открылась. Анна схватила книгу из стопки, указанной блондинкой, и торопливо вышла в холодную ночную темноту.

Белоснежный скоростной поезд на магнитной подушке летел через бесконечные лесные просторы. словно стрела он то пронизывал тёмно-зелёные холмы, то пролетал по мостам над реками, то скользил по эстакадам вдоль берегов широких озёр, в зеркалах которых отражалось высокое голубое небо и белоснежные облака.

Глядя, как за окном проносятся пейзажи, Анна в который раз прослушивала запись. Этот единственный аудиофайл, который содержался на карте памяти, вклеенной на скотч к форзацу "Квантовой Механики", казался ей особенно важным. В каком-то смысле он был памятником.

Последним напоминанием, что когда-то существовала странная старомодная девушка, называвшая себя "Белой королевой". Что она так же просыпалась по утрам и вдыхала холодный утренний воздух. Наслаждалась и испытывала боль, любила и страдала. И смотрела на окружающий мир как-то иначе, по своему, но не камерами видеонаблюдений, а такими же человеческими глазами.

"Нет! Человеческая смерть не может быть простой статистикой" — думала Анна. Наверное, именно поэтому она и села в этот поезд, который нес её к неизвестной цели. Может, в этом и заключается бессознательная человеческая тяга к разрушению? Но сейчас девушка бы назвала это стремлением к восстановлению справедливости.

— Привет, Аня! — зазвучал весёлый голос блондинки в наушниках Анны, — Я же говорила, что не люблю прощаться надолго. Уверена, что за последние дни я порядком тебе надоела. Извини, что пудрю тебе мозги своими ребусами, но это вынужденная мера. "Воланд" не может использовать то, чего не понимает. Но если ты слушаешь это, то, похоже, справилась. Поздравляю! Но ты всё равно уже вряд ли когда-то узнаешь, выдумала ли я эту историю про книги! Ха-ха! Зато я точно знаю, что сейчас ты улыбаешься.

— Да, — тихонько прошептала Анна, в очередной раз слегка улыбнувшись.

— Ну и отлично! Великие дела должны свершаться с улыбкой на лице. Тем более, для грусти сейчас нет никаких поводов. Пусть наше хакерское подполье погубило, но дело его живёт. Ведь ты, я уверена, с нами. Ты и есть та пешка, которой суждено дойти до последней горизонтали и, став новой королевой, решить исход партии. Итак, закончим с аллегориями... Г.А. уже получили доступ ко всем сетям и домашним системам, скоро они взломают и наш даркнет. Но существуют места, куда они не могут добраться: изолированные сети и старые армейские системы. И есть один чувак... Крутой чувак... Назовём его Мастером. Он имеет доступ к довоенным технологиям, способным решить наши проблемы. Тебе необходимо встретиться с ним как можно скорее. Но учти, он живёт уединённо и не особо любит общаться с людьми. Книжка станет входным билетом. Отдай её ему. А теперь записывай координаты 61.306611, 56.593838. Как туда добраться, решай сама. Больше я ничем не могу тебе помочь, но ты определённо сможешь помочь мне. Я уже говорила, что не люблю прощаться навсегда, поэтому говорю тебе «пока». Уверена, в этой вселенной ничего не исчезает бесследно. Но сейчас на этом всё. Дальше тишина.

Запись прервалась. Анна свернула наушники и, опустив спинку кресла, устроилась поудобнее. В прошедшую пару суток она практически не спала и теперь хотела украсть для себя хотя бы пару часов. Вагонная обстановка способствовала этому. Соседи по вагону тоже дремали, либо сидели, уткнувшись в свои гаджеты, от кондиционера над креслом веяло приятной прохладой, а из общего телевизора транслировавшего какие-то видовые картинки под потолком вагона, лилась еле слышная классическая музыка. Анна закрыла глаза и практически сразу провалилась в обволакивающую темноту.

Она оказалась на каком-то зелёном поле или газоне, выращенном и постриженном в виде громадной шахматной доски. Стройная блондинка в вечернем платье со скипетром в руке и короной на голове, сказала ей, что необходимо оказаться на последней горизонтали и вдруг быстро утонула на своём тёмно-зелёном квадратном поле, как в болоте. Анна осталась в одиночестве, сделала шаг вперёд, и в этот момент на поле начали падать фигуры. Ладьи, в виде огромных зубчатых башен на колёсах, заострённые как ракеты слоны, кони, напоминающие больше прыгающих и скалящихся драконов. Вся эта живность быстро росла, увеличивалась в размерах и гналась за девушкой. В какой-то момент под их весом само поле начало разламываться и проваливаться куда-то вниз. Анна бежала со всех ног, но шахматная доска разрушалась слишком быстро. Потеряв опору, девушка полетела куда-то вниз... И проснулась.

Перед её глазами на мониторе, встроенном в спинку следующего кресла, мигала надпись «Пассажиры E95, скоро ваша станция!»

— Пассажиры E95, — повторил из-под потолка ласковый женский голос, — Поезд прибудет на вашу станцию через 5 минут. Пожалуйста, приготовьтесь к выходу! Трансконтинентальная Железная Дорога надеется, что вам понравилось путешествовать с нами.

Поезд плавно остановился возле типовой платформы. Ощущая на себе удивлённые взгляды пассажиров, не понимающих, что одинокая девушка могла забыть в такой глуши, Анна вышла из вагона. Раздвижные двери с лёгким шипением закрылись за её спиной, весь состав чуть содрогнулся и, плавно набрав скорость, унёсся вдаль.

Девушка оглянулась по сторонам. Вокруг платформу окружал лишь сосновый лес. Сколько их, таких никому не нужных полустанков, поставленных строительными роботами через каждые 20 километров. Возможно, у каких-то через какое-то время появится небольшой город

с парками, магазинами. Но большинство так и останутся никому не нужными, и поезд будет проноситься мимо них на полной скорости.

Анна заприметила узенькую тропинку, ведущую в лес и, сверившись с направлением по GPS-навигатору на своих часах, пошла по ней. Сосновый лес казался приветливым и был по-летнему сухим. Прошлогодняя пожелтевшая хвоя и вышелушенные лесными жителями шишки в изобилии валялись под ногами. Периодически пиная их и слушая музыку в наушниках, Анна незаметно преодолела несколько километров и вышла к симпатичному домику.

Несмотря на древность строения, кто-то очень хорошо поработал над сооружением, укрепив его металлоконструкциями, снабдив современными окнами, большими панелями солнечных батарей на всю ширину крыши и внушительными системами очистки и кондиционирования воздуха. На заднем дворе из-за угла дома выглядывала большая теплица, а вокруг был разбит маленький, но аккуратный садик.

На веранде стоял стол и пара старомодных стульев. Пожилая женщина с серебристо седыми волосами, тщательно протёрла его влажной тряпочкой, а потом, сняв с перил веранды сложенную скатерть с бахромой, принялась стелить её, щепетильно поправляя складки и разглаживая морщинистой ладонью заломы на плотной ткани.

— Здравствуйте! — осторожно поздоровалась Анна.

— Добрый день, — ответила хозяйка дома так, будто совершенно не удивилась, увидев нежданную визитёршу.

— Это вы... Мастер?

— Мастер? Не думаю, — немного смутилась женщина и слегка улыбнулась, — Я и на Маргариту-то... уже не особо похожа. Максимум... просто старая ведьма.

Она говорила медленно, чуть растягивая гласные и делая небольшие паузы между словами, словно подбирая подходящие.

— Ну что вы... Вы прекрасно выглядите, — проговорила Анна.

— Спасибо, деточка, — мягко сказала хозяйка дома, — Вероятно, вам нужен... мой муж.

— Ваш муж? — переспросила девушка, мысленно прикидывая насколько же пожилым должен быть "крутой чувак", о котором говорила Белая Королева, — Простите, а кто он по профессии?

— Разве вы не знаете?

— Нет.

— Он волшебник.

— Волшебник? — переспросила девушка, раздумывая, шутила ли старушка или просто уже не в своём уме.

— Самый настоящий. Однажды... Он подарил мне... Вон то озеро, — она указала на виднеющуюся между деревьями блестящую полоску воды, — А сейчас он как раз там... на рыбалке... но уже скоро должен вернуться... Можете присесть и подождать его... в моей компании..., — женщина внимательно посмотрела на Анну и прежде чем та придумала вежливый повод отказаться, сказала, — Но, если ваш разговор... конфиденциальный... Вы можете сама пройти по этой тропинке... И окажетесь на берегу. Вы непременно его встретите.

— Да, — неуверенно, сказала Анна, — Пожалуй, я так и сделаю. Спасибо.

Она прошла по небольшой дорожке из коричневатых плиток, идущей вдоль дома и свернула на лесную тропинку. Свет пробивался сквозь пушистые ветки и вытянутые ввысь стволы сосен и создавал причудливый солнечный узор на усыпанной хвоей земле. Вскоре дорожка устремилась вниз, петляя между поредевших деревьев и небольших кустарников, пригревшихся на склоне холма. Пройдя ещё какое-то время, целиком погружённая в свои мысли, Анна, наконец, увидела воду.

Голубая гладь озера, чуть вытянувшегося между холмами, была спокойной и безмятежной. К аккуратно сбитому из сосновых досок маленькому пирсу пристала лодка. Суховатый худощавый старик с аккуратно постриженными усами и такой же аккуратной заострённой бородкой неторопливо привязал её, собрал пару удочек и вытащил на берег пакет с несколькими увесистыми рыбинами.

— Добрый день! — поздоровалась Анна.

Старик, прищурившись, посмотрел на девушку и, не проронив ни слова, направился вверх по тропинке вместе со своим уловом.

— Постойте, я привезла вам книгу...

— Я ничего не заказывал, — бросил старик, не оглядываясь.

— Нет. Вы не поняли, — заторопилась девушка вслед за ним, на ходу вынимая из рюкзака потёртый томик «Квантовой механики», — Вот эту книгу! Её передала мне... Белая королева.

— Белая королева... — хмыкнул старик, принимая книгу из рук Анны, — А что же она сама не пожаловала?

— Она... Не смогла.

— В таком случае, она могла просто отправить посылку дроном, — нахмурился старик и неторопливо пошёл к домику.

— Она сказала, что вы сможете помочь нам...

— Чем же?

— Помочь в борьбе с диктатурой Г.А...

— В борьбе с диктатурой? — скрипучим голосом рассмеялся старик, — Вы, барышня, очевидно, не вполне представляете с кем разговариваете. Иначе вы бы не решились обращаться ко мне за помощью в борьбе с диктатурой, — он поставил пакет с рыбой на землю и присел на бревно, лежащее у тропинки, — И чем же, позвольте спросить, вас не устраивает эта «диктатура»? После такой разрушительной войны, путём внедрения тотальной роботизации Г.А. заново отстроила промышленность. Мир устроен по новым принципам. Они справедливы, они, наконец, принесли благосостояние для всех, чего ещё ни разу не было на планете.

— Вы ведь знаете про проект «Воланд»? — понизив голос, спросила Анна.

— Можете не шептать, барышня. В радиусе 500 километров нет ни одного подслушивающего устройства. Не то, чтобы с возрастом я стал жаловаться на слух, но это раздражает... Нет, я не знаю про проект «Воланд».

— Это искусственный интеллект. Сейчас ему отданы все системы гласного и негласного наблюдения, включая даже камеры на телефонах и ноутбуках. Он прослушивает разговоры, контролирует весь сетевой трафик...

— Ну, милая моя барышня... Это естественная плата за комфорт и безопасность вашей городской жизни. Разве это не разумная цена? И потом, неужели честному человеку есть что скрывать? — старик хитро прищурился, пристально посмотрев на девушку своими едкими глазами.

— Я тоже так считала, — серьёзно ответила Анна, — Но сейчас компьютер начал принимать решения о том, кому жить, а кому умирать. Если это не самая циничная диктатура, тогда что же?

— Судя по всему, — проговорил старик, медленно поднимаясь, — Это закономерный путь развития человечества.

— Но так не должно быть!

— Происходит только то, что должно происходить. Если ваши компьютеры производят искусственный отбор среди человечества, то, вероятно, человечеству это идёт на пользу...

— А Белая Королева считала, что вы спасёте нас... — разочарованно сказала Анна.

— Считала? — в голосе старика послышалась еле заметная нотка волнения.

— Да. Она погибла несколько дней назад. И я абсолютно точно знаю, что её убил «Воланд».

— Что ж...— глаза старика чуть помутнели, — Значит, так ей было суждено.

Он поднял с пыльной тропинки пакет со своим уловом, положил удочку на плечо и шаркающей походкой пошёл дальше.

— А что было суждено вам? — резко бросила девушка в спину старика, — Ловить рыбу?!

Он на секунду замер, а потом обернулся и, приблизившись к девушке, зловеще зашипел:

— Знаете, барышня... Ловить рыбу — это не худшее дело, которым я могу заниматься! Я был учёным. И всю свою сознательную жизнь я создавал исключительно устройства для уничтожения. И я преуспел в этом! Силой моего интеллекта были уничтожены миллионы людей. Я был одним из тех, кто напрямую ответственен за эту войну. На этих руках человеческая кровь, смыть которую уже невозможно! — он потряс перед девушкой своими ладонями, — И вы должны быть счастливы, что сейчас я ловлю рыбу, а не занимаюсь своими прямыми профессиональными обязанностями!

— Если вы действительно способны хоть кого-то уничтожить, то помогите нам уничтожить «Воланда», — выпалила вдруг Анна, сама поразившись своей дерзости, — Но, по-моему, Белая Королева просто ошибалась в вас... Вы просто обычный старик!

— Ну, хорошо, — после напряжённого молчания прохрипел учёный, — Пойдёмте!

Вместе они вернулись к домику и вошли внутрь. Интерьер, сильно отдававший нафталиновым ретро, был преисполнен провинциального обаяния. Большой ковёр с длинным ворсом на полу. Стоящие полукругом у стола диван и пара кресел. Множество статуэток, вазочек и тому подобных безделушек на книжных полках. Наконец, старинный торшер с синим абажуром и картина на стене, изображавшая парусник, бороздящий океанские просторы. Похоже, всё это, по мнению хозяев, должно было создавать ощущение уюта и достатка.

На столе уже были расставлены чашки, высокий прозрачный заварочник и несколько видов варенья в изящных вазочках. Седовласая женщина вышла из кухни с горячим чайником и начала разливать кипяток.

— Наконец-то вы пришли, заговорщики. Садитесь пить чай.

— Ох, прекрати болтать...— мрачно ответил старик, поставив книгу на полку и относя в кухню наловленную рыбу.

— Спасибо! А почему вы решили, что мы заговорщики? — приветливо спросила Анна, садясь за стол.

— Ну, деточка... Может, у меня и плохое зрение... но намётанный глаз...— старуха налила ей чаю, — Вы же совершенно точно сотрудник ФСБ... Или как оно теперь называется... Что там теперь?

— Вы имеете в виду спецслужбы? У нас теперь нет спецслужб.

— Они теперь шпионят друг за другом с помощью компьютеров, — отозвался учёный, копаясь в ящиках, засыпанного бумагами, письменного стола в углу.

— Что ты там всё ищешь, Питэр? Садись... Выпей чаю...

— Ничего не ищю! Я ничего не терял. Вот... — старик наконец вытащил тёмную прямоугольную коробку. Анна почти сразу узнала старенький ударопрочный ноутбук военного образца, который как-то видела в электронной энциклопедии.

— Я думала, ты давно выбросил эту адскую машину! — удивилась хозяйка.

— Я ещё не выжил из ума, чтобы просто так выбросить почти 600 мегатонн... Рыба на кухне.

— Снова чёртовы ракеты... И после этого вы будете говорить мне, что это не касается спецслужб...— пробормотала бабка, отпивая чай.

— Ох, ты можешь сейчас просто пойти и почистить рыбу?! — повысил голос старик, — А потом сварить её или пожарить...

— Неисправимый... самовлюблённый... тиран...— язвительно ответила женщина, продолжая пить чай, и даже не думая вставать с места, — А теперь ещё и отвратительный... брюзжащий старикашка. В твоём возрасте нужно беречь нервы... избегать стрессов... и соблюдать режим. А ты... кричишь на меня...

— Пойдёмте, выйдем на веранду, барышня. Атмосфера внутри сейчас станет слишком токсичной...

С удовольствием облизав ложку с вареньем, Анна тихонько шепнула хозяйке «Спасибо» и вышла вслед за учёным.

На веранде было тихо и безмятежно. Крыша дома создавала комфортную тень, а из залитого солнцем соснового бора доносился запах хвои и периодическое негромкое щебетание лесных птиц.

Учёный сел в кресло-качалку, пару раз качнулся, будто собираясь с мыслями, раскрыл ноутбук у себя на коленях и включил его. По тёмному экрану пополз ряд зеленоватых цифр и открылся допотопный текстовый интерфейс из замысловатых табличек с буквами и цифрами. Анна взяла стул, стоявший рядом со столом, и присела рядом с интересом наблюдая, за действиями старика, тонкие пальцы которого словно ноги

пауков забегали по клавиатуре, нажимая одному ему ведомые комбинации кнопок.

— Итак, барышня... Вы можете указать точные координаты места, где находится наша цель?

— Да, конечно. Вот...— Анна показала учёному координаты по карте на своих смарт-часах.

— Это какое-то укреплённое сооружение? Лаборатория? Дата-центр? — уточнил старик, не отвлекаясь от экрана.

— Старое гражданское бомбоубежище... Подземная серверная. Метров 25-30 под землёй.

— Ну, это ерунда. От прямого попадания оно не защитит...— пробормотал учёный, почесав заострённую бородку, и снова быстро застрекотал клавишами.

— Простите, но что вы хотите сделать? — со всё возрастающим волнением в голосе спросила девушка

— Для начала... Сбросить туда одну боеголовку. Если это вдруг не поможет, мы сможем повторить, — ответил старик в такой непринуждённой будничной интонации, словно речь шла о прикормке рыбы или забрасывании спиннинга во время рыбалки.

— Что?! Какая ещё боеголовка?!

— Термоядерная, естественно...— ответил учёный всё с тем же невозмутимым спокойствием, и посмотрел на девушку, — 100 мегатон.

— Невероятно...

— Ничего невероятного. Грубые прагматики из Г.А. с самого начала считали, что обойдутся без дорогостоящих запусков. Рассказывали всем, что это пустая трата денег. Заменяли спутники пластиковыми стратостатами и высотными дронами. Но мы, старшее поколение, всегда оставались неисправимыми романтиками, мы бредили космосом... Там, — старик многозначительно указал на небо, — до сих пор летают сотни боеголовок. Нерастраченный потенциал глобальной войны...

— Но нельзя же просто так взять... и бахнуть!

— Почему? — по-детски искренне удивился учёный, — Самое логичное решение.

— Это центр города! Над серверной здание крупного торгового центра. Масса людей.

— Если вы желаете минимизировать гражданские потери, я могу спланировать удар на будни. Раннее утро рабочего дня... Скажем, в 6 утра.

— Нет! Никто из людей не должен пострадать!

— Ну, барышня...— учёный снова задумчиво почесал свою бородку, — Вы серьёзно усложняете задачу.

Анна тяжело вздохнула. Отправляясь сюда субботним утром, она и представить себе не могла, что окажется втянута в настолько опасные авантюры. Единственное, на что она сейчас надеялась, что старик просто окажется выжившим из ума чудаком, выдающим свои странные фантазии за чистую монету. Но при каждом взгляде на него эта спасительная мысль становилась всё более и более наивной...

«Неужели когда-то таким психопатам была доверена безопасность целых стран и континентов? — думала Анна, глядя на старика, — Не удивительно, что человечество чуть не сгнуло, устроив себе большой ядерный п*здец. Вот у кого настоящая тяга к разрушению...»

Тем временем, учёный что-то бормотал себе под нос, что-то прикидывал у себя в уме. Потом резко встал с места, оставив ноутбук на столе, и неожиданно бодрой походкой скрылся в доме. Сказал своей супруге что-то резкое. Снова вернулся, держа в руках блокнот и карандаш, и уже на ходу начиная вести какие-то расчёты. Сел, погрузившись в написание формул и чисел. Опять вскочил, быстрыми шагами несколько раз пересёк веранду, и, наконец, снова плюхнулся в кресло-качалку.

— Ну, барышня! — с видом и интонацией ликующего победителя гордо произнёс учёный, — я нашёл решение вашей проблемы.

— Надеюсь, на этот раз нам не надо ничего бахать?

— Обязательно бахнем! И не раз! — истерично взвизгнул учёный, — Мы задействуем весь ракетно-ядерный потенциал, который у нас есть! Иницилируем ранний подрыв в стратосфере. Целую серию высотных ядерных взрывов! О, это будет величественное зрелище! Небо будет сиять как днём над половиной планеты... а то и над всей! Гамма-излучение будет поглощено атмосферой, а комптоновское рассеяние высвободит электромагнитный импульс такой мощности, что он сожжёт всю электронику, начиная от смартфонов и заканчивая суперкомпьютерами.

— А люди? — робко спросила девушка, — Что будет с людьми?

— Они не пострадают, — моментально успокоившись, ответил старик с лёгкой грустью в голосе, — Есть инициировать подрыв поздно ночью, то его даже никто не заметит. Не будет ни ударной волны, ни радиационного загрязнения... Вас отбросит лет на 70 назад в развитии. Снова придётся многое делать своими руками. Появится много рабочих мест... Возможно, кто-то даже приедет сюда, чтобы ловить рыбу... Про-

гресс не остановится, но у вас появится ещё немного времени, подумайте, куда ли вы его направляете.

— Наверное, это хорошо...

— Ну, вот и замечательно! — учёный снова быстро защёлкал клавишами в своём военном ноутбуке, а потом неожиданно закрыл крышку и протянул устройство Анне, — Вот, держите, барышня. Получите, распишитесь...

— Зачем?

— Я ввёл все параметры и коды для запуска программы подрыва. Вам останется только нажать на пару кнопок. Думаю, вы справитесь с этим...

— Может... Лучше вы? — нерешительно спросила девушка учёного, аккуратно беря в руки адское устройство.

— Извините, барышня, но по ночам я сплю. В моём возрасте необходимо беречь нервы, избегать стрессов и соблюдать режим, — усмехнулся он в ответ, — И потом, это уже не моя война, а ваша.

— Я, понимаю...

— Рекомендую выбрать вам вон тот высокий холм. Вид оттуда будет просто потрясающий! Только берегите глаза... Терминал, кстати, можете оставить себе. После всего он станет бесполезен.

Сказав это, старик ещё тяжело вздохнул и, чуть шаркая ногами, ушёл в дом, оставив Анну на веранде в полном одиночестве.

Анна стояла в центре небольшой поляны на самой вершине холма. Ночная прохлада заставляла её изредка поёживаться. Прямо как тогда, на крыше дома, когда она разговаривала с Белой Королевой. Хотя, конечно, это была совсем другая прохлада и другая ночь: куда более тёмная, полностью лишённая искусственного света, наполненная запахами и звуками леса. Анна открыла терминал и задумчиво посмотрела в глубокое и чёрное небо, на котором сейчас были хорошо видны звёзды. Где-то там сейчас висит секретный спутник связи, вкрадчиво ожидающий входящего сигнала. Притаились сотни ракет, готовых по команде сорваться со своих орбит и обрушиться на головы глупого человечества, которое создало их десятилетия назад.

«Одно нажатие и мир изменится навсегда. Не все будут рады этому, — мысленно рассуждала Анна, — Да и кто я такая, чтобы решать сейчас за всех? Пешка... А может, я уже дошла до своей последней горизонтали, и получила это право? Мир станет менее обеспеченным, менее сытым, менее удобным... Но и более человечным. Хотя бы на ка-

кое-то время. Может и во мне есть эта патологическая тяга к разрушению, но это качество хорошо как минимум тем, что это исключительно человеческое качество».

Девушка вдавила кнопку терминала и затаила дыхание. В небе почти у самого горизонта начали зажигаться отрывистые вспышки, напоминающие молнии от дальней грозы. Постепенно, они стали приближаться и усиливаться, заполнив собой всё небо. В их свете как днём зазеленели, поросшие соснами склоны холмов, заблестело и заискрилось озеро между ними. Анна зажмурила глаза и закрыла их руками, но даже так в них, казалось, попадал, невыносимо яркий свет. Однако вскоре всё пропало. Ночь вновь опустилась на землю, скрыв своим чёрным покрывалом окружающий пейзаж. Но звёзд уже не было видно: всё небо занимало изумительное по красоте северное сияние.

Утром Владимира Михайловича разбудило что-то странное. Он сел на кровати, кряхтя потянулся, почесал свой выпуклый живот в майке защитного цвета и, сунув ноги в шлёпанцы, прошёл на кухню. Нажав на пульт телевизора и не получив желаемого результата, он вдруг осознал, что его разбудило. Это не был негромкий звук подъезжающего автомобиля, не были шумные разговоры молодых людей, собиравшихся возле его окна, прежде чем вместе направиться по своим делам, не был шум от не в меру активных соседей сверху, вечно делающих какой-то ремонт. Это была тишина. Глухая всепоглощающая тишина.

Владимир Михайлович попробовал включить смартфон, чтобы понять, какой же сейчас час, но и это у него не вышло. Чёрный стеклянный экран устройства только лишь отражал его слегка недовольное лицо. Мужчина чертыхнулся и, натянув на себя широкие шорты, вышел на лестничную клетку. В нерешительности он остановился у двери в квартиру Алексея. В конце концов он и так часто надоедал молодому человеку со своими вечными ламерскими проблемами. Тем не менее, он позвонил в дверь, потом попробовал сделать это ещё дважды, но так и не дождался ни ответа, ни даже звука от звонка. Пожав плечами, Владимир Михайлович, пошёл назад к себе домой, разумно заключив, что сейчас, наверное, действительно слишком раннее утро, когда самое верное дело — ещё немного поспать.

Разумеется, он не знал, что пару дней назад Алексей пришёл домой в глубоко подавленном состоянии. Парень долго сидел за своим рабочим ноутбуком, пытаясь отвлечься на фильмы и развлекательные шоу

по сетевому ТВ. Но его мысли неотвратимо возвращались к одной и той же картине, засевавшей в сознании.

Разочаровавшись в способах медийного увеселения, он открыл свою страничку в соцсети и снова много времени сидел, бессмысленно глядя на поле для ввода новой записи. Несколько раз он брался было за клавиатуру, но сразу бросал, так и не напечатав ни символа. В итоге, он достал ежедневник в красивом переплёте, подаренный коллегами на какой-то очередной праздник, и которым он так никогда и не воспользовался, и вырвал из него листок.

Чуть дрожащей рукой, почти разучившейся держать шариковую ручку, парень торопливо написал несколько слов. Алексей и сам не знал, зачем он это сделал. Наверное, потому, что где-то внутри считал, что так полагается. Дань некой условной человеческой традиции, которую ему сейчас почему-то захотелось соблюсти.

Он оставил листок на столе, отсоединил зарядный провод от ноутбука и, встав на стул, закрепил его на кронштейне, держащем под потолком светодиодную лампу. Прикрыв глаза, и опять вспоминая что-то, он торопливо просунул голову в петлю и оттолкнулся ногами, на мгновение ощутив, как провод под его весом затягивается на шею.

В квартире Алексея ни осталось никого, кто мог бы прочитать оставленную им записку: «Никому нельзя верить. Даже себе. Особенно себе...»

Худощавый старик с заострённой бородкой, чуть прищурившись посмотрел на поблёскивающую на солнце гладь озера, бросил в лодку пару удочек и начал неторопливо её отвязывать, но вдруг услышал, как его окликнул звонкий голос.

— Доброе утро! — весело поздоровалась Анна.

— Разве вы не уехали вчера? — не отвечая на приветствие, спросил старик.

— Я пыталась поймать ночной поезд. Просидела на станции до самого утра, но так и не дождалась. Думаю, их теперь не скоро пустят.

— Это уж точно... И что же прикажете с вами делать?

В ответ девушка только молча пожала плечами.

— Ну, ладно... Что уж там... Погостите пока у нас. Старуха будет рада, что хоть кто-то ест её варенье... — неохотно проговорил учёный, отвязав, наконец, верёвку, — А пока садитесь в лодку, барышня. У меня как раз есть вторая удочка. Справитесь?

— Попробую, — весело ответила Анна, запрыгивая в лодку, и расположившись на носу, наблюдая, как учёный заводит мотор. — Вы прямо как герой «Старик и море»...

— Вы бы ещё припомнили «Прощай оружие». Терпеть не могу Хемингуэя... — нахмурился старик.

— А кто ваш любимый писатель? — спросила девушка, решив продолжить светскую беседу на литературные темы.

— Алексей Николаевич Толстой.

Андрей Мансуров

Ташкент

ПРОКЛЯТИЕ СОКРОВИЩА ХРОАКА

1. Странное предложение

Когда Билл вошёл в салун, привычная темнота огромного, по второму этажу окаймлённого галереей, помещения, не напрягла его.

Он знал, что вот так, сходу, не дав его глазам привыкнуть к полумраку, никто в него палить не начнёт. Не спортивно. И неинтересно. И — главное! — не соответствует неписанному «кодексу чести» бандитов!

Поэтому он абсолютно спокойно отметил, что уже стоит в центре новый стол взамен разломанного в его прошлый приезд сюда излишне ретивыми драчунами, и с десяток тоже новых табуреток: а вот этот «расходуемый материал» у Мозэса в салуне заменяется постоянно. Уж больно удобно разбивать о голову, и другие части тела противника...

После краткой остановки у скрипучих дверей, Билл направился прямо к стойке, где сам Толстый Мозэс, огромный, раскидистый и монументальный, словно араукария, царил безраздельно, занимая, казалось всё пространство за ней. Хозяин привычно полировал стаканы, но при виде Билла поторопился взять бутылку, поднеся к ободку «отполированного» стакана. После чего вопросительно приподняв брови, уставился на Билла.

Билл вполне благодушно кивнул:

— Да. Как обычно.

Без единого слова Мозэс налил ему на два пальца «Джек Дэниэлз», и плеснул содовой. Билл, запрокинув голову, влил пойло одним глотком в лужёную, практически утратившую чувствительность, глотку. Ко-

торая вкус обжигающего напитка, если честно, не воспринимала вообще никак: что вода, что прекрасный виски, что молоко... Жидкость!

— По второй.

Когда поставленный на стойку стакан снова наполнили такой же порцией пойла, Билл, взяв его левой рукой, наконец счёл нужным оглядеться попристальной.

А всё вполне мирно и привычно. Инстинкты не подвели: ничего опасного. Вон: в дальнем углу три профи раздевают в покер какого-то лоха-фермера, похоже, проездом забредшего в их городишко, по дороге на ярмарку, которая через пару дней начнётся в Пайпервилле. Фермер сопит, но пока держится: даже пот с нахмуренного лба стирает посеребрившим платком не чаще, чем раз в минуту. Его же партнёры сосредоточены. На Билла даже внимания не обратили. Ближе к выходу сидит старичок, печальным взором буравящий жидкость в стакане: Харпер-зануда. Обожающий рассказывать новичкам-приезжим о том, как он во времена первопоселенцев гонял стада быков. Перед ним торчит полупустой стакан с дешёвеньким розовым вином. Билл не сомневался, что Харпер обосновался на этом самом месте с момента строительства салуна. Как не сомневался и в том, что тот никогда не закажет ничего другого. Как и в том, что приходиться сюда молчаливый продублённый ветрами и солнцем жилистый старикашка будет каждый день, с открытием почтенного заведения. Он, скорее всего, и умрёт здесь же.

На втором этаже, на галерее, видны две мирно болтающие шлюхи, в платьях, выставляющих напоказ «достоинства» уже начавших расплываться тел: Мими и Кайли. И поскольку Билла они знают, как облупленного, и прекрасно понимают, что он не по их душу пожаловал сюда, продолжают болтать, обсуждая новую шлюху: Дайану. Та помоложе, поактивней, «с огоньком», так сказать, и, похоже, занята — нету её внизу, за столиком возле выхода в кладовку. Где Мозэс разместил её.

Есть ещё пара молодых раскрасневшихся от азартно-радостного разговора коммивояжеров. Те, кажется, провернули какую-то ну очень успешную сделку: пьяны настолько, что один уже сидит, склоняясь к столешнице, и прикрыв глаза рукой, всё равно стараясь объяснить что-то о «процентах», другой же пытается выдоить из опустевшей бутылки с виски ещё хоть каплю в свой стакан. При этом выпучив глаза, и качаясь, словно удав перед гипнотизируемым кроликом.

Не обнаружив ничего интересного для себя, Билл наконец пригубил напиток.

Хм-м... А ничего. Когда поперекатываешь его языком во рту, оказывается очень даже приятно. Но где же чёртов Рамирес?

Ага, есть!

Вот послышался нарастающий стук копыт, а вот и туча пыли у дверей салуна: приехало не менее пяти человек. Вот, судя по звукам, они слезают с коней, привязывают тех к коновязи, рядом с конём Билла. Обмениваются фразами на испанском: коня Билли-боя точно узнали. В одном из голосов Билл явственно чувствует неуверенность: похоже, обладатель хрипловатого тенора с ним знаком. Ну, или, вернее, с его кулаками: доведись неуверенному познакомиться с револьвером Билла, его бы просто на этом свете не было. На остальных, впрочем, предложения труса, как его обзывает Рамирес, влияния не оказывают: шумной и зловещей толпой компания одетых в чёрное мужчин вламывается в салун, буквально чуть не снеся хлипкие раздолбанные дверцы.

Рамирес, как и положено гаварю, впереди. Волосатые загорелые руки привычно возле рукояток кольтов. Он мгновенно оценивает обстановку тренированным глазом:

— Хэлло, Билли-бой. Давно ждёшь нас?

Билл нарочито неторопливо приподнимает бровь:

— Привет, Рамирес. Да нет. Всего-то с позапрошлой ярмарки.

Головорезы начинают переглядываться, гортанно гоготать, и скалить в усмешках кривые и сильно прореженные зубы. Билл припоминает, что вот этому и этому он действительно — прореживал их лично. Харпер-зануда отрывает было мутный взор от стакана, но сразу же возвращает его обратно. На пьяных коммивояжеров появление новых персонажей не действует никак. Вернее, один роняет-таки голову на уложенные на деревянный стол руки. Второй, довылив в глотку то, что удалось нацедить в стакан, напротив: откидывается на спинку стула. Глаза посоловели, рот открыт.

А вот девочки прекрасно понимают, что сейчас произойдёт. Поэтому быстренько удаляются в свои комнаты, чтоб безопасно следить за дуэлью из окон второго этажа.

Рамирес тоже усмехается в свои, надо признать, шикарные, усы:

— Ну, извини, что заставил себя ждать. И я даже готов позволить тебе допить, прежде чем мы начнём! — голос у Рамиреса приятный, несмотря на, а, может, как раз благодаря акценту, и глубине, явно из грудного резонатора. Такой, как знает понаслышке Билл, неотразимо действует на всех женщин — начиная от пятнадцатилетних романтично настроенных подростков, и кончая семидесятилетней, похожей на хитренькую седую мышку, мисс Даунинг. И быть бы головорезу чемпионом популярности... Если б только за словами не шли дела.

И — дела нехорошие.

Рамирес и его головорезы за последние два года перебили почти дюжину местных мужчин. Сделав вдовами и сиротами их жён и детей.

— Я крайне признателен тебе, амиго, за такую любезность. Но не жди: иди на место. Я не заставлю тебя ждать так долго!

Рамирес, криво усмехнувшись, но промолчав, выходит. Билл действительно допивает виски. После чего прихлопывает ладонью к стойке серебряный бакс:

— На сдачу — пошла игрокам. И Харперу. И девочкам. А вон тем парням больше не надо. Им и так хорошо.

Билл, не дожидаясь ответа, поскольку знает, что его не будет, идёт к дверям. Банда Рамиреса уже отошла к концу улицы: поближе к похоронному бюро Коллинза.

Это уже в какой-то степени традиция: и логично и практично: кого бы не убили в предстоящей схватке, всё меньше таскать!

Билл, перебирая тренированными пальцами у кобуры, движется к мексиканцам. Он ведь вызвал их сюда сам. Его задача — показать, наконец, распоясавшимся придуркам, кто в доме хозяин. И выполнить её он намерен хорошо.

Рамирес, уже заметивший его, и занявший место в центре пыльной полосы, что громко зовётся улицей, тоже перебирает пальцами. Шляпа сдвинута на спину, держась на шнурке под подбородком. Билли-бой шляпы не носит принципиально. И бреется налысо — как герой Гражданской войны полковник Райт. С которым Билл имел честь служить.

— Ну что, доморощенный борец за справедливость, готов?

— Готов, Рамирес. Пусть кто-нибудь из твоих хлопнет — у меня подельников нет.

— Не возражаю. — Рамирес тоже не любит пространных речей, — Хосе. Давай.

Долговязый Хосе, обладатель огромных заскорюзлых ладоней типичного землепашца, разводит их в стороны. Без лишних слов и секунд ожидания хлопает.

Два выстрела почти сливаются в один, лишь на долю секунды отстав от звука хлопка. Рамирес, с дырой во лбу, медленно заваливается на спину, поднимая при падении тучу пыли. Но и Биллу приходится упасть в пыль на задницу: жутко больно, и простреленная в области середины левая ляжка не выдерживает: неужели задета кость?!

Головорезы Рамиреса, словно озверевшая свора бешенных собак, пользуются случаем: выхватывают свои пушки, и начинают палить в сидящего по центру улицы Билла. Билл пытается отстреливаться, но из-за пыли мечущихся в разные стороны, чтоб не дать ему прицель-

ся, бандитов видно плохо — он видит, что мажет. А вот их пули ложатся всё ближе к неподвижной мишени: одна так и вообще кувалдой ударила по черепу, но, к счастью, рикошетирила от кости, и обожгла, оцарапав, его загорелую макушку!

Билл, от удара завалившийся теперь на спину, понимает, что пришёл, похоже, его последний час, и радуется, что ни родных ни близких у него нет: некому его оплакивать. Как, впрочем, и ему — нечего что-нибудь кому-нибудь оставить. Кроме, разве что...

Всё его достояние — верный кольт. Да пояс с патронташем. Ну, и конь.

Но тут начинаются странные дела!

Слышатся два оглушительных выстрела — не иначе, стреляли из винчестеров!

Билл, лежащий теперь на боку, видит, как два бандита, бегущих к нему зигзагом, чтоб добить уж наверняка, падают в пыль со стоном и криком, на груди мгновенно расплываются бардовые пятна! Ещё два выстрела!

Другие двое, переглянувшиеся в недоумении, не успевают, впрочем, даже сдвинуться со своих мест! И тоже падают, схватившись, один — за грудь, второй — за живот.

Билл оглядывается. Всё верно: по звуку он правильно понял, откуда велась стрельба.

Один из «вдупель пьяных» коммивояжёров слезает с крыши дома Хромого Питера, другой встаёт из-за перил балюстрады дома Харпера-зануды.

К вновь севшему Биллу они подходят не торопясь, и опустив оружие. Впрочем, чтоб прекратить мучения, а заодно и заткнуть утробно и громко воющего бандита с дырой в животе, ближайший молодой человек мгновенно — Билл такой скорости движений никогда не видел! — вскидывает ружьё, и разносит вдребезги череп вывшего и надсадно стонавшего!

— Вы в порядке, Билл?

Судя по нахмуренным бровям и напряжённому тону второй молодой человек, почти парень, (тот, который ронял голову на руки) не слишком в этом уверен. Да и правильно: у Билла уже начала кружиться голова от контузии, и обильной кровопотери и боли. Но на вежливый вопрос надо ответить тоже вежливо:

— Благодарю. Я в порядке.

Внезапно вселенная вокруг Билла начинает угрожающе раскачиваться и кружиться, в ушах звенят чёртовы колокола, и к лицу стремительно мчится пыльная колея!..

Очнулся в постели.

Так. Всё ясно. Комнатка на втором этаже всё того же салуна.

Молодым людям явно пришлось вытурить из комнаты одну из девочек. А, нет: не вытурить — вон она, стоит в углу, у старинного громоздкого шкафа, с окровавленной тряпкой в руке, и сосредоточенным выражением на лице. Биллу почему-то кажется, что эту женщину он знает. Но главные действующие лица прямо перед ним. На двух табуретах, завершающих меблировку комнатки, сидят два «коммивояжера». Смотрят на Билла.

— Рады, что вы очнулись, уважаемый Билл. Правда, нам бы сообразить подойти на подмогу раньше — вы потеряли много крови. Но благодаря заботам Линды вы перевязаны на совесть, и вашей жизни больше ничто не угрожает. Она сказала, что кость не задета.

— Спасибо, Линда. — Билл, потрогавший рукой повязку на ноге и другую — на голове, и переведший взгляд снова на женщину, и удивляясь, как ослаб и охрип голос, вспоминает, что действительно, месяца два назад он пользовался её «услугами». Но это было в борделе Шарлоттскрика, в двадцати с лишним милях отсюда. Как же она?..

— Пожалуйста, Билли-бой. — да, это она. И голос у неё грудной и мягкий. Словно бархатистый, — Рада, что ты жив. И хотела ещё раз благодарить твоих спасителей.

— Не стоит, Линда. Ведь мы спасли его не просто так. Нам нужна его помощь! И мы готовы за неё хорошо заплатить!

Разговор теперь ведёт тот мужчина, что чуть постарше, но всё равно — мужчиной его можно назвать только с большой натяжкой: тоже вчерашний юноша, лет двадцати двух — двадцати трёх. Да и загара, характерного для того, кто всю жизнь с детства мотается по их проклятой ослепляющим белым солнцем полупустыне, у обеих парней нет.

Но какое же у них может быть к нему дело?

— Билл. Мы понимаем, что заинтересовали вас. Не будем томить, и расскажем. Но!

Если вы и Линда не против, только наедине. — многозначительный взгляд на женщину.

Линда возмущённо фыркает. Но потом демонстративно бросив тряпку в тазик с водой, так, что летят брызги, выходит из комнатки,

хлопнув дверь. Проводивший её демарш глазами старший поворачивается к Биллу снова:

— Простите, Билл, мы не представились. Вот это — Этьен. А я — Майкл. Мы кузены. По матери. А вас нам описали, как самого опытного, и знающего каждый камушек в местных прериях, горах и ущельях, профессионала. И охотника, и пастуха, и наёмника.

— Это верно. Я промышляю, чем могу. И где могу. — Билл криво ухмыляется, хотя в этой ухмылке изрядная доля горечи. Он давно успел понять, что если и избавит землю от присутствия на её поверхности своей персоны, никто от этого ничего не проиграет.

Он — одиночка.

И — нелюдимый, и злобный одиночка. Хорошо умеющий только одно — стрелять!

И, может, то, что он назначил встречу Рамиресу именно здесь, и желал во что бы то ни стало убить и его и его головорезов даже ценой своей жизни, было... Как бы прощанием! Он хотел сделать хоть что-то полезное и доброе напоследок. Потому что...

Потому что доктор сказал ему, что его дней осталось — до конца года.

Опухоль в животе растёт с каждым днём. И болит там всё сильнее.

— Ну и в чём же состоит ваше дело? — Биллу и правда интересно, что же им такого нужно от него, что они преспокойно решились завалить четырёх человек. Хотя...

Хотя жизнь человека тут не стоит и гроша!

— Мы... Как бы это сформулировать... Кладоискатели. Профессиональные. И мы знаем, что где-то здесь, там, где раньше была индейская территория, ну, та, где жили эти самые Чинуки, спрятан древний клад! И поскольку сейчас все индейцы или перебиты, или вымерли от оспы, ну, или загнаны в резервацию, эта территория не... Принадлежит никому. Поскольку для фермерства горы не подходят. И можно смело искать!

Билл... рассмеялся.

Открыто, и легко. Ему и правда стало весело:

— Сразу видно, что вы не местные. Легендами о здешнем кладе мазматические старички и романтические домохозяйки прожужжали уши всем нашим новорожденным, ещё в колыбели. И всем новичкам, и гостям, регулярно вешают эту байку. Уже пятнадцать лет, как эти мифические сокровища пытаются найти — и одиночки, вроде меня, и целые отряды. Однако в последние лет пять — уже не столь активно, и без

того щенячьего энтузиазма, что вначале. А сокровищами, если честно, и не пахнет...

Так что вы уж простите, уважаемые спасители, но помочь — не смогу. Поскольку искал и сам. И в этот клад уже не верю!

— Да, мы тоже в курсе. Что его и давно, и тщетно ищут. Но мы и сами не стали бы заниматься этим делом, если бы не... — а заинтриговала Билла странная уверенность в тоне Майкла, — Вот взгляните!

Из-за пазухи Майкл извлекает свёрнутый трубкой кусок материи. Аккуратно разворачивает. Внутри оказывается лоскут кожи. На ней что-то нарисовано.

А, нет: не нарисовано! Билл, приглядевшись, когда Майкл поднёс развёрнутый кусок к его глазам, понял, что линии и контуры на коже — выжжены! И оттиснуты. Да, такие линии с годами не потускнеют... Но что же это за карта? И откуда она у... кузенов?

Но обозначено всё, вроде, вполне конкретно!

Так. Вот это — ущелье Старого Беркута, без сомнений. А вот это — река Тусон-крик. Ну, как река: в такое время года от неё остаётся только тощенький ручеёк — курице по колено! А вот здесь — хребет Мак-Кинроя. И гора Ункаса. А вот сюда, в это место, ведёт что-то вроде... пунктирной линии. Значит ли это, что вот по этому маршруту и нужно ехать?

К вот этому крестик. Обведённому ещё и кружком. А вот это — что?.. Хм-м...

— Откуда у вас эта карта?

— Мы...

Едва слышный шорох за дверью вызывает сразу несколько событий.

Этьен, мгновенно подскочив к двери, распаивает её нараспашку, в его правой руке сверкает новомодный писмейкер. Но затем револьвер так же мгновенно скрывается в кобуре, а правой рукой мужчина вдёргивает в комнату за руку наклонившуюся так, что ухо явно прижималось к замочной скважине, женщину.

Линда даже вскрикивает от неожиданности! Но сопротивляться не в силах: весит она не больше девяноста фунтов, а в Этьене на вид все сто сорок.

Выглянув наружу, и убедившись, что больше никто их разговором не интересовался, мужчина заходит обратно. Дверь Этьен аккуратно прикрывает, на этот раз защёлкнув её на щеколду.

Линда помалкивает. Но по раскрасневшемуся лицу видно, что она ну очень живо интересуется предметом разговора и «дела» мужчин. А

уж как загорелись карбункулами её глаза, когда она увидела карту! Которую, впрочем, Майкл поспешил свернуть и завернуть обратно в тряпицу. И спрятать на груди.

— Леди. Вы сильно осложнили нашу задачу. Мы с братом не привыкли, что в наши дела вмешиваются посторонние. И теперь, боюсь, нам придётся вас просто... Убить!

В голосе Майкла не имеется и намёка на то, что он шутит. Приходится Биллу вступить за женщину:

— Я поручусь за неё. Она — не из болтливых. Я уже встречался с ней.

— Нет, уважаемый Билл. При всём нашем уважении. Так не пойдёт. Из болтливых, не из болтливых — разницы нет. Это — мужское дело. И оно должно остаться только между нами. Оставлять за спиной потенциального шпиона, или врага, который может пустить по нашему следу конкурентов, или мерзавцев из какой-нибудь банды, или даже шерифа, мы не хотим.

— Она — не враг. Ведь помогала мне!

— Разумеется. За плату.

— Хорошо, пусть так. Ну а теперь я тоже хочу отплатить ей. Хотя бы — гарантией её... Жизни. Ведь нам не обязательно... Оставлять её здесь.

Мы можем просто... Взять её с собой! *Так* она точно никому ничего не расскажет!

— А вот такая мысль нам в голову не приходила. — Майкл и Этьен переглядываются, усмехнувшийся Этьен едва заметно кивает, — Хорошо. Заодно будет кому вас перевязывать. И готовить еду. И стирать нашу одежду. Потому что путь явно предстоит неблизкий. Но!

Чтобы быть твёрдо уверенными в том, что она никому ничего рассказать не успеет, выезжаем немедленно! Тем более, что раны ваши, по её же уверениям, не слишком опасны.

Ну а потерю крови компенсируем захваченным мясом. И красным вином.

Билл, перебравшийся с жёсткой постели на не менее жёсткий табурет, действительно подкрепился принесёнными Мозэсом лично мясом и вином, капитально. Впрочем, составившие ему компанию Майкл и Этьен тоже не отставали: ехать явно предстоит долго и далеко, а тракторов и салунов по дороге уж точно не встретится. Линда от еды отказалась, вероятно, из принципа, но скромно и тихо, потупив глазки к полу, сидела возле шкафа, пока мужчины подкреплялись.

Закончив трапезу, Билл не без удовлетворения отметил себе, что так оно гораздо лучше. Раны почти перестали болеть, и сил точно — прибавилось! Хорошая вещь баранина. Потому что коровы на местной тощей травке прокормиться не могут.

— Если мы закончили, можем ехать! Билл. Собирайте вещи.

— Вон все мои вещи. — Билл кивает на лежащий возле Линды пояс с патронташем. — Но мы ещё не обсудили условия моего... Найма.

— Да. Нам немножко помешали. Но с этим — просто. Ваша — треть.

— Хм-м... Согласен. — Билл протягивает руку, и Этьен и Майкл кладут сверху свои ладони, — Поскольку карта ваша, а я — только следопыт и проводник, это справедливо.

Из угла доносится мелодичный голосок:

— А я?

— А вашей доли, уважаемая Линда, не предусмотрено. Поскольку вы возникли в нашем плане благодаря случайности. И если б не заступничество вашего пациента и друга, вряд ли были сейчас живы. Но если Билл благополучно поправится, и захочет вас как-то... э-э... отблагодарить из своей доли, мы возражать не будем.

Лошади у Линды, естественно, не имелось.

Поэтому Биллу под своё слово пришлось одолжить её всё у того же Мозеса. Нарочито равнодушным взором следившего, как их маленькая экспедиция приторачивает узлы с провизией и вещами на своих лошадях. Но молчавшего. С одной стороны, он Биллу отказать не мог, но с другой наверняка понимал.

Что, похоже, лошадь потеряна для него навсегда. Как, возможно, и женщина.

До заката солнца ещё оставалось часов пять, поэтому ехали, всё ещё пропекаемые жестоким пустынным солнцем, неторопливо. Чтоб лошади не уставали.

2. Путешествие

Ехать пришлось по привычному Биллу чуть не с детства ландшафту: выгоревшей до блёклости полупустыне с редкими кустиками солянок и колючих кустов, пожухлой пропылённой травой, и бесконечными сусличьими норами. Которые привыкшие к местным особенностям путешественников лошади тщательно объезжали: попадание чревато переломом ноги. Впрочем, самих обитателей нор Билл почти никогда не видел. Похоже, привыкли те не доверять людям, иногда использующих их для

тренировки меткости стрельбы, и прячутся загодя, едва завидев или услышав человека или лошадь.

С другой стороны, в первые, голодные, годы освоения этих мест, когда ещё не было отар всеядных и не требовательных к солоноватой воде баранов, и фермеры хватались то за одно, то за другое, чтоб хоть как-то прокормить семьи, охотились и на сусликов. И ели. Всё-таки — полтора килограмма вполне съедобного мяса...

Линда, едущая в середине маленькой процессии, и часто огляды- вающаяся, и ёрзающая в седле, наконец не выдерживает. Просит со страдальческим выражением на лице, которое не разжалобило бы только уж совсем каменное сердце:

— Билл! Мне надо... ну, это!

Билл переглядывается с остановившимися коней Майклом и Этьеном. Те пожимают плечами и усмеваются. Билл говорит:

— А почему нельзя было сделать этого раньше, перед выездом?

— А потому что, если вспомните, — яда в голосе женщины теперь не заметила бы только светло-коричневая песчаная гадюка, сейчас резво уползающая с пути лошади Билла, едущего, разумеется, впереди, — вы сами запретили мне покидать вас даже на секунду!

— А, да. Верно. Было такое. Хорошо. Не возражаем. Этьен, вы не против поддержать лошадь нашей уважаемой дамы?

«Дама», фыркнув, слезает с седла. И действительно передаёт поводья Этьену, замыкающему их маленькую кавалькаду. После чего скрывается за ближайшим кустом колючки, очень кстати вымахавшем почти в человеческий рост. Впрочем, долго она себя ждать не заставляет. И когда возвращается, на лице и умиротворение, и даже улыбка:

— Поехали!

Билл только кивает. После чего вновь пускает лошадь неторопли- вым шагом.

Однако через ещё пару часов им приходится остановиться на ноч- лег.

Потому что в темноте лошади почти ничего не видят: близится но- волуние, и на гаснущем небосклоне — только звёзды. А в их свете ла- герь не разобьёшь. И хотя ночью в пустыне обычно куда прохладней, ехать нельзя: сусличы норы!.. А дорог тут нет.

Билл помогает по мере возможности: к концу путешествия конту- женная голова кружится, а раненная нога сильно разболелась. И он только с большим трудом удерживается от гримас и ругательств. Одна- ко Майкл и Этьен видят его состояние:

— Билл. Мы сами распакуем спальные мешки. И костёр разведём. А сейчас давайте-ка уважаемая Линда вас перевяжет. А то для чего же мы её брали?

— Но-но! Вы, джентльмены с...ные, и плохо понимающие мой статус, не наглейте! Я вам не служанка!

— Совершенно верно, уважаемая. Вы — не служанка. А раба. И не обольщайтесь относительно своего статуса. И не забывайте: вы живы лишь до тех пор, пока нужны Биллу. И нам. Потому что пустыня — она сохраняет мёртвые тела ничуть не хуже, чем могила, выкопанная в её песке. Выбирайте. — Майкл указывает на Билла, и на пустыню вокруг.

А поскольку другая рука Майкла, совершенно равнодушным голосом произносящего эти фразы, лежит на рукоятке его писмейкера, женщине не остаётся ничего другого, как сделать выбор. В пользу Билла. Подойдя к своему «гаранту», Линда вздыхает:

— Билл, слезайте. И садитесь на вон тот спальный мешок. Буду вас перевязывать.

Билл так и делает. Лошадь свою он стреноживать смысла не видит: приучена находиться поблизости от хозяина, и даже пастись далеко не уйдёт. Майкл и Этьен, судя по всему, своим коням так же доверяют. А вот лошадь, которую дал Мозэс Линде, и ту, что вёл в поводу Майкл, запасную, на которую были нагружены спальные мешки и кухонные принадлежности, пришлось, вот именно, стреножить.

С распаковкой и стреноживанием кузены управились быстро. Но когда Этьен захотел развести костёр из взятых с собой дров, Билл не позволил:

— Нет, Этьен. Сегодня — всухомятку. И без горячего чая. Вы, впрочем, и сами догадываетесь, почему!

— Ваша правда, Билл. И свет, и запах. А главное — дым. Могут заечь. Наши возможные преследователи. Кстати: вы давно знаете этого Мозэса? Уж больно подозрительная у него морда! Хитрущая. Этакий подпольный босс всего городишки. Он в мэры ещё не пробует баллотироваться? Ха-ха!

— Мозэса я знаю уже лет пять. Он перекупил свой салун у вдовы предыдущего хозяина, Горбатого Вилли. Подешёвке. И с тех пор вполне... Освоился. И ему должны денег чуть не половина всех жителей. Так что ваша правда: случись выборы — победа ему гарантирована. Правда, мэр пока Туссону был без надобности. Хватало и шерифа. Пока месяц назад его головорезы Рамиреса не...

Но резон в вашем вопросе есть. Если кто и смог бы догадаться, для чего вы здесь, и зачем вам — я, так это — только Мозэс. И поскольку

сам-то он вряд ли сдвинется с места, наёмных головорезов можно ждать в любую минуту.

— А ночью... Они могут напасть?

— Могут, конечно. Только — смысл? Гораздо практичней дать нам преодолеть все сложные места пути, и разгадать загадки этой карты, и добыть то, что, возможно всё же в обозначенном на ней тайнике имеется. А уж потом... На обратном пути — нас и — !..

Впрочем, возможен и такой вариант: на нас нападают, вот именно, ночью, вас с Линдой убивают, забирают карту, и принуждают меня довести их до обозначенного места.

— Как вы спокойно об этом говорите, Билл.

— Я Мозэсу не доверял никогда, а сейчас — тем более. Он отнюдь не дурак. И запросто мог догадаться — собственно, только совсем уж идиот не догадался бы! — что раз вам нужен я, следовательно вы, поскольку не местные, ищете человека, отлично знающего все места нашей чёртовой дыры. — Билл ухмыляется. Линда, в это время перебинтовывавшая ногу Билла, старательно хмурит бровки, и делает вид, что поглощена этим занятием, и не слушает. Но Билл не собирается её щадить, — И уж поверьте: своих должников, и девочек он реально держит в кабале! Эти последние должны ему столько, что работают практически задаром. Что, собственно, понятно: клиентов в Туссоне мало, а заезжих почти нет. А кушать нужно каждый день. Так вот: у нас с собой наверняка штатный агент Мозэса!

— Свинья! — Линда, вскинувшись, от души приложила Билла ладошкой по щеке — след от пятерни, наверное, остался там красными пятнами. Билл долго и внимательно всматривается в освещённое закатным сумраком лицо, которое побелело от злости.

Говорит:

— Прости, крошка. Ты, конечно, помогаешь мне. Но это вовсе не значит, что мы должны тебе доверять. И что у тебя в этом дельце нет собственных интересов.

— Это каких же, например?! — но Билл уловил едва заметную паузу перед вопросом.

— Например, позволить нам найти и завладеть кладом, а потом пристрелить нас! После чего выбраться наконец из этой дыры, и начать новую, обеспеченную жизнь состоятельной дамы с положением в обществе. В большом городе, конечно, а не здесь!

— Идея хороша! — теперь покрасневшая женщина закусила губы, — Маленькая ошибочка! Из чего бы я вас, кобелей вонючих, пристрелила?!

— А хотя бы из того лилипута, которого ты спрятала в левом рукаве, когда мы выезжали! А там, за кустом, переложила в карман! — вот он: оттопыривается!

Вновь подтвердилось, что у Этьена самая быстрая реакция. Незаметно подойдя к женщине во время речи Билла, он теперь кинулся вниз, словно коршун, и обеими руками схватился за карман на передней части юбки женщины:

— Он прав, чтоб мне лопнуть! Я чувствую его через материю!

Кузен пришёл на помощь, схватив упирающуюся Линду за запястья:

— Ах, вот вы как с нами, леди?! Теперь я даже жалею, что поддался на уговоры вашего заступника! — и, к Этьену, — Забрал?

— Да. — Этьен вытащил из складок материи запутавшийся в них крохотный дамский пистолетик, — Не сказать, что серьёзное оружие, но если выстрелить в упор, скажем, в висок, или затылок... Потому что целиться из такого издалека — дохлый номер!

Линда разрыдалась:

— Сволочь ты, Билли-бой! Я для тебя... И перевязывала, и своим порошком от воспаления пожертвовала! А ты!.. А пистолет одинокой беззащитной женщине нужен всегда!

— А, так это от твоего порошка у меня в горле словно кошки ...рали?! — Билл и сам знает, что пушки имеются чуть не у половины кошечек Мозеса. Да и у дам из других борделей: места у них и правда, дикие, люди и нравы — буйные, и защищаться несчастным «крошкам» как-то надо. Хотя бы — от распоясавшихся молодчиков типа головорезов Рамиреса. Но вопрос оружия он игнорирует. Пусть кузены им занимаются, — Горький и противный. Влила, что ли, пока был без сознания?

— А то! Потому что в сознании я его и сама пила... С трудом!

— Ладно, согласен. Придётся даже принести тебе извинения. За то, что не оценил по достоинству твоих порывов и стараний. Во врачевании меня. А вот за пистолет — нет. Не люблю, когда у меня за спиной — припрятанное в рукаве оружие! Могущее в любой момент сделать во мне дырку.

— Мы тоже припрятанное в рукаве оружие не любим. — Майкл держит малыша на открытой ладони, — Тем более, он четырёхзарядный. Уж извините, леди, но пока мы не сделаем своего дела, и не расстанемся, поделив найденное, он останется у нас!

— Вы таки-надеетесь найти этот чёртов клад?! Назвала бы вас наивными баранами! — и, заметив, как заходили под кожей желваки у

Майкла, — Но поскольку у вас — пистолет — то просто: наивными. И если вы действительно что-то найдёте, я съем вашу шляпу!

— А вот на это, уважаемая, мы ещё поглядим. Причём — с интересом. Шляпа у меня жёсткая и просолённая. А хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

Кузены всё же решили дежурить ночью. Билл вызвался помочь. Линду решили не трогать: не то, чтоб сделали скидку на то, что она — женщина, а просто не доверяли.

Линда, проигнорировав разговор мужчин об этом, просто легла на свой спальный мешок, демонстративно отвернувшись, и помалкивая. Этьен, с винчестером на плече, заступил на вахту. Билл, полежав на спине и поковыряв в зубах — мясо застряло! — полюбовался звёздами. Здесь, в пустыне, их всегда было видно плохо. Потому что за день неутомный суховец поднимает в воздух тучи пыли и мелкого песка, и видно всё словно сквозь этакое марево. Собственно, так здесь и днём и ночью — дальше пяти миль всё сливается в туманную даль...

Но позже, когда они заедут в ущелье Старого Беркута, марева не будет. Поскольку там-то вокруг — голые скалы. Ну, поросшие жиденькими кустами камнеломки. И с каменистым же почти ровным дном — река Старого Беркута давным-давно пересохла, оставив после себя только намёки на своё ложе. Но вот позже, когда они выберутся к реке Тусон-крик... Хм-м... Впрочем, не будем забегать вперёд.

На его вахту Майкл разбудил Билла почти перед рассветом.

Билл, сходяв за кусты по утренним делам, взял винчестер в руки. После чего поднялся на близлежащий маленький холмик. Майкл, не заставив себя долго упрашивать, лёг на свой спальник, и через пару минут Билл слышал его залиvistый храп — бедный Этьен. А вот Линду бедной не назовёшь. Где-то в этой женщине есть... Подвох? Не иначе, она сама предложила уложить принесённого братьями Билла у себя. И подслушивала.

Билл неторопливо и обстоятельно, как делал всегда, осматривал горизонт.

Особенно тщательно всматривался в ту его часть, что осталась позади. Лошади у них, конечно, крепкие и здоровые, но всё равно: больше, чем на пару десятков миль за эти несколько часов они от городка не отъехали. И догнать можно легко, и найти — по следам.

Ага, есть!

В лучах еле видимой разгорающейся зари на фоне неба что-то блеснуло — примерно в паре миль от них!

Всё ясно: идиот, преследующий их, решил воспользоваться подзорной трубой, или биноклем, чтоб попробовать увидеть, не двинулись ли они в путь! То есть — пораньше, до восхода спящего обжигающего солнца!

Но один ли он — этот идиот? Хм-хм...

А, ничего: есть способы проверить. И «разобраться»!

На завтрак оказалось всё то же копчёное мясо и хлеб. Пока вполне свежий. Но Майкл, понюхавший срез краюхи, неодобрительно проворчал:

— Слишком, похоже, жарко для него. Начал пахивать. Нужно сегодня доесть. А то — совсем заплесневет на жаре в мешке.

Линда пожала плечами:

— А, может, тогда сразу нарезать его на ломти, и высушить? В сухари?

— Идея хорошая. Вот и займитесь.

— А нож?

Этьен, усмехаясь, достал из часового кармашка крохотный перочинный ножичек:

— Вот. Настоящий Барлоу!

— Вы что — издеваетесь?! Да таким — только в ноздре ковырять!

— И тем не менее, уважаемая. Другого мы вам просто не дадим. Не осмелимся. Учитывая, что вы можете уметь метать их! — у самого Майкла за голенищами сапог имеется по меньшей мере два ножа, приспособленных как раз для — метания. И Билл с самого начала отметил себе, что даже если закончатся все патроны в писмейкере мужчины, (Что вряд ли! В коробках в одном из мешков Билл видел пару сотен патронов для писмейкеров!) безоружным его всё равно не назовёшь! Да и вряд ли эти ножи — всё, что припрятано у Майкла. Да и у Этьена.

Линда, пожав плечами, и даже не фыркнув, действительно принялась превращать их краюхи — в тонкие длинные ломти. Вид имела хмурый. Из чего Билл сделал вывод, что кузены, и их «ненавязчивый» юмор, не вызывают у неё особых симпатий.

Нарезанные куски сложили не в кожаный мешок, как раньше, а в холщёвый. Который разместили сверху основного груза запасной лошади — как раз под солнцем.

Плоская поверхность прерии ненавязчиво сменилась низкими холмами, поросшими всё той же пожухлой травкой: они забрались в начало предгорий.

Ближе к полудню Билл, иногда как бы невзначай оглядывавшийся, заметил наконец то, что искал: блеснуло ещё раз. Всё так же, на расстоянии более двух миль.

Поэтому, едва они преодолели небольшой увал, похожий даже на маленькую песчаную дюну, он, не сказав ни слова, забрал сильно влево. А затем — ещё левей.

— Мы... Сбились с курса? — напряжённости в голосе Этьена не заметила бы только крохотная серая ящерка, поспешившая убежать, смешно извивая тельце, и оставив после себя волнообразный еле заметный след на песке.

— Нет.

Билл не стал ничего больше объяснять, но Этьен с Майклом, переглянувшись, решили не уточнять, что произошло. Тем более, что понимали, что Билл теперь не меньше их заинтересован добыть чёртовы сокровища.

По небольшой ложбине маленькая кавалькада добралась, вернувшись назад, параллельно своему курсу, до ещё одного холмика, густо поросшего колючими кустами.

Билл указал на ложбину в ста шагах от холма:

— Думаю, наших лошадей лучше пока спрятать там. И там же лучше оставить нашу даму. А чтоб ей и лошадям не пришли в голову какие-нибудь дурацкие мысли, типа, заржать в самый неподходящий момент, или завизжать, нужно, чтоб один из вас присмотрел за ними.

— Мы поняли вашу мысль, уважаемый Билл. Но... Вы что-то конкретно увидели?

— Разумеется. У одного из идиотов, преследующих нас, не выдерживают нервы. И он посматривает вперёд: в подозрную трубу. Так что нам повезло, что у всех нас отличное зрение. И мы себя так не демаскируем. Впрочем, следы оставлять так и так приходится.

— О! Вот оно как... Что ж. Теперь всё понятно. Пожалуй, — Майкл переглядывается с Этьеном, тот плотоядно облизываясь, кивает, — будет лучше, если с вами пойдёт Этьен. Он из нас двоих... Более меткий стрелок.

С Этьеном Билл и идёт. Захватив, с разрешения Майкла, его винчестер. И коричневую «просоленную» шляпу: потому что обмотанная белыми бинтами голова Билла — отличный ориентир. А уж как будет выделяться на фоне неба, высываясь из-за холма!..

Ползком они с Этьеном забираются на гребень обросшего кустами барханчика — в предгорьях в таких удобных складках местности недостатка нет. А до гор...

Ещё день пути.

Говорить Биллу с напарником нужды нет, и они всматриваются в дорогу, где только что проехали, и где по песку извиваются отпечатками копыт их предательские следы.

Не проходит и десяти минут, как преследователи показываются: медленно едущая кавалькада из семи всадников. Тоже имеющих в поводе выючных лошадей: целых три.

Передний всадник ориентируется на спину идущего перед ними человека. Этот человек обнажён по пояс, и одет в мокасины и блёкло-серые кожаные штаны с бахромой. Торс и лицо — кроваво-красные.

Индеец. Следопыт. Из чинуков. Сосредоточенно-напряжённый. Но, по виду, пристрастившийся к «огненной воде». Жаль. У индейцев эта страсть неизлечима...

Что же до отребья, движущегося за ним, то как говорится, комментарии излишни: рожи — почти как у головорезов Рамиреса, широкополые шляпы, полное вооружение в виде кольтов в кобурах на поясе, и винчестеров за спиной.

Поскольку цель головорезов сомнений не вызывает, Билл пальцем манит к себе Этьена. Говорит в приблизившееся ухо:

— Как только доедут вон до того сухого куста. Ближе подпускать не надо. Мои — те четверо, что едут сзади.

Этьен кивает, но опять ничего не говорит: всё понятно и так!

С расстояния двадцати шагов промахнуться из ружья очень трудно.

Всё оказалось закончено буквально за две секунды: именно столько у Билла ушло на трёхкратное передёргивание затвора винтовки.

Этьен справился даже раньше, причём первым застрелил индейца. Похоже, не любит белый мужчина краснокожих. Расист, что ли? Или просто — неприятные воспоминания о чём-нибудь детском?..

Попадавшие с лошадей мужчины ведут себя по-разному. Одни просто молчат, явно умерев, другие — стонут. Билл, подойдя к упавшим, не без удовольствия отмечает, что стрелок из Этьена действительно отменный: все его пули вошли по центру груди. Или живота. Раны смертельны. А ещё Билл радуется, что ничто и никто не предупредил всадников: справился, значит, Майкл со своей задачей — предотвратить провокации со стороны Линды.

Этьен, подошедший следом, спрашивает только одно:

— Мы воспользуемся их лошадьми? Запас еды и дров ещё никому не мешал!

— Да, разумеется. Но вначале есть у нас дельце...

Билл подходит к головорезу, ехавшему в голове отряда. Раненному в низ живота. И сейчас глядящему на них налившимся кровью ненавидящим взглядом: второй закрыт огромным синяком. Приходится мгновенно отпрыгнуть в сторону, нога отдаётся дикой болью: сволочь смог метнуть в него нож! Но Билла так просто с толку не собьёшь: со злости добивать мужика он не собирается. Во всяком случае, не допросив.

Опустившись на колени возле лежащего теперь на спине, и с хрипом дышащего головореза, Билл достаёт и свой нож:

— Будешь отвечать сам? Или мне подправить твою ногу?

В ответ летят дикие проклятья и ужасные ругательства на испанском. Плюс брызги слюны: а экзальтированный тип ему попался! Но Билл по глазам видит, что матершиник понимает и по английски: глаза при виде ножа сузились.

— Вас послал Толстяк Мозэс?

Снова водопад мата и проклятий.

Билл вонзает нож в ляжку дёрнувшегося и заоравшего благим матом бандита, и проворачивает. Выдёргивает. Когда стихает дикий вой и на глаза раненного наворачиваются слёзы, Билл нарочито нейтральным тоном говорит:

— Повторяю вопрос: вас послал Толстяк Мозэс? — нож готов вонзиться во вторую ляжку.

На этот раз бандит решил попытаться отмолчаться, только свирепо, с присвистом, сопя. Билл пожимает плечами:

— Собственно, твой ответ — чистая формальность. Но всё же... Дело принципа!

Дыра во второй ляжке получается ещё побольше, чем в первой. Кровь хлещет рекой, бандит извивается, хрипит, приглушённо воеет, прижатый за горло могучей рукой Билла: Билла громкие крики нервнируют.

Но на этот раз в полузадушенных воплях и криках появляется и отчаяние, и страх. Бандит понял, что, похоже, Билл вовсе не собирается вести себя с ним «по-джентльменски»!

Билл ослабляет нажим на горло:

— Третий раз — воткну в пах. Умрёшь не как мужчина, а как с...ный кастрат!

— Нет!!! Нет... Не надо... Я скажу. Да, это Толстый Мозэс! Он нанял нас.

— И какие же задачи он вам поставил?

— Напасть на вас на третью ночь! Когда вы отъедете подальше. И расслабитесь. Потом, это... Отобрать карту. Женщину оставить в живых. Всё привезти назад, Мозэсу.

— Интересно. А не было у Мозэса мысли, что заполучив карту, вы попробуете послать его куда подальше, и самим поехать за кладом?

— Была! Была... Но он сказал, чтоб мы даже и не пытались. У него рядом, в Мексике — банда из ста головорезов. И тут везде — свои люди. И он достанет нас из-под земли!

— Хм-м... Похоже на Мозэса. И у меня нет причин ему не верить. Да и никогда он не начинает никаких дел, не прикрыв себе тылы. И не спрятав туза в рукаве. — и, обернувшись к Этьену, — Теперь понятно, что возвращаться назад этой же дорогой, через те же места, нам нельзя?

Этьен кивает. Он бледен — словно это ему в ляжки Билл вонзал нож. Ничего: поживёт здесь, в их диких и прокалённых солнцем местах годков сорок — привыкнет.

К их нравам. Их незатейливым и жестоким нравам.

— Хорошо. Считай, я тебе поверил. — Билл, отпустив горло бандита, обеими ослабевшими руками пытавшегося оторвать клешню Билла от своего горла, встаёт. Бандит спрашивает:

— Убьёшь меня?

— Нет. Ты сам умрёшь. — Билл обводит неторопливым взором горизонт, — Часов через пять. В страшных мучениях. От заражения крови. — Билл отлично представляет себе смерть от жажды под палящим солнцем, и со страшными ранами в ногах и животе...

— Тогда... — похоже, бандит и сам всё прекрасно понимает, и, сглотнув вязкую густую слюну, просит, — Последняя просьба, амиго. Застрели меня!

— Без проблем. Молиться будешь?

— Буду! Буду...

Молится бандит по испански. Билл отмечает истовость тона: похоже, и правда верит, что «Санта Мария» заберёт его в Царствие Небесное...

Когда он наконец замолкает, и глазами даёт Биллу понять, что готов, Билл кивает. Стреляет. Точно в центр лба. Тело, расслабившись, словно растекается по песку...

Через минуту Билл и Этьен уже занимаются оставшимися стоять возле своих почивших хозяев, лошадьми.

Отбирают тех, у которых побольше мешков: еда и дрова.

Вот и всё. Можно спокойно ехать дальше.

— Ну, как прошло? — Майкл хмурит брови.

— Нормально. — Этьен кивает, — Должны были убить нас на третьей ночь. Давая нам расслабиться и утратить бдительность. И отъехать подальше.

— А как же они отслеживали нас?

— Так днём не нужно было быть индейцем, чтоб находить следы от пяти лошадей! Впрочем, индеец с ними тоже был.

3. Похищение

— И вы их — всех?! — это влезает пышущая негодованием раскрасневшаяся Линда.

— Да. — Билл не желает развивать эту тему подробно.

— Зато забрали трёх вьючных. — Этьен кивает через плечо, на нагруженных гнедых и вороных коней с торчащим из кобуры одного из сёдел винчестером, — Забрали на всякий случай одно ружьё, и все патроны, какие нашли. Бурдюки с водой. А насчёт еды... Буду спорить, еды Мозэс дал им уж побольше, чем нам!

— Спорить не буду. И так всё ясно. — Майкл пожимает плечами, — Поехали?

— Поехали.

Теперь у них у каждого в поводу идёт лошадь с поклажей.

Билл, вернувший шляпу законному владельцу, начинает жалеть, что не забрал кроме патронов и головной убор у кого-нибудь из бандитов: голову печёт, вроде, даже сильнее, чем когда он был без бинтов. Хотя, казалось бы, они — белые, и должны отражать свет солнца лучше, чем загорелая кожа...

К вечеру отъехали от места «разборок» миль на тридцать. Вокруг уже — каменистые пустоши, и иногда даже по дну долин струятся тощенькие ручейки, берущие начало явно где-то в верховьях гор, и в таких местах даже видна зелёная травка.

Билл прикидывает, что возле такого оазиса можно бы и заночевать: заодно и коням нашлось бы чего пожевать. Холмы теперь такие, что можно быть уверенными, что никто их кавалькаду, едущую по низу, по подобию долин или ущелий, не высмотрит. Билл сознательно выбирает путь по осыпям и каменным обломкам, и ручьям: тут даже лучшие следопыты не отследят.

Теперь они едут в тени: склон высокого увала загораживает от них садящееся солнце. Заметив довольно ровный участок каменистого плато, обильно покрытого щетинистой пожухлой травой, Билл говорит:

— Темнеет. Предлагаю разбить лагерь здесь. Площадка ровная. Спать будет удобно.

Возражать никто не стал.

Спальники и прочее барахлишко разгружают быстро. Куда больше времени уходит, чтоб напоить лошадей: их теперь восемь, а ведро, в которое Этьен сливает воду из бурдюков — одно. Но костёр Билл всё равно разводить запрещает:

— Пусть и не видно. Но — запах. А индейские воины, те, что поопытней, могут учуять дым чуть ли не с пяти миль. А при попутном ветре — и с десяти!

— Вам лучше знать, Билл. И поскольку нам лишние приключения не нужны, поедим, что Бог послал. А вернее — поищем, чем там снабдил своих наёмничков наш любимый Мозэс.

Наёмничков Мозэс снабдил неплохо.

Тут оказались и маисовые лепёшки, сохраняющиеся свежими добрых две недели, и сухофрукты — такие хорошо жевать, когда мучит жажда, да и полезны они — от цинги. Нашлось и виски. И копчёный окорок. Имелись в притороченных на спинах лошадей мешках и запасы дров, и, конечно, продубевшее на солнце до твёрдости доски, вяленное мясо.

— Билл. А что вы сделали с остальными лошадьми?

— Поздновато ты, дорогая, спохватилась побеспокоиться об их судьбе. Впрочем, эта трогательная забота о братьях наших меньших, пусть и спустя шесть часов, всё равно делает тебе честь. Ну а лошадей мы распрягли. И отпустили. Пусть себе бегают по прериям. И дичают. Они-то себе прокорм и ручьи найдут.

Поджавшая губы Линда делает вид, что сердится. Но ногу Билла перебинтовывает старательно. Как и голову. Говорит:

— Царапину на твоём лысом черепе, если честно, можно уже не бинтовать. Она поджила. А вот дырка в ляжке ещё кровоточит. Так что придётся тебе сегодня выпить ещё моего порошка.

— С чего бы это? — Билла невольно передёргивает, — Он на вкус — чистая хина!

— Болван. Это хина и есть.

— А-а. Ну тогда — давай. Лучше натошак принять эту дрянь, а потом — заесть и запить. Всё не так мерзко будет в горле.

— Ты про своё горло хоть мне не ври. Лужёная у тебя глотка!

— Ну, не без этого. Работа такая.

— Кстати, Билл. О работе. — к ним подходит Майкл с мешками продуктов от Мозэса, — Вот, хотел спросить. Нам ещё долго ехать?

— Точно сказать не могу. Карта — примитивная, — Билл легко восстанавливает в своей фотографической памяти чёртову карту, — Масштаба никакого нет, всё схематично... Но если прикинуть, что мы проехали уже где-то треть маршрута, то ещё минимум три-четыре дня. Но тут, в ущельях и долинах, придётся объезжать много камней и завалов. Переваливать через увалы и гряды. Это задержит. А если учесть, что на обратном пути нас будет ожидать «тёплый» приём, «возвращаться» придётся тоже вон туда, — он машет рукой вперёд, туда, куда они и направляются.

— А там — что?

— А там — другой штат. И другой шериф. И другой Мозэс. И налоговая инспекция.

— Хм-м... Перспективка... А, может, нам этого Мозэса просто пристрелить, как вернёмся? Тогда можно будет и вернуться.

— Не думаю, что это — выход. Ведь насчёт сотни головорезов на границе он вряд ли солгал! Как и насчёт стукачей и агентов в других городишках и посёлках.

В любом случае жить спокойно не дадут! Особенно, если прознают, что мы вернулись... Не пустые!

— Понятно. Но давайте всё же подумаем об этом потом. А вначале — дело.

— Точно. Этьен. Хватит их стреноживать — никуда они отсюда уже не убегут. Пошли ужинать.

Ужин, благодаря «разносолам» от Мозэса, получился и обильней и разнообразней, чем прошлый. Даже Линда, отваливаясь от импровизированного стола, который Майкл организовал из застиранной простыни, заменявшей им скатерть, не удержалась: рыгнула. Впрочем, мило потупившись, и прикрыв чинно ротик — ладошкой.

Билл, не сдерживаемый приличиями, рыгнул в ответ куда раскатистей.

Этьен и Майкл переглянулись.

Майкл сказал:

— А неплохо, чтоб мне провалиться. Но если впереди — ещё минимум пять-шесть дней пути, мы вряд ли успеем прикончить припасы бандитов. И добраться до своих.

— Да и ладно. Солонина не портится, а хлеб у нас теперь в виде сухарей.

— Точно. Ну что, по кустам, и — укладываться?

— Пожалуй. А то сегодня мы что-то припустили во все лопатки. Наверное, пытались инстинктивно уйти от преследования.

— Нет, Этьен. Мы ехали так, как позволяет ход лошадей. Такой, чтоб они не устали, и не сдохли раньше времени от перенапряжения и жажды. Потому что пеший человек из этой дыры никогда не выберется. Но сейчас, когда горы рядом, и есть даже ручьи, можно о запасах воды и для них и для нас не беспокоиться.

— Прекрасно. Ну что? Леди желает сказку на ночь? Или, может, нужно рядом тёплое мужское тело, чтоб не замёрзнуть? Или наша дама так заснёт? — недвусмысленные взгляды, которые Этьен бросает на Линду, ту нисколько не смущают:

— Оставьте свои «тёплые» мужские тела себе! А у меня работа такая, что меня от них иногда подташнивать начинает!

На это Этьен не находит, что возразить, и все располагаются на своих спальных мешках, пока даже не забираясь внутрь. Майкл говорит:

— Как считаете, Билл? Сегодня — нужно сторожить?

— Думаю, нужно. Собственно, пока мы на индейской территории, сторожить так и так придётся всё время! Они ведь — всегда настороже. Охраняют свои земли. И эти дикари нашего белого брата, мягко говоря, не любят. И основания для этого у них есть.

— То есть, первопоселенцы и войска — их — того?

— И не только «того». Здесь местные поселенцы, бандиты, и войска не стеснялись в средствах: подбрасывали и вещи от больных оспой, и спаивали, и обманывали, и отстреливали, словно волков. И женщин воровали... Когда ещё не было заведений, типа того, что у Мозэса. Так что, думаю, хоть костра мы и не разводили, но опасаться надо: сторожевые пикеты индейцы повывалять на границах своих владений не забудут!

— Понятно, Билл. Тогда моя вахта — снова первая. Затем — Вы. И последним сегодня — Этьен.

Возражений не нашлось, и вскоре Билл слышал могучий храп от одного из кузенов, и вздохи от второго. Но вот Этьен повернулся на бок, и стало тихо. Почти. Только стрекотали вездесущие цикады, и чуть подвывал ветер в ущелье...

Под эти умиротворяющие звуки, и успокаивающего вида настороженно сидящего возле груды мешков Майкла, Билл и уснул.

Проснулся от ощущения беды.

И точно: вон, через гребень увала, в сотне шагов от их лагеря, перебегают, пригибаясь, пять бесшумно движущихся удаляющихся фигур, две из них что-то тащат — похожее на мешок! Живой!!! Извивающийся.

Впрочем, Билл не обольщался, что такого «особо ценного» у них можно украсть!

Поняв, что чёртовы индейцы покинули их лощину, и возвращаться не собираются, он встал, и быстро подошёл к Майклу. Всё верно.

Заснул на своём посту, положив и спину и голову на мешки, уставший и прожарившийся за день старший кузен. А ещё бы — с непривычки-то. Здесь вам не город.

Билл прикрыл горе-часовому рот рукой, чтоб не зашумел спросонья. Прошипел в ухо:

— Майкл! Майкл! Просыпайтесь! Это я, Билл.

Майкл, дёрнувшись, и попробовав сесть и заорать, выпучил глаза. Хоть видно в свете звёзд и народившегося тоненького серпа месяца было плохо, Билла он всё же разглядел. Кивнул: можно рот отпустить! Билл тоже кивнул. Отпустил. Сказал шёпотом:

— У нас украли Линду.

— Кто?! Как?! Зачем?! — по глазам Майкла было видно, что он... Сильно удивлён. Если назвать это состояние столь слабыми словами. Но отвечать шёпотом не забыл.

— Индейцы. Пока вы спали, они подкрались. Зажали ей рот, связали. И унесли — я как раз проснулся, и заметил, как они скрываются вон за тем гребнем! — Билл махнул рукой, — Но никого из нас, и ничего из нашего барахла не тронули: иначе мы услышали бы, или почуяли. Ну а Линда сама захотела спать вон там: по её словам подальше от «тёплых мужских тел»!

Вот только насчёт того, зачем украли, и почему нас всё-таки не убили, у меня есть сомнения.

— В смысле — сомнения?!

— Ну, они могли специально оставить нас в живых, чтоб нас мучили угрызения совести — когда нам потом подбросят её изувеченный и изнасилованный труп! И мы бы рассказали об этом и остальным белым, когда вернёмся к ним! Чтоб те не совались сюда!

— И — что? Только для этого и украли?! Ну тогда они просчитались. Не стану я по обычной шлюхе плакать и сожалеть! И уж тем более — терзаться угрызениями.

— Ладно, Майкл, я просто пошутил насчёт совести. — Билл, видя, что Майкл просто не поверил ему, поспешил предложить другой вариант, — На самом деле им нужна не она. А информация о том, что мы на самом деле здесь делаем. И они будут её изощрённо пытаться, пока она всё не расскажет. И они выбьют из неё и тот факт, что у нас — карта!

И уж потом от нас не отстанут! И убьют — наверняка!

— Но почему?!

— Этот чёртов клад... Как бы объяснить... Имеет для аборигенов сакральное значение! Он занимает огромное место в их системе верований. То есть он — часть их системы мировоззрения! И посторонние не должны его ни обнаружить, ни, тем более, забрать!

— Так, получается...

— Так получается, для нас жизненно важно Линду вернуть, а индейцев — перебить! Чтоб не лезли в наши дела! И не мешали.

— И как мы это сделаем?

— А очень просто. Сейчас разбудим Этьена. Разгрузим трёх лошадей от излишнего барахла. Возьмём *все* наши ружья. И патронов к ним, и револьверам. И двинемся.

— Догонять, стало быть, не будем?

— Нет. Будем тихо и мирно преследовать. По следам. Не попадаясь им по возможности на глаза. У нас преимущество: я захватил подзорную трубу наёмника Мозеса.

Этьен, когда ему рассказали о произошедшем, посмотрел на Майкла весьма свирепо:

— Не ожидал от тебя такого, братишка!

— Ха! — видно было, что и Майкл сконфужен, — Я и сам от себя такого не ожидал!

— Билл! А не лучше ли нам попытаться просто... Догнать этих индейцев?

— Нет, Этьен. Не лучше. Если они заметят, что мы их преследуем, могут просто пристрелить или прирезать Линду. Конечно, тогда она уж точно не расскажет им ничего, но! Кто тогда будет меня перевязывать? И поить горькой гадостью?

А самое главное — нас они даже и ничего не узнав, могут пристрелить в одну из следующих ночей. Просто для подстраховки: мало ли!

Лицо Этьена слегка вытянулось, конечно, когда он услышал о возможной судьбе Линды. Но он быстро взял себя в руки:

— Вам, уважаемый Билл, конечно, виднее. Вы тут всех и всё знаете.

— Да. Поэтому нам придётся взять это мерзкое дело в свои руки. И уничтожить тех из краснокожих, кто ещё остался в живых в их стойбище. Прямо всё их поселение. Не думаю, что наше Правительство это сильно расстроит. Да и фермеры нам спасибо скажут.

А сейчас давайте-ка собираться.

С собой действительно взяли только трёх освобождённых от поклажи лошадей — своих, привыкших к хозяевам. Остальное барахло, и стреноженных животных оставили прямо на месте — в лощине. Налив им на прощанье побольше воды в кожаное ведро.

Билл, идущий впереди, и всматривающийся в камни и землю перед собой, довольно легко находил следы передвижения петлявших, очевидно, как раз для «заметания» следов, «могучих охотников» — что бы они там о себе не воображали, абсолютно бесследно по такой местности, да ещё с тяжёлой и брыкающейся поклажей, не пройти! Вон: клочок юбки на кусте. Сломанный куст. А тут — капля крови... Да и то, как индейцы выследили их, Билл понимал прекрасно: весь вечер ветер дул от их лагеря — вон туда. В том направлении. А запах от пота прожарившихся за день лошадей, да и просто — белых людей, разносится далеко даже и без всякого костра. Так что пикеты, расставленные на границах, проблем с обнаружением бледнолицых явно не испытали...

Вот этого общего направления он и старался придерживаться.

К рассвету добрались до места, откуда уже трепещущие ноздри Билла уловили запах дыма. Значит, недалеко до стойбища.

По предложению Билла лошадей оставили тут же, в маленькой лощине с ручейком и травкой. Чтоб не выдали цоканьем копыт по щебню и земле.

Само стойбище обнаружилось, когда осторожно высунули головы из-за гребня очередного холма, примерно в полумиле от того места, где Билл учуял запах костра. Солнце к этому времени ещё не показалось из-за гор, но было уже вполне светло.

Часового, плящущегося не туда, откуда могла появиться опасность, а вниз, в лощину, Билл перед этим снял, подкравшись, метко брошенным с двадцати шагов ножом: с перерезанным горлом не больно-то подашь «сигнал»!

Размещалось стойбище в той самой лощине, куда, забыв про долг и всё на свете, пялился злополучный молодой мужчина — почти мальчик. Но «обустроена» лощина была куда комфортней — широкая, с текущим по ней ручейком, и отличным пастбищем. Девять вигвамов стояли по кругу, на самом ровном участке. Лошадей и собак, которые могли

бы почуять приближение врагов, у индейцев, к счастью, не имелось. Зато имелись явно позаимствованные у белых — бараны. В весьма большом количестве пасшиеся выше по долине. Как отметил себе без удовлетворения Билл, пастухов при животных не имелось: да и зачем, если выхода из лощины в той стороне нет!

Но не вигвамы и бараны в первую очередь привлекли внимание троих охотников за сокровищами.

В центре стойбища, возле большого костра, стояли два врытых в землю толстых столба-бревна. Между ними, с привязанными к брёвнам верёвками широко распяленными ногами, головой вниз, со связанными за спиной руками, висела Линда.

Абсолютно обнажённая!

Если честно, смотрелась женщина потрясающе: ей было, чего показать...

Билл хмыкнул: конечно, с таким зрелищем забудешь и про обязанности часового, да и вообще — про всё на свете, кроме воспрявшего, так, что, наверное, звенело, молодого естества!

Индейцы, молодые и старики, их скво, и даже дети, расположились вокруг, явно в ожидании интересного зрелища: из самого большого вигвама как раз вышел огромный краснокожий мужчина, играющий мускулами на руках и загорелой спине — явно вождь собственной персоной. С огромным же, под стать, хлыстом в руке!

— Похоже, допрос перерос в решающую стадию.

— Билл! Как вы можете быть таким спокойным?! Ведь сейчас они её!.. — шёпот Этьена доказывал, что он весьма равнодушен к судьбе несчастной женщины.

— Мы выбрали самый удачный момент. Сейчас все — поглощены предстоящей пыткой. И нам остаётся только перестрелять всех мужчин! Их всего-то — двадцать три.

— Так это же — со стариками!

— Можете не сомневаться, Этьен: старики стреляют из луков и ружей ничуть не хуже молодых. И ножами пользуются. А смерть — ей всё равно, от чьей руки она придёт!

— Э-э... — вид у молодого человека был сконфуженный, — Хорошо. Я понял.

— Отлично. Вот и старайтесь. Не мазать. И не стрелять вдвоём — в одну цель. Поделитесь так: центр — Этьена, (Уж Билл видел, куда хочет всадить первую пулю распалившийся молодой человек!) те, кто слева — мои, справа — Майкла. Возражений нет? Отлично.

А начнём... хм-м...

Когда этот тип нанесёт первый удар. Очень удобный момент отсчёта!

Момент действительно оказался самым подходящим.

Дикий вопль, исторгшийся изо рта несчастной Линды, совпал с тремя выстрелами.

Трое индейцев, включая и вождя, упали лицом в пыль. Тут же последовал и второй залп. Упали ещё трое мужчин. Женщины завизжали, и кинулись по своим жилищам!

Жаль, в патронташе винчестера помещается всего пять патронов — после того, как упало наземь пятнадцать вскочивших было на ноги и заматававшихся индейцев, стрелять из их запасного ружья с гребня увала остался только Этьен. Билл же с Майклом кинулись со всех ног вниз по склону, оскользаясь на предательской мокрой от росы траве и обломках камней, и непрерывно стреляя из револьверов. Билл всё же промазал пару раз, да и Майкл тоже. А вот Этьена ничто не отвлекало, и стоял и стрелял он уверенно.

И к тому моменту, как Билл и Майкл вбежали в стойбище, в живых оставалось не более полудюжины мужчин! Скрывшихся тоже в вигвамах — ринулись за оружием!

Билл поступил просто: забегал, двигаясь по кругу, по очереди, в каждый тёмный огромный шалаш, стреляя во всех подозрительных! Майкл, заметив, что делает напарник, поступил так же, начав с другого конца стойбища.

К моменту, когда Билл расстрелял свой третий, позаимствованный у банды головорезов Мозеса, кольт, они с Майклом встретились — у последнего вигвама. Туда вломились вдвоём. Билл застрелил последнего, весьма престарелого, воина, целящегося в него из старинного мушкета, а вот Майклу не повезло: его стрелой из лука достала пожилая скво, хищно оскалившаяся, когда стрела вонзилась в плечо белого: ну ни дать ни взять — злобная гиена!

Биллу пришлось во избежание дальнейших проблем уложить из колта и старуху.

После чего он принялся перезаряжать: патрон оказалась последним!

Однако к тому моменту, когда он закончил, слышались ещё выстрелы: похоже, Этьен уже перезарядил винчестер, и теперь спускался, держа стойбище сверху под полным контролем! Но после двух выстрелов всё стихло.

Билл вышел на свет. Уложил ещё одного подростка, почти мальчика, целившегося в него из лука из входного отверстия предпоследнего вигвама. Сожалений он никаких не испытывал: ведёшь себя как мужчина, или как взрослый воин — будь любезен: получи как воин!

Но вот к нему, остановившемуся у костра, присоединились и Майкл и Этьен.

— Я насчитал здесь двадцать семь убитых мужчин. Мальчика. И одну женщину.

— Когда ты только успевал считать, Майкл!

— Ты что — забыл? Мы же карточные профи! И обязаны следить за всем и за всеми! И ещё помнить, какие карты уже вышли!

— Тогда не забудь и ещё двух часовых: вон там и там! — Этьен гордо похлопал по дулу верного винчестера.

Билл намотал себе на ус источник основного дохода кузенов, но сказал другое:

— Мы можем поубивать сейчас всех детей мужского пола. И тогда нам, или другим белым, никто и никогда не будет мстить. И земля достанется нашим — вся! И жить здесь станет... Спокойно.

— Нет, Билл. — кузены опять переглянулись, Этьен покачал головой. Майкл продолжил, — Мы этого не сделаем. Мы обеспечили себе... Безопасный проезд по их территории, а больше нам ничего и не нужно! Нам... претит такая бойня!

Всё же они — тоже люди.

— Как хотите. Но... — Билл, имеющий твёрдое мнение, что хороший индеец — мёртвый индеец, постарался, чтоб разочарование не прорвалось в тон.

Его прервал возмущённый придушенный голос:

— Может, вы соблаговолите наконец снять меня отсюда?!

Билл отметил себе, что, похоже, женщину возмутило не то, что они спокойно смотрят на её обнажённое тело, и обсуждают свои дела. А — как раз то, что — не смотрят!

Ох, уж эти женские амбиции. И самомнение. И тщеславие. Но снять её оттуда действительно нужно. Иначе кровь прильёт к голове, и женщина может потерять сознание.

Когда Майкл с Этьеном отвязали ноги, Билл, державший торс женщины на руках, чтоб ослабить натяжение веревок, положил Линду прямо на траву. Женщина фыркнула:

— Вы — хамы ещё почище этих дикарей! Почему нельзя было начать стрелять до того, как меня ударили?! Больно было — просто ужас! У меня и сейчас ещё искры из глаз!

— Тебе, ласточка ты наша сердитая, было бы ещё больнее, если б Билл не выследил столь быстро логово этих гадов. И мы не захватили с собой весь наш арсенал!

— А, кроме того, — Билл поспешил внести и свою долю в увещевания, — если б ты не сказала, чего они хотели, костёр подтащили бы тебе под головку. И тогда — прости-прощай прекрасная грива! И всё остальное. Такое симпатичное и сердитое. А вот мужчин они обычно начинают пытать как раз — с этого. То есть — пах над костром!

Линда побледнела. Похоже, поверила. Да и кто бы не поверил: они сами всё видели! А кое-кто — и прочувствовал! На себе...

Но вдруг до женщины словно снова дошло:

— Ох! Я же не... — она прикрылась руками, — Дайте мне какую-нибудь одежду!

— В-смысле — какую-нибудь? А где ваша? — Этьен хмурился.

— Они её... Сожгли!

Билл почесал в затылке. Потом нашёлся: зашёл в ближайший вигвам. Ткнул пальцем в нашедшую там заплаканную, но глядящую злобно, скво подходящего размера:

— Платье! Сними его!

Скво что-то сердито заорала, и кинулась на него, пытаясь вонзить в Билла нож. Билл просто отбросил женщину к стене, вернее — к шкурам на палках. Взял за ногу маленького ребёнка, девочку. Достал кольч, приложил к тельцу дуло. Девочка заревела.

— Платье. — он щёлкнул взведённым курком.

Скво, рыдая в голос, оглядываясь на лежащий на шкурах труп старика с луком в руках, и мужчины с копьём, и причитая на своём языке, быстро стянула платье.

Но если она думала, что Билл чего-то хочет от неё, она сильно ошиблась: Билл, взяв злобно брошенное ему в лицо платье, положил девочку на постель из шкур. И вышел.

— Примерьте.

Линда не придумала ничего умнее, чем сказать:

— Отвернитесь!

Майкл, покрасневший Этьен, и Билл переглянулись.

Билл заржал в голос. Майкл и Этьен присоединились.

Линда стукнула кулачком по земле:

— Скоты! Дикари! Хамы! У вас что — совсем совести нет?

Билл, отворачиваясь от женщины, усмехнулся:

— Здесь, в наших местах, это — непозволительная роскошь. Кому знать, как ни тебе.

— Верно... Верно. Но всё равно...

Спасибо!

Если честно, я до последнего момента сомневалась, что вы за мной вообще придёте. — теперь в голосе звучали слёзы, — Думала, как ни в чём не бывало, поедете себе дальше. Ведь я для вас...

Никто!

— Да нет, что ты такое говоришь, любимая. Ты — почти член нашей семьи. Нашей маленькой стаи. Короче: ты наша женщина! А раз наша — мы тебя никому не отдадим.

Разве что за большие деньги.

— Сволочь ты, Билл. — судя по кряхтению, Линда втискивалась в платье.

— Ты это уже говорила. Придумай что-нибудь поновей. И пооригинальней.

4. Горы

— Вот уж не вижу нужды! Ты же не изменишься! Сволочью так и останешься до конца своих дней. — Линда явно крутилась, осматривая себя со всех сторон, — Ладно, можете повернуться.

Платье на женщине смотрелось неплохо — простой и практичный прямой фасон, почти мешок, отлично подчёркивал прелестные формы. Однако когда женщина попробовала сделать шаг, выяснилось, что шагать широко не получится: мешает подол.

— Проклятье. Как они сами-то ходят в таком узком мешке?!

— Сейчас мы эту проблему решим. — Билл подошёл ближе, и своим большим ножом сделал на платье два разреза по бокам: почти до пояса, — А ну-ка, попробуй теперь!

Линда вскинулась:

— Чего это ты сделал?! Оно же теперь ничего не прикрывает!

— Да нет. Перед и зад же — прикрывает! А против созерцания твоих прелестных стройных ножек лично я ничего не имею. Но я ещё хотел спросить: под мышками — не жмёт?

— Свинья! Углубить декольте я тебе не позволю! — Линда, отдёрувшись от протянутой руки, только что не рычала. Билл руку опустил:

— Ладно. Так тоже неплохо. Идти сможешь? Или... больно? Тебя нести?

— Нет. Я сама. Я почти не пострадала, если не считать... — она поморщилась, переступив с ноги на ногу, — Они... Не изнасиловали меня.

Билл, невольно покосившийся на Этьена, констатировал, что тот явно вздохнул с облегчением. Билл сказал:

— Это отлично. И, раз так, помоги наконец Майклу. Надо бы перевязать его дыры.

Майкл, который до этого довольно долго препирался с Этьеном, и из руки которого Этьен наконец выдернул стрелу, обломив перед этим её наконечник, как раз завопил. Билл пожал плечами. Странные они, эти городские. Готовы ходить со стрелой в руке, только бы им не сделали ещё больше, выдёргивая её из раны.

— А где я здесь возьму бинты?!

— Сейчас сделаем.

Билл, повернувшись, вошёл снова в знакомый вигвам. Сказал, обращаясь к той же женщине и протянув руку:

— Бинты.

Та оскалилась, зарычала, но, поглядев снова на дочку, что-то похожее на хлопчатобумажные полоски из какого-то тюка достала. Похоже, поняла что-то в этой жизни. Билл подумал невольно, что вот из кого получилась бы идеальная жена... Но промолчал. Взял бинты, буркнул «Спасибо!», и вышел.

Майкл к этому времени как раз закончил ругаться и шипеть. А Линда как раз закончила что-то жевать. Достала изо рта разжёванную обслюнявленную зелёную массу.

Наложила часть на входную, часть — на выходную дыру в плече Майкла.

— Это ещё что за жвачка?

— А это, Билл, походное дезинфицирующее средство. Разжёванный подорожник. Жутко, кстати, жёсткий. Я весь рот исколола!

— И откуда ты про это средство знаешь?

— Так всё оттуда же. От индейцев.

— А, ты жила и с ними?

— Нет. У меня мама с ними жила. Она была жена пастора. Который сдуру пытался по молодости и наивности принести этим дикарям «свет истинной веры».

— И — как?

— Как, как... Безрезультатно. Если не считать того, что его съели на третий день. А вот мать — оставили. И она прожила с племенем, пока не родилась я.

— Так ты — метиска?!

— Вот уж нет. Мать уже была беременна мной, когда отцу ударило в голову заняться проповедничеством. Ну а моя мать — куда ж она без мужа! Поехала вместе с ним.

Но семи месяцев «общения» с «детьми природы» матери хватило. Чтоб понять, что это — не для неё. Но — научиться выживать. На этой самой природе.

А вот когда я родилась, и индейцы перестали за ней следить, она и смогла...

Удрать!

— Замечательно. В-смысле, замечательно, что ты — белая. Чистокровная. И у тебя нет причин особо любить этих краснокожих.

— А вот это ты точно сказал.

Никаких!

— Так — что? Дать тебе пушку? Пойдёшь и перестреляешь остальных обидчиков, и наглых зрителей?

— Н-нет... Не хочется. Да и смысл? Женщины и дети нам добраться до сокровищ не помешают!

Билл отметил себе словечко «нам», но промолчал.

Назад возвращались в свете уже вставшего над горными хребтами солнца.

Линда ехала за спиной Этьена — его конь оказался самым здоровым и крепким, и свободно нёс двоих. Смотреть на то красневшее, то бледневшее лицо кузена, когда Линда прижималась к его спине тем, что сильно натягивало перед платья в декольте, было забавно. Но Билл ухмылки сдерживал. Как, впрочем, и Майкл — комментарии.

Дорогу теперь, когда запомнил все приметы, Билл находил легко. И доехали они до своего лагеря в лощине куда быстрее — за час с небольшим. Предоставленные сами себе кони за это время, конечно, немало разбрелись, но не слишком далеко.

— Предлагаю, пока мы не стали собираться, позавтракать. И костёр теперь развести можно!

С предложением Билла согласились все. И вскоре костерок весело потрескивал, создавая почти домашний уют на их стоянке.

Поели быстро. И с аппетитом. «Нагуляли», как высказался Майкл.

Выехали из лагеря, по прикидкам Билла, ближе к полудню. Но всё равно успели до ужина проехать миль тридцать-тридцать пять. Потому что лощины оказались пока вполне проходимыми, и к подножью гор вывели кавалькаду ещё засветло. Билл хорошо помнил, что пунктирная линия идёт вдоль русла реки Туссон, собственно, и давшей название

городку с баром Мозеса, но уж больно она сильно петляет, уводя в сторону, чтоб ехать непосредственно вдоль русла. К тому же к началу лета полностью пересыхающего...

А начала этой реки никто ещё не видал: где-то в горах.

Но им до истока и не надо. Им надо добраться до ущелья Старого Беркута. То есть — вверх по руслу, до второго левого ответвления.

Вот по нему, без труда обнаружив, они и проехали с пару миль, пока сумерки не вынудили остановиться.

— Сегодня снова дежури́м. — по Майклу было видно, что он горит желанием оправдаться за вчерашний недогляд, — Первым — я!

— Нет. — Билл старался говорить поравнодушной, — Первой сегодня — Линда.

— Это почему ещё?! — возмущения в тоне не заметили бы только камни ущелья.

— А потому, солнце ты наше, что ты больше всех теперь заинтересована, чтоб мы все оставались целыми! И бдиль будешь не за совесть, а за — страх! — Билл не стал говорить, что ей больше нечего рассчитывать на помощь бандитов Мозеса. Ну а про то, что индейцев она теперь боится пуще чертей, можно и не упоминать.

— Я... Э-э... Хм. Пожалуй. Да и болит, если честно, так, что пока просто не уснуть!

— Хватит задвигать нам ерунду. Тебя ударили всего один раз.

— Да. Зато — какой!

— А вот если бы мы действительно не пришли за тобой, тебе и этот удар показался бы цветочками! Потому что потом, когда этот парень разработал бы руку, он и бил бы сильнее! И мог дать и другому, или другим — помахать!

Линду передёрнуло:

— Ладно, довольно! Сказала же уже, что не усну!

— Хорошо. Тогда вторым — Этьен, третьим — я, а последним дежури́т Майкл.

— Договорились. Ну, спокойных снов.

Билл, полёживая снова снаружи спальника, в одежде и сапогах, ковырял травинкой в зубах. Смотрел снова в звёздное небо. Думал.

Ну хорошо. От индейцев они отбились, банду наёмников положили всю. Что дальше? Ведь судя по карте, через пару дней они доберутся до чёртова места, обозначенного крестиком. В кружке. И — что?

Будет ли на месте — сокровище?

И что это будет за сокровище?

Собственно, эти мысли возникали у него и тогда, лет десять назад, когда ещё не потерял надежду найти клад и сам. Он тогда и так и так прикидывал, что же это за сокровища могут быть у диких индейцев, спрятанными ещё до прибытия белых колонизаторов, которые были бы, вот именно, сокровищами! Ведь это у белых слово «сокровища» традиционно ассоциируются с золотом, серебром, и драгоценными камнями. Ну а если там — просто какие-то, вот именно, тотемные фигурки?

Мумии? Скальпы поверженных врагов? Оружие древних вождей?

Каменные или деревянные идолы?

То есть — такой «клад» кладом является только для тех, кто его спрятал!

А такие «артефакты» ведь вывозить бессмысленно! Поскольку интересны они только книжным червям — учёным! Из какого-нибудь музея. Специализирующегося на человеческой истории. И диких племенах. А простому человеку и на ... не нужны!

Э-э, ладно. Его задача — довести их маленькую экспедицию до места. Обозначенного крестиком. Вот только бы не стал этот крестик — крестом на их общей могиле!

С этой «оптимистичной» мыслью он и уснул.

Этьен растолкал его вскоре после полуночи: это Билл увидел по положению звёзд.

Но добросовестно сел на дежурство, подбросив пару кусков дерева в прогорающий костерок. Линда, на этот раз не выделявавшаяся, положила свой спальник почти вплоты к спальнику Этьена, но сейчас мирно спала, трогательно отклячив нижнюю губку, и держась обеими руками за свою промежность — похоже, и правда, болело там у неё, раз даже во сне... Не скоро, похоже, *сможет*.. Билл пожал плечами: собственно говоря, «готовность» женщины к «этому делу» теперь — предмет беспокойства Этьена.

Тоненький серп народившегося месяца и звёзды освещали их долину неплохо. Особенно, когда глаза привыкли к темноте. Спереди и сзади не подкрасться незамеченными. Вот разве что — сверху, с вершин гор ущелья. Но чтоб быстро спуститься оттуда, нужно быть или кондором, или скалолазом. Ещё и с верёвками. Потому что пробраться по таким кручам без них, да ещё в кромешной тьме, сможет разве что горный барс.

Два часа прошли быстро. За час до рассвета Билл растолкал мирно сопевшего Майкла:

— Мы поспим ещё пару часов, а потом — нужно завтракать. Да в путь. А то вчера проехали мало. Из-за приключений с дамой.

— Точно. — Майкл зевал так, что челюсти сводило, — Быстрей бы уж добраться!

Однако особо резво двигаться сегодня не очень получалось.

Несмотря на то, что позавтракали быстро, и двинулись в путь рано, ещё в утренней прохладе, ехали медленно: постоянно приходилось объезжать завалы из напавших сверху камней, или даже слезать с коней, чтоб разобрать природные баррикады, и перевести коней через настоящие барьеры, пирамиды и валы. Майкл тихо ругался, пока Билл не запретил ему: во-первых — тут могут быть ещё индейцы, а во-вторых, и это главное — от эха может случиться новый камнепад.

Сегодня оказалось пасмурно, и ехали в приятной прохладе. На дне русла кое-где имелись даже лужи воды. Что позволило напоить лошадей, и наполнить подопустевшие бурдюки. Но мрачные стены ущелья словно давили им на плечи суровой первозданной красотой. А вообще — тёмные громады серо-стальных, с сиреневым отливом, отвесных скал по обеим сторонам всё суживавшегося ущелья навевали уныние и страх. По лицу Линды было заметно, что она не прочь бы сейчас оказаться снова в безопасном салуне, у Моисея под крылышком. И то, что под ногами коней теперь струился, журча, крохотный ручеёк, несколько поездку веселей не делало.

К ужину выехали к перекрёстку. Ну как перекрёстку: здесь встречались две реки. Сейчас почти пересохших. Билл сказал:

— Майкл. Достаньте, пожалуйста, вашу карту. Потому что кое-чего я в ней всё же не понял. Нужно определиться.

Майкл не заставил себя долго упрашивать. Подъехал снова к едущему впереди Биллу. Кони встали почти рядом, Билл развернул пергамент.

— Вот. Мы сейчас — здесь. Это и есть — ущелье Старого Беркута. Если верить карте, нам — направо. По нему же. Ещё мили три. Но потом... Дорога словно уходит от русла резко вбок, и — вверх: вот. Здесь извилистой стрелочкой показано: тропа! А я, когда здесь был, лет девять назад, ничего такого не видел! Никаких ответвлений. Никакой тропы! Да и сейчас... Темновато. Не проглядеть бы.

— Ну тогда давайте заночуем вон там, — Майкл указал рукой на весьма ровный островок каменистой отмели, в том месте, где два русла встречались под острым углом, — и завтра с утра попробуем найти. Нас ведь никто не гонит: можем осмотреть всё подробно.

— Хорошая мысль. Тем более, дальше ущелье Старого Беркута узкое, и вряд ли мы найдём там, где расположиться на ровном. А тут всё же — довольно широко. И удобно. Да и костёр теперь развести, думаю, снова можно.

— А как же индейцы?

— Если они тут где и остались, и даже учуют дым, незамеченными не подберутся. А из винчестеров мы уложим их куда быстрее, чем они нас — из луков.

— Хочется верить. Ну ладно. Давайте устраиваться. На ночлег.

Лежать на спальнике на камнях оказалось не столь удобно и мягко, как на песке или травке. Пусть и пожухлой. Билл ворочался, и вздыхал. Этот поход всё сильнее начинал ему не нравиться. И дело было не в ране в ноге — она уже почти не беспокоила.

Ощущения казались вовсе не теми, что вначале. И дело даже не в том, что они уже поубивали из-за чёртова клада кучу народу: и, пусть откровенных, головорезов Мозеса, и агрессивных похитителей-индейцев... Но вот накатывало на него сейчас словно волнами ощущение, что зря они туда едут! Подсознание? Или... Ещё кто-то — уже *извне*?!

Но мысль в голове вертелась самая простая и конкретная!

Не будет им счастья от этого «клада»!

Но не скажешь же про свои «ощущения», мысли, и страхи тому же Майклу. Тот — рационалист. И только пожмёт плечами. А про себя подумает, что Билл превращается в старого маразматика. На почве слишком долгого обитания в прериях и полупустынях.

Повздыхав, Билл повернулся на бок. Прикрыл глаза. Постарался расслабиться.

Однако почти сразу его кто-то тронул за плечо. Думая, что это Майкл, сдающий свою вахту, и что он всё же заснул, быстро и незаметно для самого себя, Билл повернулся.

Седой индеец, в традиционной одежде, но без положенного головного убора из перьев, и с развевающейся на лёгком ветерке гривой длинных редких волос склонился над ним. Билл вздрогнул: как это старику удалось незамеченным подобраться к их лагерю?! Неужели Майкл опять!..

Но приглядевшись повнимательней к морщинистому неподвижному лицу, Билл заметил кое-что такое, что у него волосы встали дыбом, и по спине пробежал холодок: сквозь лицо и плечи старика... Проглядывали звёзды!

— Напрасно вы едете в это место. Оно — пржлято!

Билл проглотил липкий комок, стоявший в горле. Голос казался вполне материальным: скрипучий, хриплый, хотя и тихий. Слова тем не менее можно было прекрасно разобрать. Собравшись с мужеством, и справившись с не желавшим открываться ртом, Билл спросил:

— А что будет с нами, если мы всё же найдём его? И увидим этот... Клад?

— Если увидите — ничего. А если возьмёте хоть что-то оттуда, хоть одну вещицу, на вас падёт проклятье Хроака.

— А кто такой этот Хроака? — Билл ёжился. Ему было реально жутко!

— Не «такой», а такие. Хроака — древний народ. Обитавший здесь ещё до нас. И вас. Вот они-то и спрятали здесь, в том месте, на которое указывает их карта, то, что считали священным. И чему поклонялись! И к чему прикасаться могли только их шаманы!

— А куда они делись сами?

— Этого никто не знает. Но старики поговаривали, что просто... Ушли!

— А если мы... Не будем ничего брать, а только поглядим на *это*?

— Тогда проклятье минует вас. И вы останетесь живы.

— Но как же мы... — Билл ещё не договорил, но понял, что ответа не будет. Суровый старик просто... Растаял в воздухе! А Билла начала трясти не только дрожь от ужаса, но и за плечо — чья-то рука!

Он разлепил оказавшиеся смеженными глаза: точно! Майкл. Пришлось снова открыть рот:

— Что? Уже пора?

— Нет. Но вы напугали меня, Билл. Вы стонали во сне. И разговаривали!

— Да-а? И... Что я сказал?

— Вы сказали... Ну что-то вроде: «Мы не будем ничего брать! Отстаньте!»

— Ах, вот как... Хм-м... Странно.

— Это был кошмар?

— Точно. Он самый. Так что спасибо, Майкл, что разбудили. Далеко там ещё до моей смены?

— Ну, судя по звёздам, полчаса.

— Тогда не вижу смысла пытаться уснуть снова. Ложитесь. Я принимаю вахту.

— Вот уж спасибо. — Майкл не заставил себя долго упрашивать, и тут же завалился на мешок, лежавший с другого боку от мешка Линды.

Та спала теперь, прижавшись животом к тёплой спине Этьена, чей мешок оказался уже придвинут вплотную к её.

Билл пожал плечами: пускай их. Здесь, в ущелье, и сыро и холодно. И тоскливо.

Ну, или это только ему так кажется?

Пока сидел, поглядывая то вокруг, то на угасающий костерок, куда время от времени подкладывал маленькое поленце, думал.

Неспроста, ох, неспроста он увидел этот сон. Или ему его показали.

Кто-то очень не хочет, чтоб они лапали своими «неизбранными» руками эти самые сокровища! Или, тем более — забрали их.

И этот кто-то — точно не человек!

Люди такие направленные и конкретные сновидения пока насыпать не умеют!

Поэтому интересно будет порасспросить, когда все встанут, кому что снилось!

Вдруг их сны совпадут?!

5. Пещера

Или у него просто... Разыгралось бурное воображение?

Которым он отродясь не страдал!..

Билл не обольщался на свой счёт: он — потомок суровых и несгибаемых пионеров дикого Запада, если чем и отличающийся, так, вот именно, отнюдь не «тонкой и чувствительной» натурой, и мечтательностью. А вполне конкретным трудолюбием, терпением, и бешеным упорством. Которое злые языки называли ослиным упрямством: ведь любому здравомыслящему человеку ясно, что не вырастет никогда на песках, и без воды, никакая кукуруза или хлопчатник, и нет смысла селиться здесь, и уж тем более — строить дома!

Но пионеры нашли выход. И теперь ковбои гоняют по прериям и полупустыням отары овец. Со стрижки которых и продажи шерсти и мяса и живут фермеры.

Но сейчас ему лучше действительно успокоиться. Потому что завтра нужно найти чёртово ответвление, которое, как специально помечено на карте, ведёт куда-то вверх. Очевидно, на какую-то гору. Или одну из стен ущелья. Непонятно, правда, зачем — там одни скалы! Если верить памяти.

Ладно. Утро вечера мудренее.

Вот дождётся смены, и ляжет снова...

Посмотрим.

Разбудили его прямо на завтрак.

Все сидели вокруг импровизированного «стола», словно всегда именно так и сидели, и всё шло по раз и навсегда заведённому порядку: «передайте мне, пожалуйста, вон тот кусок солонины», «да, конечно», «ещё лепёшку?», «нет, благодарю!». Билл невольно подумал, что они вполне могли бы организовать какую-нибудь общину, наподобии мормонской. Или ещё какой-нибудь по принципу единомыслия: интересы у них общие. Пока.

— Нам повезло, что Мозэс не поскупился. Продукты расходуются куда медленнее, чем мы думали. Так что давайте-ка, ешьте лепёшки, пока их ещё можно угрызть! — Этьен, занимавшийся их текущими запасами, выложил ещё маисовых лепёшек на скатерть.

Билл, как и остальные, ел лепёшки, вяленое мясо, сухофрукты и всё остальное, запивая вскипяченной водой. Которую просто зачёрпывал кружкой из их маленького прокопчённого котелка. Линда сегодня не заикалась о том, что у неё всё болит.

Значит, не болит.

Или чем-то другим озабочена: брови постоянно хмурит.

Поэтому, закончив завтрак, Билл начал первым:

— Мне сегодня кое-что приснилось. И я хочу об этом рассказать. Потому что это может оказаться и плодом моего воображения, но может... Быть и предупреждением!

— А-а, это вы, Билл, о своём кошмаре?

— Да, Майкл. Не совсем он, конечно, был кошмаром. Потому что в отличии от обычных снов я всё отлично помню! Но вот как было дело...

Пока Билл рассказывал, Линда продолжала хмуриться, и кусала губы, Этьен чесал в затылке, а Майкл играл желваками на скулах. Из чего Билл сделал вывод, что не кажется его спутникам бредом его рассказ.

— И я посчитал необходимым рассказать вам об этом. Потому что кошмар там, или предупреждение, но брать эти сокровища мне лично как-то... Уже не очень хочется!

— Согласна. Мне, кстати, индеец не снился. А снилось то самое место, куда мы должны попасть, чтоб увидеть сокровища! Это — огромная и тёмная пещера. С чудовищными и страшными ледяными сосульками, свисающими сверху: словно мы — в пасти у какого-нибудь громадного чудовища! И очень каменистым и неровным дном. И нет там никаких сокровищ. Ну, в том смысле, как мы это слово понимаем. Вместо них там было в глубине пещеры что-то вроде алтаря. Такого, на ко-

тором совершают жертвоприношения. И весь он был в потёках чего-то застывшего и коричневого — как вспомню, мороз по коже! Не иначе — кровь! А на алтаре лежала женщина. Я, было, подумала, что индианка — загорелая и черноволосая. Но когда подошла — оказалось, что это — я сама!

И я была распята за руки и за ноги! Верёвками. Привязанным к вмурованным в алтарь кольцам. Очень толстым... И так странно было смотреть на саму себя со стороны! И страшно — я будто чужая, что из темноты, из дальнего угла пещеры, кто-то злобный и сильный, подходит! И сейчас вонзят мне (Ну, той, которая лежала передо мной!) в сердце здоровенный, почему-то — каменный, нож!

Но тут я проснулась... — Линду передёрнуло, — И потом долго не могла заснуть. Только когда прижалась к тёплой спине Этьена, смогла более-менее забыться...

Этьен ободряюще улыбнулся Линде:

— Рад, что удалось помочь хоть таким способом. Но это ещё не самое страшное, Линда. Ведь вас — ну, ту вас, которая смотрела сон! — не тронули. Мне вот снилось, что нас всех поймали. И — не индейцы, а какие-то абсолютно чёрные люди. Здоровенные — под семь-восемь футов ростом! И такие мускулистые — прямо как циркачи какие, из этих, ярмарочных силачей... И связали по рукам и ногам. А потом... Нас подвесили головами вниз, над каким-то жёлобом, выдолбленным в камне. И ножами сделали надрезы на шее. Кровь текла по лицу, заливала глаза, приходилось часто моргать, но всё равно я видел... Видел, постепенно теряя сознание, как уходит, струится по этому жёлобу куда-то наша кровь... И уходит жизнь...

И я где-то глубоко внутри знал, что сейчас из нашей крови наделают каких-то... Украшений, что ли! Или драгоценных камней. Не знаю. Чего-то магического. Важного! И я там, во сне, понимал, что вокруг происходит что-то злое. Колдовское! Какой-то тёмный ритуал! И мы — жертвы! И с нашей помощью эти гады хотят навредить, напакостить всем, кто сейчас здесь живёт! Белым!

А нас самих, потом, когда выйдет из наших тел вся кровь, превратят во что-то... Гадкое! Мерзкое! Хищное! И чтоб мы охраняли что-то. Возможно — эти самые сокровища.

Мне тогда казалось, что — в пауков! Гигантских!

Майкл, поняв, что все взоры теперь устремлены на него, криво усмехнулся. Пожал плечами:

— Не смотрите на меня так! Мне... Ничего не снилось! Может, я какой-то особо чёрствый, или просто спать очень сильно хотел. А если

чего и снилось, так я не запомнил! Ну, вот, разве что — что летал... Как в далёком детстве.

— Понятно. — Билл пожал плечами, — Но я всё равно хочу вас всех спросить: мы поедем дальше? Попытаемся всё же найти этот чёртов клад? Или...

— Никаких «или»! — тон Майкла был категоричен, — Мы поедем. И найдём!

— Хорошо. Но я хочу, чтоб вы знали, Майкл. Я от своей доли клада отказываюсь. В пользу Линды. Пусть она, если хочет, заберёт её за меня.

— Хм-м... — Майкл нахмурился. Снова переглянулся с кузеном, — Не хотим спорить. Это — ваше решение, Билл. Вы, конечно, можете положенную вам долю клада и не брать, а просто... Вот именно, передать ваши права на неё — Линде.

Но мы от своего не откажемся! Нас не... э-э... Впечатляют кошмары и «предупреждения»! Линда? Возьмёте долю Билла?

Линда довольно долго молчала, лицо было бледным. Но всё же сказала:

— Возьму! Возьму, чтоб мне лопнуть!

Уж больно тоскливо и беспросветно в рабстве у Мозэса! А тут...

Хоть надежда.

На самостоятельную, и обеспеченную жизнь!

До указанного на карте места добрались буквально через полчаса.

Билл, внимательно осматривавший стены ущелья, и думавший, что мог, конечно, чего и пропустить, поскольку в прошлый раз ехал как раз с противоположной стороны ущелья, первым заметил её. Неширокую трещину в скале, заполненную по дну обломками и камнями. На которые сверху кто-то, явно люди, насыпал более мелкого гравия: наверняка, чтоб ходить было удобней. Ну правильно: по такой тропе вполне можно и проехать и на лошади! Вот только удастся ли развернуть эту самую лошадь, если вдруг возникнет срочная необходимость: ширина прохода едва достигала двух-трёх футов. А там, вверху, похоже, была и поуже.

Но сама трещина оказалась так хорошо скрыта за выступами окружающих скал, что вполне понятно было, почему он её не заметил в первый раз. Впрочем, Майкл и остальные, даже когда подъехали практически вплотную, трещины не заметили. И Биллу пришлось спешиться и показать вход в узкое пространство.

— Чтоб мне лопнуть! Как вы её углядели, Билл?! — Майкл чесал в затылке, сдвинув шляпу вперёд, — Я и сейчас её... А, нет: вижу! Если смотреть вот отсюда! А здорово она была спрятана!

Мысль о том, что трещина может показываться не всем, а только тем, у кого нет жажды наживы, возникла, конечно, у Билла. Но он отогнал её, как явно мистическую и невероятную. Да и вообще: он стал замечать за собой странную склонность в вере в приметы, вещие сны, и всякую подобную чушь. Над которой раньше только посмеивался. Может, это — это место так на него влияет? Всё-таки есть здесь что-то... Странное!

Колдовское!

— Нам всё равно лучше лошадей оставить где-нибудь поблизости, прямо в ущелье. Потому что проход — узкий. И если вдруг захотим вернуться назад, не сможем даже развернуть в нём лошадей! А их у нас сейчас много.

— Согласен, Билл. И вовсе незачем их разгружать. Просто стреножим, и отпустим. Воды здесь достаточно. — Майкл указал на тоненький ручеёк, едва сочащийся по самому низкому месту каменистого дна ущелья, — И без травы они денёк как-нибудь протянут.

— А почему вы думаете, Майкл, что мы обернёмся за день?

— А потому, Линда, что судя по пунктиру на карте нам осталось всего милья или две!

— Похоже, что так. Впрочем... — Билл покачал головой, — Предлагаю на всякий случай взять с собой немного еды и воды. Запасёмся и несколькими палками из наших дров, которые сойдут за факелы. Возьмём и оружие. Да двинемся!

И — да поможет нам Бог!

Тропа, круто поднимавшаяся вверх, со всех сторон оказалась закрыта крутыми же и отвесными стенами. Только сверху было видно блёкло-голубое небо с бегущими по нему не то тучами, не то — толстыми облаками. Билл вздыхал про себя, и думал, что делают они всё это на свою голову, но если совсем уж честно, ему тоже было интересно взглянуть — что же эти самые Хроака считали таким важным. И священным!

Извилистое миниатюрное ущелье, казалось, давно должно было вывести их на самую вершину стены большого ущелья. Но путь всё не кончался, и Билл начинал думать, что не иначе, как эта тропа тоже — или заколдована, или на неё наложено что-то вроде заклятья: чтоб

идуший по ней устал, и повернул назад, думая, что конца пути не будет...

Однако не успели они проголодаться, как обнаружился логичный конец тайного прохода: чёрное отверстие в рост человека, ведущее действительно в пещеру!

Майкл и Билл развели у входа небольшой костёр. От которого запалили три факела: Биллу, Майклу и Этьену. Линда от источника света отказалась:

— Нет. Я просто не буду отходить от вас далеко! Да и страшно тут отходить...

Билл подумал, что их спутница права: сейчас, в свете факелов, обнаружилось, что в скале прямо над входом имелось высеченное в камне изображение. Огромное, в человеческий рост, лицо того самого индейца, что являлся Биллу всего несколько часов назад!

Билл проглотил вязкую слюну. Сказал:

— Это — тот самый. Который являлся мне.

— Да-а? — Линда покачала головой, — Хм. Симпатичным не назовёшь.

— Ну, это смотря на чей вкус. — Этьен пытался бодриться, но предательская дрожь в голосе выдавала его подлинные чувства, — Может, индианкам он казался красавцем!

— Возможно. Но сейчас — пошли-ка внутрь. Факелов у нас, — Майкл похлопал себя по рюкзаку, куда они сложили наиболее ровные и сухие ветки из запасов дров, — не больше, чем на пару часов!

Проход, ведущий внутрь, шириной тоже не баловал: только-только протиснуться. И то — не очень толстому человеку: Билл невольно подумал, что уж Мозес-то сюда точно не пролез бы! Майкл сказал:

— Нам повезло, что послушались вас, Билл. С лошадьми бы мы тут не прошли!

На это замечание никто ничего не ответил, но Этьен засопел сильнее, а Линда перестала ощупывать стены лаза, и пристроилась за спиной Майкла, идущего вторым. Этьен на этот раз замыкал их маленькую цепочку. Лаз разнообразием не баловал, и они продолжали протискиваться мимо закопченных стен, под закопчённым потолком, наверняка выдавших в своё время очень много таких факелов, как у них. Стены имели явно природное происхождение. Во-всяком случае, не было заметно, чтоб кто-то пытался расширить лаз, или хотя бы сколоть наиболее выступавшие и мешавшие проходу острые выступы.

Минут через пять, показавшимися Биллу вечностью, поскольку он постоянно ожидал какого-нибудь коварного нападения, или других сюрпризов, они действительно выбрались в пещеру. Весьма обширную. И пустую. Ну, если не считать огромного числа сталактитов, действительно напоминавших зубы какого-нибудь чудища. Однако сталактиты оказались не сосульками, как во сне Линды, то есть — не из воды, а из какого-то белого камня. Известняка, что ли? Билл сказал:

— Смотрите под ноги. Пол действительно очень неровный, и тут могут быть обрывы. Не упадите. И спотыкаться тоже не советую: вон, какие острые камни и выросты внизу. Ладонь распороть — как нечего делать!

На это предложение тоже никто не отреагировал, из чего Билл сделал вывод, что всем — не до его предупреждений. Потому что мысль о сокровищах сейчас поглотила полностью его спутников: вон, как вожделённо сопят. Они двинулись дальше — в конец пещеры, где имелось что-то вроде возвышения.

Однако когда добрались, очень осторожно переступая через камни, выступы и глубокие трещины, выяснилось, что это — всего-навсего возвышение пола. И — только начало путешествия. Вправо и вниз уходил высокий узкий тоннель, на стенах которого уже имелись следы доработки его какими-то не то кирками, не то — ломami. Впрочем, его потолок тоже оказался вполне закопчён — ходили тут, стало быть!

Билл, уже ничего не говоря, двинулся вниз: спуск был более пологим, чем подъём в том ущелье, по которому они только что...

Через ещё пять минут пришли в ещё одну пещеру. Тоже со сталактитами, уже сросшимися со сталагмитами, воздымавшимися из пола. Но в высоту и длину эта пещера казалась куда скромнее: всего-то шагов пятьдесят. Зато здесь у дальнего торца действительно имелось нечто вроде... Алтаря!

Почти квадратный камень, футов семи в длину, и шести — в ширину. Высотой по пояс. Его верхнюю площадку явно кто-то специально выравнивал: гладко. Словно отполировано. И, что самое пугающее, в четырёх углах оказались вмонтированы толстые, сейчас позеленевшие от времени, медные кольца: наверняка привязывать руки-ноги жертв!

Линда задышала часто-часто, схватившись за горло, и Билл даже подумал на мгновение, что сейчас женщина потеряет сознание, и надо бы её...

Но Этьен словно прочёл его мысли: подхватил Линду за талию одной рукой, другой закинув её руку себе на плечи. Женщина кивнула, пролепетав:

— Спасибо... Мне уже легче. Это просто...

— Страшно стало, что прямо как во сне?

— Д-да... Да, чтоб им всем пусто было. Но я не сдамся! И не убегу!

Билл, видя, что женщина взяла себя в руки, не торопясь прошёл к алтарю. Осветил его своим факелом, подняв тот повыше. Покачал головой:

— Нет здесь никаких потёков. Не нужно бояться. Впрочем, сокровищ пока тоже не видно. Может, мы куда-то не туда свернули?

— Так нету же здесь никаких ответвлений! — Майкл был явно рассержен, — Путь имеется — только один!

— Ну, тогда предлагаю разделиться, и всё здесь осмотреть. Получше. Может, ещё какой «секретный» проход найдём. Уж по части «прятать» тут работали мастера.

— Звучит разумно. Ладно, приступаем. Линда. Держитесь пока с Этьеном. Я — осматриваю пещеру справа. Этьен — слева. Вы, Билл — прямо. Вон ту. Торцевую стену.

Билл кивнул. Но едва отошёл от алтаря чуть дальше, действительно ближе к торцевой стене, покрытой натёками из каких-то зелёных и голубых, сочившихся когда-то, струй, обнаружил за выступом в полу искусно замаскированный люк. Деревянный.

Вернее, это раньше он был люком. Сверху присыпанным камнями и обломками: чтоб скрыть от посторонних, чужих, глаз. А сейчас доски сгнили, и квадратное каменное отверстие с бортиком, на котором раньше держалась крышка, было прекрасно видно. А сам люк, с маскировавшими его когда-то камнями и гравием, Билл обнаружил на глубине пяти-шести футов. И выглядел тот сильно искорёженным...

Засунув в квадратную дыру факел, и осмотрев, Билл обнаружил в нижней части одной из его стен узкий круглый лаз со ступенями, ведущий куда-то вниз — под алтарь. Лаз был — только-только пролезть одному человеку. Не толстому. Билл сказал:

— Майкл, Этьен. Идите сюда. Мне кажется, я кое-что нашёл.

Когда кузены подошли, только самый наивный человек посчитал бы выражение на их лицах радостным. Перспективы лезть в крысачью нору явно напрягали. Майкл проворчал:

— Словно в склеп какой лезть. — мужчина тяжело вздохнул, — Или в могилу. Но — надо! Этьен. Подержи мой факел, пока я...

Майкл сел на край лаза. Посмотрел, словно в последний раз, в глаза всем. Тяжко вздохнул. И спрыгнул на крышку.

Того, что случилось дальше, никто предвидеть не мог.

Крышка оказалась искусно замаскированной и подготовленной ловушкой!

И едва её коснулись ноги человека, подалась, и улетела вниз!

А следом за ней полетел и заоравший благим матом Майкл, тщетно пытавшийся руками и ногами затормозить своё падение!

Но ничего у него не выходило, потому что там, внизу, колодец сильно расширился, и сечение имел примерно десять на десять футов!

Та ещё шахта! И уж она-то — точно не «природного происхождения»!

И в ней секунд через семь-восемь затих дикий вопль Майкла, сменившись глухим ударом! Билл сплюнул. Этьен перекрестился. Визжавшая истошно во время падения Майкла Линда схватила Этьена за руку:

— Уйдём отсюда! Иначе мы все погибнем!

Но Этьен руку высвободил. Сглотнул:

— Нет. Мы закончим начатое! Но сначала... Достанем Майкла!

— У нас верёвки — всего сто футов. — Билл, забрав из рук Этьена факел Майкла, кинул его вниз. Считал вслух: «Раз, два, три... семь». — А здесь — футов триста, не меньше.

Факел, упавший наконец рядом с вывернутым под невероятным углом телом Майкла, вспыхнув на секунду яркой звёздочкой, и отразившись в выпученных мёртвых глазах разбившегося, погас. Но красная точка в неизмеримой дали, сказала им, что помочь своему спутнику они уже ничем не смогут...

Билл сказал:

— Все наши запасные факелы лежали в рюкзаке Майкла. А эти прогорят минут через десять. Предлагаю пока вернуться — в темноте мы здесь просто заблудимся!

6. «Упрямство — добродетель ослов!»

— Я... Руками и ногами — за! — обхватившую себя руками Линду трясло, почище, чем в лихорадке, и искоса глянувший на неё Этьен, скрипнул сжатыми зубами. Сжал побелевшие кулаки. Но вынужден был констатировать, что в данной ситуации они бессильны:

— Пожалуй мы и правда... Пока не сможем сделать ничего. — он выделил слово «пока» тоном, — Но зато мы можем вернуться сюда снова! Когда принесём ещё факелов, и... Пообедаем. Там, внизу, в тюках, осталось ещё достаточно дров. Можно что-то выбрать. Для новых факелов.

Билл не стал ничего говорить, вместо этого двинулся напрямик к выходу.

Линда за его спиной вдруг зашипела:

— Ай! Чёрт... Помедленней можно?! А то я же — и без света, и без обуви! Вот: наступила на острый обломок!

— Идёт кровь? — Билл поспешил развернуться, и осветить остатками своего факела присевшую наземь женщину. Та как раз осматривала свою подошву:

— Нет. К счастью, не до крови. Но всё равно — больно! Надо было у этих индейцев разжиться и мокасинами!

— А кто должен был подумать об этом и сказать?

— А у меня до этого не было проблем! Потому что я ехала верхом!

— А может, мы закончим препираться, и пойдём наконец? А то факелы и правда — прогорят.

— Но нога же — болит! Я теперь наверное буду хромать!

— Ладно. Я пойду помедленней. — Билл отметил, что «доработанное» им платье в таком варианте вообще ничего не скрывает, и движений не сковывает, а уж ножку Линда задирала так, чтоб всем было видно то, что у мужчин вызывает... Слюноотделение. (Пришлось сглотнуть.) И прочее вожделение (Пришлось поправить то, что имелось в штанах.), — Этьен. Прикроете тыл?

— Да. — похоже было, что «шоу» рассчитано было как раз на Этьена — чтоб тот отвлёкся от мыслей о брате. Вроде, это сработало. Поскольку больше никто из них ничего не сказал, пока они не выбрались по узкому проходу-тоннелю в большую пещеру.

Билл, хмуря брови, выругался, теперь уже вслух:

— Чтоб мне сдохнуть! (Тьфу-тьфу!) По-идее, мы должны сейчас были повернуть налево! Ведь выход — там! А тут — что-то не то! Пещера-то... опускается *вправо*! А слева вообще нет прохода! Что за дела?!

Действительно, та пещера, куда они попали, казалась зеркальным отражением той, что имелаась у входа: направо уходил опускавшийся пол, и там, в сотне шагов, имелось узкое отверстие выхода. Чёрное. Поскольку по нему не доходил свет солнца: узкий извилистый лаз не пропускал прямых лучей.

Этьен почесал затылок:

— Что за чёрт! Ведь Билл прав, я отлично всё помню: нам — налево!

Линда снова обхватила себя руками, словно ей было холодно. И страшно. Впрочем, скорее всего и то и другое, поскольку охрипший голос дрожал:

— Это — ловушка! Нас пытаются обмануть! И заставить идти туда, где они нас!..

— Ну, с тем, что это — ловушка, и мираж, я, пожалуй, соглашусь...
— Билл отдал Линде факел: тот тоже дрожал в руке женщины, но свет давал.

Билл подошёл к стене слева, и принялся методично ощупывать её руками, сверху донизу, похлопывая и шурша ладонями по камням. Вдруг его правая рука словно провалилась куда-то: прямо сквозь казавшийся незыблемым камень!

— Вот же чёрт! Здесь — пустота! Похоже, тот самый выход! А по виду — непроходимая скала! Ну и дела! Какой... совершенный обман зрения! Иллюзия, почище, чем у ярмарочных фокусников!

— Перестаньте поминать чёрта. А то, не дай Бог, накликаете! Беду.

— Так, похоже, что уже! — Этьен перехватил свой гаснущий факел, и снова чертыхнулся, кивнув за спину, — Вон: Майкл! Кто бы мог подумать?! Какое коварство!..

— Пойдёмте-ка скорее, пока свет ещё есть. — Билл засунул голову «сквозь» камень на том месте, куда исчезала, провалившись в «скалу» его рука, и вернул её обратно, — Всё в порядке! Я увидел снова ту, первую, пещеру. Она не изменилась. Вроде.

Билл забрал свой факел у Линды. Шагнул сквозь стену. Сжав зубы, и взявшись за руки Линда и Этьен прошли за ним сквозь неощутимую, но казавшуюся до этого незыблемой преграду. Все трое оказались действительно в первой пещере, на вид ничуть не изменившейся. Билл оглянулся. Хмыкнул. Злости в тоне не скрывал:

— Вот же... э-э... сволочи! А *отсюда* проход-тоннель видно отлично! Зато не видно той, зеркальной, пещеры!

— И правда... Но пошли быстрее. А то у меня огонь уже почти у пальцев.

— Да, Этьен. Идёмте. Линда, тебе пол видно?

— Видно.

Билл двинулся вперёд, поминутно пробуя пол подошвой: он помнил, что где-то тут есть двухфутровая бездонная (Ну, или показавшаяся таковой при первой встрече!) трещина, но почему-то не видел её. Спрятали, гады, под очередной иллюзией?!

Но вот трещина и нащупалась! Он просто перескочил через неё:

— Осторожней! Чёр... э-э... Проклятую трещину тоже — спрятали!

Этьен и Линда, так не отпуская рук друг друга, перепрыгнули. Билл покачал головой: если у хозяев этой пещеры такие богатые возможности по «маскировке», почему они просто сразу не спрятали вход в пещеру?!

Ну, или вход в трещину, приведшую их к этому входу...

Сквозь лаз пришлось протискиваться уже в полной темноте: факел Билла, пошипев, и поплевавшись водой, оказавшейся в заднем торце, погас. У Этьена он погас ещё в пещере. Линда сопела, и вздыхала, но ничего не говорила. Мужчины тоже помалкивали, если не считать междометий, когда кто-нибудь напарывался какой-нибудь частью тела на очередной скалистый выступ.

Но вот впереди, божественной искоркой, забрезжил тусклый отсвет дневного света!

Билл вздохнул:

— Ф-фу-у... Слава Богу!

— Что там, Билл?

— Свет, Линда, свет! Тусклый, но явно — дневной. Вы что — не видите?

— Дневной свет? Нет. Я иду словно сквозь черную ночь! Наощупь!

— Странно. Потому что я, вроде, тоже вижу отсвет. Серый такой. Вон он: впереди!

— Э-э, неважно! Двигайтесь быстрее! Может, у меня какая куриная слепота снова открылась, как в детстве! Главное — выбраться из чёртовой пещеры наружу!

— Ну и кто теперь чертыхается?

Этьена ответом не удостоили. Зато — Билл заметил! — уж посмотрели! Якобы «невидящим» взором!

Снаружи ничего не изменилось: всё так же бежали по небу серые тучи, и проглядывал иногда клочок голубого неба — прямо над их головами. Лицо индейца над входом словно изменило выражение: из сурового превратилось словно в издевающееся... Линда поморгала, потерла глаза руками. Сощурилась, задрала голову:

— Гос-споди! Какое счастье! Я — снова вижу!

— А вы действительно ничего не видели там, в тоннеле?

— Нет, Этьен. Говорю же: всё вокруг было черно, как в заднице у негра, и я шла только наощупь! Ну, и на слух. Мне было слышно, как Билл сопит и протискивается... Но вот сейчас... У меня словно пелена с глаз упала!

— Вот-вот. Об этом я и хотел поговорить. — Билл был мрачен и сосредоточен, — Как мне кажется, те, кто здесь обитал, ну, или обитает, если духов предков этих Хроака считать за обитателей, очень даже запросто могут морочить нам голову! Миражами и видениями. Ведь в первой пещере, мы все видели, когда вошли, не было никакого другого

пути, кроме как направо! А когда выходили — нам показали совсем другой путь! Который потом снова исчез! И, готов поставить свой кольт против зубочистки: если б мы туда пошли, обратно, наружу, уже не выбрались бы никогда!.. Нас бы... Запутали!

— Пожалуй, соглашусь. — Этьен, словно не веря своему счастью, оглядывался вокруг: явно радовался и небу, пусть и небезоблачному, и твёрдой тропе под ногами, и даже узким стенам ущелья, — Мы только что прошли сквозь «скалу». И довольно спокойно. Но! Только потому, что Билл до этого прощупал там всё рукой! И голову «наружу» высунул. И понял, что все эти маскирующие настоящий выход скалы — только обманка! Мираж! А как подло они спрятали эту трещину в полу! Если б не память нашего проводника — так и лежали бы мы сейчас на её дне!..

— Похоже, эти гады могут ставить свои обманки в любом месте этой пещеры. И получается, мы никогда не узнаем, как *на самом деле* выглядят все эти сволочные пещеры. И сколько там на самом деле ответвлений и проходов. И залов. И ловушек!

— Ну, не знаю... — Этьен хмурился, — Вот если бы у нас была, скажем, святая вода... Или распятие...

— Ха! — Билл с иронией глянул на молодого человека, — Вы что же, всерьёз полагаете, Этьен, что христианские символы смогут как-то изменить древние *индейские* заклатья? Или аннулировать их колдовство?! Они же — язычники! Они верили в своих божков, духов предков, и идолов ещё до того, как сюда ступила нога первого белого человека! И плевать хотели на чуждую веру. А в том, что *их* заклатья — действуют, мы с вами, по-моему, убедились!

— Н-да, это уж точно. Не вижу смысла отрицать очевидное. Но что же нам теперь делать?

— Как — что? — Билл пожал плечами, — По мне, так всё ясно. Не найдём мы здесь никаких сокровищ. А если и найдём — так и они будут обманкой! А если и не будут — так не дадут нам их вынести. И сгинем мы тут, в чёртовой дыре, ни за понюшку табаку! Как сгнуло уже неизвестно сколько народу. Возможно, нашедших этот проход ещё тогда, пятнадцать-двадцать лет назад! Я лично слышал о девяти пропавших без вести кладоискателях... Ну, тех, кого знал лично. А сколько их пропало на самом деле — никто не знает!

Собственно, я уже сказал, что лично мне никаких этих проклятых сокровищ и не надо. Так что я сейчас возвращаюсь к лошадям. Беру свою, двух из вьючных, и...

Отчаливаю! Поскольку свой долг проводника к обозначенному месту на карте я честно выполнил! Вот только жаль, что карта пропала вместе с Майклом. Хотя что-то можно было бы оставить себе на память! Или... Лучше не надо. Не дай Бог, найдут дети или внуки — наверняка ведь тоже... Захотят съездить. Поисковать.

Так что я — еду.

— Погодите, Билл! — Этьен теперь нервно кусал губы, и хмурился, — Но вы же не можете нас вот так — бросить!

— Это почему же, интересно?

— Ну... Обычная порядочность... И сочувствие. К женщине. И обязательства перед компаньонами! И...

— Что? *Порядочность*?! — Билл перебил Этьена, — И это говорите *вы*?! Не знаю, что вы там себе вообразили, Этьен, но ведь я слышал ваш разговор! Когда вы с братом думали, что я сплю.

— Какой ещё разговор?!

— Тот самый, вчерашний! Когда Майкл спрашивал, не пора ли уже наконец дать нам с Линдой порцию чёртова цианида на завтрак, а вы сказали, что лучше вначале подождать, когда я действительно найду вам вход в пещеру! И убедиться, что это — именно то, что надо! И шёл впереди, чтоб, если что — попасть в ловушки!

А цианид не портится — его прекрасно можно дать и завтра.

Этьен густо покраснел, что лишний раз доказывало, что профессиональный игрок в покер из него — никакой. Может, поэтому кузены и решились оставить это рискованное занятие. Правда, лишь для того, чтоб ввязаться в ещё более рискованное.

Линда, поглядев на Этьена, сжала кулачки. Засопела. Отодвинулась от мужчины. Затем вдруг в голос разрыдалась, кинувшись к Биллу на грудь:

— Увези меня отсюда! Скорее! Не хочу больше его видеть! А я-то, дура, его уже!.. Всей душой! А они с братом — нас!.. С самого начала всё спланировали!

— Линда... — кусающий губы Этьен тем не менее нашёл в себе силы и мужество подойти ближе, и говорить, обращаясь пусть и к спине женщины, но внятно и чётко, — Всё это — правда. Да, мы с братом планировали убить проводника... И вас — поскольку мы тогда принимали вас за... досадную помеху! Свидетеля. И деньги хотели поделить.

Но так было только вначале! А сейчас я ни за что не согласился бы убить вас! Ведь я уже тоже...

Люблю вас!

Билл запросто поверил в это, поскольку бледное лицо, пот на лбу и прикушенные губы однозначно говорили, что мужчина не лжёт.

Линда оторвала заплаканное лицо от груди Билла. Повернулась к Этьену:

— Это — правда?

— Да. Да, чтоб мне сдохнуть! Со мной *такое* — в первый раз!

Линда отвалилась от груди Билла, и взяла вновь покрасневшего и явно чувствовавшего себя не в своей тарелке Этьена за руку:

— А я-то думала, что мне это только кажется. Что я тешу себя иллюзиями! Да оно и понятно: падшая одинокая женщина, проститутка — ну как полюбить такую!..

— Сам удивлён. Но вы не поверите: когда вас стеганули плетью по... Ну, словом, когда вас ударил тот индеец, я думал, что сейчас умру! Так мне сжало сердце — словно стальной ледяной рукой! И какое наслаждение было потом: когда я всадил в этого мерзавца пулю! А я вообще-то не кровожаден. Когда мне было семь, и при мне соседские мальчишки повесили кота, я три дня плакал...

Вот тогда-то, испытав дикую радость, и счастье, когда этот краснокожий упал мордой в траву, я и понял... Что пропал навсегда!

— Это замечательно. Как говорится, совет да любовь! — Билл решил вернуть двух снова взявшихся за руки и глядящих друг другу в глаза болванов на грешную землю, — Рад, что вы поняли друг друга. Но раз уж вы, Этьен, нашли своё «настоящее» сокровище, может, вы не станете рисковать его жизнью? Да и своей заодно? И мы спокойно и мирно двинемся... Домой?

А вернее — в Луизиану. Потому что уж кто-кто, а Мозэс ни за что не поверит, что мы нашли чёртову пещеру, а вернулись... пустые!

1.

— Дорогая, мы — как? Плюнем на чёртов клад, и попробуем начать новую жизнь?

— Хороший план. Ну, Луизиана, так Луизиана!

Спуск, как ни странно, занял буквально десять минут. (Билл снова подумал, что по части морочить головы, местным духам равных нет!)

Билл, растрожившая лошадей, и поглядывая, как воркуют, обнявшись, двое влюблённых, посмеивался в усы: он готов был поспорить на, вот именно, свой верный кольт против дохлой крысы, что сюда, в ущелье, к сокровищам, эти двое ещё вернуться!

Ну а вот он — ни за что!

2.

— Дорогая. — Этьен хмурился, и кусал губы, — Думаю, ты меня поймёшь. И простишь. Я тебя ни к чему не призываю, но сам я... Должен вернуться! И хотя бы попытаться найти этот клад. Хотя бы в память о Майкле!

— Не забывай: мы теперь — вместе! И если ты считаешь, что мы должны попробовать, я — за!

Ведь со смертью твоего брата, по-сути, ничего не изменилось! Нам нужно начинать новую жизнь. Пути назад нет. И Луизиана в этом плане ничуть не хуже любого другого места... Но! Начинать новую жизнь с некоторым количеством наличности в карманах куда сподручней!

— Чудесно, дорогая! Тогда Билл. Как вы смотрите на то, чтоб мы спустились вниз, честно поделили оставшиеся продукты и лошадей. И вы — отбыли в Луизиану. А мы...

Попробовали ещё раз, с новыми факелами, и твёрдой уверенностью, что, если что — выход *нащупаем*, добраться до этого золота!

Билл, подумав в очередной раз, что золотом-то, похоже, здесь и не пахнет, пожал плечами:

— Бог вам в помощь! Но лично я — пас! Можете считать меня... Струсившим!

— Вас, Билл в трусости заподозрил бы только совсем уж кретин! Так что давайте спустаться, всё делить.

И прощаться.

Спуск, как ни странно, занял буквально десять минут. (Билл снова подумал, что по части морочить головы, местным духам равных нет!)

Пожитки и припасы они честно поделили. Билл забрал двух понравившихся ему вьючных лошадей. Правда, прощание вышло смазанным: все ощущали неловкость.

Уже сидя на своём коне Билл «напутствовал» влюблённых:

— Мы имели, а вам снова предстоит — иметь дело с потусторонними силами.

И только, вот именно, идиот, может ломиться к таким в гости, не подумав об отступлении, и не подготовив его пути... И ничего постыдного не будет, если вы передумаете, и решите плюнуть на эти чёртовы сокровища!

— Мы... — Этьен и Линда, державшиеся за руки, переглянулись, — Не передумаем!

— Ну, тогда прощайте. — Билл повернул своего коня, и направил его вверх по ущелью. Вьючные лошади плелись сзади в поводу.

Назад Билл не оглянулся ни разу.

3.

— Дорогая. — Этьен хмурился, и кусал губы, — Думаю, ты меня поймёшь. И простишь. Я тебя ни к чему не призываю, но сам я... Должен вернуться! И хотя бы попытаться найти этот клад. Хотя бы в память о Майкле!

— Не забывай: мы теперь — вместе! И если ты считаешь, что мы должны попробовать, я — за!

Ведь со смертью твоего брата, по-сути, ничего не изменилось! Нам нужно начинать новую жизнь. Пути назад нет. И Луизиана в этом плане ничуть не хуже любого другого места... Но! Начинать новую жизнь с некоторым количеством наличности в карманах куда сподручней!

— Чудесно, дорогая! Тогда Билл. Как вы смотрите на то, чтоб мы спустились вниз, честно поделили оставшиеся продукты и лошадей. И вы — отбыли в Луизиану. А мы...

Попробовали ещё раз, с новыми факелами, и твёрдой уверенностью, что, если что — выход *нащупаем*, добраться до этого золота!

Билл, подумав в очередной раз, что золотом-то, похоже, здесь и не пахнет, пожал плечами:

— Бог вам в помощь! Но лично я — пас! Можете считать меня... Струсившим!

— Вас, Билл в трусости заподозрил бы только совсем уж кретин! Так что давайте спускаться, всё делить.

И прощаться.

Спуск, как ни странно, занял буквально десять минут. (Билл снова подумал, что по части морочить головы, местным духам равных нет!)

Пожитки и припасы они честно поделили. Билл забрал двух понравившихся ему вьючных лошадей. Правда, прощание вышло смазанным: все ощущали неловкость.

Уже сидя на своём коне Билл «напутствовал» влюблённых:

— Мы имели, а вам предстоит — иметь дело с потусторонними силами. И только, вот именно, идиот, может ломиться к таким в гости, не подумав об отступлении, и не подготовив его пути... И ничего постыдного не будет, если вы передумаете, и решите плюнуть на эти чёртовы сокровища!

— Мы... — Этьен и Линда, державшиеся за руки, переглянулись, — Не передумаем!

— Ну, тогда прощайте. — Билл повернул своего коня, и направил его вверх по ущелью. Вьючные лошади плелись сзади в поводу.

Оглянувшись через пару минут, Билл увидал, что влюблённые, забыв про его отъезд, всюду роются по тюкам: очевидно, в поисках дров, которые сошли бы за факелы.

Билл покачал головой: идиоты. И ведь это не любовь сделала их такими.

А клад! Этот сволочной, уже сведший с ума десятки и сотни людей, клад!

Линда и Этьен словно подпали под тот странный гипноз, то очарование, которым обладает для слабовольного человека золото! И даже — легенды о нём... И если Билл с самого начала не слишком-то хотел обладать этим кладом, поскольку отлично осознавал, что жить ему осталось немного, то Этьен и Линда молоды! И здоровы. И думают, что впереди у них — вся жизнь! Ну а поскольку они понимают, что с деньгами жизнь станет куда приятней, естественно, они будут стремиться заполучить эти чёртовы сокровища. Попытавшись обмануть тех, кто охраняет это место.

А он...

Получается, бросает двух влюблённых идиотов на произвол судьбы! А вернее — на растерзание этим чёртовым духам! Обмануть которых так же реально, как угадать в рулетку десять цифр подряд!

Этьен где-то прав. Это — не по-товарищески. Хотя...

Какие они — товарищи?

То, что они перестреляли восемь наёмных убийц и две дюжины краснокожих, вовсе не делает их товарищами. Товарищ — это нечто большее. А они — просто... Деловые партнёры! И сейчас он свою часть сделки выполнил. Выполнил честно.

Билл криво усмехнулся: кого он пытается обмануть?!

Если он уедет, наплевав на судьбы этих молодых и наивных балбесов, они наверняка погибнут! И смерть их будет, пусть и недолго, до его смерти, но — на его совести!

Когда он снова вернулся к стреноженным лошадям, прошло не больше часа.

Однако ни Этьена ни Линды видно рядом уже не было. Из чего Билл сделал вывод, что они даже не пообедали, как было намеревались. А ведь он тоже не поел!

Поэтому засунув в карман побольше солонины из тюка Мозэсовских наёмников, и захватив ещё несколько кривых сухих палок, которые при

случае могли бы послужить факелами, он двинулся по ущелью с гравием вверх. Чтоб не терять времени, он решил есть на ходу. И действительно, жевал, запивая скуными глотками из фляги, которую успел наполнить из ручейка.

На подъём ушло примерно столько же, сколько в первый раз: почти час. Но Билл уже был готов к такому: развлекаются духи, да и пусть их...

У входа Билл обнаружил нечто новое: за один из скальных выступов оказался привязан конец тонкой бечёвки. А молодец Этьен! Подстраховка тут не помешает...

Однако и сам Билл кое-что придумал по дороге. Сняв с пояса флягу, он открутил колпачок. Дева Мария? Нет. Тут... Нужно что-то посolidней. Самое, так сказать, сильное... Встав на колени, он склонился над флягой:

— Отче наш. Иже еси на небеси...

Когда молитва была прочитана три раза, Билл встал. Смело отпил глоток побольше. Ну вот. Эффект есть! Он заметил, как сразу изменилось выражение на высеченном над входом в чёрный лаз лице! Снова — равнодушно-презрительное. Ну, или это освещение изменилось от вновь набежавшей тучи...

Остатки костерка, от которого Этьен и Линда запалили свои факелы, ещё тлели. Билл раздул, подбросив несколько тонких веточек. Запалил свой факел — кривой, но толстый. И шагнул внутрь.

Узкий проход не изменился ни на грош. Зато теперь, со светом, он мог снова не трескаться лбом о чёртовы выступы.

Билл ещё возвращаясь подумал, что их могли оставить и специально — чтоб спасающийся поспешным бегством неудачливый, или насмерть перепуганный кладоискатель трескался лбом с разбегу, и — уж так, чтоб больше не встать!

Первая пещера, куда привела бечёвка, тоже, вроде, не изменилась. Следов двух влюблённых Билл однако нигде не видел. А чего бы он хотел? Чтоб те, словно Гензель и Гретель, оставляли ему хлебные крошки? Так вот же она: бечёвка...

7. Проклятье сокровища Хроака

Бездонная двухфутовая трещина тоже оказалась на месте: та ещё ловушка.

Протискиваться в узкий лаз, ведущий к маленькой пещерке, Билл начал уже с двумя факелами: первый начал подозрительно шипеть, и

рассыпать искры, словно собирался погаснуть. Билл запалил второй сразу, и теперь чувствовал себя идиотом: первый, закончив вдруг трещать, снова загорелся ровно.

Но вот он и внутри пещеры.

А ничего и в ней не изменилось. Никого нет. Но бечева кончается здесь.

Билл прошёл к «алтарю». Нет, никакой Линды, распятой на нём, не было. Как и подвешенного головой вниз и истекающего кровью Этьена. Тьфу ты — привидится же...

Однако когда зашёл за алтарь, обнаружил привязанную к мощному сталагмиту, сросшемуся со сталактитом в ту ещё колонну, верёвку. Их верёвку. И вёл её конец, ясное дело, в ловушку, поймавшую Майкла. Билл посветил в шахту.

Хм-м... Красная точка ещё светится — не иначе, как Этьен проверял, на месте ли брат. Ну а Биллу проверять смысла нет: куда может уйти покойник? А никаких других ходов из шахты, ведших бы наверх, Билл не видел ещё в первый раз...

Факелы пришлось переложить в одну руку. После чего Билл не без труда — рана в ноге ещё откликалась острой болью! — спустился по верёвке к лазу. Протиснулся.

Да что же это такое!

Вперёд, под алтарь, и вниз уходил очередной крутой коридор, с закопчёнными стенами и потолком. Ходили тут, значит. Ну вот и ему придётся... Идти.

Спуск по лазу, к концу несколько расширившемуся, занял минут пять. И вот Билл — в пещере, словно зеркальной копии маленькой верхней, с алтарём. И алтарь в ней тоже имеется. Точно такой же.

И уж к этому-то Линда привязана!

А над ней, с поистине дьявольским выражением на бело-сером лице, стоит...

Майкл!

И не просто стоит, а собирается вонзить в сердце женщины корявый и большой нож из обсидиана! Вот уж эту штуку трудно с чем-то спутать! Чёрное зловещее грубо вытесанное лезвие ножа отсвечивает неровными гранями в свете факелов, воткнутых в трещины в стенах пещеры. Не иначе, Линда и Этьен воткнули их туда.

Понимая, что не успеет помешать начавшей движение вниз руке чудом ожившего — вернее, оживлённого какой-то зловещей силой! — покойника, Билл делает единственно возможное в такой ситуации: от-

брасывает факел, выхватывает верный кольт. И стреляет Майклу в голову!

Пуля оставляет огромную чёрную дыру в центре лба.

Однако кровь оттуда не идёт. Да и сам Майкл, как ни странно, не падает — а только чуть отодвигается назад, очевидно, отброшенный силой отдачи! Ну правильно: с чего бы падать и умирать тому, кто мёртв уже несколько часов?!.. Зато от Линды труп отодвинулся. Но не прошло и секунды, как зомби снова пытается подойти к женщине!

Билл чертыхается про себя, и спешит подойти, стреляя на ходу: похоже, несмотря ни на дырки от пуль, ни на то, что он давно мёртв и все кости изломаны, Майкл всё же хочет вонзить женщине в грудь свой тесак!

Видимо, Майкл себе уже не принадлежит!

Когда закончились патроны в первом кольце, Билл переходит ко второму, стремясь выбить чёртовому зомби глаза, и перебить позвоночник в шее. Это удаётся, но проклятый мертвец ни за что не желает падать на пол, и умирать окончательно. Даже с неестественно вывернутой шеей и пустыми воронками глазниц Майкл упрямо замахивается ножом на распятое тело!

Не придумав ничего лучше, Билл засовывает и второй израсходованный револьвер в кобуру, и достаёт флягу со своей «освящённой» водой. Плескает прямо в мертвеца, к которому к этому времени подошёл почти вплотную.

Мертвец шипит: совсем как Линда, когда напоролась на камень подошвой. Однако, пусть и видно, что ему больно, но на действиях трупа это никак не сказывается: нож снова поднят во взмахе! Билл в отчаянии пинает упрямого мертвеца в центр груди.

Вот теперь труп падает на спину.

Наконец голос подаёт и Линда, до этого только рыдавшая, подвывавшая, моргавшая и прерывисто дышавшая:

— Расчлени его! Отрежь руки и ноги! Тогда он не сможет двигаться!

Билл, подозревая, что женщина, со свойственным ей коварством, уже смогла тут что-то выяснить, или хотя бы — обдумать, кивает: решение кажется разумным! Насколько бы не были сильны ниточки, управляющие этой марионеткой, если перерубить эти ниточки, управление закончится! А если ниточек не видно, нужно просто... Удалить, отсечь конечности, которыми управляют зловещие невидимые кукловоды!

Подойдя к пытающемуся встать труп, которому сделать это явно сильно мешают уже переломанные ноги, Билл переворачивает Майкла на живот. Опускается рядом. Коленом придавливает спину трупа — вжимая в камень пола. Достает свой большой нож. Так. Вначале — рубаху. Потом — кожу. И вот теперь — мышцы и сухожилия плечевого сустава...

Тело под ним трепыхается, понятное дело. Но силы и резкости живого человека в нём, конечно, нет. Как нет и крови. Била мутит, челюсти сводит, но чудовищным усилием воли он удерживает позы: вначале дело — потом «удовольствия»!

Когда Билл закончил наконец омерзительную операцию, обе руки зомби оказались надёжно отпилены и отделены от торса. Но на всякий случай Билл отпиливает и голову. Хотя даже с перестрелянным позвоночным столбом с ней приходится повозиться.

Когда отбросил в дальний угол голову и руки Майкла, сдерживаться больше не смог: всё, что скушал по пути сюда, вывалил тут же, рядом с оставшимся лежать неподвижно, телом.

Когда Билла перестало выворачивать, и он смог отдышаться, наконец встал.

— Какое счастье, что ты всё же вернулся! — похоже, рыдавшей до этого, и захлёбывавшейся слезами Линде удалось наконец взять себя в руки. (У Билла мелькнула мысль: а Линда ли это?! Или ему показывают очередную обманку?! Быстро отхлебнув из фляги, он с удовлетворением отмечает, что ни в пещере, ни в женщине ничего не изменилось!)

— Где Этьен? — вытерев нож об одежду трупа, Билл подходит. Пока перерезает своим ножом толстые верёвки на кистях и лодыжках женщины, та стонет и подвывает. Но теперь, кажется от радости, что отделалась лёгким испугом... И, похоже, зря он спросил.

Потому что рыданиями Линда раздражается с новой силой.

— Так где он?

— Он... Его... Его унесли!

— Уж не «чёрные» ли люди?

— Да! Они самые! Здоровые такие... Настоящие гиганты!

— Негры, что ли?

— Нет! Нет. Даже близко не похожи. У тех кудрявые волосы и сплюснутые носы. А у этих... Волосы прямые, длинные. Носы нормальные, как у нас. Европейцев. А вот головы... Такие... вытянутые! Затылок — словно выступает. Назад. Сильно! Кажется, черепа вдвое длиннее, чем их ширина!

— Понятно. — Биллу ничего не понятно, но он, закончив перерезать верёвки, принимается за насущные нужды: срочно перезаряжает свои верные револьверы, — Если они материальны, и — живые, думаю, пули-то их... Угмонят!

— Может быть... Но я бы не стала спорить на это! Билл! Вы попытаетесь спасти Этьена? Может, ещё не поздно?

— А когда они его забрали?

— Ну... Где-то минут десять назад!

— А почему вы тогда оказались до сих пор живы?

— Я... Я отвлекала Майкла. Мольбами. И вопросами.

— Типа того, как это он до сих пор может двигаться?

— Да!

— И — как?

— Он не ответил. — глаза Линды казались огромными, — Да, собственно, он ни на один мой вопрос не ответил! Но слушал их. И только скалился. И смеялся: «Кхе-кхе-кхе!», — Билл подумал, что всё верно: кто бы ни дёргал за ниточки, управлявшие только что марионеткой по имени Майкл, ему наверняка забавно и интересно было послушать вопросы и мольбы белой женщины, — Так страшно!.. Но, может, мы пойдём?

— И куда? — Билл, даже после очередного глотка из фляги не видел, куда можно пойти в пещере, оканчивавшейся явным тупиком.

— Туда! — Линда неопределённо махнула рукой, — Его уволокли туда!

Билл пожал плечами. Туда — так туда!

«Там» обнаружился очередной искусно замаскированный узкий проход-лаз.

Билл дал женщине хлебнуть из своей фляги. Буркнул: «Я... э-э... ослышал её, как сумел!» После чего отдал один из факелов Линде, от своего догоравшего запалил новый. И с ним в руке устремился сквозь новый необработанный лаз в темноту.

Идти на этот раз долго не пришлось: уже через минуту они выбрались в очередную пещеру. Совсем маленькую. Если сравнить с предыдущими, конечно: а так — почти с главный зал салуна Мозэса. И здесь действительно имелся скальный жёлоб, с большим уклоном уходивший куда-то вглубь скалы, в чёрное отверстие с руку диаметром. А над жёлобом висел, головой вниз, нагой Этьен. С перерезанным горлом. Глаза мужчины были закрыты, но Билл сразу понял, что они опоздали: никто не выживет с такой раной...

Но не на него в первую очередь обратил внимание Билл.

А на странных существ, толпой окружавших мужчину, висевшего под потолком!

Действительно чёрные, словно тот же нож из обсидиана, что был в руке Майкла, высоченные, здоровенные: случись сойтись в рукопашной, у Билла не было бы ни единого шанса! На форму черепов Билл обратил внимание лишь после того, как всадил в каждую чёрную тварь по пуле из верных кольтов: действительно, вытянутые.

Существ оказалось пять. И когда они не проявили видимого желания грохнуться наземь от полученных в грудь пуль, Биллу пришлось стрелять как раз в головы.

Существа, до этого недвижно стоявшие вокруг истекающего кровью человека, теперь соизволили оторваться от созерцания, и даже опустить и повернуть головы к Биллу.

После чего неторопливо двинулись к неожиданному «спасителю».

Билл сунул опустевший револьвер Линде, снабдив её и горстью патронов, которые достал из кармана:

— Перезаряди!

А молодец у них Линда. Не стала нудить, что не умеет, или что ей страшно, а принялась сосредоточенно и споро перезаряжать. Билл в это время стрелял из оставшегося: всаживал пули в тех монстров, что подходили особенно близко! Монстры чуть отдёргивались назад — явно от отдачи, в точности как тело Майкла, но умирать вовсе не собирались! Из чего Билл сделал вывод, что и они — уже не живые.

А — мёртвые. Зомби! Пленники неизвестного заклятья, тоже захваченные духами этой проклятой пещеры! Может быть, даже тоже — с поломанными конечностями, или расколовшимися черепами: вон: у одного словно мозги грязно-жёлтого цвета торчат сквозь трещину в макушке черепа! Жуть!!!

— Готово!

Билл схватил заряженный, сунул женщине опустевший:

— Теперь — его!

Пули он теперь выпускал только в глаза, но похоже было, что мертвецы и без зрения отлично знают, где их искать! Зато хоть не увидят, что он собирается сделать.

Заметив в углу одежду и пояс Этьена, Билл кинулся к ним. Выхватил огромное мачете, которое Этьен имел привычку таскать при себе.

Подскочив сзади к твари, подбравшейся к перезаряжавшей Линде особенно близко, Билл что было сил рубанул монстра под коленкой!

Нога, конечно, не перерубилась полностью, но тварь грохнулась наземь! Значит, всё верно он рассчитал: какие-никакие, а сухожилия и мышцы у монстров тоже есть!

Билл поспешил повторить столь успешную операцию ещё четыре раза!

Теперь чёрные люди могли только ползти. Что они и делали, упрямо продвигаясь к женщине! Билл почесал в затылке. Линда заорала:

— Чего ты там чешешь?! Сделай же что-нибудь!

— Что, интересно?! Может, посоветуешь?! Как можно драться с трупами?!

— Ха! Майкла же ты «угговорил»! Отвязаться!

— Хм-м... Пожалуй. Только вот странные они какие-то. Уж больно здоровые. Таким головы не отрубишь. Ну хоть руки и ноги.

То, что потом происходило дальше, Билл заставил себя воспринимать, как страшный сон. Иначе у него никогда не хватило бы духа сделать то, что нужно было сделать.

Он действительно рубил суставы: и под коленями, и в локтях, и в плечах.

К счастью, анатомия существ оказалась схожей с человеческой практически во всём, и спустя какое-то — весьма продолжительное! — время Билл уложил-таки всех «ползунов» на пол. Заставив замереть в неподвижности... Хорошо хоть, рвать уже было нечем: его опустошённый желудок только что не стучал о рёбра. А уж как вопил его мозг!..

— Слава Богу! Наконец-то! Может, мы теперь сможем снять его?..

— Надеюсь. Помешать, вроде, некому. Только вот...

— Что?

— Посмотри, какой он белёсый весь. Даже с синевой. Кровь-то наверняка вытекла вся. А без крови, как известно, не живут. И он тоже... того!

Может на нас полезть!

— Ты думаешь?! — они и сами не заметили, как перешли на «ты».

— Конечно. Я так думаю, что здесь, в этих пещерах и катакомбах обитают некие... Действительно — очень древние духи. Даже не индейцев, что сейчас живут там, на поверхности. А, вот именно, этих самых Хроака. И они были ну очень могущественными колдунами. И все, кто умерли здесь, в этих местах, под их, так сказать, юрисдикцией, оказываются в их власти. Навсегда! Превращаясь вот в таких, — Билл указал окровавленным мачете, — зомби! И ты же видишь: действует не только на людей!

Линду передёрнуло:

— Как это?!

— А вот так. Только совсем уж наивный человек может принять этих уродов — за людей. За обитателей нашей планеты. Они точно — чужаки! Но и на них подействовало! И захватило навсегда в плен! Думаю, Этьена мы снимем, конечно...

Только вот связать бы его не помешало! Если, конечно, ты не хочешь, чтоб я и ему поотрубал!..

— Н-нет... — Линду опять передёрнуло, — Но у нас нечем его связать!

— Как это — нечем? Он же висит на верёвке!

— А-а, точно. Ну что? Попробуем?

— Ну давай. — Билл пожал плечами, — А чего нам терять?

Даже связанный по рукам и ногам, словно цыплёнок на базаре, Этьен вращал глазами, клацал зубами, и порывался прикончить их: хоть голыми и ослабшими руками.

Из чего Билл сделал однозначный вывод, что мертвее мёртвого их компаньон.

— Этьен! Да Этьен же! Очнись! Умоляю тебя! — Линда, снова рыдая, теребила мужчину за плечи, и даже дала несколько пощёчин. Правда, без заметного успеха: в рыбьих тусклых глазах не мелькнуло ни тени узнавания, или осознания происходящего.

Билл подошёл. Присел рядом. Решил попробовать с другого конца:

— Этьен. Если не будешь отвечать, мы и тебе отрубим руки. И ноги. И сбросим в шахту. И тогда ты не сможешь служить своим новым Хозяевам!

Как ни странно, это помогло. При слове «хозяева» мужчина замер, повернув голову к Биллу.

— Смотри-ка! А он — понимает!

— Нет. Он уже не понимает ничего. Он — труп. Это понимают и реагируют, его, вот именно, Хозяева. И мы сейчас имеем уникальную возможность... Пообщаться! С Духами.

Не боишься?

— Ха! — Линда вскинулась, зубы явственно выбивали чечётку, — Боюсь, конечно! А куда деваться? Как ещё мы можем узнать, как вернуть обратно к жизни моего любимого?!

— Вы слышали вопрос, уважаемые. Как нам вернуть Этьена к жизни?

Скрипучий, хриплый, как у давешнего индейца из сна, голос, ответил. Причём рот Этьена даже не пошевелился. Голос шёл словно с полтка пещеры:

— Никак. Он уже — ушёл в наш Мир.

— Понятно, спасибо за честный ответ. А где эти самые... Сокровища? Можем мы на них хотя бы... Поглядеть?

— Можете. А если не будете прикасаться к ним, сможете даже выйти наружу, и продолжить... Жить.

— Ты согласна? Посмотреть на них при этом условии?

— Конечно! Должны же мы знать, за что погибли братья?

— Ведите!

— Встань. Иди прямо. Теперь поверни налево. Теперь... — Билл послушно выполнял указания, игнорируя тот факт, что иногда ему приходилось буквально лбом прошибать «стены» — несуществующую обманку, и перепрыгивать через большие трещины. Линда молча следовала за ним, стараясь поднимать свой факел повыше.

Через пять минут они, преодолев ещё две пещеры, правда, крохотных, и два извилистых коридора-тоннеля, оказались в небольшой камере. В дальнем углу которой...

Действительно лежали сокровища!

Билл покачал головой: можно было и так догадаться! Да, собственно, он и догадался. Ещё до того, как они добрались до пещеры.

Несколько почерневших от времени столбов-идолов, прислонённых к стене. С вырезанными сурово-равнодушными, как у давешнего каменного изваяния, лицами и намеченными контурами рук-ног. Несколько головных уборов с перьями — правда, очень пышных, и с перьями таких птиц, которых Билл и не видал никогда. Щиты. Копья. Томогавки. Луки со стрелами — очевидно, всё это принадлежало когда-то именистым и легендарным Вождям...

Билл вздохнул. И на всякий случай отхлебнул ещё воды.

Ничего не изменилось. Линда спросила, обращаясь к потолку:

— А золота, ну, там, в самородках, или монетах, или хотя бы драгоценных камней у вас нет?

— Нет. — голос не стал вдаваться в подробности, но Билл и сам догадывался, что у древнего народа вряд ли могла быть *реальная* потребность в таких эквивалентах денежных единиц... Натуральный обмен! Например, шкуру оленя — на обсидиановый наконечник копья. Или лук. Который сделал профессионал: какой-нибудь старик, уже не

могущий охотиться... А могущий сидеть в стойбище, и заниматься ремеслом.

Билла взяли за руку. Он отметил, что ладонь Линды мокра от пота и холодна, как ледышка. Билл, подняв голову к потолку, сказал:

— Благодарим. За то, что показали. И — оставили в живых. Брать мы ничего не будем.

— Тогда — уходите. Пока сомнения не проникли в ваши души. Те, чёрные, когда вначале их пришло двое, тоже обещали ничего не брать. Но затем взяли. Как они сказали — для их музея. Но нам всё равно: прикасаться или забирать священные реликвии предков не должен никто!

А позже за ними пришли ещё трое.

Их судьба вам известна.

— Да! — Линду снова передёрнуло, — С-спасибо. Мы... Пойдём, Билл?

— Да. — Билл не видел смысла задерживаться дольше. Тем более, что факела осталось всего два. А им ещё из шахты выбраться...

Оказавшись снаружи, и не без удивления поняв, что уже закат, Билл смог вздохнуть свободней, и выругаться всласть. Линда не протестовала: похоже, сама испытывала нечто подобное...

Они начали спускаться по знакомой тропе.

— Может, надо было всё же развязать Этьена? — Линда хмурилась.

— Нет. Зачем нам лишние проблемы? Не волнуйся: через примерно день он просто перетрёт свои верёвки о какой-нибудь острый камень, и освободится. К этому времени я хотел бы оказаться подальше отсюда!

— Я тоже.

8. «Хэппи» энд

Возле лошадей Билл почувствовал себя куда спокойней и свободней. И даже смог не без иронии вспомнить то, что с ними сегодня произошло:

— Чтоб мне лопнуть, если я хоть кому-то заикнусь о том, что со мной было.

— Я тоже. И стыдно, и страшно. И всё равно: как-то... Глупо всё это! Да и всё равно — никто не поверит! Что каких-то тухлых идолов и старые перья кто-то так надёжно и упорно охраняет! И столько народа из-за них погибло! Да и мы сами чуть было не...

А сейчас давай-ка поужинаем. Да ляжем спать.

Однако выспаться Биллу не удалось: едва он начал погружаться в пучину сновидений, к нему под бок, а затем и на грудь забрались две удивительно мягкие и приятные тёплые выпуклости, над которыми обнаружилась головка Линды:

— Не могу заснуть! Может, сможешь помочь? Ну, как тогда, когда ты меня... Снял?

Билл не увидел смысла отказывать даме.

Да и зачем?!

Он и сам не прочь был забыться хоть на краткий миг!

«Краткий» миг растянулся. Угомонилась Линда лишь под утро. И Билл смог провалиться в чёрную зыбучую пучину не то, что сна, а — забытья...

Устал он очень от всей этой «экспедиции».

Утром выяснилось, что солнце уже встало, а Линда уже развела костерок, и даже подогрела на сковородке остатки лепёшек:

— Я смочила их водой, и теперь они должны быть мягкими и тёплыми!

Билл благодарно кивнул, отхлебнув вначале из своей «обработанной» фляги — его одолевала жажда после «бурной» ночи.

Однако у воды оказался весьма странный привкус.

Правда, распробовал он это слишком поздно! Когда сознание уже поплыло, мышцы свело судорогой, а в ушах — зазвенело! Вздохнуть оказалось невозможно, и он грохнулся обратно на свой спальный мешок!

Линда, подойдя, внимательно посмотрела ему в глаза. Кивнула:

— Ты правильно подумал. Я нашла цианид. Который братья приготовили для нас. Вернее — для тебя. Они же думали, что проводник будет один. Так что, как видишь, от судьбы не уйдёшь. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет!

Сознание Билла, как ни странно, ещё воспринимало её слова. А вот тело служить уже отказалось. По глазам поняв, что он ещё не умер, Линда сказала:

— Ты уж прости, что я с тобой — так. Деловой партнёр из тебя — как из гнилой палки крюк! Уж слишком горд. И независим. И вообще — ты слишком стар для меня! А мне очень хочется замуж! Но если я хочу, и правда, начинать новую жизнь где-то вдали от Толстого Мозеса, мне первичный капитал очень даже нужен. А это заплесневелое древне-индейское старье не продашь!

А вот наших коней, да ваши колыты, да и прочее барахлишко, я продам запросто! В любом штате! В любой лавке! А как продам — меня с деньгами фиг выследишь!

Так что прости, Билл, но придётся вам всем полежать, тебе — тут, остальным — в пещерах, нагишом, и без верных револьверов!

Билл ещё чуял, как с него стягивают рубаху... А штаны-то и сапоги с него стянули ещё ночью.

Затем глаза перестали видеть, но какое-то время он ещё слышал. Как Линда, так и не позавтракав, начала связывать в караван их лошадей. А затем и растреноживать их.

А вот того, как женщина двинулась вверх по маленькому ущелью, он уже не слышал. Как ничего уже и не осознавал и не думал. Как не слышал и хлопанья крыльев над собой.

Когда спустившиеся из казавшейся неизмеримой дали стервятники принялись рвать куски из его застывшего нагого тела, он был мертвее камней, окружавших его...

РОМАН

Александр Зубенко

Краматорск, Донецкая обл.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

«Странная вещь: в тумане каждый блуждает в одиночестве. Ни одно дерево не знает своего соседа, каждое само по себе».

(Г. Гессе)

Моей жене и дочери посвящается

Предисловие

История генетики, как науки о наследственности, насчитывает немногим более ста лет. Хотя научные исследования иногда замирали на годы, если не на десятилетия, тем не менее, они снова возобновлялись. В 1866 году австрийский монах-августинец Грегор Мендель опубликовал

ликовал работы о своих опытах с некоторыми сортами фасоли и гороха. Он скрещивал эти сорта и обнаружил при этом удивительную закономерность в наследовании их генов. Новый импульс для исследований возник в 1940 году, когда выяснилось, что клетки передают через ДНК биологическую информацию. И тогда люди поняли: жизнь — это информация, а всякая информация, которая наследуется, передаётся от клетки к клетке.

Но информация бывает различной, а зачастую и неподвластной человеческому мышлению. И тогда ни логика, ни здравый смысл не способны разъяснить самому себе и окружающим, что же на самом деле скрывается за этим, не всегда понятным термином.

Об этом и пойдёт речь в данной книге.

Мы с вами в купе пассажирского экспресса. Время вечер. История началась.

Следуйте за мной.

Глава 1. Загадочный попутчик

Понедельник, 18:00 (по реальному земному времени).

За окном медленно и неуклонно, минуя полустанки, проплывала однотонная местность — кустарники, равнины, иногда высохшие пруды с одинокими утками. Я безразлично смотрел на заброшенный пейзаж, всё было уныло, знакомо, не радостно. Моросил дождь. Сосед по купе сменил очередного вышедшего пассажира, а я всё ехал, почти сутки, люди менялись, а я всё смотрел в окно. На столике остатки ужина, недочитанная книга о пропавшей экспедиции на Байкале. Сосед попался молчаливый. Почти старик. Седые волосы, на редкость густые, были аккуратно зачёсаны, морщинистое лицо слегка иссохло за давностью лет, а глаза у него показались мне бездонными как пропасть. Он поминутно сморкался в платок, и когда время подошло к вечеру, внезапно заговорил тихим глухим голосом.

Рассказ его был таков...

— Не будем называть друг другу имён — они не столь важны. Мы просто попутчики, волею судьбы, оказавшиеся на одной колее жизненного пути. Я выйду, вы сойдёте — так и разбежимся, каждый своей дорогой. Но прежде, хочу рассказать вам свою историю. Она забавна и, думаю, будет вам весьма интересна.

Он тогда, очевидно, не принимал к расчёту, устраивает ли он меня как попутчик со своим, как он выразился, забавным рассказом? Надо полагать, я согласился, поскольку он продолжил далее:

— Это случилось в один, далеко не прекрасный день, когда я решил покончить с собой, — начал он, но заметив мои удивлённо поднятые брови, поспешил добавить. — Впрочем, прежде стоит упомянуть пару слов о себе, чтобы ввести вас в курс дела. Я баловень судьбы. В армии не служил, окончил институт, и в числе таких же выпускников был выставлен из родных стен альма-матер на улицу с сомнительным образованием и полной неспособностью к дальнейшей жизни. Баловнем судьбы я стал позже, а по окончании института, совершенно не знал, куда мне податься. Я был молодой, неопытный и, как оказалось, абсолютно невезучий. Мне не везло везде. Грязь, тоска, безнадёжность. Вокруг меня все знакомые выезжали за границу или устраивались в сомнительные афёры — на дворе стояли «лихие девяностые» и это было в порядке вещей. Родители сгнули в пропавшей на Байкале экспедиции, когда мне не было ещё и пяти, а воспитала меня тётушка, сестра отца, которая, в свою очередь, умерла от рака. Ни знакомых, ни друзей, ни каких-либо подходящих идей в голове. Жил одним днём. Побирался, как мог. Работал грузчиком на железнодорожной станции, таскал мешки с цементом, копал канализации. Не важно, где я странствовал, как добывал средства на жизнь. Жил скверно. Одно время даже подворовывал. Девушки не было, присмотреть было некому. Начал пить. Помню, однажды утром, в один из безрадостных дней, проснувшись и побрившись, я швырнул бритву в умывальник. Время моё настало, понял я. Всё! Не хочу, не желаю так дальше. Хватит!

Вышел на улицу, добрался до ломбарда, сдал в него единственное кольцо — подарок мамы — купил бутылку водки, бутерброд, и упился к чертям собачьим, совершенно не осознавая, каким образом оказался на высоком, заброшенном мосту, возвышавшимся в отдалённом квартале унылого города. Видимо, меня кто-то обчистил, карманы были пусты, вот тут-то я и решился. Всё безнадёжно. Уйду. Покину этот мир, не могу больше прозябать, когда даже крошки хлеба иной нет, чтобы утолить голод. Кругом рэкет, драки, махинации — не моё. Не таким я себя видел в жизни.

Забравшись на парапет, я уже хотел шагнуть в бездонную пропасть, как вдруг меня что-то остановило. Клочок бумаги, летающий в порывах ветра. Не знаю, какое на меня нашло тогда наитие, может голос с небес, может внутреннее подсознание, но я подхватил этот обрывок газетного листа и безразлично развернул. Прыгнуть всегда успею.

Ощущение было непонятное. Меня будто тянуло к этому огрызку бумаги, влекло, магнитило всеми фибрами своей усталой души.

Развернул. В голове ещё парили выхлопы алкоголя. В глаза бросилась наполовину оторванная заметка о каком-то опыте, проводимом неким профессором, пожелавшим остаться неизвестным. Ему нужен был одинокий, без родственников доброволец, без претензий к конечному результату эксперимента. Суть опыта не раскрывалась, лишь частично упоминалось о неких мозговых волнах нейронных связей и воздействия их на человека. Что-то о генетике, строении ДНК и молекулярной физике. Я слабо понимал в тот момент, о чём идёт речь в объявлении, в голове, помню, засела только сумма вознаграждения, причём весьма для меня внушительная. Смысл заключался в том, что доброволец, в любом случае, положительном или отрицательном, получает гонорар, оговорённый при заключении соглашения. У меня глаза на лоб полезли. Прыгать в бездну теперь не имело смысла. Сумма была такой, что я сразу мог поправить все свои дела, выкупить кольцо, и начать новую, с самого начала, жизнь. В конце заметки был приписан телефон и, спрятав обрывок газеты в карман, я отправился к своему сменщику, с которым мы вместе разгружали когда-то вагоны. Выпросив у него мобильный телефон, я набрал номер и...

Незнакомец внезапно умолк.

В тот момент я мог бы поклясться, что уже видел когда-то этого старца. Но когда и где? Сейчас это было от меня так же далеко, как Иегова на небесах. Он наблюдал за мной, я же наблюдал за сверчком, притаившимся между рамами вагонного окна. Его упоминания о тётушке, погибших родителях, институте...

Всё было настолько знакомо, настолько близко мне и родственно, словно происходило со мной в прошлой жизни. Меня так же воспитала сестра моего отца, который с мамой исчез бесследно в таёжных массах Байкала, я так же оканчивал институт, а позже в моей судьбе случился какой-то непонятный пробел в памяти, о котором я не вспоминал, боясь обратиться к психиатру. Что это? Банальное совпадение, или за этим последует что-то большее, неотвратимое от меня, странное и непонятное, которого я совсем не желал слышать?

Собеседник вздохнул, очередной раз высморкался и уставился на проплывающий мимо однотонный пейзаж. По-прежнему моросило, окно было залито потоками воды. Принесли чай. У меня оставались с собой бутерброды. Я предложил, он отказался. Поезд гремял и едва катился к следующей станции.

Незнакомец продолжил.

— Дело в том, что я не обратил тогда внимания на постскрипtum внизу, набранный, как обычно, мелким шрифтом. Это была приписка, разорванная, как оказалось, на самом важном месте. В ней, как я позже узнал, оповещалось, что если доброволец после эксперимента начнёт обладать некоторыми необыкновенными способностями, он обязан держать тайну эксперимента в себе, вплоть до окончания опыта. В противном случае, если информация о генетических изысканиях станет известна обществу, доброволец начисто лишался гонорара. (Вот в тот момент я и удивился первый раз, однако не придавал этому значения). В голове засела только сумма вознаграждения, а остальное отбрасывалось на задний план в моих рассуждениях. Чем я рисковал? Если посудить, что я недавно хотел лишиться себя жизни, то, согласитесь, было бы смешно отказаться от такой удачи поправить свой личный бюджет, начав новую счастливую жизнь.

Позвонив загадочному профессору, я тут же был подвергнут всестороннему допросу, одинок ли я, есть ли у меня близкие родственники, и, собственно, по какой причине я согласился на это эксперимент? Услышав о моих жизненных затруднениях, собеседник на том конце пригласил меня на первичное собеседование, и уже утром следующего дня я предстал перед профессором в его собственной квартире, оборудованной под научную лабораторию. Он, как и я, был одинок. Причины я не спрашивал — мне совершенно не интересен был в тот момент образ его жизни.

Напротив меня в кресле сидел кислый, суховатый старик, очевидно, страдающий несварением желудка. Суть эксперимента я вам рассказывать не буду, поскольку и сам до сих пор не понимаю всей подоплеку свершившегося со мной после проведения опыта. Много всего научного, химического и биологического, на уровне молекулярной физики, отчего голова моя в тот момент шла кругом.

Я оказался на кушетке, окутанный какими-то проводами, присосками, зондами и прочим медицинским оборудованием. И лишь проваливаясь в небытие, заметил про себя нагромождение всяческих колб, реторт, чашек Петри, микроскопов...

Дальше была пустота.

А когда пришёл в себя, обнаружил, что нахожусь всё под тем же мостом, с которого недавно готов был сигануть в пропасть. Как и при каких обстоятельствах под ним оказался, я не имел ни малейшего понятия, хотя помнил и об эксперименте, и о профессоре, и о сумме воз-

награждения, которую он мне должен был выплатить после того, как я приду в себя.

Не буду сейчас рассказывать, как я возвращался к его дому, совершенно сбитый с толку моим загадочным появлением у моста, упомяну лишь, что речь о выплате отпала сама собой, когда я увидел, во что превратилась его замысловатая лаборатория. Флигель, в котором она находилась, был напрочь снесён пожаром, а само тело профессора обнаружили пожарники, когда прибыли на место трагедии. Обгорелый начисто труп был доставлен в морг, и что случилось с останками профессора впоследствии, я не узнал. Простившись мысленно с этим, в общем-то, незнакомым мне человеком, я, не солоно хлебавший, отправился восвояси, размышляя о непонятном отшибе своей памяти, каким образом я оказался у моста, избежав печальной участи своего старшего компаньона по опытам. Вполне резонно, думал я, что во время эксперимента произошёл какой-то сбой, может, сработало замыкание, вспыхнули растворы в колбах, взорвался эфир или ещё что — этого я не знал. Как не знал и того, почему профессору не хватило времени спастись, превратившись в пылающий факел, от которого позже остались одни обуглившиеся кости.

Я вернулся в свою коморку, упал без чувств, и провалялся в постели двое суток, совершенно потеряв счёт времени.

На этом заканчивается первая фаза моего рассказа. Отныне, с того памятного дня после проведения эксперимента, я вступил во вторую фазу своего, теперь уже, нового существования.

Старик умолк. Поезд продолжал катить в сумрачных тенях за окном, от которых стало как-то неуютно на душе. Мне вдруг на миг показалось, что передо мной сейчас сидит сухощавый, согбенный старец, хранящий в себе ключи от вечной тайны мироздания, вся жизнь которого сосредоточилась в глубоких и бездонных глазах. В них читалась сама мудрость, накопленная веками предыдущих поколений. В этот миг он был непостижим для меня, как горные вершины на Луне.

Тени за окном пропали, видение исчезло.

— А потом наступила вторая фаза моей жизни после эксперимента, — произнёс он загадочно. — Вот как это произошло...

— Впервые я заметил в себе перемену несколько дней спустя, когда решил развеяться от той апатии, что меня посетила после того, как я утерял возможность получить заслуженное вознаграждение. Прежде, в подобных случаях безысходности меня всегда спасала рыбалка. Уеди-

нившись в камышах у берега озера, что находилось за чертой города, я мог часами сидеть над удочкой, совершенно не интересуясь поклёвкой, зато углубляясь в свои невесёлые мысли, когда тебе никто не мешает кроме лягушек, цапель и безобидных ужей на болоте. Делать было нечего, прыгать с моста уже не хотелось и, выйдя рано утром третьего дня к остановке автобуса, я решил весь день провести у озера. Удочки были со мной, термос и бутерброды припасены заранее, погода стояла ясная, а настроение было не в меру пассивное. Что будет, то будет, решил я. Пусть течение жизни несёт меня куда угодно, лишь бы абстрагироваться от всего этого окружающего мира, стать невидимым для всех, не существующим, не живущим рядом. Таковы были мои печальные мысли, когда я поднялся по ступеньке автобуса. Молодая пара с ребенком впереди меня сразу заняли места за перегородкой водителя, а пожилые супруги уселись напротив. Я пробрался в самый конец и расположился на задних поперечных сиденьях: ехать долго, можно и полежать.

Кроме нас в салоне больше никого не было.

Автобус подсказывал на ухабах; за окном в серой предрассветной дымке проскакивали загородные посёлки, дачные участки, огороды, сады и кукурузные поля, уже убранные. Приятная истома разлилась по всему телу, и под тихое укачивание я сонными глазами провожал за окном проплывающие мимо тёмные силуэты деревьев. Сам не заметил, как начал клевать носом в безмятежной полудрёме.

Тут-то и произошло то первое событие, заставившее меня впоследствии изменить все взгляды на мою прежнюю жизнь.

Странное было ощущение. Непонятное. Блики отсветов на сиденьях; подпрыгивающие на ухабах тени моих попутчиков, сидящих впереди. Казалось, они тоже уснули, положив головы друг другу на плечи. И только свет впереди от фар, бегущий по пунктирной полосе дороги, и только силуэт склонившегося над рулём водителя в зеленоватом ореоле светящихся лампочек, и только зыбкие тени по углам салона. Я зевнул. Вот и первая остановка.

Было пять часов утра.

Тёмный комбинат в предрассветных сумерках уходил своими трубами далеко в поля и растворялся в клубящемся над землёй тумане, оставляя напоказ только свой мрачный фасад с центральным входом — как раз напротив моего окошка. Что-то необычное показалось мне в этом громоздком сооружении из стекла и бетона. Над козырьком проходных турникетов висел красный широкий, во всю длину, транспарант с лозунгом: «ВПЕРЁД К ПОБЕДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ТОВА-

РИЩИ!». Сбоку от входа, закрывая собой весь первый и второй этаж, располагалось огромное парусиновое полотно с изображением Леонида Ильича Брежнева при всех его регалиях. На ближайшей исполинской трубе, терявшейся в вышине тумана, яркой краской сверху вниз были выведены слова: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ КПСС!», а на самой крыше трёхэтажного комбината размещались светящиеся в темноте буквы: «ТЕКСТИЛЬНЫЙ ЦЕХ — УДАРНИК КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА».

И орден Ленина рядом.

Тут же, возле проходных, на аллейке стоял газетный киоск «Союз-печать», на крыше которого рдел в порывах несильного ветра красный флаг с серпом и молотом в верхнем левом углу. Чуть сбоку, почти впритык к киоску, стоял железный крашенный стенд, под стеклом которого угадывались приклеенные развёрнутые листы газет «Правда», «Известия», «Труд» и ещё какие-то.

Чудно, подумал я. Акция, что ли у них какая, посвящённая временам Советского Союза?

И не успел удивиться, как в салон вошли двое. Двери тут же закрылись, автобус тронулся.

Вошедшие, очевидно, были из ночной смены, уже переодевшиеся из робы в гражданскую одежду. Нормальные работяги, как мне показались, едущие домой...

Если бы не одно но.

Одеты они были — как бы это по точнее выразиться — как раз в стиле восьмидесятых годов, что ли. У одного «петушок» вязаный на голове, другой держал спортивную сумку с надписью «Аэрофлот» — такую когда-то носил мой отец, и у обоих в руках были коробки конфет с нарисованным на крышках олимпийским мишкой, под которым красовался логотип Олимпиады — 80 с пятью переплетёнными кольцами внизу. Оба уселись позади стариков, молча, тихо, без эмоций и разговоров.

Помню, как я тогда пожал плечами: на кой бес мне это надо? Может, у людей корпоратив какой...

Странно всё это было.

Пора бы уже чуток светать. Но нет. Снова тени за окном, снова впереди бегущий свет фар. Тихая качка, скрип шин, и полный, всепоглощающий покой. Не заметил, как снова задремал. Следующая остановка где-то минут через сорок.

...Проснувшись от шипения открывающихся дверей, я протёр глаза и уставился в окно. Всё так же сумрачно и туманно. Здесь должен быть старый железнодорожный вокзал, который за давностью лет закрыли и

перенесли ближе к центру города, но технически он ещё функционировал, принимая тепловозы, дрезины и мелкие платформы, гружённые углём, мазутом и прочим материалом. Вокзал должен быть...

Но его не было.

Вместо него стояла срубленная из дерева сторожка с двумя окнами без занавесок, покосившимся крыльцом и опущенным рядом шлагбаумом. К перилам крыльца была привязана лошадь, запряжённая в телегу, словно пёс на привязи. У ступенек валялось ржавое ведро, а чуть поодаль виднелся колодец с намотанной на барабан цепью, и совсем уже не к месту — старый допотопный семафор времён тридцатых годов прошлого века, который сейчас работал, указывая путь какому-то неведомому транспорту.

Паровозу? — подумал я.

А что: телега, колодец, семафор — как раз паровоз будет к месту.

Я снова протёр глаза, с сомнением ущипнул себя выше локтя, и усталился на входящих.

Зашли две женщины. Но это ещё полвопроса. Вторая половина вопроса состояла в том, что вошедшие были... крестьянками. В платках, передниках, в деревенских одеждах и с лукошками в руках — точно как в фильме «Кубанские казаки» или «Свинарка и пастух». Молчаливо прошли по салону и так же молча уселись позади молодой семьи. Автобус тронулся, и последнее что я успел заметить, это внушительный бюст Сталина, промелькнувший за окном, весь уложенный цветами, стоящий посреди искусственной лужайки сразу за сторожкой. Вскоре и он исчез за поворотом, слышно было только далёкое прощальное ржание лошадей.

В пору было удивиться.

Впрочем, может я не так всё разглядел, может не так воспринял, может вообще придумал себе чёрт знает что в зыбких сумерках. Ну, подумаешь телега. Ну, крестьянки, семафор и Сталин... Конечно, в наше время, рядом с городом это как-то необычно. Однако создают же люди какие-то закрытые секты, коммуны, поселения; я даже слышал, что у нас где-то есть «Братство Кольца» по произведениям Толкина. Там живут в хижинах, ходят с мечами и носят средневековую одежду. Отчего здесь нельзя? И тотчас ответил самому себе: коммуны — коммунами, а вокзал где?

Пожал плечами и зевнул. Следующая остановка через час.

...Мне показалось, что кто-то трясёт меня за плечо. От сладкой дремы едва разлепил очи и всмотрелся в сумрак салона. Автобус последний раз качнулся и остановился. Все спят. Чёрт! Когда же утро?

Двери с шипением раскрылись. Интересно, почему все только входят, но никто не выходит?

Вошли. Один за другим. Босоногий чумазый мальчишка, весь в грязных лохмотьях, держащий в руках маленького ягнёнка, который жалобно блеял, норовя вырваться, а за ним, видимо, его отец, бородастый, в какой-то хламиде, подпоясанный кушаком, и в старых лаптях поверх онучей. Сразу уселись поодаль и животинка затихла.

Двери. Шипение. Толчок. Медленно тронулись.

Вот тут я уже возмутился до предела. Бросил взгляд в окно и увидел удаляющуюся прочь золочёную карету времён императрицы Анны Иоановны с её гербом на дверцах. Сзади на подмостках два лакея в ливреях, впереди кучер, стегаящий восьмёрку лошадей в цуге. И над всем этим, в небе, ошеломляющий фейерверк с радужной иллюминацией, сверкающий, словно блёстки россыпей алмазов. Карета укатывала в сумрак, и с двух её сторон скакали кавалергарды в пышных камзолах.

Тут я вконец ошалел.

Хватит! Я понимаю ещё киоск «Союзпечати» и плакат Брежнева на фасаде комбината. Пусть будет бюст Сталина, лошадь, телега, крестьянки с лукошками — может, община какая-то. Но упряжка с каретой начала восемнадцатого века — это уж слишком! Попробовал про себя вспомнить расшифровку ДНК, Шкалу Кардашёва или битву Суворова при Рымнике. Получилось: следовательно, с логикой всё в порядке. Тогда что? Как понять эти временные отрезки прежних исторических эпох? Утро не наступает. В салоне едва заметные тени, молчаливые и весьма жутковатые в тишине. Автобус, чем дальше, тем глубже уходит в исторические пласты времени. Вначале восьмидесятые года, затем тридцатые, только что промелькнул восемнадцатый век. Что будет на следующей остановке? Иван Грозный? Или сразу Крещение Руси? Так и до распятия Христа недалеко добраться, подумал я с изумлением. И почему, к чертям собачьим, до сих пор не настаёт утро?

Обомлевшим взглядом я посмотрел в окно. Где-то далеко на горизонте начинал различаться едва заметный рассвет, и меня вдруг потянуло к нему всеми фибрами моей души. В голове стало легко, мысли уносились сквозь сознание куда-то в nirvanу — к морю, пальмам и пескам на пляже. Блаженная истома обволокла моё восприятие окружающей действительности. Я уже не просто ехал в этом автобусе: я превратился в самую его сущность, я стал общим звеном с теми, кто сейчас в нём находился. Автобус нёсся по дороге закрытым запечатанным коконом, отгороженный от реального мира какой-то невидимой энергетической оболочкой, внутри которой существовало своё собственное, от-

личающееся от реальности, пространство. Так ведёт себя капля растительного масла, попавшая в кипяток — свернувшись в шарик и никого не пускающая в свой внутренний микромир.

Я находился сейчас в этой «капле».

Пребывая и далее в таком состоянии, я уже издали слышал шипение открывающихся дверей, вслед за которым в салон хлынули отдалённые звуки гремящих барабанов, ритуальных завываний и мерных причитаний танцующих в трансе шаманов. Запах древних кострищ повис в спёртом воздухе салона: дышать стало трудно, и я постепенно стал проваливаться в небытие. Последнее, что я увидел, это далёкий сумрачный свет за окном, и в нём, всё в том же тумане, огромную мохнатую тень с закрученными вверх гигантскими бивнями.

Вот и всё... — пронеслось у меня в мозгу. — Мамонтов заказывали? Что последует после?

...А после этого была пустота.

Неподготовленное сознание отказалось воспринимать какую-либо информацию.

Муха села на моё лицо, но я уже не чувствовал её. Я был не здесь. Я пребывал в четвёртом измерении. Через секунду двери захлопнулись, и машина, набирая скорость, понеслась вперёд, сквозь время, сквозь пространство...

В никуда.

Собеседник внимательно посмотрел мне в глаза, убеждаясь, что я ловлю каждое его слово. Незаметно для себя, я совершенно бессознательно проникся этой завораживающей историей, ни разу не перебив его на протяжении рассказа. За окном поезда было темно, как в его повествовании. Что будет дальше?

И я уже не удивился, когда он ответил, будто прочёл мои мысли.

— А дальше я пришёл в себя уже на берегу озера. Помню, что вокруг квакали лягушки, вспархивали кулики и цапли, а я всё сидел и думал:

Что же сотворил со мною этот чёртов профессор?

С этого момента, надо полагать, началась следующая фаза моего загадочного и непонятного существования в этой жизни.

— Возможно, вам покажется слегка абсурдным то, что я пытаюсь рассказать первому попавшемуся незнакомцу в вашем, в данном случае, лице. Однако не спешите с выводами. Вы уже несколько раз подумывали, а не столкнула ли вас судьба с неким умалишённым типом,

подсевшим в купе к попутчику, чтобы излить свою усталую душу, верно? Не удивляйтесь, друг мой. Вам вскоре станет понятен мой порыв, поделиться с вами сокровенным, и тем, что произошло со мной после удавшегося генетического эксперимента. А то, что вы восприняли как ответ на ваш мысленный вопрос, то здесь нет ничего удивительного. Дело в том, что я имею способность... читать ваши мысли.

Наступила немая пауза, в течение которой я не смог вымолвить ни слова.

— Однако давайте всё по порядку. Я буду излагать вам факты по мере их накопления, постепенно и методично, как в художественном произведении, и уже к середине моего рассказа вы поймёте, что всё это чистая правда, подкреплённая научными изысканиями в области микробиологии, физики, анатомии и генетических мутаций. Тот факт, что я способен читать мысли любого собеседника, которому имею возможность смотреть в глаза, есть только одна из моих способностей, которыми я стал обладать после окончания эксперимента. Не спрашивайте меня, каким образом это происходит, я не смогу вам ответить, поскольку и сам абсолютно не имею понятия, хотя и пробовал разобраться с этими, свалившимися на мою голову феноменами, все свои последние сознательные годы. К примеру, я не знаю, каким образом, глядя собеседнику в глаза, у меня в голове совершенно чётко материализуются его мысли, что даёт мне возможность легко и быстро проследить то, о чём он думает в данный момент. Однако стоит ему, или в данном случае, вам, отвернуться, прервав зрительный контакт, как я тут же теряю его мысли где-то в пустоте. Возобновляется зрительный контакт — возобновляются и мысли собеседника у меня в голове. Я их попросту слышу! Повторю: что сделал с моим организмом этот чудакватый профессор, которого я знал всего день, я не ведаю. Знаю только, что он сам поплатился жизнью, а, стало быть, тут не может быть никакой авантюры или шарлатанства. Генетическое изменение, внесённое в мой организм посредством загадочного эксперимента, начисто лишило меня прежних чувств и способностей, полностью заменив их совершенно новыми, порою, сверхъестественными, и необъяснимыми никакой наукой. После того случая в автобусе, где меня носило по каким-то отдалённым историческим эпохам, я ещё не вполне понимал, что именно со мной происходит. Осознание того, что я после опытов стал не вполне обыкновенным человеком, а точнее, полностью необыкновенным, не вписывающимся в размеренный ход жизни, пришло ко мне позже, после того, как со мной произошёл следующий по счёту неординарный случай.

Дело было так.

Однажды, помнится, я решил сменить свою квартирку, которую снимал последнее время, на более подходящее для меня уединённое местопребывание, к тому же и платить за съём было нечем. Решив вернуться в родительский домик, находившийся у чёрта на куличках в какой-то заброшенной деревне, я полагал, что там меня никто не будет тревожить. Родители покинули меня ещё в детстве, как я уже упоминал, при весьма трагических обстоятельствах, так что, я оставался единственным наследником, и с юридической стороны тут не возникало никаких проблем. Собирая вещи в один прекрасный день, я решил заодно и побриться, поскольку имел уже внушительную бороду, не выходя на улицу несколько дней после того испуга, который испытал в непонятном автобусе, уносившего меня в прошлые столетия.

Вещи были собраны, я проследовал в ванную и принялся бриться. Вот ту-то, мой друг, это и произошло.

Собеседник как-то загадочно посмотрел, а я всё продолжал заморожено сидеть и слушать необыкновенную историю под перестук колёс и сгустившуюся темноту за окном вагона. Подняв вверх палец, он изрёк, казалось, откуда-то издалека:

— Дело в том, что зеркало, понимаете ли... ожило.

Нависла гнетущая тишина. Все мистические загадки мира, казалось, обрушились гигантской лавиной на меня. Упомяни он о чертях, бесах или ведьмах, я не так оторопело воспринял бы его заявление.

Но «ожившее» зеркало...

— Да-да, — читая мои беспорядочные мысли, ответил он. — Я раздвоился. Взяв с полочки станок, я вышел из зеркала.

Видя мой ошарашенный взгляд, незнакомец пояснил:

— Точнее, не я вышел, а моё отображение. Второй я. Дубликат. Зеркальный двойник — как хотите это называйте. Отражение сочувственно покивало мне, лукаво осклабилось в улыбке и отправилось переодеваться. Я как пригвождённый в оторопи остался на месте, а мой зеркальный двойник пересёк порог ванной, удаляясь в комнату, где на диване валялись разбросанные у чемодана вещи. Двойник наклонился — всё это я видел в зеркале, а не наяву — и принялся перебирать футболки с джинсами. Казалось, он, только что, материализовавшись ниоткуда, стал жить собственной, независимой от меня жизнью. Так, очевидно, смотрит на себя в экране актёр, снявшийся в художественном фильме. Всё было как в тумане. Отвернувшись от зеркала и войдя в комнату, я, разумеется, никого там не обнаружил, если бы, не одно но. Ошалелым взглядом уставившись на диван, я отметил, что все вещи

аккуратно рассортированы по стопкам. До сих пор не помню, как я очутился на улице, бросаясь с перепуганным лицом в безлюдные переулки подальше от дома. Как провёл вечер, я тоже не помню. С тех пор и пошло. Где бы я ни встречал своё отражение, оно всегда жило в зеркале своей собственной жизнью. Двойник опережал меня на шаг-другой в любых моих действиях. В любом зеркале — в магазине, библиотеке, общественном туалете, в метро, на вокзале — везде, где бы мне ни попадались зеркала, мой второй дубликат, моя вторая сущность, двигалась впереди меня на несколько секунд вперёд. Понимаете? Только затем, спустя секунду-другую, я сам повторял уже произошедшие движения. Стоило мне, к примеру, начать причёсываться перед зеркалом, как мой двойник в нём, уже причесавшись, подмигивая, уходил куда-то в сторону, за границу стекла, а потом и я уже следовал за ним, словно Алиса в Зазеркалье — разве что сюжет иной.

Со временем, впрочем, я даже как-то привык, что ли...

Подозреваю, что в тот период я был сам не свой и по мне плакал психический диспансер. Дошло до того, что, возвращаясь домой (я так и не переехал в те дни), у меня было неутолимое желание беседовать с двойником по несколько часов, делясь прошедшими событиями, что я, собственно, и делал. Он как бы жил вне меня. Съезжая всё больше с катушек, я постепенно опускался на дно социальной прослойки человеческого общества. Я дошёл до того, что не ложился спать, пока не пожелаю своему двойнику спокойной ночи. Своими генетическими опытами профессор, по-видимому, приоткрыл какую-то мистическую «дверь» в неизведанное. В какой-то потусторонний портал, может даже АНТИМИР...

Я сидел с открытым ртом, а он меж тем рассмеялся:

— Ведь была же Алиса в Зазеркалье. Может, и мой двойник оттуда же.

Так или иначе, с тех самых пор я полностью избегал мест, где ходят зеркала, заранее наводя справки, если мне куда-либо было нужно. Переехав в деревню, я убрал зеркало из своего, теперь уже, двухкомнатного домика. Нет зеркал — нет и моего отражающего дубликата.

Он вздохнул и как-то лукаво подмигнул.

Однако он всё время был и есть рядом. Думаю, вам будет интересно, когда в следующий раз он объявился в моей жизни, выбравшись из границ амальгамы наружу, ближе ко мне, словно моя собственная тень. Но это уже другая история, и о ней позже.

Идём по порядку.

Следующей фазой моего непонятого существования в этом мире стало загадочное событие, произошедшее со мной спустя несколько дней, как я переехал в домик и убрал зеркала. Именно в те дни я, наконец, стал осознавать, что со мной творится что-то необъяснимое, что-то из ряда вон выходящее, что я не похож на других, и обладаю какими-то скрытыми дарами, которым ещё только предстояло выплеснуться наружу. В те дни и мгновения проблесков чего-то неуловимого, я только начинал догадываться о своей уникальности перед всем человечеством. Таких как я больше не существовало на планете! Я был единственным в своём роде! Уникум! Озарение своей исключительностью придёт ко мне позже, однако до него оставалось всего пару шагов. Всего два шага, и я, наконец, с восторгом осмыслю, что я один такой на Земле!

И первый шаг настал.

Собеседник с мудрыми и печальными глазами высморкался, затем продолжил.

— Эта книга в красивом матовом переплёте и изумительными по красоте иллюстрациями попала мне в руки, когда я бесцельно приехал в город и слонялся по книжной барахолке, выискивая, чем бы мне скрасить свой досуг в деревне. Компьютера я в те дни не имел, смартфон был несбыточной мечтой, денег катастрофически не хватало, а питался я исключительно тем, что удавалось поймать на удочку в пруду, плюс пару-тройку яиц из-под несушек, которыми меня одаривали приветливые соседи. Я держался на расстоянии, никого не пускал в свою замкнутую жизнь, но деревушка была маленькой и, узнав, что в доме родителей поселился их некогда исчезнувший сын, вернувшийся из города, сердобольные деревенские жители подкармливали, чем могли.

Взяв матовый переплёт, я уже не мог выпустить его из рук, будто книга приросла ко мне, став частью моего существования, моей души, моего сознания. С неё-то, собственно, всё и началось.

Итак...

«Сказки братьев Гримм. 1980-й год. Издательство «Эксмо».

Картинки, промелькнувшие у меня перед глазами, заставили вспомнить своё безмятежное детство, когда я, мальчишкой, после школы, закрывался в маленьком сарайчике, теперь уже весьма обветшалом, и принимался за чтение жутких по тем временам для меня историй.

Не знаю, какое на меня тогда нашло наитие, но я подошёл вплотную к продавцу, заглянул ему в глаза, и...

Мой попутчик, пожелавший остаться неизвестным, прищёлкнул пальцами:

— Произошло чудо! Я ещё не осознал своей власти, когда, глядя собеседнику в глаза, мог что-либо внушить ему мысленно, а он уже протягивал мне пакет, чтобы завернуть эту книгу и отдать бесплатно.

— Берите, — сказал он, — для хорошего человека не жалко. — При этом взгляд его приобрёл какую-то бессмысленность, словно он произнёс фразу чисто рефлекторно, совершенно не задумываясь над её смыслом. Уже позже, когда я начал понимать исключительность и уникальность своих, приобретённых после эксперимента способностей, только тогда я вспомнил этот первый эпизод, когда впервые, неосознанно, применил состояние гипноза, в который впал продавец книг. Повторяю, этот импульс гипноза вырвался из меня совершенно произвольно. Я просто подумал, что было бы неплохо, если бы этот мужичок у лотка с книгами, предложил мне «Сказки братьев Grimm» бесплатно, так сказать, в качестве сувенира.

И каково же было моё изумление, когда это сработало. Мало того, что продавец уступил мне её совершенно бесплатно, он даже завернул её в пакет, вручая буквально насильно мне в руки. И знаете, что самое интересное?

Старик вторично прищёлкнул пальцами:

— Он тотчас забыл обо мне. Будто меня и не было рядом. Начисто! Я стоял с открытым ртом, а он уже беседовал со следующим покупателем, усердно предлагая ему свой литературный товар. Мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить и ретироваться восвояси, пока он не раздумал. При словах благодарности, он как-то удивлённо посмотрел на меня, словно видел впервые в жизни, потом отмахнулся, будто от какого-то видения, и отвернулся, забыв о моём существовании.

Таким образом, в тот день я сделал ещё одно немаловажное для себя открытие. По всем признакам, во мне сидит какая-то мистическая чертовщина, которая вырывается наружу без моего ведома и желаний. Я ещё не умел управлять ими. Я даже не подозревал, какие именно способности усвоены мною после генетического эксперимента, скрытые и дремлющие во мне, пока я не научусь выуживать их наружу. Это открытие должно было произойти вот-вот, стоило только случиться чему-нибудь неординарному, чтобы вмиг пришло окончательное озарение.

Вернувшись домой в деревню, я одним прекрасным вечером раскрыл книжку, пролистал, бросил взгляд на иллюстрации и на время забыл о ней.

Прошло несколько дней. Книга лежала на полке, отложенная мною на тот момент, когда действительно нечем будет заняться, и захочется окунуться в детство, испытать всем известную ностальгию по прежним, канувшим в Лету, временам.

Поезд слегка качнуло. По коридору мимо купе прошёл проводник, объявляя следующую станцию. Всматриваясь невольно в старика, я начинал осознавать какое-то подспудное чувство чего-то далёкого, чего-то минувшего и расплывчатого, но до боли знакомого, близкого, словно какого-то родственного ощущения. Будто это уже когда-то было. Или будет...

Рассказчик поднял палец вверх.

— С этих дней и начинается следующая фаза моего удивительного и непонятного существования в этом реальном мире.

Мне показалось странным, что он уже не первый раз упоминает эту загадочную фразу: «в ЭТОМ мире». Можно подумать, что бывает мир иной, отличающийся от нашего, как он выразился, реального.

И совершенно забыл, что он способен читать мысли, вступая в зрительный контакт.

А он уже смотрел мне в глаза.

И улыбался.

— Всё верно. Я слышал вашу мысль об упоминаемом мною «этом» мире. Наберитесь терпения, и оно будет вскоре вознаграждено. Я постепенно и методично подбираюсь к самой сути моего повествования. Ваша станция конечная, судя по вашим мысленным рассуждениям, так что времени у нас вполне хватит, чтобы я закончил. Тем не менее, финал этой истории приведёт вас в крайнее изумление, а возможно, и в самый настоящий восторг. Так что, доверьтесь мне, и продолжим.

Итак...

Как не парадоксально это выглядит, но помог случай. До моего осознания, что я уникальный и неповторимый в своём роде, оставался всего шаг. Мне нужен был последний толчок.

И он наступил.

Вы уже помните, что я мог неосознанно перемещаться в пространстве и посещать иные исторические эпохи, пока ещё произвольно, не имея понятия, как этим феноменом манипулировать. Плюс у меня совершенно невероятным образом, буквально мистическим, оказался собственный двойник, живущий своей личной жизнью где-то на просторах Антимира в зеркальном его отражении. Добавьте сюда способность гипноза, ещё не осознанную мной в те дни, да и умение читать мысли

собеседников пришло ко мне позже, когда я уже понял всю грандиозность своего открытия.

Вот как это произошло.

Вначале свершился казусный случай с соседями, от которого у меня остались сплошь забавные воспоминания. Выйдя ранним утром к пруду на очередную рыбалку, мне попался на глаза рядом проживавший старичок, через два огорода от меня. Будучи, не в пример, заядлым рыбаком (в отличие от меня, поскольку я посещал пруд только по необходимости), он уже сидел с удочками на моём месте, очевидно, не полагая, что занял чужую территорию. Смеха ради, совершенно непроизвольно, не имея на то никакого желания и не подозревая о последствиях, я послал ему мысленный импульс, освободить облюбованный мною уголок в камышах. И что вы думаете? Бедный глубокий старец, который не раз одаривал меня, то картошкой, то овощами с огорода, внезапно подскокил как ужаленный и, ошалело уставившись в камыши, бросился в сторону, прихватывая с собой удочки. Я ещё не успел придти в себя, как он уже здоровался сконфуженно, предлагая занять моё законное место. Мол, не знал, и рад уступить — вдвоём будет веселее. В тот миг у меня словно ёкнуло что-то в груди, будто внутри заработал холодильник. Стоп! — сказал я себе. Этот дед сорвался с места, когда я мысленно, в шутку, послал ему сигнал, совершенно не учитывая, что такое может произойти. Верно? А что если попытаться ещё раз?

Незнакомец усмехнулся.

— Поклёвка у меня была слабой, а у него на новом месте рыба буквально выпрыгивала, хватая крючок с той же наживкой, что и у меня. За разговорами прошло пару-тройку часов. И когда собирались домой, я мысленно попросил его поделиться своим шикарным уловом. Дальше вы, очевидно, уже догадались. Он не только отдал мне половину всей пойманной рыбы, а ещё предложил зайти к нему на полстаканчика самогона и отменную уху. На этом и расстались. Выйдя утром к соседям за яйцами, я решил проверить свою способность гипноза. И каково было моё изумление, когда, всмотревшись соседке в глаза, я вдруг почувствовал у себя в голове какой-то посторонний женский голос, весьма схожий с хозяйкой. Мысли её были относительно меня весьма приятные. Она с удовольствием даст мне пару яиц, поскольку уже привыкла к моему холостяцкому одиночеству. Всё это я слышал у себя в мозгу, будто там поселился суфлёр из театральной будки.

— А пяток яиц можно? — спросил я и послал мысленный импульс.

— Ой! — вскрикнула она. — Отчего же нельзя, миленький? Отощал красавец-то наш, глядишь и подкормим мы тебя, одинокого.

И так далее. Чем дольше я общался с соседями, чем больше шёл с ними на зрительный контакт, тем чаще стал замечать, что читаю их мысли и могу манипулировать своими желаниями, посылая собеседнику мысленные импульсы. Повторяю, я абсолютно не знаю, как это работает. Я не профессор. Очевидно, здесь присутствует какая-то квантовая физика, запредельная сила разума, а возможно, и мистическая подоплека, вместе взятые.

Таким образом, я и обнаружил в себе те уникальные способности, которые усвоились моим организмом после проведения генетического эксперимента. Профессор давно канул в Лету, и я только сейчас возымел возможность поблагодарить его от души, наслаждаясь первым восторгом от грандиозности моего открытия. Какие возможности открывались передо мной! А ведь я не знал даже и половины этих сверхъестественных способностей! Мне ещё только предстояло их открыть, шаг за шагом, импульс за импульсом, попытка за попыткой. Чем дальше я убеждался в своих догадках, тем очевиднее становились выгоды, которые я мог извлечь для себя, если правильно их использовать.

Загадочный старик внимательно прислушался к стуку колёс, перевёл взгляд в окно и о чём-то задумался. Потрясение от его, пусть и не слишком достоверного рассказа, на мой взгляд, не оставляло теперь меня ни на миг. Я поймал себя на том, что хочу, желаю, просто требую его продолжения!

И он продолжил, разумеется, прочитав мои мысли, отчего я даже не удивился.

— Пойдём по порядку. Недаром я упоминал о книжке, приобретённой мною таким необычным способом и оставленной лежать на полке до лучших времён. Однажды вечером, взяв в руки «Сказки братьев Grimm», я вдруг заметил, что моя вторая сущность, мой зеркальный двойник, появившийся ниоткуда и отделившийся от моего собственного тела, может посещать любую страницу этой книги. Началось всё со сказки «День красной луны». Я не могу вам объяснить саму суть этих посещений, вы не поймёте, а я бестолково уткнулся в парадокс пространства — времени, столь любимый нашими фантастами. Раскрыв томик сказок, я вдруг отчётливо «увидел» себя внутри этой книги как бы со стороны. Всё, разумеется, происходило у меня в сознании, где-то в бинарных полушариях мозга и, тем не менее, я мог всё чувствовать, слышать, осязать. Второй «я» находился всегда рядом с главными героями, когда те попадали в различные, придуманные авторами вол-

шебные ситуации. Я как бы жил наравне с ними, был там, где и они, присутствовал везде, куда заносило героев плодом воображения обоих братьев. Помню первый раз свою оторопь, когда я отбросил сказки и схватил с полки увесистый том «Трёх мушкетёров», пытаюсь проверить свои ощущения реальности на страницах данной книги. Открыв наугад страницу, я изрядно струхнул, моментально оказавшись в гуще событий середины семнадцатого века. Помню свою оторопь, когда после стычки с гвардейцами ко мне подошёл Портос, и с удивлением уставился на мою современную одежду. Как ни странно, я мог понимать его французский язык и так же бегло разговаривать на нём, причём, на наречии той эпохи. Тенденция эта будет прослеживаться и дальше. Позднее, уже путешествуя из книги в книгу, где бы я ни был, куда бы в какой век ни попадал, я везде мог разговаривать и понимать на том наречии, на каком общались в данный момент персонажи.

Голова моя шла кругом.

Они же все выдуманные! Они не существуют в реальности! Это же плод фантазии того или иного автора! Что сотворил со мной профессор? Как я могу путешествовать из книги в книгу, в то время как меня видят, ощущают, беседуют со мной все персонажи, с кем я имею честь сталкиваться в сюжетах произведений? Как такое вообще возможно с точки зрения науки?

Я был частью их. Они воспринимали как должное, что я нахожусь среди событий их вымышленного существования. Атос стал моим приятелем, Арамис скептически относился к моей простоватой, на его взгляд, одежде, Дартаньян почти не замечал меня, поглощённый интригами двора и любовью Констанции. По всем существующим постулатам физических законов, они, в моём случае, катилась ко всем чертям, сметая под собой доказательства существования параллельного измерения. Постоянная Планка низвергалась в тартарары при одном моём упоминании самому себе, что я путешествую инкогнито из книги в книгу. Я как бы стал пятым героем этого повествования. А ведь подобный абсурдный экскурс внутрь произведения братьев Гримм и Дюма были лишь начальным этапом! Позднее появились и другие книги!

Что тут можно сказать? Стараясь не встречаться с ним взглядом, я постепенно, тайком, медленно, всё ближе и ближе, перемещал своё тело по направлению к выходу из купе. Кто знает, что придёт ему на ум дальше. Впрочем, тут была одна неувязка. Мысли-то мои он всё равно мог читать. Я убедился в этом, когда рассуждал внутри себя, а этот непонятный пришелец из антимира сразу отвечал на мои мысленные вопросы.

Что ждёт меня в финале его истории?

Между тем он продолжил.

— Позже, когда я уже мог манипулировать мысленно своими перемещениями, я научился, опять же, мысленно, облачать себя в то одеяние, которое носили персонажи той или иной книги, сообразно эпохе, в какую я попадал. А ещё позднее, после нескольких тренировок, я мог перемещаться в тот или иной сюжет произведений, даже не читая его абзацев. Открывал страницу наугад, закрывал глаза, представлял себя второстепенным персонажем того или иного сюжета и... бац!

(он щёлкнул пальцами)

— Тотчас оказывался внутри происходивших действий романа! Какие книги попадали мне в руки, в тех я и присутствовал наравне с главными героями, придуманными различными авторами.

Я обошёл всю деревню, выпрашивая у соседей ту или иную книгу. Таким образом, спустя месяц, у меня в домике появились произведения Артура Кларка, Станислава Лема, Джона Уиндема, Курта Воннегута и других писателей в области фантастики, поскольку я старался выбирать именно этот жанр. У Лема я путешествовал от галактики к галактике вместе с его забавным персонажем Йоном Тихим. На страницах книги «День Трифидов» Джона Уиндема я сражался вместе с главными героями против живых растений, а у Курта Воннегута мой зеркальный двойник, а вместе с ним и моё сознание, посещали танасферу, описанную им в одноимённом произведении. В романе Беляева «Ариэль» я мог парить в воздухе наравне с главным героем, и эта способность, кстати, перешла ко мне из его книги. Мой организм впитывал в себя все сверхъестественные генетические отклонения, как губка воду, заимствуя их из параллельного измерения после профессорского эксперимента. В «Человеке-невидимке» Герберта Уэллса я научился становиться невидимым, стоило только отдать самому себе мысленную команду. В «Новейшем ускорителе» того же Уэллса я мог перемещаться в пространстве почти молниеносно относительно окружающего меня времени. Оно как бы замедлялось в несколько десятков раз, обездвживалось, а по желанию, вообще могло останавливаться. Все окружающие меня люди и предметы, транспорт и животные, природные явления в виде дождя, снега или ветра, застывали на месте, а я двигался как и раньше — ходил, летал, становился невидимым, хотя для окружающих был подобно вспышке молнии. Раз! — *он щёлкнул пальцами*, — и меня уже нет.

Помню даже, как я помогал Робинзону Крузо строить его первую хижину на острове. Позже появился Пятница, но в той, альтернативной

истории, незнакомой читателю, я присутствовал с Робинзоном несколько дней, пока сам не перешёл к следующей книге. Открыв её, я тотчас попал в Шервудский лес, где оказался среди сторонников отважного Робин Гуда, хотя он и был полностью вымышленным персонажем. Парадокс перемещений моего генетического двойника и тут действовал безотказно.

У меня появились деньги. Пря под потолком совершенно невидимым, я обнаружил, что могу посещать любое денежное хранилище, и зажатые в руках несколько купюр, беспрепятственно перемещались со мной в реальный мир, когда я закрывал книгу. Много я не брал, чтобы не наносить ущерб финансовой структуре: мне хватало на еду, кое-как приодеться и приобрести пару-тройку книг на той же барахолке. После случая с продавцом мне отчего-то не хотелось больше использовать гипноз. Деньги есть, зачем людей травмировать, верно? Таким образом, у меня со временем стали появляться произведения Стругацких, Булычёва, Казанцева. Чуть позже я стал приобретать всех мировых классиков фантастики, начиная от Хайнлайна, Саймака, Азимова и заканчивая Гаррисоном, Бредбери, а то и самим Робертом Шекли. Спустя несколько месяцев я уже вполне ориентировался среди писателей середины двадцатого века. Филипп Дик, Эрик Фрэнк Рассел, Уильям Тенн, Орсон Скотт Кард, Альфред Бестер, Терри Пратчетт, Роберт Силверберг и прочие, прочие, прочие. Заканчивал я авторами новой волны, пока не остановился на великом и ужасном Стивене Кинге. Вот к нему-то в произведения мне действительно не хотелось попадать! Я посетил лишь его повесть «Лангольеры», но после приземления полупустого самолёта в безжизненный аэропорт, решительно покинул эту книгу. Я знал, что будет дальше, и не желал в этом участвовать, хотя присутствовал в романах везде, куда бросал взгляд, открывая очередную страницу. Настоящим реальным читателям я был невидим, поскольку присутствовал лишь в альтернативном мире, а фабулы написанных романов оставались прежними. Существовая только в своём собственном сознании, мой зеркальный двойник, а вместе с ним и я, появившись на странице той или иной книги, мог всё чувствовать, всё видеть, всё слышать, и просто жить. Жить в этом альтернативном мире.

Он перевёл дух.

— Впрочем, я это уже упоминал в начале рассказа. Таким образом, я, собственно, и стал баловнем судьбы. Помните, я вам сказал об этом, прежде чем начинать историю? До сих пор волшебная феерия моих приключений в альтернативном антимире проходила без особых помех. Обладая такими сверхъестественными способностями, я мог стать мил-

лиардером, однако не стал. Я мог купаться в лучах славы, но отказался от этого. Я мог заполучить себе любых красоток мира, но как-то не задумывался об этом, предпочитая оставить на потом все блага и богатства, которые могли пасть к моим ногам в мгновение ока. Я мог стать академиком, падишахом, астронавтом, бороздить космос, не закрывая книги, оставаясь в альтернативном мире навсегда. Но в конечном итоге я всегда переворачивал последнюю страницу, зажимивал глаза и... оказывался в своём маленьком, теперь уже уютном домике. Единственное, чем я воспользовался, это обустроил своё обветшалое жилище, приобрел пару-тройку вещей, да составил просто-таки гигантскую библиотеку, которая занимала всё пространство двух комнат, включая тот самый сарай, где я впервые познакомился с книжкой братьев Grimm.

Незнакомец вздохнул.

— Однако волшебная сказка моего превращения не могла длиться долго. Генетические изменения, мутирующие в организме после эксперимента, очевидно, имели какой-то свой срок.

Я слабею, постепенно теряя силу своих сверхспособностей. Я вплотную подошёл к последней фазе своего непонятного существования в этом мире. Помните, вы удивлялись, когда я в начале рассказа произносил фразу: «в этом мире»? Теперь вы знаете её значение.

Мои способности иссякают, я уже чувствую их угасание. Последствия эксперимента скоро развеются по ветру, растворятся в реальной жизни, пропав бесследно в параллельном измерении. Но я ещё способен гипнозом внушить кому-нибудь их силу. Потому я здесь. Поэтому я и подсел к первому попавшемуся пассажиру, первому встреченному мною попутчику. Чтобы...

Он умолк. Я поймал себя на мысли, что размышления о старике повторяются, делая своеобразный круг в бинарных полушариях моего мозга.

Что-то до боли знакомое было в его облике, что-то неуловимое, но, казалось, родное, личное, пугающее, и, в то же время отдалённое, словно нас разделяла какая-то пропасть прошедших лет. Где я мог его видеть? То, что он был мне абсолютно незнаком, не вызывало у меня сомнений. Однако его лицо, старое на вид, его глаза с бесконечным разумом, его жесты, движения и, наконец, сам голос, были настолько мне близки, что я усомнился в своих первоначальных выводах.

Комок величиною с воздушный шар подкатил к моему горлу, совершенно не давая возможности произнести хоть слово. Я должен был радоваться как слон на водопое, должен был кричать от восторга, броситься обнимать его, пожимая руку, но какая-то пелена тумана опусти-

ласть на меня с потолка купе, не давая произвести ни одного движения. Незнакомец посмотрел мне в глаза одним из тех взглядов, в которых читалась безмерная мудрость всей Вселенной. Его взор, пронзивший, казалось, меня насквозь, растворился во мне, увлѣк сознание, притупил все жизненные свойства организма, низверг в нирвану, и заставил воспарить в небеса. Я оказался бессильным перед его внутренним воздействием. Мой разум расплавился как вытекающая лава взорвавшегося вулкана. Я погрузился в небытие, продолжая слышать издали его спокойный размеренный голос.

— И вот теперь я желаю передать свой бесценный дар кому-нибудь из попутчиков. Первому попавшемуся незнакомому человеку. В данном случае, им оказались вы.

Он лукаво улыбнулся.

— А может, и не первому попавшемуся. Уж не обессудьте.

— *Что для этого нужно?* — едва пролепетал я сквозь охватившую меня всепоглощающую негу.

— Просто смотрите мне в глаза. Несколько секунд. Старайтесь не мигать и ни о чём не думать. Абстрагируйтесь!

Я вдруг почувствовал нескончаемое блаженство, разливающееся по всему телу словно в порыве экстаза. Впитываясь в лобные доли головного мозга, чужеродное сознание незнакомца обволокло мою внутреннюю сущность, запуская в меня своего зеркального двойника, о котором он рассказывал несколько минут назад. Я почувствовал, будто внутри меня что-то зашевелилось.

Или кто-то...

Дальше была пустота.

На этом, собственно, и всё.

Когда я пришёл в себя, его уже не было. Он сошёл на предпоследней станции. Больше я его не видел.

Хотя...

Спустя несколько лет, в один из дней, когда я возвращался из очередной командировки, ко мне в купе подсел...

Впрочем, давайте по порядку. История только начинается. Её предназначение в моей судьбе стало столь же неотвратимо, как небесный путь кометы.

Первая фаза моего существования в ЭТОМ мире уже вступила в свои права.

Следуйте за мной.

Глава 2. Чудесный дар

Понедельник, 21:00 (по реальному земному времени).

...Итак.

Я только что покинул железнодорожную станцию, начисто забыв о своей непонятной встрече с загадочным попутчиком. Кое-что в памяти у меня всё же сохранилось, но эти зыбкие видения были настолько эфемерными, настолько расплывчатыми и прозрачными по своей сути, что я отнёс их за счёт своей усталости в дороге. Было ощущение, что загадочный незнакомец просто привиделся мне в блаженной дрёме под мерный перестук вагонных колёс. Какие-то книги, какие-то парения в воздухе, способность летать, становиться невидимым и посещать иные исторические эпохи планеты... Всё это казалось теперь слегка абсурдным, похожим на мгновенно улетучившийся сон, как бывает, когда ты внезапно проснулся, а твоё подсознание ещё продолжает несколько секунд удерживать эти сладкие грёзы внутри себя. Потом и они пропадают. Так случилось и со мной. Подхватив объёмную сумку с вещами, я откинул прочь зыбкие видения и, тряхнув головой, направился к стоянке такси. Забегая наперёд, замечу, что незнакомый попутчик, внушая мне свои бесценные дары и обладания способностями, очевидно, заблокировал до поры до времени мою память, поставив какую-то гипнотическую установку не открывать канал подсознания до определённого момента. Только спустя несколько дней я начал осознавать, что со мной творится нечто непонятное, выходящее за рамки моего прежнего существования.

Но об этом позже.

Я был ещё относительно не старым, имел замечательную супругу, с которой жил душа в душу уже без малого пятнадцать лет, у нас росла очаровательная дочь, и жили мы, в общем-то, неплохо на фоне остальных знакомых семей. Имели трёхкомнатную квартиру, машину, гараж, небольшую дачку в соседней деревне, где проживали родители жены. Оба имели не слишком обременительную работу с достаточным заработком, и в тот день я как раз возвращался из командировки, направляясь к таксомоторной стоянке. Дома ждал великолепный ужин по случаю моего возвращения после недельной отлучки, любимая жена Елена испекла пирог, дочь Яна пришла из художественной студии, где посещала уроки изобразительного искусства, планируя после школы стать известным художником-дизайнером. Лена работала в ателье пошива, я имел студию звукозаписи, где озвучивал за гонорар книги известных писателей. Вот отчего мне тогда по мере рассказа незнакомца

показались весьма интересными его упоминания об авторах-фантастах. Не далее, как перед поездкой в командировку я как раз начитывал на микрофон целый цикл фантастического сборника, где присутствовали и Саймак и Азимов и Муркок с Урсулой Ле Гуин. Помню, я остановился на произведении Хайнлайна, когда меня вызвали в командировку. Теперь я возвращался из неё, а в голове, образно говоря, летали бомбардировщики, от недавно произошедшей встречи.

Ещё не полностью освободившись от мистического тумана в голове и слов попутчика, что мне уготовано какое-то феерическое будущее, я прошёл турникет, спустился в подземный переход, ведущий к верхней эстакаде, где располагалась стоянка, как вдруг меня кто-то окликнул. Я не слишком удивился, поскольку станция железнодорожного вокзала имеет тенденцию внезапной встречи с кем-нибудь из прежних знакомых, но когда обернулся, был слегка шокирован. Все прибывшие пассажиры уже прошли впереди меня, обгоняя на бегу, поэтому я даже удивился, когда, буквально ниоткуда, из сумеречной пустоты ко мне шагнули две внушительные фигуры в непонятной одежде, которую в потёмках я принял за какую-то хламиду времён средневековой инквизиции.

Что произошло дальше, я смог отчётливо осознать только спустя какое-то время, и то с величайшим трудом. Помню только, как внезапная тьма, подобно чёрному облаку, обрушилась на меня в виде жесточайшего удара чем-то тяжёлым по моей незащищенной голове. Мозги, казалось, взорвались бешеным фейерверком, а слёзы, брызнувшие из глаз от внезапной боли, затуманили угасающий взгляд, чтобы хоть как-то определить случившееся. Меня подхватили под руки, поволокли к выходу перехода, бросили обмякшее тело в какой-то багажник, взрезав мотор, и... наступила темнота. Я провалился в небытие.

Куда везли, и долго ли, не знаю.

Попеременно приходя в себя и снова проваливаясь в пустоту, мне казалось, что мимо меня мелькают какие-то призрачные тени, слышится ржание лошадей, сменившее гул работающего двигателя, в нос попеременно ударяли различные запахи сена, свежести реки, а позже и пищевых отходов вперемежку с дымами кострищ. Куда несли? Куда волокли? Где все вещи, мобильный телефон, бумажник с документами? Отвечать самому себе на эти вопросы не находилось сил.

Когда очнулся, обнаружил, что лежу вповалку в каком-то каменном каземате, рядом шуршат крысы, а где-то сбоку по стене сочится вода. Едва пробивающийся свет сквозь узкую решётку, расположенную почти под потолком, давал возможность хоть как-то оглядеться. Вот отку-

да пахло сеном и свежестью реки! Я валялся на тонкой подстилке из соломы, а запах близкой реки доносился сквозь прутья решётки, добавляя к нему едва различимые звуки лягушек. Я в темнице! Эта мысль посетила меня, как только я оглядел внутренность каземата. Глубокая шахта какого-то каменного колодца, видимо, уходила глубоко под землю, поскольку меня окружала сплошная сырость, холод и всё тот же мрак, обрушившийся внезапно в переходе вокзального терминала. Свет от луны выхватывал из темноты каменные стены грубой кладки, покрытые плесенью и паутиной. Кое-как поднявшись и зажмурившись от боли в затылке, я ощупал рукой внушительную ссадину, сделал несколько шагов в ту и другую сторону и, убедившись, что каменный мешок, в который меня бросили, не превышал десяти квадратных метров, внимательно прислушался. За решёткой раздавались звуки далёкого ржания лошадей, скрипа каких-то, очевидно, телег, и... голоса.

Они-то и привлекли моё внимание. Чувствуя, что в душе нарастает паническая тревога, способная захватить всё моё сознание, я начинал осознавать что-то тёмное и уродливое, завладевшее моим мозгом. Кто-то или что-то пыталось с ним бороться внутри обессиленного организма, однако конечного результата я по-прежнему не ощущал.

Сразу резануло слух неким несоответствием между нашей повседневной и привычной речью. Пресвятая дева Мария, куда я попал?!

Бросившись, морщась от боли, к решётке, я изумлённо прислушался. Решётка была от меня высоко, метрах в восьми под самым потолком, но то, что я услышал, заставило остолбенеть на месте.

— Скоро появится Главный Инквизитор, он-то и займётся нашим пленником, — говорил кто-то по ту сторону каменной кладки, очевидно, из охранников. Собеседник кашлянул, и, как показалось мне, саркастически усмехнулся.

— Он ещё не пришёл в себя. А когда придёт, совершенно не будет понимать, как тут оказался.

Голоса удалились, и я с очевидной ясностью понял, что речь шла обо мне. Следовательно, я пленник!

Однако поразило меня другое.

Эти неведомые мне охранники (или кто они), разговаривали между собой на старом, древнеславянском наречии времён средневековья. Это я слышал, прижавшись к скользкой стене. Мозг тотчас переводил мне это наречие в моё подсознание, словно лингвистический синтезатор, описываемый в книгах многими фантастами ещё со времён Айзека Азимова, который и ввёл этот термин в одной из своих книг. Иными

словами, я слышал древнюю речь, и тут же понимал её, в современной её интерпретации. Что ещё можно сказать после этого?

Отступив от стены с решёткой, я оглядел свою одежду. Карманы, как я и предполагал, были все пусты и вывернуты наружу, словно распотрошённые кишки. Ни бумажника, ни денег, ни документов с мобильным телефоном. Даже часы на руке отсутствовали. Если бы это было банальным ограблением, зачем тогда везти меня в багажнике к чёрту на кулички, чтобы кинуть затем в каменный колодец, да ещё и дожидаться какого-то Главного Инквизитора? Тут явно было что-то не так. Я ещё не сопоставлял моё похищение со встречей в купе, но проблеск далёкой догадки уже сквозил где-то на задворках головного мозга. Иначе, кому я нужен, собственно говоря? Словосочетание «Главный Инквизитор» мне ни о чём не говорило, разве что, встречалось в книгах о средневековых пытках и сжиганиях на кострах. Но я-то был сейчас в двадцать первом веке, и о каком Инквизиторе могла идти речь?

Рассуждая, таким образом, я обошёл свою каменную темницу по периметру, снова остановился под решёткой, из которой сочился лунный свет и непроизвольно взялся за ржавую скобу, торчащую из каменной кладки. Взялся и тут же отдёргнул. В свете луны скоба оказалась вся в пятнах засохшей крови, и таких скоб я позже насчитал ещё несколько штук. Словно отголоски жутких пыток, они торчали из разных мест, на которых висели плети с шипами, железные клещи, внушительные пики и прочие орудия. Едва не сползая на пол от мерзкой тошноты, я с ужасом отскочил, изрядно напугав копошившихся в соломе крыс. Этого ещё не хватало! Господи, да где же я, наконец?!

Суждено ли мне выбраться наружу? Кто мои похитители, и зачем я понадобился какому-то Главному Инквизитору? Меня дома ждёт дочь и любимая супруга. Я никому в жизни не причинял зла и никогда не посещал никаких сект, чтобы мною интересовались представители религий. С точки зрения абсурдной ситуации, я вообще не должен здесь находиться!

Мне вдруг захотелось как можно скорее покинуть это страшное место.

Не помню, что именно мне пришло на ум, но случилось именно то, что впоследствии я назову ПЕРВЫМ толчком к своему будущему озарению.

Именно с этого момента и началась моя новая, непонятная и таинственная жизнь.

Жизнь обладателя тех сверхъестественных способностей, какими одарил меня попутчик.

Я схватился за скобу, подпрыгнул и...

Повис в пространстве, отчаянно пытаюсь опуститься на пол.

Уже позже, когда первое ошеломление прошло, я мог с ясностью вспомнить мои первые попытки парения в воздухе, заставившие меня вспомнить о незнакомце. Значит всё правда! Я могу парить в пространстве, зависать в воздухе, перемещаться и летать от стены к стене?

После нескольких неудачных попыток, ударяясь о камни и распугивая крыс, я всё же принял вертикальное положение, мысленно отдавая команды зависать, парить, лететь или останавливаться, регулируя скорость, насколько позволяли небольшие размеры помещения. Позднее я приловчился настолько управлять своим полётом, что хватало одной мысли: «Вперёд!», «Влево!», «Стоп!», «Замереть!», «Зависнуть!». Всё происходило мысленно, на уровне подсознания, словно я оказался на метле, когда булгаковская Маргарита впервые вырвалась из города, устремившись к ведьмовскому шабашу.

Так или иначе, в тот момент я просто поднялся к ржавой решётке, с силой рванул на себя, с удивлением чувствуя, как она поддается моей, внезапно взявшейся могучей силе, и через минуту был на свободе.

Охранников поблизости пока не наблюдалось. То, что я увидел, непривычно спустившись с высоты, заставило моё восторженное ликование полётом слегка остыть, поскольку я ещё не совсем понимал, где оказался. Полный анализ происшедшей со мной мутации я осознал позже, когда уже с точностью был уверен, что обладаю теми же способностями, что и мой попутчик в вагоне поезда. В этот же, первый и ошеломительный миг, я просто приказал себе мысленно: «Вниз!», опустился кое-как на землю, нелепо барахтаясь в воздухе, встал на ноги и огляделся.

Тут-то меня и накрыло с головой.

Каменный колодец представлял собой невысокую башню, уходившую основанием под землю, сама же башня являлась пристройкой могучего замка из рыцарских романов Вальтера Скотта. В таких башнях обычно томятся прекрасные принцессы, а рыцари средневековья непременно спасают их от злых чар злобных волшебников. Но это в сказках. Я же, по всем мыслимым и немыслимым законам находился сейчас в абсолютно реальном (как мне казалось) мире, и замок, очевидно, входил в архитектурный ансамбль туристического маршрута, охраняемый Обществом памятников старины всемирной организации ЮНЕСКО. Луна светила ярко, я мог видеть всю великолепную грандиозность, на-

висшего надо мной колоссального комплекса каменных башен, стен, поднятых мостов, острых шпилей и зубчатых карнизов. В узких, пробуренных окнах кое-где теплился зыбкий мерцающий свет от горевших факелов, а на нескольких стенах развевались флаги с неизвестной мне геральдической символикой.

Замок был средневековым!

Он жил, казалось, своей собственной жизнью, был реальным, ощущаемым и вполне процветающим, представший передо мной наяву. За стенами слышались оклики часовых, фыркание сонных лошадей, кудахтанье кур и отдалённый лай встревоженных собак.

Послышались шаги, очевидно, тех же охранников, которые обходили участок башни по периметру. Я отступил в тень, притаился и решил выяснить из разговоров, куда же меня к чертям собачьим занесло. Ликование в душе от ощущения полёта ещё не улеглось, но с этим я решил повременить, пока не буду точно уверен, куда я попал. Дым кострищ щипал мне глаза, забивался в ноздри, но я стойко решил узнать хотя бы, где мой смартфон и остальные вещи, отобранные неизвестными похитителями.

Медленно проходя мимо каменной ниши, в которой я укрылся, оба стражника вели неторопливую беседу на средневековом наречии, которое, синтезируясь в моём мозгу, тут же переводилось мне на современный язык.

— Скоро должны сменить, — заметил один из них, задрав голову и вглядываясь в лик серебристой луны. — Пойдём отдыхать, выпьем вина, а за этими двоими пускай присматривают другие охранники.

— А что о них говорил монах?

— Да всё одно. Такие же «перебежчики» из иного мира. Первый был пойман три дня назад, а второго, что ещё не пришёл в себя, доставили вечером перед нашим дежурством. Оба прибыли к нам из будущего.

— Из какого?

— Начала двадцать первого века. Но это ты уже и сам слышал, когда застал наших инквизиторов. Причём, первый пленник уже был однажды у нас в гостях. — При слове «гостях» охранник хохотнул, очевидно, вспомнив какую-то шутку.

Оба незнакомца в средневековой одежде с арбалетами на плечах прошли мимо, шаги утихли, а вместе с ними и голоса.

Из их разговора я сделал два очевидных вывода. Первый: я не одинок, и где-то томится ещё один пленник, непонятно каким образом, оказавшийся перемещённым из моего века в эпоху рыцарей, монахов и

инквизиции. Вторым выводом, более насущным, оказалось то, что попутчик в купе и здесь был предельно честен. Благодаря его гипнозу и внушённому мне дару, я, как и он, мог перемещаться во времени, правда, ещё не совсем понимая, как этим чудом пользоваться. Это придёт ко мне позже, вместе с другими озарениями, что отныне я могу пользоваться всеми сверхъестественными способностями сообразно своим желаниям, как, впрочем, и понимать любое наречие тех эпох, куда меня могло закинуть.

Пока же нужно освободить второго незнакомого мне пленника, и уже сообща думать, как нам выбраться из этого мира. Главного Инквизитора, упомянутого охранниками, дожидаться не было желания и, судя по темнице с орудиями пыток, встреча с ним не предвещала ничего хорошего. Очевидно, эти охранники знали такое, что я и во сне не мог себе представить. Их упоминания о двадцать первом веке и «перебежчиках» во времени наводили на определённые мысли, что эта средневековая эпоха, куда я попал, не такая уж и средневековая, раз обычные, на мой взгляд, стражники с арбалетами разбирались в хронологии грядущих столетий. Откуда им, обыкновенным рекрутам из крестьянского сословия, знать, что собой представляет двадцать первый век, если они, по всем историческим данным, ещё и своего-то собственного календаря не имели. Выходит, что кто-то из них ознакомился с моими документами, изготовленными современной технологией печатанья? Читали их на современном русском языке? А как же часы и смартфон? Эти-то дьявольские и колдовские вещицы уж точно должны были привести их в мистический шок, что хозяин этих диковинок общается как минимум с бесами и демонами потустороннего мира.

Приблизившись к следующей решётке, разделённой с моим колодцем глухой стеной, я мысленно и уже целенаправленно приказал себе: «Вверх!», ожидая, что из этого получится.

К моему восторгу, тело подбросило вперёд и, едва не врезавшись в стену, я вовремя застыл, крикнув про себя в смятении: «Стоп!». Так, мало по малу, я начинал осваиваться со своим новым состоянием парения в невесомости, как и говорил попутчик, когда он научился подобному феномену от Ариэля, персонажа одноимённой книги Александра Беляева. Приблизившись к ржавым прутьям, я тихо поскрёб по ним пальцами. Луна скрылась за облаками, и мне повезло в этот момент, что я не отбрасываю тень.

— Есть тут кто? Понимаете по-русски?

Более глупого вопроса я не задавал ни разу в жизни. Однако и само пребывание в средневековой эпохе, где её обитатели разбираются в

хронологии двадцать первого века, выглядело не менее глупым. Удивляться и анализировать буду позже, решил я, когда вытяну этого бедолагу из стен каменного мешка.

— Понимаю! — к моему удивлению раздалось из темноты. — Вы один из нас?

— Из кого? — не понял я, как можно тише выламывая решётку. Я ещё в первый раз удивился ниоткуда взявшейся силе, но и этот вопрос я решил отложить на потом. Охранники могли в любой момент завершить обход и смениться новыми, а те уж точно пожелают убедиться, что пленники всё ещё находятся внутри подземелья.

— Раз вы умеете летать, следовательно, вы один из нас.

Решётка поддалась, я свесился вниз и, продолжая балансировать в пустоте, подал незнакомцу руку. Тот подпрыгнул, схватился за запястье, и спустя минуту мы были уже на земле. Не переводя дух и, не задавая лишних вопросов, мы тотчас метнулись в глубокий ров, по поясу провалились в воду, бросились на другую сторону, и благополучно выскочили в кустах со стороны леса. Всё произошло быстро, стремительно, бесшумно, так что охранники и в ус не дули, что мы очутились вне поля их видимости.

Только преодолев по девственному лесу несколько километров, когда уже начало светать, мы, наконец, переведя дух, свалились в траву оврага и уставились друг на друга с величайшим интересом.

— Будем знакомы, — протянул мне руку вызволённый мною пленник. — Андрей. Из твоего мира, твоего столетия, твоей страны, но из другого города. Спасибо за помощь!

— Алексей. Можно Лёша, — едва выдавил я, потрясённый таким совпадением. Он был немного старше меня, в такой же современной одежде, обуви, лукаво улыбался и готов был расхохотаться, если бы не прерывистое дыхание после бега. Видя мою оторопь, он поспешил добавить:

— Сейчас всё объясню. Но, прежде нам нужно где-нибудь укрыться от возможных преследователей, пока мы не покинули этот мир.

Снова выражение «этот мир». Я уже слышал его от незнакомца в поезде.

— Я знаю, что тебя зовут Алексеем, — тем временем ответил он. — Как только взглянул в твои глаза.

— Ты тоже умеешь читать мысли? Как и тот попутчик?

— И читать, и путешествовать среди эпох, и становиться невидимым, и перемещаться со скоростью, едва уступающей звуковой. Имею своего зеркального двойника, который способен посещать страницы

книг и кадры художественных фильмов. Всеми теми качествами, о которых рассказывал тебе незнакомец. Прости, я уже успел прочесть твои мысли. Только левитацией уже не обладаю. Пропала способность. Потому и не выбрался самостоятельно. Ты готов перенести нас обоих по воздуху куда-нибудь подальше в лес, чтобы мы смогли развести костёр, подкрепиться и решить, что нам делать дальше? По ходу я буду вводить тебя в курс дела, поскольку теперь мы с тобой неразлучны, пока не выберемся из этого чёртового измерения.

— Изме... измерения? — запнулся я, икнув от напавшего на меня столбняка.

— Да, измерения. Давай, Лёша, бери меня в охапку, я повисну на шее, мысленно отдай команду взлететь, и помчались отсюда прочь, пока нас не обнаружили.

...Так и оказались мы вдалеке от призрачного замка.

Спустя несколько часов мы уже сидели у костра, подкрепляясь жареным диким зайцем, которого Андрей поймал буквально голыми руками, метнувшись за ним молнией и свернув шею в долю секунды. Одна из способностей чудесного дара, отметил я про себя.

Пока разводили костёр, он успокоил меня, что преследователи в эту часть леса не сунутся. Отчего у него была такая уверенность, он объяснит позже. Вначале знакомство. Я узнал, что Андрей обладает теми же генетическими изменениями организма, что и мой несостоявшийся знакомый в поезде. Не женат, детей не имел, считая себя законным холостяком до мозга костей, что не мешало ему периодически встречаться с женщинами. Эту чудаковатость в его возрасте я отнёс за счёт какой-то семейной тайны и, благодаря своему воспитанию, из чувства такта не стал его расспрашивать. Захочет — поделится позже. Сейчас меня интересовало другое. Кто он, кто я, кто мы, кто тот попутчик в купе вагона, и каким таким макарон, к чертям собачьим, меня преследуют люди средневековья?

Уплетая горячие куски зайчатины, он начал свой рассказ.

— Во-первых, мы с тобой являемся носителями генетической мутации, произошедшей с нами благодаря внушению или внутреннему гипнозу. Таких как мы ещё несколько человек, точно не знаю, с ними ещё не знаком, но слышал от инквизиторов, что нас около восьми человек. Есть девушка. У того профессора был не один генетический эксперимент, и твой попутчик был не первым, но, очевидно, последним, раз видел его обожжённый труп. Будем называть их «проводниками», по-

скольку и мой незнакомец пожелал остаться инкогнито, с той лишь разницей, что подсел ко мне не в поезде, а в театральной ложе, когда я посещал оперу «Кармен». По всей видимости, когда начинали угасать их способности, они спешили передать их первым попавшимся людям, имея в критериях лишь подходящий возраст, относительное здоровье и поверхностный взгляд, что ты не преступник, бомж или наркоман. Я тоже угасаю постепенно, поскольку обладаю этим даром намного раньше тебя. Поэтому и не смог самостоятельно подняться к решётке. А этот альтернативный отрезок эпохи, куда нас приволокли младшие инквизиторы, есть не что иное, как одно из тысяч измерений, существующих в пространстве и, наслаивающихся друг на друга, переплетаясь между собой бесконечным символом восьмёрки Мёбиуса. Пока ясно выражаюсь?

Я подкинул ветки в костёр. День перевалил за полуденную отметку. Могучий лес жил своей чистой, не тронутой цивилизацией жизнью, словно сошёл с полотна известного художника Шишкина «Утро в сосновом бору», с той лишь разницей, что, пролетая над лесным массивом, мы не встретили ни одного медведя, зато количества газелей, косуль, диких кабанов, лисиц и прочей живности описать было невозможно. Это был действительно лес средневековья!

— Я проще пойму, если ты мне, прежде всего, объяснишь, где мы находимся, и отчего на нас идёт охота этих, как ты выразился, инквизиторов. А потом ты уже мне растолкуешь моё собственное место в этой истории, а так же разложишь по полочкам информацию о пространствах и параллельных измерениях.

— Хорошо, — откликнулся он, улыбаясь. — Прежде всего, забудь о документах, часах и телефоне. Ты их больше не увидишь. Эти ребята любят коллекционировать подобные вещицы из будущего. Меня они тоже обчистили, причём, уже второй раз.

— Как второй?

— Я бывал у них прежде. Вычислили, схватили, кинули в темницу. Но тогда я ещё имел способность парить в высоте, потому и бежал. В этот раз они уже знали о моём бессилии в левитации, поэтому не связали. Но появился ты.

— Ясно. С этим всё. Давай дальше. И, Андрей... — умоляюще посмотрел я на него, однако не успел выразить свою просьбу, как он ответил:

— Знаю-знаю. Супруга ждала на ужин, дочь вернулась с художественной школы, а тебя всё нет. Верно? Не забывая, я читаю твои мысли.

Рискну тебя разочаровать, что с возвращением домой тебе тоже придётся повременить. Итак. Слушай дальше.

Меня словно отрезало от всего того, что я считал реальностью своего мира. Андрей рассказывал, а я слушал его с открытым ртом, на время забыв о супруге, дочери, о своём положении в обществе и своей прежней жизни. По его словам выходило, что такие как мы, получив в дар сверхъестественные способности, могли летать, становиться невидимыми, ускоряться в пространстве в несколько сотен раз относительно окружающей среды, посещать исторические эпохи, обладать гипнозом, читать мысли, отправлять своих зеркальных двойников на страницы книг, присутствуя в кадрах любых кинофильмов. И всё это мы могли проделывать без особых усилий, стоило только мысленно отдать ту или иную команду своему мозгу. По сравнению с нами, как он в шутку заметил, очередной выдуманный супермен Голливуда казался бессильным насекомым на фоне генетического монстра. И вот я среди них, девятый по счёту. Так сложились звёзды в небесной канцелярии, что незнакомец в поезде подсел именно ко мне, а уж каким образом он выбрал меня, Андрей терялся в догадках. Так или иначе, за нами непрерывно идёт охота, поскольку эти общества, как они сами себя называют, инквизиторов, разбросаны по бесчисленным измерениям, имея в своём генетическом арсенале такие же возможности, что и мы. Точнее, только Главный Инквизитор и его ближайшие помощники. Младшие инквизиторы, охранники, стражники и ликвидаторы, как они себя называли, обладают только самой малой их частью. Охранники, к примеру, могут лишь гипнотизировать и слегка замедлять время вокруг себя. На этом их возможности исчерпываются. Вот почему Андрей хотел поскорее убраться подальше от замка. Если бы наш побег обнаружился в самом начале, охранники вполне могли «ускориться» в несколько раз и догнать нас ещё прежде, чем мы углубились в лес. Сюда им путь заказан, поскольку силовое поле, накрывающее их форпост в виде средневекового замка, далее рва под мостом не распространяется. Стражники обладают ещё и своими двойниками, но для чего они их используют, он пока не знает. Дальше по иерархической лестнице идут младшие инквизиторы. Эти уже могут читать мысли. Ликвидаторы перемещаются в эпохах. Остальные семеро «перебежчиков», как называют нас инквизиторы, находятся кто где, и все в плену. О них он расскажет отдельно.

— Выходит, мы сейчас в ином измерении?

— Да. Покинув границу рва и силового купола, мы переместились в одно из тысяч других пространств, которые вокруг нас с тобой переплетаются в бесконечную восьмёрку Мёбиуса. Слышал о такой? Откуда

начинаешь движение, к той точке и возвращаешься, только уже по иному маршруту параллельного измерения. Твоя жена Лена и дочь Яна, твоя квартира, работа, прежняя жизнь и даже твоё рождение с детством — всё это присутствует где-то рядом с замком, с этим лесом, с нашим костром, только в параллельном мире гигантского гиперпространства. Казалось бы, протяни руку, проткни пальцем одну из тысяч границ очередной альтернативной реальности, и ты дома. Но не так всё просто. Измерения переплетаются между собой, наслаиваются друг на друга, меняются местами, обмениваются эпохами, перемещаются целыми геологическими пластами, в то время как мы остаёмся прежними, с той лишь разницей, что обладаем даром генетического эксперимента. Не знаю, что сотворил со своими пациентами тот профессор при его опытах, но то, что проводников было восемь, как и нас, я слышал от самих инквизиторов, когда попал к ним первый раз. Теперь появился и ты — девятый, а с тобой исчез последний из пациентов профессора. Они засылают своих ликвидаторов в наше реальное время, чтобы те доставляли нас сюда или в какие другие форпосты, расположенные в иных узлах параллельных пространств. В одном измерении это могут быть замки, в другом, к примеру, помещение под синемаатограф в конце девятнадцатого века, в следующем это может быть какой-нибудь собор, в следующем — дворец цезаря, если общество инквизиторов находится в эпохе Древнего Рима. Форпосты раскиданы в эпохах шумеров, Вавилона, Киевской Руси, Екатерины Великой, Наполеона, Дикого Запада, и прочих, прочих, прочих. Где-то там и наши пленники, которых я ещё не знаю, но слышал по разговорам младших инквизиторов. Возможно, нам с тобой уготована некая таинственная миссия...

— Какая?

— Вызволить их оттуда. Они же все из нашего с тобой времени.

— Девушкой интересуешься? — впервые пошутил я, но тотчас спросил более серьёзно:

— На кой бес мы нужны этим чёртовым инквизиторам? Мы им что, жить мешаем?

— Этого я и сам не знаю, — минуту помедлив, ответил Андрей. — Очевидно, мы являемся для них какой-то своеобразной помехой, раз можем попадать в альтернативные миры книг и фильмов, путешествуя из эпохи в эпоху. Возможно, таких как мы, существует ещё великое множество, находящихся в разных временах и разных измерениях. Вот они и подчищают эти альтернативные пространства, захватывая в плен.

— Я видел кровь на скобах в своём каменном мешке.

— Кровь не из этого измерения. Замок-то старый, в нём по-прежнему живут люди пятнадцатого или шестнадцатого века, продолжая пытки над ведьмами и колдунами во времена инквизиции. Только существуют они с нами как бы параллельно. Силовое поле энергетического купола скрывает нас от них, а их от нас. Инквизиторы находятся в замке с тем же успехом, что и сами обитатели со своими лошадьми, конюхами, поварами, простым людом и домашней живностью. Но мы не видим их, а они нас. Мы с тобой во время плена находились в эпоху инквизиций, а сейчас в лесу находимся совсем в ином пространстве, которое переплелось в узел с тысячами других. Отсюда и название того общества, куда мы были с тобой доставлены. В других измерениях эти «чистильщики», как я их назвал, именуют себя по-другому. Возможно, на Диком Западе это какое-то общество бледнолицых ковбоев, — хохотнул он, и я понял, что у нас обоих поднялось настроение после великолепно прожаренного зайца. — Вероятно, в других эпохах, где находятся наши товарищи по приобретённым способностям, эти общества «чистильщиков» охотятся и за другими представителями «перебежчиков», только существующих уже в иных альтернативных измерениях.

Он усмехнулся.

— Я тебя не слишком запутал? Признаться честно, я и сам не до конца понимаю эту «кухню» с иными пространствами, антимирами и альтернативными реальностями. Знаю только, что их десятки тысяч, сообразно прошедшим эпохам, плюс добавь сюда те измерения, которые просто идут параллельно нашей с тобой реальности. А уж сколько их в окружающем нас космосе, и представить трудно.

Он потянулся и глянул в небо на заходящее солнце.

— Однако нам с тобой следует выспаться. Завтра я научу тебя пользоваться твоим чудесным даром, сделаем несколько тренировок, чтобы ты привык к своему новому состоянию. Переночуем второй раз, проснёмся, и уже тогда будем думать насчёт дальнейшего своего существования. Как раз и решим, что нам делать и куда податься в первую очередь, извлекая наших безвестных товарищей из плена. Я намерен, прежде всего, найти девушку.

— Кто бы сомневался! — заметил я, растягивая рот в улыбке.

Так состоялось наше первое знакомство с Андреем, парнем из моего реального мира и моего настоящего времени. Он оказался вполне уютным приятелем в плане нашей дальнейшей дружбы. Изготавливая из веток некое подобие шалаша для ночлега и, укладываясь спать, я спросил напоследок, прежде чем провалиться в грёзы:

— А как же моя жена с дочкой?

— Не переживай. Если всё закончится благополучно, ты вернёшься к ним, словно и не исчезал вовсе. От вокзала такси доставит тебя домой, они и не заметят разницу во времени. Ты вернёшься в то же время к той же точке подземного перехода, откуда тебя забрали ликвидаторы, огрев дубинкой по голове.

Согласившись мысленно с таким подходящим вариантом, я задал последний вопрос:

— И в каких эпохах ты побывал, прежде чем попасть к ним в плен второй раз?

— А об этом мы поговорим завтра, — зевнул он, — когда буду учить тебя правильно летать, становиться невидимым, ускоряться в пространстве, читать мысли, и извлекать своего зеркального двойника из иного измерения по своему желанию, а не тогда, когда ему вздумается посетить твой мир.

Он улыбнулся.

На том и уснули.

Утро застало нас свежими, выспавшимися и бодрыми. Голова, похоже, прошла, удивляя меня таким быстрым восстановлением сил. Утренний лес дышал своей девственной чистотой, воздух был прозрачен и свеж, за ночь нас никто не тревожил, удивляя меня второй раз отсутствием хищников вокруг ночного костра. Лесные звери словно чувствовали наше превосходство над окружающим миром. Андрей уже колдовал у костра, и пока я ходил умываться к ручью, обрадовал меня восхитительным завтраком. Мои глаза стали похожи на чайные блюдца, когда он мне объяснил причину столь быстрого приготовления.

— Пока ты просыпался, и твой организм работал в режиме реального времени, я мысленно «включил» в скобках свою способность ускоряться, метнулся как молния к стае фазанов, схватил одного и, ощипав в долю секунды, пожарил его на костре. По реальному времени это заняло около часа, а для тебя и остальных обитателей этого измерения всё случилось за какие-то секунды.

— Но... — поперхнулся я, чувствуя ощущение голода, — я даже не заметил, как ты отлучался. Проснулся, заметил тебя у костра, пошёл к ручью...

— Вот тогда я и успел всё сделать, — засмеялся он. — Ничего необычного не заметил, возвращаясь к шалашу?

— Показалось, словно мимо меня пронёсся ветер и тут же стих. Какое-то зыбкое марево в виде неясного фантома.

— Это был я! — победоносно поднял он вверх большой палец. — Пока ты возвращался к костру, я успел придушить и ощипать птицу, прожарить её на костре и подать к столу. Делая последние шаги к нашему импровизированному лагерю, ты мог уже чувствовать запах жареного мяса.

— Точно! — ошарашено воскликнул я. — Мне ещё почудилось, что ты как-то внезапно застыл после убыстренной киносъёмки. Как стоп-кадр в фильме.

— Это и есть, Лёша, наша с тобой способность ускоряться. Ты увидел меня в момент моего возврата из состояния телепортации, как я её называю. По сути, это одно и то же, если брать за основу отрезок времени в долю секунды, когда ты можешь перемещаться со скоростью звука относительно окружающей среды. Так и будем далее называть этот дар, привитый нам гипнозом. Те-ле-пор-та-ци-ей, — протянул он по слогам. Ты вскоре овладеешь им, когда мы начнём после завтрака тренировки. А сейчас прошу за стол, — улыбнулся он.

Однако ждать тренировок не пришлось. В этот момент и произошло первое событие, заставившее меня поверить в свою сверхъестественную силу, оценив её, прежде, чем я смог испугаться.

Внезапно на поляну из кустов выскочил, взявшийся ниоткуда, дикий кабан огромных размеров, свирепый взгляд и внушительные клыки которого, заставили меня броситься к спасительному дереву, перед этим заорав от ужаса:

— Влезай за мной! Этот вепрь может растерзать нас своими клыками!

Но удивительно... Мой новый приятель не сделал ни шагу. Кабан, у которого клыки были похожи на зубья экскаватора, на мгновение застыл в нерешительности, очевидно, выбирая ближнюю к нему жертву, и со всей прытью кинулся к нему.

Тогда-то и сработал у меня инстинкт помощи ближнему. Совершенно не понимая, что я делаю, моё тело внезапно взмыло вверх, стремительно спикировало к земле и зависло в полуметре от свирепого зверя. Не ожидая от меня такой прыти, клыкастый вепрь на миг оторопел, будто размышляя, по какой причине это двуногое существо парит в пространстве вопреки всем физическим законам природы. Дальше я осознать ничего не успел. Воздух вокруг сгустился до кисельного состояния, животное обездвижилось и застыло на месте, когда уже готово было подцепить Андрея своими клыками. Абсолютно не понимая, что делаю, я схватил его в охапку, и с силой швырнул в сторону. Но...

Промахнулся.

Андрей стоял уже в стороне от меня и едва не хохотал от моего оторопелого вида. Кабан всё ещё находился без движения, будто впечатался в пространство, ставшее похожим для него на цементный рас-твор.

— Молодец! — воскликнул он. — Одной тренировкой меньше.

— Что... — запнулся я, изумлёнными глазами таращась на застыв-шего зверя, — что произошло?

— Ничего особенного, — хохоча, дал волю Андрей своим чувствам. — Ты самопроизвольно ускорился. Подсознательно. Без какой-либо мысленной команды мозгу. Почувяв опасность, твой организм выдал порцию мощнейшего адреналина, а вместе с ним и способность мол-ниеносно передвигаться в пространстве. Ты и сейчас в нём находишь-ся, пока видишь, что зверь остаётся застывшим в прыжке.

Он подошёл сзади к неподвижной огромной туше, поднял с земли увесистую ветку в виде дубины, со всего размаху всадил вепрю по заду и отступил в сторону.

— Отпустим его восвосяси. Зверь и не заметит нас, получив чувстви-тельный удар.

— А что делать мне? — всё ещё с опаской смотрел я на волосатого чёрного, всего в бородавках, монстра. Смердный запах, исходящий от него мог свалить кого угодно. Яростные, налитые кровью глаза медлен-но, очень медленно, поворачивались в мою сторону. Ещё секунда, ото-ропь пройдёт, и зверь кинется на меня.

— Что мне делать? — крикнул я обречённо.

— Отключайся.

— Как?

— Мысленно. Считай, что это как раз тренировка. Подай мозгу ус-ловный сигнал, который затем будешь использовать постоянно. Ска-жем, прикажи мысленно: «отключиться»!

— Отключиться! — выкрикнул я, отчего он рассмеялся ещё весе-лее.

— Да не ори! Не в пространство. Скажи это внутри себя.

Дальше произошло совсем уже невероятное. Воздух вокруг меня внезапно рассосался, дунуло стремительной струёй ветра, кабан как-то испуганно взвизгнул, захрипел и, не разбирая дороги, ломая кусты, ум-чался прочь, оставив после себя нестерпимую вонь застоявшейся пло-ти. Всё было кончено за секунду. Зверь от боли визжал ещё долго, по-степенно удаляясь от нас среди вековых сосен и дубов.

Так прошла моя первая незапланированная тренировка, во время которой я осознал, что могу перемещаться в пространстве с бешеной

скоростью, входя по своему желанию в состояние ускорения. Окружающий мир был прежним, время в нём текло по своему расписанию, а я, обладая чудесным даром, мог перемещаться сквозь него со скоростью, не уступающей скорости звука.

Всё просто.

Минуя несколько часов непрерывных тренировок, где Андрей командовал, а я следовал его указаниям, мы сообща достигли постепенного результата, когда я, наконец, без ошибок и синяков мог более-менее похвастаться итогом проделанной работы. Падая, ушибаясь, теряя контроль над телом и, ругаясь, на чём свет стоит, мы, тем не менее, упорно и добросовестно приближались к намеченной цели. Цель заключалась в том, чтобы я к концу вечера мог самостоятельно управлять своим организмом, включая и отключая мозг по своему усмотрению. Во-первых, мы придумали условные команды, которые я должен был выучить, пользуясь ими в дальнейшем. Расшибая локти и колени, стучаясь головой, я взмывал к верхушкам деревьев, посылая мысленные команды: «Вверх», «Вправо», «Вниз», «Стоп». Тем же образом мы использовали эти команды при перемещениях в пространстве, а когда я научился становиться невидимым, в моём мысленном арсенале добавились команды: «Невидим», «Отключиться», «Прозрачен», «Растворён» и прочие. При вызове своего зеркального двойника я использовал мысленный импульс в мозг: «Возникни», «Исчезни», «Появись», «Будь рядом». Андрей залиvisto смеялся, когда мой двойник, так же как и я, чертыхаясь, исчезал, появлялся, или следовал за мной как тень, материализуясь в пространстве в виде зыбкого колыхающегося силуэта. Этот виртуальный фантом был виден только нам, остальные обитатели леса его не замечали. Обретя способность растворяться в воздухе, я взмывал к гнёздам птиц, замирал в метре от них, и... о чудо! — они меня не видели! Вот это поистине было потрясающим! К вечеру я уже настолько овладел своим чудесным даром, что мог беспрепятственно подбираться к барсукам и, будучи невидимым, ради забавы, хватать их за хвост. Бедные животные с испугом уносились прочь, оглядываясь на абсолютную пустоту, которая их потревожила. Нам нужен был ужин — пожалуйста! По указанию Андрея я вошёл в стадию ускорения, стремительным рывком преодолел два километра до реки, схватил копошащуюся в камышах выдру, острым камнем распотрошил её, насадил на толстую ветку, прожарил, подал к столу и позвал своего наставника. Всё это заняло не более двух секунд. Белка, прыгающая с ветки на вет-

ку, ещё не успела добраться до своего дупла, а мы уже сидели у костра, уплетая горячие куски благоухающего мяса.

Таким образом, к концу дня, я овладел почти всеми сверхъестественными способностями, которыми снабдил меня незнакомец в поезде, и не последнюю роль в этом сыграл мой новый приятель. Мне решительно нравился этот парень! Казалось, мы знакомы с ним целую вечность, а ведь прошли только сутки, как я вызволил его из каменного колодца. Помогая мне, подсказывая, ругая или тыкая носом, он неизменно смеялся, показывая тем самым своё дружелюбное расположение ко мне. Видимо, я его тоже устраивал по каким-то причинам, иначе, зачем ему было возиться со мной, теряя драгоценное время, вместо того, чтобы тут же отправиться вызволять своих товарищей? Точнее, только одного из них. И это, разумеется, была девушка. Не знакомая нам, виртуальная, не имеющая даже определённого образа в наших предположениях. То, что она была молодой и очаровательной, Андрей узнал из слов младших инквизиторов, когда они, беседуя между собой, посещали его прежнюю темницу.

И вот настал момент, которого я ждал с нетерпением.

— Похоже, мы сделали отличную работу, — заключил он, сидя у костра, прислонясь спиной к дереву.

— Ты считаешь?

— Да. Судя по последним результатам, ты уже более-менее овладел генетическим даром. Сейчас напоследок закрепим, чтобы наверняка ка удостоверится в положительном результате. Готов?

Я поднялся.

— Итак, по порядку. Вызови двойника!

В тени кустов, в красном закате, зашедшего за горизонт солнца, тотчас возник зыбкий силуэт, поразительно похожий на меня как две капли воды. Он безмолвно повторил все мои движения и, нисколько не обидевшись, пропал в своём измерении, получив от меня мысленную команду исчезнуть.

— Хорошо, — удовлетворился Андрей. — Телепортация!

Я мгновенно пропал и тут же возник перед ним в долю секунды, держа в руках великолепного сома, который хватал воздух разинутой пастью, куда мог поместиться трёхколёсный детский велосипед.

— Как поймал?

— Руками, разумеется. Удочек и сетей-то нет.

— Долго?

— Минут двадцать. Сначала поджидал, потом ускорился, огрел по голове камнем, придавил, и вернулся. Сколько меня не было?

— Секунду. Отличный результат. Будет чем позавтракать. Сейчас закончим и прокоптим его на дыму. Готов?

— Да.

— Гипноз!

Я уставился взглядом в уже потухающие глаза мощной рыбыны, мысленно отдав команду, чтобы она ожила, и сом тут же забился хвостом в траве, разбрызгивая вокруг себя фонтан слизистой воды.

— Что внушил?

— Ожить. Выходит, на зверей, птиц и рыб гипноз тоже действует?

— Да. На всё, что имеет собственный мозг. На медузу, к примеру, не подействует. А ну, внуши мне что-нибудь. Только не из ряда вон выходящее, — хохотнул он. — Танцевать я не умею.

Я впился в его глаза своим гипнотическим взглядом, чувствуя, как у самого в мозгу зашевелилось что-то непонятное, заставившее меня зажмуриться.

«Взлети!» — приказал я ему.

Андрей беспомощно забарахтался в воздухе, сделал два-три кувырка, и шмякнулся в траву, охнув от неожиданности.

— Спасибо, конечно, но этот дар у меня уже утерян. Возврату не подлежит. Однако удалось же!

Я покраснел от удовольствия, словно рак в кастрюле с кипятком. Впрочем, для рака это удовольствием не было.

— Хорошо. Пойдём дальше. О чём я думаю?

Вонзившись мысленно в его мозг, мне вдруг открылась визуальная картина очаровательной незнакомки, какой он представлял себе своим выдуманным образом.

— Мог бы и не спрашивать, — ответил я, хохотнув в свою очередь. — Она теперь будет сниться тебе по ночам.

— Вот едрит... — выругался он. — Хотел подумать о чём-то другом, а вышло всё о ней же. Ладно, с этим тоже всё в порядке. Теперь исчезни!

«Невидим!» — приказал я мысленно.

— Появись!

Я предстал перед ним. Он расплылся в широкой улыбке:

— Грандиозно! За один день! Знаешь, сколько мне потребовалось времени? Почти год! Правда, меня никто не учил, и я доходил до всего постепенно, шаг за шагом, а у тебя это вышло благодаря мне. Выходит, не зря ты меня спас.

Мы оба рассмеялись.

— Летать ты уже можешь и без меня. А теперь последнее. Закрепляющее. Самое важное. Готов?

— Ты о перемещениях во времени?

— Да. Куда бы хотел попасть, скажем, на пару минут, и тут же вернуться назад?

Я надолго задумался.

— Разумеется, первый раз я буду тебя сопровождать, — подбодрил он. — Смелее. Выбирай любое время и любую эпоху.

Прошла минута, прежде чем я решился.

— Хочу попасть к себе, когда я был молодым.

— Хм... — удивился он. — А сейчас ты что, старый?

— Нет. Ты не понял. Хочу увидеть себя тем, кем я был прежде. Перед свадьбой. И Лену хочу увидеть той, ещё молоденькой, когда мы только начинали встречаться, когда я пришёл из армии.

— А-а... — протянул он. — Ясно. Ностальгия?

— Вроде того. Я увижу себя самого и будущую супругу?

— Конечно!

У меня появилось щемящее чувство неги, какое бывает, когда вспоминаешь что-то тёплое, приятное и хорошее, ускользнувшее со временем от тебя навсегда. словно вся молодость пронеслась у меня перед глазами. Встречи в парке, первые поцелуи, первые ощущения любви, что эта прекрасная женщина останется со мною до конца жизни. Свадьба, рождение дочери, счастье совместной жизни. А дальше...

— Стоп! — оборвал я свои мысли вслух. — А если я наткнусь на самого себя или встречу с Леной, ещё молодой, и они меня узнают?

— Встречи не будет.

— Отчего такая уверенность?

— Всё просто, Лёша. Если встреча произойдёт, тогда ты помнил бы о ней и поныне. Парадокс временного континуума создал бы петлю Мёбиуса, которая отложилась бы в твоей памяти на все последующие годы. Ты бы сейчас помнил, что когда-то давно, в один из дней твоей, беспечной тогда молодости, тебе — или вам с Леной — что одно и то же — повстречался некий повзрослевший незнакомец, поразительно похожий на тебя, как две капли воды. С поправкой на время, разумеется. Но ты ведь этого не помнишь, верно?

Что-то неуловимое, давно забытое и отброшенное в памяти за ненадобностью, просквозило на миг в моём сознании, пытаюсь вырваться наружу. Зыбкое видение было настолько неясным и стремительным, что я не смог удержать его подле себя. Так улечучивается прекрасный

сон при утреннем пробуждении, когда ты всеми силами пытаешься его сохранить, но он исчезает прочь бесследно.

Видение чего-то до боли знакомого, уже давно забытого и ускользнувшего посетило меня за секунду, и тотчас исчезло.

— Не пом-нишь? — повторил он с нажимом.

Моя уверенность куда-то испарилась. Андрей, сидевший у костра напротив и, читавший в этот момент мои мысли, озабоченно встрепетулся. Брови его поползли вверх:

— Э, братец! Да тут парадоксом Мёбиуса папахивает. Или всё же была встреча?

— Не знаю... как-то всё зыбко и ускользающее. Не уверен.

— Что-то вспомнил? Я, в отличие от тебя, кое-что успел уловить.

— Что? — подался я вперёд. В своём внезапном порыве я едва не угодил ногой в костёр. — Что ты увидел?

— А вот это мы и выясним с тобой, отправившись назад, в дни твоей молодости.

И наступила тишина.

Глава 3. Альтернативный мир

Вторник, 21:00 (по реальному земному времени).

...А дело обстояло весьма просто, хотя, конечно, знать я этого не мог. В городе — в моём с детства знакомом микрорайоне — считалось, что кафе «Лакомка» пользовалось большим успехом, посетителями которого являлись зачастую молодые пары, только вступающие в большую жизнь, счастливую для них и долгую. Мы с Леной часто посещали этот уютный уголок, где внутренний интерьер был разделён своеобразными кабинками, куда можно было заказать бокал шампанского, мороженое в хрустальных вазочках и всевозможные шоколадные игрушки.

Там-то, в один из дней моей прошлой молодости и произошло то событие, которое я впоследствии буду вспоминать всю оставшуюся жизнь. Или не вспоминать... тут следует уделить внимание тому обстоятельству, смотря в каком альтернативном пространстве я буду находиться в момент моих воспоминаний.

Мы с Андреем благополучно материализовались в прежнем для меня мире, и я оказался в крайнем смятении, предчувствуя, какая встреча ждёт меня впереди.

— Старайся быть незаметным в толпе, — видя мою озабоченность, посоветовал приятель. Ему это было не впервые, поскольку, воспользо-

вавшись драгоценным даром, который получил от своего «проводника», в первую очередь, как и я, он посетил свою собственную молодость. Об этом Андрей мне поведал, когда мы укладывались спать на вторую ночь, в лесу, покинутого нами альтернативного мира. — Если понадобится, прикажешь себе мысленно стать невидимым, разумеется, когда будешь один, чтобы люди не упали в обморок. А то выйдет как в произведениях фантастов: Бац! Хлопок — и нет человека!

Я усмехнулся, кивнув головой. Нас выбросило из пространства под стойками заброшенного моста, который во времена моей молодости, куда мы сейчас, собственно, и попали, находился в весьма плачевном состоянии. Уже позже его заново отстроят, и по нему будут проноситься машины, но в миг, когда мы прибыли в этот мир, он ещё бездействовал. Мне отчего-то вспомнился мой «проводник», рассказывая в купе, как он перед экспериментом собирался прыгнуть в пропасть с такого же сооружения. Тем не менее, откинув все навязчивые мысли, я смело шагнул вперёд, выйдя из-под моста навстречу своим приключениям. Андрей был рядом и обещал внушить мне гипнозом ускорение или невидимость, опять же, только в безлюдном переулке. Это на случай, если при виде моей будущей жены мне снесёт крышу от нахлынувших воспоминаний.

Преодолев эстакаду, мы вышли на городскую площадь, от которой до кафе «Лакомка» было не более двухсот метров. Мимо нас проезжали машины, от которых нахлынули чувства забытого умиления. Надо же, отметил я, сколько мало иномарок было во времена моей молодости. На нас хоть и были джинсы с кроссовками, но выглядели мы среди прохожих весьма импозантно для того времени.

— Слушай! — дёрнул я Андрея за руку. — А о деньгах-то мы и не подумали. Сейчас же совсем иные денежные расчёты, да и купюры я уже забыл, как тогда выглядели.

— Зачем тебе деньги? — удивился он, перешагивая через полосы перехода. Вечер только начинался, поток людей с работы постепенно иссякал, а на площади уже зажглись красочные фонари, под светом которых прогуливались молодые мамы с колясками. Гавкали играющие с детьми собаки, крутилась небольшая карусель, автомат с газировкой выдавливал из себя в гранёные стаканы шипящий напиток. Пахло сладкой ватой и отцветшей уже сиренью. Солнце зашло за горизонт. Над городом будто разгоралось зарево пожара, угрожая захватить все жилые районы, а в воздухе, подобно дыму, висели сгущающиеся сумерки.

— Как зачем? Мы же наверняка будем заходить в кафе? — голос мой дрожал от волнения.

— И не думай! — остановил он меня. — Не забывай о парадоксе петли Мёбиуса. Если они тебя узнают, особенно ты в молодости, то ещё неизвестно как поведёт себя пространственно-временной континуум. «Назад в будущее» смотрел фильм? Помнишь, чем закончилась история, когда Мартин вернулся в совсем иной мир, параллельный относительно его времени? Не хватало, чтобы нас затем швырнуло куда-нибудь к чёрту на кулички, а не к тому костру, откуда мы сюда переместились. Дождёшься, согласишься издалека, когда ты с Леной войдёшь в кафе, немного проследишь до дома, когда ты, опять же, молодой пойдёшь её провожать, и всё! — отрезал он. — Сразу возвращаемся. Не забывай, что это тренировка. Закрепление навыков. Когда самостоятельно научишься посещать любые пространства, тогда путешествуй хоть к своему рождению, хоть в школу, где ты учился, хоть в институт. Сейчас пробная попытка, не всегда же я буду рядом.

— Да мне бы просто краем уха послушать, о чём я тогда с ней разговаривал... — попытался оправдаться я. — Какие темы развивали, о чём беседовали.

— А сам не помнишь? Это же ТВОЯ память.

— Кое-что помню. Но почувствовать это со стороны, посмотреть на себя спустя два с лишним десятка лет, вот в чём восторг! Представляешь, я слышу собственные увещевания в любви, а моя будущая супруга сидит напротив, молоденькая, вся такая прекрасная, цветущая, и слушает меня с раскрытыми от восхищения глазами.

— Тогда не в кафе. Дождёшься, когда выйдут, забежишь в подъезд, отдашь мысленно команду стать невидимым, и проводи их сзади хоть до порога её дома. Заодно и послушаешь, разумеется, стараясь сам не шуметь. Такой вариант устраивает?

Мы как раз подходили к летней площадке кафе, на которой были выставлены столики. Молодые официантки сновали туда-сюда с заказанными блюдами, места были заняты, и присаживаться за столики было неразумно. Денег всё равно нет — об этом мы не подумали.

— Ты мог бы ускориться и раздобыть где-нибудь пару червонцев, чтобы заказать хотя бы напиток?

— Спереть, что ли? — хохотнул он. — Лёша, ты забываешь, что мы тотчас отправимся назад. Это первый пробный шаг, сделанный тобой во время тренировки. Позднее можешь перемещаться сюда, сколько захочешь. Если будешь разумным и осторожным, то на глаза не попадёшься, а вместе с этим и не спровоцируешь созданию в пространстве парадокса Мёбиуса. Сейчас же просто посмотри издалека, и отправимся назад. Возможности увидеть вас обоих в молодости у тебя ещё бу-

дет, хоть отбавляй. До той поры, когда не иссякнут способности, внушённые тебе «проводником».

Мы стояли на углу кафе, и я с вожделённым волнением всматривался в посетителей. Я помнил, что раньше девяти вечера мы с Леной сюда не заходили, а судя по разговорам за столиками и сгустившимся сумеркам, сейчас как раз и был десятый час.

— Ты ведь тоже посетил себя в молодости, когда осознал свой дар впервые. Верно?

И, прежде чем он ответил, я едва не бросился вперёд, но он вовремя схватил за руку.

В глазах помутнело, накатались слёзы, и мир сразу стал иным.

Это были они.

...Молодой я и молодая Лена.

Оба ещё в стадии беззаботной юности.

Они стояли тихо и покорно, словно напуганные птицы, чувствующие, что где-то в вышине, совсем неподалёку, парит хищный коршун, готовый вырвать своими когтями их чистую и беззаветную любовь.

Что я почувствовал в тот миг, я не помню. Казалось, меня поглотила пустота, закрутила в узел, швырнула на задворки памяти, и безжалостно всосала в себя, как соринку в пылесос. Сознание отчётливо выделило их из толпы, проводило внутрь зала, и тут же отпустило. Я едва не сел на бордюр. Если бы не Андрей, более благоразумный в этот момент, я бы, сломя голову, кинулся за ними. Но друг не дал мне исполнить такую безрассудную возможность. Сквозь пелену тумана в голове я услышал его далёкий голос, шипящий мне в ухо:

— С ума сошёл? Хочешь, чтобы они тебя увидели?

Я едва не пустил обильную слезу, настолько моя Лена была сейчас красива и молода. словно сойдя со страниц глянцевого журнала, она, как беззаботная птица вспорхнула на миг перед моим оторопелым взором, рассмеялась молодому мне же, схватила его под руку, и исчезла. Двери кафе закрылись, больше я их не видел.

— Доволен? — шипел мне в ухо Андрей. — На нас уже обратили внимание. Ты едва не снёс столики своим безрассудством.

Рядом сидящая пара, действительно рассматривала меня с ног до головы, будто оценивая, стоит ли связываться с таким ненормальным типом, который бросается за приличными молодыми людьми, вошедшими в кафе.

— Посмотрел? Теперь возвращаемся!

— Погоди! — едва не заорал я на всю площадь. — Ещё немного.

Я уже приходил в себя и, понизив голос, почти с мольбой посмотрел ему в глаза.

— Напрасно стараешься, — усмехнулся он. — Я предвидел, что ты попытаешься внушить мне, чтобы мы остались. Поэтому выставил в мозгу блокировку от твоего гипноза. Ты, кстати, тоже со временем научишься блокировать сознание, заранее предчувствуя, что его кто-то пытается подвергнуть внушению. Одна из прерогатив нашего с тобой дара.

— Ты видел, какие они цветущие и молодые? — не успокаивался я, совершенно не слушая. — Она будто проплыла мимо меня, как прекрасный лебедь! И он, тот я, который был в молодости беспечным парнем — он ей что-то шептал на ухо, а она смеялась, счастливая.

— Не он ей шептал, а ты. Забыл, что именно рассказывал в этот момент?

— А ты бы помнил? Мы едва не через день сюда ходили. Думаешь, можно всё припомнить, что я ей говорил тогда?

— Ну-у... — протянул он, — судя по смеху, не такое уж и вульгарное. Может о звёздах... или странствиях первопроходцев. Женщины это любят. Стихи не писал в молодости?

Я покраснел.

— Вижу, что писал, — рассмеялся он. — Вот тебе и ответ на твой вопрос. А сейчас возвращаемся. На первый раз, считаю, тренировку ты закрепил. Пошли к мосту. Там нас не видно.

...Однако нам не суждено было вернуться. События с этого момента начали разворачиваться совсем в ином направлении.

Рядом с кафе работал ночной кинотеатр, который мы частенько посещали, покупая билеты на последний сеанс и последние места. Сегодняшний сеанс должен был вот-вот начаться и, в общем-то, я не слишком ошибся, предположив, что они сейчас выйдут из кафе, направившись к зданию. Так и случилось. Едва я успел отскочить в сторону, увлекаемый Андреем, как второй я, молодой и цветущий, пропустив впереди себя Лену, взял её под руку, направляясь к кассовым кабинкам. Кинотеатр постепенно заполнялся, в руках у меня и Лены было по сладкой вате и, по-прежнему смеясь, мы оба исчезли внутри, предварительно купив билеты. Когда они проходили мимо, совершенно не замечая ничего вокруг, я вдруг почувствовал до боли знакомый запах её духов, которые сам же дарил когда-то на её день двадцатилетия. Точно!

Нам сейчас по двадцать лет, и это первое моё лето после двух лет службы в армии, в течение которых она меня беззаветно ждала. До свадьбы оставались какие-то месяцы, и сейчас мы наслаждались последними днями нашей беспечной молодости. Вскоре мы переберёмся в дом, построенный её, рано ушедшими из жизни родителями, а позже, когда родится Яна, переселимся в квартиру, как раз в этом микрорайоне. Передо мной словно пролетела вся наша жизнь, в начальном её этапе, и когда они растворились в потоке зрителей, я, вырвавшись из рук Андрея, сломя голову, кинулся следом.

— Что ты творишь! — заорал мне вслед Андрей, но я уже мысленно ускорился, пролетел как молния, юркнул в проход, застыл в тёмном углу и, никем не замеченный, исчез в невидимом пространстве. Теперь приходилось только следить, что бы на меня никто не наткнулся, как в том романе Уэллса о человеке-невидимке. Прозвенел третий звонок, свет погас, и на огромном экране появились первые титры чёрно-белого фильма «В джазе только девушки». Именно в этот момент рядом со мной возник ниоткуда Андрей, укоризненно качая головой, однако, не произнёс ни слова упрёка, за что ему огромное спасибо. Мы видели друг друга, нас не видел никто. Мы растворились в пространстве подобно ложке сахара в кипящей воде.

— Что ты надумал? — озабоченно прошептал он мне в ухо, хотя в зале уже всю слышались громкие голоса дублирующих актёров.

— Не знаю, — едва пролепетал я, сгорая от стыда за свою безрассудную выходку. — Прости, дружище. Накрыло с головой. Не контролирую себя, стоит только увидеть свою будущую супругу, такую молодую, красивую и беззаботную. Как подумаю, сколько нам потом предстоит испытать трудностей в начинающейся жизни, так и хочется подскочить к самому себе, взять за локоть, увлечь куда-нибудь в туалет и, не обращая внимания на его оторопь, поведать ему всё, что предстоит им пережить в будущем. Жаль, что мы не обладаем даром изменять собственную внешность. Получилось бы как в фильме «Назад в будущее», о котором ты упоминал. Помнишь, как док Браун советовал Мартину у могилы, якобы умершего отца, не встречаться с самим собой в прошедшем времени, когда тот отправится туда забрать альманах? Вот и я сейчас в таком положении.

— Ты думаешь, что даже если внушишь молодому тебе о тех ошибках в жизни, что он впоследствии может сделать, он запомнит эти советы? Во-первых, увидев тебя или, точнее, себя, повзрослевшим на два с лишним десятка лет, он первым делом врежет тебе по зубам от шока, а затем уже будет разбираться, какую, к бесу, чепуху ты ему городишь.

Во-вторых, если бы он даже прислушался к твоим советам, всё равно ничего бы не вышло.

— Почему?

— Потому что ты, продолжая жить и взрослеть, не сделал из этих советов никаких выводов. Следовательно, ты их просто не учёл. Забыл. Не воспользовался. Память стёрла их, как, собственно, и тебя самого, уже взрослого, подошедшего в курилке туалета к самому себе, ещё молодому. Ты бы сейчас помнил об этом эпизоде. Покопайся в памяти, вызывая в ней образ некогда появившегося в кинотеатре незнакомца, поразительно похожего на тебя, только повзрослевшего. Есть такие воспоминания? Говорил тебе взрослый человек когда-то, что нужно то-то и то-то исправить в будущей жизни, за тем-то и тем-то приглядеть, возможно, даже сделать по-иному? Иными словами, ты помнишь о такой загадочной встрече, которая будет потом мерещиться несколько лет подряд?

Я невольно задумался. В зале уже вовсю шёл фильм. На экране происходила сцена в гараже, где героев с контрабасом едва не прошили очередями из автоматов, места были все заняты, зрители гоготали и, при всём желании, даже ускорившись, я не смог бы подобраться вплотную к самому себе, не говоря уже о Лене. А именно о ней я и думал сейчас в первую очередь. Вот было бы здорово, вызвать мысленно своего зеркального двойника и внушить ей, чтобы он вошёл в её сознание, завладев её бинарными полушариями мозга. Увлёк бы за собой, и растворился в ленте кинофильма среди главных героев.

Из задумчивости меня вывел голос Андрея.

— Или всё же помнишь?

— О чём?

— Не о чём, а о ком. Ты где витаешь, Алексей? Повторяю: помнишь о самом себе, здесь в курилке туалета или ещё где, когда шёл фильм «В джазе только девушки»?

— Нет... — уверенность моя куда-то улетучилась. Да и до неё ли сейчас было. Меня вдруг осенила внезапная мысль.

— Слушай! — едва не заорал я от возбуждения, но он дёрнул меня за руку. В зале продолжали хохотать и, по счастью, мой безрассудный выкрик никто не услышал. — Я же могу свою Лену увлечь за собой в кадры кинофильма! Мысленно, разумеется. Она всё так же будет продолжать сидеть рядом со мной молодым, среди зрителей, на своём же месте, а её разум отправится вместе с моим двойником в альтернативное путешествие тридцатых годов прошлого столетия, в Чикаго, во

Флориду, на пляж, яхту, или где они ещё снимались. Понимаешь, какую возможность я могу потерять?

Я едва не тащил его за собой в тёмные ряды кинозала.

— Мне только нужно на несколько секунд посмотреть ей в глаза. Сам сказал, что тренировки я уже прошёл, и могу внушать свои мысли даже животным. Твои слова? Всем тем, кто имеет хоть какой-то маломальский мозг, подверженный гипнозу. А у Лены, уж поверь, мозговые извилины работают отменно, — понизил я голос. — Иначе, она бы не смогла ничего добиться в жизни, а то, что она в моей реальности заведует известным на весь город ателье, уже о чём-то говорит, не правда ли?

Андрей ненадолго задумался.

— Можно, конечно. Риска никакого. Она будет по-прежнему сидеть, и смотреть фильм, даже не заметив перемены, как и твой второй ты, а её альтернативная сущность сознания отправится вместе с тобой в кадры кинофильма. Зрители, разумеется, тоже не заметят ни вас, ни перемен в сюжете, но оба вы сможете посетить тот мир, который разворачивается сейчас на экране. Это и есть тот дар, что внушили нам «проводники» после генетического эксперимента профессора. Однако... — он осёкся.

— Что? — посмотрел я с мольбой в глазах.

— Мне-то что прикажешь делать, пока вы там с Мэрилин Монро будете плескаться в океане?

— Не пока, а до этого. Тебе нужно просто подойти ко мне молодому, шепнуть на ухо пару слов и пригласить его покурить в курилке, представившись, скажем... — я на миг задумался, принявшись размышлять вслух. — Так, мне сейчас в кинозале двадцать первый год, я недавно вернулся из армии, какие у меня были тогда приоритеты?

— Вспоминай, — пожал он плечами. — Покурить-то я приглашу, но о чём с ним беседовать? Я ведь решительно не знаю твою молодость: чем дышал, что видел, о чём думал.

— А тебе и не нужно будет беседовать. Введи его на несколько минут в состоянии транса, а я тем временем, займу его место с Леной, взгляну ей в глаза и...

— Ясно. Отправитесь вместе в кадры кинофильма. Для соседей ты просто подсел к знакомой, увидев её среди зрителей. Те подумают, что ваша встреча была запланирована. И, судя по тому, что ты старше своего молодого двойника, а также поразительно похож на него, то все примут тебя за его отца или старшего родственника. — Он щёлкнул пальцами, совсем как мой «проводник» в купе вагона. — Что ж... Долж-

но сработать. Пойду, приглашу его покурить. Кем мне назваться, чтобы он согласился выйти с незнакомцем, оставив девушку одну?

— Скажи, что... — я лихорадочно вспоминал своих прежних знакомых по молодости. — Что проездом в городе, увидел меня в толпе зрителей и обрадовался. Наплети ему, что тебя послал некий Сергей, уже тогда подумывающий организовать бизнес на записи кассет. Помнишь, были студии звукозаписи и видеосалоны, где крутили видеофильмы? Сейчас как раз эта видеопродукция набирает обороты, и данный кинотеатр один из последних, которые вскоре канут в Лету. Возможно, выходя из кафе, я как раз и рассказывал Лене свои планы по созданию видеосалона, и Сергей — тогдашний мой приятель, был со мной похожих планов. Услышав его имя, они оба не заподозрят ничего необычного. Я — тот, второй я — извинюсь перед ней, встану и направлюсь с тобой в курилку, а она останется смотреть дальше. Тут-то я — уже реальный — к ней и подсяду. Не дав ей опомниться, загляну в глаза, внушу гипнозом своего внутреннего двойника и, оставшись вдвоём сидеть на месте, следя за фильмом, наши альтернативные сущности отправятся внутрь сюжета. Ненадолго.

Последнюю, едва ли не мольбу, можно было не добавлять. Андрей и сам знал, что за несколько минут, проведённых в зале, пока второй «я» будет находиться в гипнотическом трансе, наши с Леной сознания проведут в ином измерении достаточно времени, чтобы насладиться тем сверхъестественным даром, каким я стал обладать. Для своей будущей супруги я останусь прежним, и в путешествии по кадрам фильма я буду выглядеть для неё таким же молодым, как и секунду назад. Для меня же это маленькое приключение станет ещё одной своеобразной тренировкой, чтобы уже до конца осознать свою уникальность в этом мире. Заодно получу и удовольствие, проведённое со своей будущей, но всё ещё молодой супругой. Впоследствии она не вспомнит своего восхитительного путешествия внутрь иного измерения и, дождавшись меня молодого, отправятся после сеанса по домам, договорившись о завтрашнем дне.

Всё просто.

Временная петля Мёбиуса даст мне возможность насладиться своим позабытым счастьем, а для будущих молодожёнов этот мгновенный эпизод жизни пройдёт незамеченным.

Иначе, как сказал Андрей, мы бы это помнили.

Верно?

На том и решили.

Со стратегической точки зрения моё расположение в проходе перед залом имело одно преимущество и один недостаток, причём последний был прямым следствием первого. В таком месте, проходя мимо, молодой я мог запросто наткнуться на меня уже зрелого, и что произойдёт дальше, ни я, ни Андрей не могли поручиться. Поэтому, дождавшись, когда мой новый приятель войдёт в темноту зала, я мысленно приказал себе ускориться, проскользнул как молния между рядами, и застыл на месте, боясь пошевелиться. Зрители были поглощены сценой, когда в фильме главные герои едут в поезде с женским оркестром, и меня никто не заметил. Экран освещал лишь ряды кресел, а там где стоял я, по-прежнему находилась тень.

Собственно, всё произошло, как мы и запланировали. Андрей подошёл к моему второму «я», наклонился, что-то прошептал, тот извинился перед Леной, и уже через минуту они направились к туалету. Проводив их взглядом, моя будущая супруга пожалала плечами и уставилась в экран, залиvisto смеясь, как и её соседи. Тут-то я и подскочил к освободившемуся креслу. Никто не обратил внимания на нового зрителя, лишь Лена удивлённо бросила взгляд, очевидно, желая предупредить, что место занято, но увидев меня в свете экрана, едва не опешила. Что она почувствовала в этот краткий миг, мне приходилось только догадываться, поскольку я ещё не успел войти в зрительный контакт. Забыв, что для неё я сейчас представляю собой зрелого постаревшего мужчину, пусть и поразительно похожего на себя молодого, я буквально расплылся по креслу, вдохнув давно забытый запах её духов. Однако нужно было спешить. Не дожидаясь, когда она упадёт в обморок, я впился в её расширенные от паники глаза своим гипнотическим взглядом, мысленно вызвал своего зеркального двойника и приказал ему войти в её внутренне сознание.

На этом, собственно, всё и закончилось.

Этот мир перестал для нас существовать.

Внезапно обрушившаяся сверху тишина окутала меня своей осязаемой субстанцией, низвергла в пропасть, швырнула куда-то в иное измерение и застыла вместе с векторным отрезком времени. Это была тишина, которую невольно «слышишь», которая слишком тяжеловесна и будто создана искусственным путём.

Нас закрутило в червоточине, раскрылась горловина временного тоннеля Эйнштейна — Розена, и неведомая сила бросила куда-то вперёд, едва не лишив сознания. Лена дико вскрикнула, кинулась ко мне в объятия и прижалась, уткнув голову в плечо. Вокруг бушевал ураган

электрических импульсов, что-то носилось в инородном пространстве, создавая эффект круговорота против часовой стрелки, мощно стонали магнитные поля, а перед глазами горел нестерпимый блеск развернувшейся горловины. Стремительный напор воздуха выплюнул нас из тоннеля, опрокинул навзничь, громыхнул последний раз, лопнул, как пузырь, и всё исчезло. Последнее, что я помнил в этот миг, были восхитительные волосы моей Лены, которые я сжимал в своих объятиях.

Дальше была пустота.

...Очнулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Не совсем понимая, что произошло, я поднял мутный взгляд на незнакомца и, постепенно приходя в себя, тут же отпрянул, перевернувшись на бок, отчего угодил в какую-то лужу. Внезапно нахлынувшее чувство оторопи заставило приглушить головную боль, которая тупо пульсировала в висках. В бинарных полушариях мозга словно промчалось звено бомбардировщиков. Но не это тревожило мой разум. Наклонившийся надо мною прохожий был... *чёрно-белым*.

Только тут я осознал, что нахожусь в потустороннем мире, и присутствую в нём не я, а скорее, мой зеркальный двойник, которым я с успехом уже мог управлять. Мой разум, моя память, мои ощущения мира зрелого человека передались ему, и сейчас он был моим вторым я, таким же молодым, как в момент нашего с Леной сеанса в кино. Я тотчас вспомнил, как нас швырнуло куда-то в неизвестность, мы оба потеряли сознание, и вот теперь я внутри фильма. Чёрно-белого фильма. Всё произошло так, как и предсказывал мой попутчик в вагоне.

Чёрно-белым было всё. Дома, улицы, машины, одежда на людях, солнце, стоящее в зените. Мои кроссовки, джинсы и футболка тоже были бесцветными. Мало того, поднимаясь и бросая взгляд на отражение в луже, я заметил, что кожа рук и лица у меня такие же, как вокруг у всех прохожих. Мы стояли в каком-то глухом переулке, через арку которого я заметил пронсящие машины старых довоенных марок: бьюики, понтиаки, крайслеры...

Чудеса! Незнакомец говорил по-английски, поскольку фильм был американским, но я его прекрасно понимал, правда, голос его был ещё весьма далёк от меня. Поверить в случившееся было не так просто. Ища глазами Лену, я чувствовал участие в его голосе, хотя и рассматривал он мою одежду с нескрываемым удивлением. Сам незнакомец был в летнем лёгком костюме, фетровой шляпе двадцатых годов про-

шлого века, и к нам уже начинали подходить другие очевидцы моего возникновения в их мире.

— Приятель, как ты себя чувствуешь? — отступив на шаг, поинтересовался он. — словно на голову свалился. Иду себе по делам, — обернулся он к дородной тётке с пляжным зонтиком в руках и золотыми зубами во весь рот, — прохожу под аркой, а тут вспышка, хлопок, зажмурился, открыл глаза, и вдруг этот тип под ногами. Думал, выпил парень, да молодой ведь ещё.

Способность переводить наречие любой местности, где я посредством зеркального двойника мог находиться, и тут была несомненна. Попутчик в вагоне оказался прав. Впрочем, мне ли удивляться после того, как я слышал средневековые голоса охранников под башней, причём, в современной их интерпретации. Тревожило другое. Где Лена? Собирающаяся вокруг незнакомца праздная публика не особенно меня беспокоила. Я мог в любой момент ускориться, став для них призрачным фантомом, но без своей любимой я не мог этого сделать. Нас закинуло в этот чёрно-белый мир вдвоём, и будет катастрофически непростительно, если я её здесь потеряю.

— Спасибо Вам, дружище, что помогли встать, — подмигнул я ему, как ни в чём не бывало. — Вам просто померещилось. Я неловко споткнулся и растянулся на асфальте. А тут ещё эта лужа...

Несколько отдыхающих с интересом рассматривали мою чёрно-белую одежду, наверняка первый раз в жизни видя кроссовки «Адидас», а я поразился своему чудесному дару разговаривать на их же языке. Усердно выискивая внутри арки Лену, я, как бы невзначай, поинтересовался:

— Девушка со мной была. Не видели?

По летней погоде и запаху близкого океана я уже догадался, что нас закинуло в ту часть фильма, где главные герои, переодетые женщинами, поселились в отеле, в который на подпольную конференцию съехались все гангстеры Америки. Возможно, как раз Тони Кертис и Джек Леммон сейчас купаются в образе своих персонажей где-то на пляже в обществе прелестной Мэрилин Монро, а в столовой отеля готовится огромный торт, внутри которого должен спрятаться наёмник с автоматом. Будто подтверждая мои догадки, мимо арки промчалась с воем полицейская машина. Праздные зеваки посыпали наружу узнать причину, а я схватил за рукав незнакомца, который уже потерял ко мне всяческий интерес.

— Простите. Как я понял, девушку вы не успели заметить?

— Нет, — пожал он плечами. — Но видел похожий хлопок и вспышку вон за тем сараем, — он указал рукой в глубину двора, где среди фешенебельных строений примостилась убогая халупа, очевидно, предназначенная для отходов, а может и приюта бомжей. Как известно, в Америке первой половины прошлого века роскошь богатых миллионеров соседствовала с нищетой простых обывателей, особенно после всемирного финансового кризиса, обрушившегося на страну с банковских учреждений Уолл-стрит.

Даже не поблагодарив, я стремительно кинулся в глубину величественных архитектурных строений, едва не сбил какого-то джентльмена с сигарой во рту, подскочил к обветшалой каморке и замер, увидев, как Лена поднимается с земли после шока. В эту секунду она была для меня прекрасней и родней всех на свете. «Получилось!» — едва не заорал я от счастья. «Вышло! Мы вместе! И не где-нибудь, а в самом настоящем чёрно-белом фильме»!

Она уже приходила в себя и, заметив моё состояние, беспомощно оглянулась вокруг, обводя взглядом чёрно-белую панораму, куда мы попали. Глаза её расширились от испуга, постепенно переходя в изумление, а когда я к ней подскочил, бросилась ко мне в объятия, дрожа всем телом.

— Лёша... — едва не поперхнулась она.

— Да?

— Мы... — голос дрожал от паники. — Мы... где?

В эту минуту я готов был целовать своего «проводника», как называл их Андрей. Всё счастье мира, в один миг, обрушилось на меня как сошедшая с гор лавина. Это было настолько восхитительно, что хотелось орать во всё горло. Моя любимая со мной! Прекрасная, чистая в своей беспечной молодости, родная, близкая, и в то же время далёкая.

— Всё отлично, ангел мой! — успокоил я её, прижимая к себе. — Сейчас всё объясню. Ты не ушиблась?

Не отвечая на мой вопрос, она продолжала озираться кругом, осматривать себя и прохожих. Всё было чёрно-белым, как и в фильме, который она только что смотрела, находясь в зале кинотеатра. Теперь же, после переборки сквозь гравитацию, она присутствовала внутри.

Чудеса!

— Почему всё бесцветное? — на её глазах появились слёзы. — Я что, потеряла часть зрения?

Голос её дрожал. Потянув за руку, я увлёк её за собой, усадил на мраморную скамейку возле работавшего неподалёку фонтана, обнял за плечи и, как можно более спокойно, принялся объяснять причину на-

шего нахождения в этом альтернативном мире. Что я тогда плёл, мне припомнилось лишь много дней спустя, когда мы уже покинули это измерение. Помню, что нагородил ей кучу всяких физических законов о перемещении во времени, присовокупил туда Эйнштейна, пытался растолковать феномен петли Мёбиуса, а она всё озиралась по сторонам, едва слушая меня, дрожа всем телом. Пришлось слегка встряхнуть её за плечи, повернуть к себе, впиться в её глаза гипнотическим взглядом, тем самым, хоть как-то привести в чувство. Я внушил ей, что мы находимся на побережье океана в начале двадцатого века, а то, что всё вокруг чёрно-белое, так это самый настоящий парадокс иного измерения. Помню, что она немного успокоилась, поверила, и в конце объяснения даже восхитилась. Я знал, что позже, вернувшись в своё реальное состояние под конец сеанса, она ничего не будет помнить. Спросит у меня молодого, кто был тот мужчина, что вызвал его в курилку, пожмёт плечами, и они вместе отправятся домой, купив по пути мороженого.

Но это будет позже.

Сейчас же, смотря мне в глаза, она начинала впитывать своим сознанием ту всепоглощающую грандиозность антимира, куда мы попали.

Эта альтернативная реальность была потрясающая!

Выйдя из арки, мы тотчас с головой окунулись в круговорот жизни двадцатых годов Америки. Она уже не удивлялась, что понимает речь, что вокруг всё бесцветно, даже солнце над головой. Мимо спешили пешеходы, проносились машины, пахло орхидеями и апельсинами, ветер доносил неясный гул мощного океана, а перед нами раскинулся курортный мегаполис, уходя своими небоскрёбами высоко в небеса.

У обоих захватило дух. Люди расступались, провожая нас взглядами, некоторые останавливались и с интересом рассматривали нашу одежду. Футболки тогда не носили, кроссовки тоже были в диковинку, а уж летний костюм Лены вообще приводил в изумление местных модниц в широких шляпах с цветами вверху. На ней была юбочка до колен, босоножки-лодочки и жакет-безрукавка, отчего проходящие женщины испытывали крайнее изумление. Лена держалась почти церемонно и явно не имела намерения никого очаровывать, но конечный эффект был потрясающим. Прежде чем осознать, что говорить, мужчины останавливались и открывали рты. Многие выглядывали из окон кондитерских, кафе, а некоторые даже попытались взять автограф, предполагая, что перед ними какая-то неизвестная актриса. Похоже, в ЭТОМ мире никто понятия не имел, кто такая Мэрилин Монро или Марлен Дитрих, Тони Кертис или Джек Леммон, Марика Рёкк или Чарли Чап-

лин. В этом измерении люди жили в своём собственном чёрно-белом мире, совершенно не предполагая, что существует мир иной — с красками, палитрой всевозможных расцветок и самым настоящим жёлтым ярким солнцем, а не как здесь — тусклым и блеклым. И при всём при этом оно так же жарко светило, воздух был насыщен небывалым букетом ароматов, лёгкий ветерок трепал волосы, а в воздухе носились городские стрижи. Помнится, что я тогда мимолётом подумал: интересно, а чёрно-белое золото в их мире имеет такую же ценность? На многих богатых туристах висели драгоценности, позвякивали бриллиантовые серьги, но всё это было каким-то бесцветным, простым и совсем не притягательным. Для отдыхающих на пляже Мэрилин Монро была обыкновенной девушкой, а не знаменитой актрисой, поскольку они её попросту не знали, как и Джуди Гарленд, как и Риту Хейворт или Аву Гарднер.

Мы ещё не успели дойти до проспекта, ведущего на пляж, как нас окружила толпа с цветами. Я уже начинал смутно догадываться, что сейчас произойдёт, но где-то в глубине сознания жила вера в святую и таинственную алхимию преображения. Если мы застрянем в этом фильме (а по моим подсчётам, он должен был уже подходить к концу), то мы останемся в антимире навсегда. Точнее не мы, а наши зеркальные двойники. Поэтому, увлекая за собой свою будущую супругу, я моментально ускорился, стремительно пронёсся с ней сквозь обездвиженную толпу, и исчез в неизвестном направлении. Пространство вокруг нас сгустилось настолько, что можно было ради забавы подойти к любому прохожему, ущипнув его за ухо — он так бы и остался стоять в застывшей позе. Для обитателей фильма наше исчезновение было похоже на тот же хлопок воздуха. Пшик! — и нас нет. Что они потом думали и как вели себя в потрясении, мне было безразлично. Фильм заканчивался, и нам нужно было спешить. У меня была возможность путешествовать из фильма в фильм и, пользуясь зеркальным двойником, выбирать картину по своему желанию, так отчего мы должны навечно оставаться в чёрно-белом мире параллельного измерения?

Внушённая гипнозом Лена даже не удивилась, когда я мысленно отдал команду стать невидимым, воспарив в небеса. Подхватив её за талию, я без всяких усилий, словно голливудский Супермен, взмыл к последним этажам небоскрёба, опустился на широкий карниз с мраморными горгульями, осторожно опустил Лену, и оба едва не рассмеялись от счастья.

Потрясающая панорама величественного города раскинулась под нами во всей его грандиозной красе! Справа виднелся бескрайний оке-

ан, слева, как муравьи медленно позли крошечные машины, а по бокам, куда ни глянь — простор, облака, солнце и далёкие вершины гор.

Это была эйфория!

Внушённый гипноз настолько овладел молодой девушкой, что она совершенно беззаботно смеялась, сидя на карнизе, болтая в пустоте ногами.

— Здесь нам уже неинтересно, — обнял я её за плечи. В душе разливалось тепло, я чувствовал ликование и, целуя её волосы, как бы незначай предложил:

— В каком фильме ещё хотела бы побывать, любовь моя?

Она даже не удивилась.

— А что, можно в любом?

— В каком захочешь.

— В цветном?

— В любом.

Она встала, раскинула руки, откинула голову и, разметав волосы, закружилась от блаженства. Наши зеркальные двойники абсолютно не ощущали прежней жизни. Она начисто забыла, что несколько минут назад находилась в кинотеатре, а у меня из памяти временно исчез Андрей, словно его и не существовало вовсе. В этот миг мы были одни на весь свет, на весь мир, на всю Вселенную. Философы напрасно спорят о том, что такое счастье. Сейчас я мог бы ясно и однозначно ответить на этот вечный вопрос. Я мог бы даже предложить интересующимся испытать это на практике, будь кто-то из моих знакомых рядом.

Лена, подумав секунду, назвала свой любимый фильм детства, я улыбнулся в ответ, мысленно прикидывая, что лучше: вернуться назад к Андрею или ещё раз испытать волнующие мгновения нашей близости, посетив очередной фильм? Так или иначе, я выбрал второе. Приказав мысленно двойнику увлечь нас за собой, мы взяли за руки, раздался хлопок, вспышка...

И всё исчезло.

Мы покинули чёрно-белый мир навсегда.

Надо постараться на будущее производить инвентаризацию своего организма после каждого перемещения, поскольку у меня лишь две ноги, две руки, и характерно, что обе дороги. В этот раз я уже предусмотрел, что при переброске в иную реальность нас может раскидать куда угодно, не обязательно в разные пространства, но и то, что мы могли разделиться внутри одного фильма, тоже не вызывало никакой радо-

сти. Тем более, если этот фильм из категории Дикого Запада. Ещё в прежней молодости, когда мы только начинали встречаться, меня поражало в Лене то упоение, с каким она просматривала все фильмы, касающиеся жизни ковбоев, индейцев, старателей и прочих обитателей той беспокойной эпохи. А если к этому добавлялись Клинт Иствуд или Гойко Митич, то Лена тащила меня в кинотеатр, что называется, волоком. Откуда была у неё такая тяга к диким прериям, бизонам, вигвамам, пирогам и поселениям первопроходцев Америки, мне приходилось только догадываться. То же самое было и с книгами. Любимыми авторами, несомненно, были Фенимор Купер, Вальтер Скотт и Карл Мэй с его циклом о Виннету. Именно в такой фильм мы и попали.

Воронка искривлённого пространства швырнула нас в иное измерение, закрутила в узел, хлопнула как воздушный шар, бросила на землю и исчезла, оставив после себя едва различимую точку сингулярности вместе с запахом озона. Я держал Лену за руку, и пока она приходила в себя, сразу огляделся, тряся головой от нестерпимого шума помех. В ушах стоял гул промчавшихся бомбардировщиков. Мой зеркальный двойник на миг отделился от тела, взмыл, как фантом над деревьями, осмотрелся, и тут же вернулся внутрь сознания, передав импульсами в мозг, что нас выбросило под какие-то насаждения деревьев. Справа у реки расположилась, очевидно, ферма, слева стоял сплошной лес, а впереди раскинулись бескрайние прерии со стадами бизонов. Воздух жарил немилосердно, солнце — родное и золотое — стояло в зените, всё было в восхитительном цвете, словно мы и не покидали наш мир, перед этим, оказавшись в чёрно-белом измерении.

Лена посмотрела на панораму раскинувшегося перед нами великолепия, благодарно прильнула к плечу и весело засмеялась. В этот миг она была счастлива. Ни испуга, ни опасений, ни каких-либо потрясений.

Это был её мир. Мир Дикого Запада, прерий и бизонов.

— Как себя чувствуешь, красавица? — в тон её счастливому смеху осведомился я.

— В этот раз не так уж плохо. Мы переместились в тот фильм, что я просила?

— Не знаю, в тот ли именно, но на Дикий Запад, уж точно. Тот, что ты мне назвала, я не видел, но, отдав мысленно команду своему двойнику, я имел в виду эту эпоху. Индейцы, фермеры, старатели, конец девятнадцатого века.

Мы уже направлялись к ферме. Голод, на удивление, не тревожил, как, впрочем, и в прежнем чёрно-белом фильме. Одежда была та же, и

я невольно задумался, а как примут нас здесь, если в начале двадцатого века на нас смотрели, как на диковинок? Помнится, в картине «Назад в будущее» персонаж Мартина прибыл в тот мир уже в соответствующей одежде. А что будет с нами? Впрочем, со мной есть мой чудесный дар, и в любую минуту, подхватив Лену, я мог стать невидимым, взлететь вверх или стремительно ускориться. С этой стороны проблем не намечалось. Другое дело, если нас застанут врасплох, скажем, когда я отвлекусь и не успею увлечь её за собой.

Над этим стоило подумать.

Переходя какой-то обветшалый мостик над ручьём, мы приблизились к ферме.

Ковбойское ранчо выглядело именно так, как его снимают во всех фильмах данной эпохи. Длинный забор из жердей, мычащие коровы внутри, несколько десятков диковинных кур, гавкающая собака на привязи, лошади без сёдел, привязанные к стойлу. И за всем этим — просторная, но старая усадьба, чем-то напоминающая ту хибару у фонтана в чёрно-белом фильме, где я обнаружил Лену.

— Ты узнаёшь местность? — спросил я, когда мы приблизились к деревянным воротам. — В какой сюжет мы попали? Кто здесь живёт, и стоит ли ожидать неприятностей в ближайшее время?

— Ты имеешь в виду, нападение индейцев?

— Их тоже. Фильм-то смотрела ты, а не я.

Она на миг остановилась, занеся руку к воротам, чтобы постучать и, оглядевшись, как-то неуверенно пожала плечами.

— Совершенно не помню этого эпизода. Я ещё перед мостом засомневалась. Панорама местности вроде бы совпадает, погода и климат тоже. Ранчо, лошади, всё знакомо, но...

— Что? — насторожился я.

— Такое ощущение, что мы попали в ту эпоху, в ту местность, в то время, однако...

— Что, однако? — с нажимом спросил я, перехватывая её руку, не успевшую постучать.

— Мы не в том фильме, Лёша.

Наступила тишина...

Не знаю, сколько я простоял с разинутым ртом, но придя в себя, тотчас схватил её за руку и потащил в лес. Не хватало, чтобы мы наткнулись на кучу пьяных ковбоев или, того хуже, на отряд индейцев,

которые любят скальпировать всех бледнолицых, хоть ты и женщина из двадцатого века.

Именно в этот момент всё и произошло.

Я не успел ничего предпринять, как свист стрелы прорезал воздух, отдаваясь в ушах мерзким звуком. Лена покачнулась и охнула, оседая кулем на землю. Из-за ближайших деревьев выскочили несколько индейцев на мустангах, их лица и торсы были расписаны боевой окраской, в руках томагавки, а воинский клич был похож на орущих в припадке обезьян. Проносясь мимо в направлении фермы, они нас не заметили, но тот, что стрелял из лука, внезапно осадил коня, устался в заросли деревьев и, отстав от остальных, направился в нашу сторону. Я уже успел осознать всю трагичность ситуации, если нас обнаружат, поэтому, не дав Лене опомниться, взмыл с ней вверх, притаившись в кроне дерева. Основные силы отряда были направлены на захват ранчо, а этот индеец, очевидно, из племени сиу, явно заинтересовался, куда исчезла его стрела. Пока он приближался, я поверхностно осмотрел плечо Лены, она кивнула: стрела лишь оцарапала ей кожу, и мы застыли среди веток. Она махнула рукой на царапину — рана действительно не представляла опасности, обработать её можно будет и позже. Главное, не выдать сейчас наше местоположение. Двое индейцев отделились от группы и, развернув мустангов, направились к своему товарищу, полагая, что он кого-то заметил. С высоты ветвей мы увидели, как из ранчо высыпали несколько фермеров, завязалась перестрелка, и чем окончился бой, нам приходилось только гадать. Мешкать было нельзя. Остаться в этом фильме нам с Леной становилось опасным, следовательно, нужно было убираться отсюда, как можно скорее. В лихорадочной спешке я бросил взгляд на свою будущую супругу. Глаза её горели, она вся подалась вперёд и трепетно всматривалась сквозь ветки за происходящим боем. Крики с ранчо переросли в воинственный клич, фермеров истребили, безжалостно скальпировали и подожгли сараи.

Дальше здесь делать было нечего. Мой мозг заработал быстрее компьютера, к тому же он сейчас был силён в анализе и построении недоступных компьютеру парадоксов и алогизмов, было очевидно, что он уже запустил процесс сверхспособностей, продумав наперёд тысячи всевозможных комбинаций. Однако я не учёл острого слуха, каким обладают индейцы с момента своего рождения. По всей видимости, под Леной обломилась одна из веток, раздался треск, и краснокожий воин выстрелил, не глядя, из своего натянутого лука. Двое соплеменников как раз осаждали мустангов рядом с ним, и я успел вовремя отдать ко-

манду на ускорение. Рванув Лену на себя, мы едва не свалились вниз, наблюдая, как в моментально сгустившемся воздухе мимо нас, как в замедленной киносъёмке, еле-еле движется стрела, направляясь к тому месту, где мы только что находились. Лена уже не удивлялась, и я поразился её хладнокровию, когда мы спустились на землю. В радиусе нескольких метров всё движение прекратилось, индейцы и лошади замерли в тех же позах, в каких находились перед нашим ускорением, а их застывшие фигуры были похожи на оцепеневших, вылитых из воска истуканов.

— Они обездвижены... — констатировала она, едва ли не вплотную подойдя к стрелявшему индейцу.

— Скорее, наоборот, ангел мой, — объяснил я. — Они продолжают двигаться в пространстве, стрела ещё летит к цели, просто мы с тобой ускорились на уровне звука, потому и не видны им. Давай поторапливаться, я ещё не совсем владею этим даром и не знаю, насколько долго он может действовать. Если это не наш фильм, как ты говоришь, то предлагаю немедленно его покинуть. Ты его не видела, и неизвестно, что может произойти дальше. На первый раз, думаю, нам хватит приключений. Позднее мы с тобой сможем путешествовать, куда душа желает.

Она с сожалением окинула взглядом местность и печально кивнула.

— Я ничего не буду помнить?

Мне пришлось обнять её за плечи и привлечь к себе.

— В своей жизни да. Однако мы можем в будущем посещать с тобой любые измерения, доступные моему чудесному дару после генетического эксперимента, который внушил мне незнакомец в поезде...

Договорить я не успел.

Ближайший к нам конь внезапно всхрапнул, поднялся на дыбы и неистово заржал от испуга, едва не сбросив с себя седока. Всё пришло в движение, индеец в смятении уставился на нас, возникших для него ниоткуда, и в панике заорал, призывая соседних воинов. Всё произошло настолько быстро, что я не успел опомниться. Ещё секунда, и на нас был обрушился град стрел с ударами томагавков.

Я буквально обалдел, и на некоторое время усомнился в непогрешимости теории вероятностей, выдвинутой в своё время великим физиком всех времён и народов. Произошло то, чего я абсолютно не ожидал.

Кони ещё ржали, индейцы свесились с сёдел, чтобы подхватить Лену, как вдруг я заметил внутри пространства расширяющийся раструб ниоткуда взявшейся воронки. Из горловины кротовой норы появилась

наполовину скрытая рука, схватила Лену и дёрнула на себя, высвобождая её из цеплявшихся за неё индейцев. Лена исчезла в воронке, следом за ней показалась половина туловища, затем всё тело целиком и, схватив меня таким же образом, Андрей с силой швырнул внутрь закрывающегося тоннеля. Произошёл громкий хлопок, лошади встали на дыбы, сбрасывая седоков из сёдел, а мы уже неслись в круговороте магнитных бурь куда-то в неизвестность. Последнее что я помню сквозь вихри бушевавших сполохов, это озабоченный взгляд моего приятеля, осматривающий плечо Лены. Затем он подмигнул мне, и уж дальше точно наступила пустота. Нас всосала гравитация, зеркальный двойник покинули тело Лены, запахло озоном, и время, как математический вектор, перестало существовать.

На этом, собственно, и всё.

Моё посещение альтернативного мира подошло к концу.

...Очнувшись в кинозале и бросив взгляд на экран, я заметил, что чёрно-белый фильм показывал последние кадры сюжета, когда главные герои покидают пристань на моторной лодке, направляясь к сверкающей огнями яхте. Не дав Лене, как следует опомниться, я вскочил в темноте, покинул ряды кресел и незаметно для всех спрятался в углублении ниши, где перед этим скрывался от посторонних с Андреем. Стремительно вставая с места, я успел оглянуться, заметив в глазах своей будущей супруги изумлённый и немой вопрос: кто был этот человек, так отчаянно похожий на её Алексея, и зачем он вообще подсаживался в кресло?

Девушка совершенно не помнила, что с ней произошло в ином измерении только что покинутого антимира, но то, что к ней во время сеанса подсаживался какой-то незнакомец, она начала сознавать только сейчас. Когда из курилки туалета вернётся Алексей, она непременно спросит его, каким образом мог появиться этот пожилой мужчина, похожий на него как две капли воды, разве что с поправкой на время?

Я уже спрятался в нише, когда мимо меня прошёл второй «я», беззаботно насвистывая что-то на ходу. Он, как и Лена, абсолютно не будет помнить своей встречи с непонятным человеком, предложившим ему выйти покурить, представившись знакомым его друга Сергея. На этом, собственно, и закроется петля Мёбиуса, вернувшись в своё исходное положение, только уже совсем в ином векторе математического пространства. Молодожёны покинут кинотеатр, слившись с выходящей толпой зрителей, а мы с Андреем последуем издалека за ними, держась

на безопасном расстоянии и, вслушиваясь в взволнованный голос Лены, когда она будет рассказывать Алексею о неизвестном соседе, который на миг подсел к ней, чтобы тут же встать и удалиться.

— Как тебе удалось извлечь нас из того фильма? — спросил я Андрея, наблюдая, как второй «я» бережно ведёт Лену через площадь, направляясь к её подъезду.

— Ничего нет проще, — улыбнулся он под светом фонарей. — Я внушил твоему Алексею стоять и курить в одиночестве, а сам, мысленно вызвав своего двойника, направился по твоим оставленным следам вслед за вами.

— По каким следам? — не понял я.

— По тем, что оставляет в пространстве твой зеркальный двойник. Мы все их оставляем, кто владеет этим даром. Своеобразные световые маркеры, как ореол вокруг телесной оболочки, только в данном случае оболочка не телесная, а скорее, виртуальная, невидимая никому кроме нас. Некий светящийся шлейф, тянущийся за тобой на всём протяжении, пока ты посещаешь альтернативный мир иного измерения. Я подумал, что без меня в этом закрепляющем экзамене может произойти какой-нибудь сбой, поскольку ты ещё не до конца овладел этим даром. И как видишь, словно в воду глядел. Оставив молодого тебя наслаждаться дымом сигарет, мой зеркальный двойник увлёк меня за собой, проникнув в иное измерение чёрно-белого фильма, куда вы направились с Еленой. Последний твой световой маркер я обнаружил на карнизе небоскрёба. Дальше следы терялись, но следующий шлейф светился уже в другом фильме. Лена упросила? Как, кстати, она восприняла, что ты умеешь летать, становиться невидимым и ускоряться в пространстве? Внушил гипнозом, как и твой «проводник» в вагоне?

— Да. Посмотрел ей в глаза, мысленно отдал команду на блокировку прежней памяти, дал установку ничему не удивляться и...

— Дальше не продолжай, — засмеялся он. — По твоему счастливому лицу можно диссертацию писать! Она выбрала фильм, и вы оказались в нём, перед этим насладившись грандиозной панорамой с высоты небоскрёба. Верно?

— Верно. С одной лишь поправкой.

— Какой?

— Фильм оказался не тем, какой она выбрала.

Андрей изумлённо вскинул брови и на миг придержал меня за локоть.

— Как это, не тем?

Молодой Алексей уже довёл Лену до подъезда.

— Не в тот фильм мы попали, Андрюша. Она хотела на Дикий Запад...

— Хм... — усмехнулся он. — Судя по тому, что я едва вытащил вас из рук индейцев, это и был Дикий Запад.

— Да. Но она хотела попасть в фильм с Клинтом Иствудом или Гойко Митичем...

— А попали?

— А попали к чёрту на кулички. Что там произошло, и какой сбой повлиял на выбор фильма, я не знаю, но то, что она его не видела, это точно. Мы оказались у какого-то заброшенного ранчо, напали индейцы, и никаким Иствудом там и не пахло.

— Хм... — протянул он. — Над этим стоит поразмыслить. Выходит, что какой-то сбой программы всё же существует. Тут можно сделать поправку на твой неудачный экзамен и ещё не вполне сформировавшийся дар, которым ты только начинаешь управлять. Однако мне что-то подсказывает, что неспроста вы оказались в ином фильме. Тут что-то не так.

— Не забывай, — дополнил я, — что ты как раз вовремя нас вытянул оттуда, иначе нас бы растерзали и кони и воины.

— Мог бы ускориться... Кстати, почему ты не сделал этого?

— В том-то и дело, что сделал. Всё застыло на месте, мы уже собирались покинуть фильм, как вдруг всё снова пришло в движение. Кони, звери, индейцы. Все, кто находились в радиусе действия.

— Да? — удивился Андрей. — Значит, ты ещё не слишком владеешь чудесным даром во всех его проявлениях. Экзамены на поляне не в счёт. Будем считать, что тебе повезло. Следовательно, я не напрасно отправился вслед за тобой.

Он вздохнул по-дружески.

— Ладно. Ещё поработаем над этим, когда вернёмся в тот мир, где нам предстоит вызволить из неволи остальных «перебежчиков», как называют нас инквизиторы. Сейчас-то доволен?

Мне ничего не оставалось, как только взглянуть на него с благодарностью. Теперь всё будет зависеть только от меня.

Молодой «я» проводил Лену домой, поцеловал и направился к уже опустевшей площади.

Пройдя её, он войдёт во двор девятиэтажного дома, поднимется на лифте в свою квартиру, где жил с тётушкой после исчезновения своих родителей, ляжет спать, и будет вспоминать те мгновения, которые провёл сегодня со своей любимой женщиной. Парадокс Эйнштейна о теории вероятности в этот раз обойдёт его стороной, но он ещё не раз

в своей жизни вспомнит этот разговор о загадочном незнакомце, поразительно похожем на него молодого, как две капли воды. Однако произойдёт это уже совсем в ином витке искривленного пространства.

Пока же, покидая с сожалением этот мир и, поминутно оборачиваясь, я уносил с собой первые нахлынувшие чувства ностальгии, которые впоследствии мне предстоит испытать ещё ни один раз.

Зайдя за одну из опор сооружения, мы одновременно отдали мысленную команду на возвращение. Воздух слегка хлопнул, завязался в узел, свернулся точкой сингулярности, пропал и растворился в пустоте.

Исчезли и мы.

...Так прошло моё первое самостоятельное посещение иного, альтернативного мне мира.

Глава 4. Форпост ордена инквизиторов

Среда, 18:00 (по реальному земному времени).

А когда вернулись, радость и возбуждение моё сменилось чувством тревоги.

Место и костёр, ещё не успевший остыть, были теми же, поляна и ручей находились, как и прежде, однако...

— Ты что-нибудь замечаешь? — спросил тихо Андрей, осторожно обводя взглядом поляну.

Было ощущение, что здесь кто-то побывал. И отнюдь не зверь.

— Вижу, кусты придавлены, — так же тихо ответил я. — Мы с тобой сделали глупость, что не прихватили с собой из моего времени что-нибудь в качестве оружия.

Андрей осторожно приблизился к поникшим от чьего-то прикосновения кустам и бросил мне в сторону, почти не разжимая губ:

— Будь готов в любой момент ускориться. Если что, встречаемся у реки, там, где ты выловил сома.

— А откуда ты знаешь, где именно?

— Найду.

Он уже присел на корточки и, раздвигая грозди каких-то ягод, в свою очередь поинтересовался:

— Интересно, что ты подразумевал под словом «оружие»? Ограбить арсенал воинской части?

Я не успел ответить, как вдруг, со стороны ручья послышался шорох, напоминающий крадущиеся шаги. Кто-то приближался к нашей по-

ляне. Андрей вскочил, бесшумно приблизился и прошептал в самое ухо, заглядывая мне в глаза:

— Невидим!

И пропал сам.

Мой мозг моментально среагировал на его гипноз, и только муха, со всего лёта врезавшаяся в меня, дала понять, что я стал прозрачным. Схватив за руку, он увлёк меня за собой, укрывшись за стволом ближайшего дерева. Там мы и застыли оба, не решаясь сделать громкий выдох из лёгких.

На поляну вышли двое. Озираясь по сторонам, один из них подошёл к кусту и наклонился, где только что сидел на корточках мой приятель. Поднеся палец к губам, незнакомец кивнул в сторону нашего дерева. Андрей ущипнул меня за локоть, давая понять, чтобы я подхватил его за пояс и поднял вверх к ветвям дерева, нависавших над нами метрах в четырёх от земли. Что я, собственно, и сделал. Таким образом, поднявшись на три метра, мы оказались почти над их головами, едва не касаясь обувью их бритых макушек.

Это были монахи.

Тут меня осенило. Точно! Этих людей я мельком видел в подземном переходе вокзала, направляясь к стоянке такси, прежде чем получить убийственный удар по затылку. Ликвидаторы! Так называл их Андрей, когда мы только начинали знакомиться. Эти двое были теми же незнакомцами, которые впихнули меня в багажник, увезли в неизвестном направлении и кинули в каменный колодец, охраняемый стражей. Что им нужно было от меня и таких как мы с Андреем, он мне уже рассказал у костра, когда мы впервые углубились в этот лес. Теперь они появились вновь. Очевидно, перемещаясь из пространства в пространство, они могли каким-то образом не подвергаться воздействию электромагнитных лучей, как, впрочем, и мы с Андреем. Оба пришельца застыли под деревом, усердно прислушиваясь к шорохам леса. Энергетическое поле вокруг замка, по всей видимости, выпускало их из своего купола, и, покидая на время свою обитель, они могли беспрепятственно посещать любые измерения, в том числе и то, где жил я. Недаром они появились у стоянки такси, спеша и опасаясь чего-то. По всем вытекающим отсюда выводам, ликвидаторы могли находиться в ином для них антимире считанные часы, лишь какой-то определённый промежуток временного вектора.

Андрей прижал палец к губам, как тот монах, что присаживался к кусту. Я впился в него взглядом и мысленно спросил, отчего мы не можем ускориться? И тут же получил телепатический ответ:

«Они тоже могут ускоряться. Могут и летать. Но становиться невидимыми, это уже прерогатива старших инквизиторов. Поэтому не делай никаких движений и дыши через раз, чтобы они не услышали движения воздуха».

«Иными словами, если мы ускоримся и, взмыв вверх, понесёмся от них прочь, они нас настигнут?»

«Да. Именно так они меня и поймали первый раз. Я тоже ускорился, находясь в своём мире, но они оказались проворнее».

«А почему мы их вообще опасаемся? Что они делают с такими как мы?»

«Отправляют к старшим инквизиторам. Тише!...»

Он оборвал наш мысленный сеанс на полуслове. Один из монахов с арбалетом в руках задрал голову вверх и прислушался к шелесту листы. Мои свисающие ноги в кроссовках были в метре от его бритой макушки, и его морщинистое, изъеденное оспой лицо, когда он в первый раз откинул капюшон у кустов, напомнило мне средневековых палачей, заносящих топор на эшафоте. Ни дать, ни взять — убийца.

Первый монах зашёл тихо за дерево, направил свой арбалет мне в спину, и только тут Андрей, очевидно, догадавшись, послал мне тревожный импульс:

«Они видят наши световые маркеры, Лёша! Телепортируйся! Немедленно!»

Я ещё не успел ничего сообразить, как вдруг выпущенная из арбалета стрела просвистела у самого уха, впившись в соседнюю ветку, где только что находилось моё плечо. Абсолютно не сознавая, что делать, я мысленно отдал команду переместиться к реке, где вчера (разумеется, по земным меркам) ловил сома.

Щелчок! Хлопок в пространстве! Запах улетучившегося озона, — и я на месте. Андрей уже поджидал меня у заводи, материализовавшись в сжатом воздухе за миг до этого.

— Нужно срочно покинуть этот лес! — заметил он озабоченно. — Я только сейчас осознал, что они находят нас по световым маркерам, которые оставляют наши виртуальные двойники после себя. Помнишь, я говорил о неких шлейфах, словно в камере ночного видения? Благодаря этим световым фантомам я и нашёл вас с Еленой в ином фильме. Теперь ликвидаторы идут по нашим следам, а устранить светящиеся в пространстве силуэты я не в силах. Я просто не знаю, как это сделать.

— Выходит, что нам некуда спрятаться? Они найдут нас везде?

— В этом измерении да. Но мы можем перенестись в иную эпоху и на время затеряться там, пока они снова нас не обнаружат.

— И сколько мы сможем там находиться в безопасности, пока они нас не вычислят?

Он пожал плечами.

— Меня ловили только два раза, и опыта у меня не больше, чем у тебя. Очевидно, у их Ордена есть своеобразная служба слежения, которая отслеживает все перемещения сквозь пространства, будь то мы с тобой, или другие «перебежчики», как они нас называют. Если находиться в этом лесу им по силам, и если временной тоннель перебрасывает их из замка в лес, то и за нами они смогут последовать в любое измерение. Но если мы исчезнем, поменяв лишь эпоху, им и в голову не придёт искать нас в этом же пространстве. Соображаешь? Пока они профильтруют другие порталы, пока будут искать наши световые маркеры в одном из тысяч измерений, мы на время затеряемся в настоящем мире, поменяв лишь эпоху. У нас будет немного выигрышного времени, чтобы подумать, куда направиться дальше. Согласен?

— Ты у меня спрашиваешь? Я-то согласен, ты тут хозяин. Просто буду делать всё, как ты скажешь, поскольку понятия не имею, о чём идёт речь. Все эти порталы, измерения, перемещения, погони... Думаешь, я хоть что-то понимаю сейчас? Меня выдернули из моей жизни, моя супруга, очевидно, до сих пор ждёт меня на ужин, и дочь Яна давно уже возвратилась из художественной школы, а я вместо этого ношусь где-то из пространства в пространство, скрываясь от погони, о которой, в общем-то, ещё недавно и понятия не имел.

Разговаривая едва слышно, мы, тем не менее, не переставали следить за кустами на противоположном берегу реки, ожидая каждую минуту, что там появятся наши преследователи. Солнце уже склонилось к горизонту, вот-вот начнёт смеркаться, и находиться в этом измерении нам становилось с каждой минутой опаснее. Андрей, по всей видимости, и сам не знал, что делать. Вызвав наших зеркальных двойников и покинув этот мир, мы могли затеряться в бесчисленных пространствах тысяч измерений, наслаивающихся друг на друга подобно бесконечной восьмёрке Мёбиуса, но кто даст гарантию, что нас тотчас не обнаружат? Нас всего двое, один из которых лишь дважды побывал в плену. Второй вообще ни беся не смыслит в этой катавасии с измерениями, а против нас целый механизм многочисленного аппарата, включающий в себя сотни и сотни младших инквизиторов, охранников, ликвидаторов и прочих магистров Ордена. Иными словами, мы с Андреем против всего альтернативного мира. Или, если быть точнее, весь альтернативный мир инородного пространства ополчился против нас. Две букашки против гигантского муравейника.

Кусты на том берегу зашевелились, вспорхнула испуганная птица, плеснула хвостом рыба и мы замерли на месте, мысленно отдав команду на невидимость.

— Может нам измазаться глиной? — шепнул я Андрею. — Как герой Арнольда Шварценеггера в «Хищнике». Помнишь, тот ходячий монстр так и не заметил его в корягах, а ведь и там был тепловой датчик слежения.

— У нас не тепловые волны, Лёша, — назидательно ответил он, переходя, как и я, на шёпот. — Наши световые маркеры имеют совсем иную спектральную структуру. Они не видны ни в одном диапазоне, их видим только мы и эти инквизиторы из потустороннего мира.

— Тогда отчего их не вижу я?

— Ещё не достиг подходящего уровня. Не всё сразу. Ты и так провалил последний экзамен, нарушив тем самым ваше пребывание с Еленой в ином пространстве. Это не она выбрала не тот кинофильм. Это тебя занесло к чёрту на кулички куда-то в дебри Дикого Запада совсем в иную местность и чужеродный вектор времени. А супруга последовала за тобой. Точнее, не за тобой, а за твоим зеркальным двойником. Находясь в стадии внушения, она могла переместиться с тобой хоть к созвездию Ориона, хоть на край Вселенной, образно говоря.

— А что, и туда можно? — вскинул я в удивлении брови. Такая грандиозная перспектива мне не приходила в голову: путешествовать среди звёзд в галактическом пространстве вакуума.

Ответить он не успел.

На берег, крадучись, направив в стороны арбалеты, высыпали сразу несколько монахов в одинаковых мантиях, подпоясанных ремнями, на которых висели замысловатые приборы в виде плоских планшетов, знакомых мне в своём реальном мире. По моей прозрачной руке полз муравей, и со стороны казалось, что он перебирает своими тонкими конечностями в абсолютной пустоте. Мы были невидимы для обитателей леса, но наши световые маркеры могли быть обнаружены ликвидаторами в любую секунду.

— Вот и помощь подоспела, — заключил Андрей, напрягаясь всем телом, по которому, как и по мне, путешествовали беспечные насекомые. — Сейчас они включают эти датчики слежения, что висят на поясах, и тогда наше дело плохо.

— Так что? Ускоряемся? Или пропадаем?

— Ускоряться бессмысленно, как я уже говорил. Вмиг настигнут. Ты готов?

— Да. Куда последуем?

— Смотри мне в глаза!

Я уставился в его бездонный взгляд, в мозгу что-то зашевелилось, зеркальный двойник высвободился из тела и, подобно фантому, увлѣк моѣ сознание следом за Андреем. Мезонное облако в радиусе трёх метров закрутилось в узел, всосало в себя, раздался неслышный хлопок, и тьма, обрушившаяся сверху, поглотила меня целиком. Туда же направился и световой маркер Андрея.

Теперь я его видел.

Спустя секунду, муравьи, путешествующие по нашим невидимым телам, осыпались в траву и побрели по своим делам к ближайшему муравейнику.

Эта эпоха перестала для меня существовать.

...А когда пришѣл в себя, было утро.

Теперь предстояло вычислить, какого дня и какого года.

Прежде всего, Андрей. Его нигде не было. Такого удара я не ожидал. Лучше бы я искупался в бассейне с жидким гелием, нежели потеть в этих бесчисленных пространствах моего нового приятеля и наставника. В этот момент у меня в мозгу словно щѣлкнул выключатель, а вернее, включатель, потому что все события последнего дня выстроились в сознании в единую логическую и, к сожалению, безальтернативную цепь моих взаимосвязанных ошибок. Накатившая паника способна была наполнить разум самыми мрачными предчувствиями. Он действительно был мне нужен. Даже воспоминания о своём собственном реальном мире не заменяло ту неоценимую помощь, которую он оказал мне при освобождении его из каменного колодца. На меня будто упала туча, когда туман в сознании рассеялся, осознав, что его нет рядом.

Перекатившись на бок и встав на ноги, я, прежде всего, отстранился подальше от проходившей по земле борозды шириной с полметра. Это была свежая рана, а в некоторых местах уже появились стебельки молодой травы, и, очевидно, специфические сельскохозяйственные работы велись здесь совсем недавно, что подтвердило мои предположения: я в какой-то населѣнной местности.

Только где? Какого года, и какой эпохи?

Размышлять было некогда. С минуту на минуту могли появиться либо преследователи, либо те, кто оставил эти вспаханные борозды. В обоих случаях меня ожидала весьма неприятная перспектива: или быть застигнутым врасплох, или выказывать себя за чужестранца в непонят-

ной одежде. Не раздумывая, я бросился в кукурузные насаждения, которые шли сплошной стеной до самого горизонта, перемешиваясь с рядами солнечных подсолнухов. Было тепло, запах вспаханных поблизости полей приятно щекотал ноздри, но всё это было второстепенно, если учесть, что Андрей исчез непонятным образом, как и Лена в чёрно-белом фильме. Взойдя на небольшой пригорок, возвышающийся над сплошными рядами кукурузы, я осторожно высунул голову, пригнул подсолнух и осмотрелся. Совсем рядом, метрах в трёхстах, виднелся позолоченный купол какой-то церкви, и сусальное золото блестело на солнце, отбрасывая солнечные зайчики прямо мне в глаза. Где-то за двором церкви лаяла собака, кудахтали куры, и фыркала лошадь. Час от часу не легче, проскользнуло у меня в мозгу. Я снова в прошлых веках какого-то заброшенного пространства, завязавшегося в узел вперемежку с иными измерениями. Что я смогу сделать один? Андрея нет, как вернуться назад? Световой маркер, что я увидел вслед за ним, исчез вместе с его хозяином, а возвращаться назад к реке было себе дороже. За всеми «перебежчиками», судя по замечаниям Андрея, тянулись такие же шлейфы световых фантомов, и ликвидаторы, подключив датчики слежения, могли искать нас в любом пространстве, пока не обнаружат. Дело лишь времени.

В тот момент, когда я уже наобум собрался выйти к церкви, полагая, будь что будет — не причинят же мне зла в храме господнем — сзади вдруг раздался шорох, и я едва не свалился в заросли кукурузы.

— Замри! — послышался ироничный голос, ставший мне до боли знакомым за последние дни (по реальному земному времени, разумеется).

— Андрей! — чуть не заорал я от радости. — Где тебя бесы носили?

— Тише ты! — приблизился он, осторожно раздвигая подсолнухи. — Я намеренно исчез в другом направлении, пока ты будешь приходить в себя после переборки. Хотел выяснить, куда нас занесло. Ускорившись и став невидимым, я обследовал заднюю часть двора, расположенного за часовней, и пока ты тут барахтался в кукурузе, успел кое-что разузнать.

Он хлопнул меня по плечу, отстраняя, в порыве объятия, простёртые к нему руки. Я едва не задушил его от радости.

— И что ты узнал? Где мы?

— Помнишь, перед перемещением, я приказал тебе смотреть мне в глаза?

— Конечно. Именно поэтому я и отправился за тобой, внушённый твоим гипнозом.

— Верно. Я отправил своего зеркального двойника в одно из тысяч переплетённых между собой измерений, в котором, по моим предположениям, должна находиться та девушка «перебежчица», о которой я тебе упоминал в начале нашего знакомства.

— Это я помню, — отступая внутрь подсолнухов, ответил я. — Ты мне все уши о ней прожужжал.

— Ну, положим, не все... — покраснел он. — Тем не менее, услышав в первое своё пленение от монахов, что она находится в этих координатах, я настроил наши сознания переместиться сюда, следуя за двойниками-фантомами. Метнулся к часовне, произвёл разведку, и вот что обнаружил... — голос его стал серьёзным и озабоченным. — Мы переместились как раз туда, где находится один из форпостов инквизиторов. Охраны тут немного, сам узел связи с иными пространствами находится под защитным слоем энергетической сферы. И где-то здесь, в одном из зданий двора, а может и в подвале, томится наша незнакомка. Как я когда-то.

— И я. Но как ты нашёл меня в этих зарослях?

— По световому маркеру. Ты до сих пор его не видишь?

— На миг промелькнул за тобой, когда мы перемещались сюда, но позже исчез вместе с тобой.

Он разочарованно хмыкнул:

— Похоже, нам придётся ещё работать и работать над твоими способностями. Не все экзамены ты сдал. Но это позже. Слушай, что я обнаружил...

В течение нескольких минут он изложил мне свои предположения и догадки. Надёжно укрытые стеной подсолнухов, мы примостились у пригорка, строя планы на ближайшие несколько часов. Солнце уже поднялось высоко, и я очередной раз заметил, что при перемещениях совершенно не чувствую голода. После того ужина у костра у меня во рту не было ни маковой росинки, но я по-прежнему не хотел есть, как и в чёрно-белом фильме, как и в кадрах Дикого Запада, где мы присутствовали с Леной. Об этом феномене я решил поинтересоваться у Андрея позже. Пока же он говорил следующее:

— Во дворе часовни три жилых помещения, два сарая, хлев для домашнего скота, какой-то холм с вкопанной дверью, и всё это обнесено забором. Постройки сплошь из дерева, крытые соломой, что позволило мне предположить примерную эпоху, куда нас занесло. Есть соображения?

— Церковь, соломенные крыши, поля с кукурузой, лошади... — принялся перечислять я, загибая пальцы. — По всем признакам, век восемнадцатый?

— Может, и девятнадцатый. Я заметил нескольких монахов, но все они в таком же одеянии, что и наши стражники у замка. Если бы попались крестьяне, можно было бы определить по одежде, а так... — он разочарованно пожал плечами.

— Разговора их не слышал? По наречию люди иногда узнают, из какой местности их собеседник.

— Не в нашем случае, Лёша. Инквизиторы, ликвидаторы и прочие наши преследователи разговаривают всё время на одном и том же диалекте своей собственной эпохи, где бы не находился их форпост. А наше сознание, благодаря генетическому эксперименту над «проводниками», выдаёт нам в мозг сразу конечный результат перевода. Будь мы в средневековой Франции или у стен Вавилона, мы однозначно понимали бы их, не имея возможности услышать оригинальную версию диалекта. В наши бинарные полушария мозга поступает только конечный результат.

— Но сами голоса слышал?

— Слышал. А толку? Для меня они разговаривали на чистом русском языке, причём, совершенно современном. Как у башен замка. Там тоже охранники общались на своём диалекте, а мы с тобой слышали уже их конечный перевод.

— Но мы хоть в России? Или где-то в центре Европы, у чёрта на куличках?

— Судя по соломенным крышам и куполу церкви, точно не в Пруссии, Австрии или Франции. Я как раз вернулся за тобой, чтобы вдвоём произвести разведку. Заодно и проверим мою догадку.

— Какую?

— Я думаю, что под тем холмиком с вкопанными дверями, находится какой-то погреб. Что-то вроде подземелья. Там они и держат нашу незнакомку. Готов помочь мне?

Я тотчас поднялся, улыбнулся, выказывая крайнее нетерпение, и пошутил:

— Спрашиваешь! Для тебя хоть звезду с неба!

— Звезду побереги для своей Елены, — отшутился он. — Мне понадобится, чтобы ты отвлек двух монахов, сидящих за деревянным столом у входа в погреб. Очевидно, они намерены сейчас приступить к утренней трапезе, а остатки еды снесут вниз, чтобы и девушка могла утолить свой голод. Когда ты возникнешь перед ними, я войду в состояние

ускорения, открою дверь, проникну внутрь, увлеку за собой незнакомку и, закрыв снова дверь, брошусь с ней сюда, к этому пригорку. Следом кинешся и ты. Здесь встретимся, сгруппируемся, и поминай нас как знали. На всё про всё должны уйти какие-то секунды, они и глазом не успеют моргнуть. Для них ты возникнешь на секунду и тут же исчезнешь. Пока они разберутся, что к чему, нас уже и след простынет.

— След-то простынет, — выслушав его план, согласился я. — Но световые маркеры по-прежнему останутся висеть в пространстве для их датчиков слежения. Они же не сразу растворяются?

— Не сразу, — кивнул он. — Несколько минут они ещё светятся. Но дверь погреба, которую я прикрою, на время собьёт их с толку, и пропажу они заметят, когда пойдут относить остатки завтрака. Пленница исчезнет, как, впрочем, и мы.

— А куда мы направимся?

— Спросим у неё, — пожал он плечами. — Она обладает тем же даром, что и мы, следовательно, у нас будет новая информация о других невольниках. Итак, — он осторожно раздвинул подсолнухи, всматриваясь острым взором в купол церкви. — Готов? В этот раз постарайся ничего не испортить. Возникаешь перед ними, машешь ручкой или говоришь что-то вроде: «Приветствую вас, земляне! Я прибыл с миром!», посылаешь воздушный поцелуй, и растворяешься в пустоте, ускорившись до скорости звука. Пока они, обалдевшие, будут рассматривать тебя в течение секунды, я уже окажусь с нашей пленницей здесь. Всё ясно?

— Я что-то насчёт воздушного поцелуя не совсем понял...

— Это я образно.

— Тогда готов! — подобрался я.

— Исчезай!

Всё пришло на миг в движение, промелькнуло как в убыстренной киносъёмке, струя воздуха напором швырнула меня к забору, закрутила в воронке и выплюнула из себя прямо перед глазами двух монахов, подносивших уже ложки ко рту. Краем глаза я успел заметить, как мимо меня метнулась тень Андреева фантома, распахнулась дверь погреба, и он исчез внутри. Секунда — и мёртвый воздух застыл окончательно, превратив окружающее пространство в сплошной вязкий кисель. Монахи застыли на месте, словно прикованные к скамье, а я, пользуясь временным обездвижением всего живого в радиусе нескольких метров, позволил себе даже небольшую забаву. Подойдя к столу, я взял глиняную миску, сложил в неё копчёный на дыму кусок окорока, несколько варёных яиц, картофель в мундирах, пучок редиски, ломоть благоухаю-

щего свежее выпеченного хлеба, прихватил бутылку вина и, махнув на прощание, выдал:

— Простите великодушно, ребята. Спасибо за завтрак. Ваша пленница будет весьма довольна.

И исчез.

Ускорение в миг ока перенесло меня к пригорку, подсолнухи качнулись, и прямо в объятия, вынырнув из пространства, ко мне свалился Андрей, держа в охапку ничего не понимающую девушку неземной красоты. Точнее, красота как раз земная, просто девушка была не от мира сего.

Ещё секунда, Андрей впился в неё взглядом, прочёл мысли, и, погнав своего двойника в иное измерение, рванул меня на себя:

— В глаза!

Я уставился в его бездонный взор, зеркальный двойник получил импульс мысленной команды, всё пришло в движение, и нас троих, подобно гигантскому пылесосу, всосало внутрь вращающейся воронки. Перед глазами промелькнул купол церкви, искажённые гримасы монахов, выбегающие из деревянных строений люди в средневековых мантиях, раздался хлопок, и всё исчезло. Математический вектор портала времени, сметая всё на своём пути, закрутил в вихре электромагнитных полей и бросил нас в неизвестность.

Что было потом, я не помню.

...Так состоялось наше знакомство с ещё одним членом группы «перемещиков», как нас называли инквизиторы.

Получив от девушки мысленное направление вектора, мы благополучно переместились из одного измерения в другое, оставив на несколько минут после себя световые шлейфы, которые должны были раствориться в пространстве, прежде чем нас обнаружат. Всё так и произошло. Покидая тот мир, мы прихватили с собой миску с едой, которую я сейчас раскладывал у костра. Прошло всего несколько минут, а я уже успел разжечь огонь, насадить на ветку кусок мяса, и разложить всё на широком пне, у основания которого мы устроились. Пока я занимался приготовлением обеда, девушка уже пришла в себя и отвечала на вопросы Андрея, который не сводил с неё восхищенного взгляда. Восторг моего друга был сопоставим с тем чувством умиления, когда я впервые увидел свою молодую супругу. Не сказать, чтобы наша новая знакомая была красивее Лены, но это чисто моё субъективное мнение. Андрей, разумеется, был категорически с ним не согласен.

В течение беседы мы узнали, что её зовут Анжеликой — вполне подходящее имя для обладательницы чудесного дара. По её словам, она получила его от престарелой женщины, поразительно похожей на неё, с поправкой лишь на время. Подсев к ней в каком-то кафе, седовласая незнакомка так же внушила ей гипнозом свои сверхъестественные способности, как и нам с Андреем, пожелав остаться неизвестной. С тех пор уже три года Анжелика владеет этим даром, но осознавать его начала постепенно, полностью убедившись в его всеильности лишь год назад. Она, как и я, вначале не понимала тех открывающихся возможностей, нахлынувших на неё, словно лавина с гор. Вначале зеркальный двойник, увлёкший её однажды на страницы книг, где она со страхом обнаружила, что может перемещаться из сюжета в сюжет, при этом, оставаясь для окружающих прежним человеком, какой и была до этого. Затем, после исчезновения своей «проводницы», она заметила, что в один прекрасный день может взлетать к потолку и парить в неведомости сообразно своему желанию. Так она научилась летать. В прошлом году (по реальному земному времени, разумеется), она открыла для себя, что может читать мысли собеседников, взглянув им в глаза, а ещё позднее обнаружила в себе способность становиться невидимой и ускоряться в окружающем её пространстве.

— Я не пользовалась этим даром до поры до времени, — продолжала она свой рассказ, с благодарностью принимая от Андрея кусок прожаренного мяса с ломтиком хлеба. Я раздобыл у ручья нечто подобие кувшинок, и они заменили нам ёмкости для вина. Время близилось к полудню, мы находились в таком же лесу, что и у замка, с той лишь разницей, что это было совсем иное измерение, не похожее ни на что, прежде нами виденное. Лес был папоротниковым, и хвощи с плавунами устилали под ногами ковёр высокой травы, доходившей нам едва ли не до колен. Жуки и другие насекомые представляли собой гигантских монстров величиною с наши ладони, но другой живности мы пока не видели, очевидно, отпугнутые видом костра.

— Мы в пермском периоде, — пояснил Андрей, когда нас выкинуло из воронки портала. — На время спрячемся здесь, пообедаем, и направимся дальше, путая и заметая следы наших световых маркеров. В пермском периоде инквизиторы не станут нас искать, полагая, что мы направились в какую-нибудь более близкую по времени эпоху.

— Великое пермское вымирание? — переспросил я, воспользовавшись паузой в рассказе Анжелики, пока она утоляла голод. На вид ей было около тридцати, и при первых словах знакомства, она уже успела поведать нам, что бывший муж покинул её ещё в молодости, оставив

их с сыном, который сейчас находится на каникулах у бабушки. За него она спокойна. Дальше она рассказала, что её, так же как и меня, захватили из её мира, перенесли в иное пространство, кинули в погреб и держали несколько дней, очевидно, ожидая прибытия Главного Инквизитора. По словам охранников, она поняла, что всех «перебежчиков», иными словами, нас девятых, хотели собрать вместе, но двое успели ускользнуть и, судя по нашим действиям, ими оказались мы с Андреем. Об участи остальных шестерых она не знает, но слышала, что они находятся все вместе где-то в одном из форпостов, расположенном, не то в ордовикском периоде, не то в пермском — отчего и направила мысленный вектор в эту эпоху, когда Андрей успел прочесть её мысли. Теперь мы здесь, и что делать дальше, совершенно не имели понятия. Зато, хоть спрятались на время.

— Мы в пермском вымирании? — повторил я вопрос, пока Анжелика с аппетитом поглощала трапезу монахов, прихваченную мной с их обильного стола.

— Да, — ответил Андрей, с любовью глядя на новую очаровательную знакомую. — Я выудил из сознания Анжелы примерные координаты эпохи, которые отложились в её памяти при упоминании монахами местопребывания наших товарищей. Сама она не осознавала, но блокировка сознания позволила мне войти внутрь телепатически, прочесть её мысли. Хватило доли секунды, чтобы я всех нас перебросил сюда, внушив нашим двойникам следовать за световыми маркерами.

— И ты не побоялся, что мы сразу попадём в пасти к рептилиям, населяющим данную эпоху?

— Отчего же? Опасался! — усмехнулся он. — Но здесь мы могли при опасности ускориться, оставив рептилий без движения, а там за нами бросились бы в погоню ликвидаторы, которые обладают таким же ускорением. Пришлось выбирать из двух зол. Второе мне показалось более оптимальным. Как видишь, мы вполне уютно устроились, к тому же, поблизости нет пока ни одного ящера.

Как бы опровергая его слова, за стеной высоких деревьев, нависавших над нами огромными листьями, раздался приглушённый рёв, непохожий ни на один звук, что мне доводилось слышать в своём мире. Анжелика поёжилась и устремила беспокойный взгляд на Андрея. Тупая бородавчатая морда, ощерившаяся в мерзком зеве, выставляя клыки наружу, оскаливая пасть, раздвинула кусты плаунов и уставилась на огонь. Величиной громадная тварюка была со строительный бульдозер, а хвост с шипами, волочившийся по земле, сметал всё на своём пути. Передними лапами, словно ковш экскаватора, она загребала комья зем-

ли и, готовясь к прыжку, издала тот самый мерзкий рёв, что мы только что слышали. Медлить было нельзя. Андрей рванул Анжелу на себя и дико заорал:

— Смотри в глаза! Быстро!

Девушка в панике, произвольно повинувшись мысленному импульсу Андрея, взлетела вверх, увлекая его за собой, а я в доли секунды последовал за ними, поскольку уже был готов к этому. Оказавшись над рептилией, мы с сожалением принялись наблюдать, как незваный гость пожирает наши остатки обеда, косясь бессмысленными глазами на пылающий огонь. Раз более подходящая его рациону добыча ускользнула, пришлось довольствоваться малым.

Только тут Анжелика с удивлением посмотрела на Андрея, продолжая парить под ветвями папоротника:

— Ты мне внушил, чтобы я взлетела?

— Да. И прихватила меня с собой.

— А почему не наоборот?

— Я, к сожалению, уже не могу. Дар парения постепенно утрачен мною, я говорил об этом Алексею.

Девушка на миг задумалась, наблюдая сверху за ящером. Тот уже закончил свою своеобразную трапезу и, как ни в чём не бывало, отправился дальше вглубь пермских джунглей, предварительно обходя костёр стороной. Вскоре его шиповидный хвост исчез в кустах, а она всё ещё раздумывала.

— Странно. Ты наиболее из всех владеешь этим даром, и в то же время начинаешь его постепенно терять. Верно?

— Выходит, так, — развёл он руками. — Наши сверхъестественные способности, внушённые нам «проводниками», имеют какой-то ограниченный запас воздействия на окружающую среду, иначе, зачем было «проводникам» передавать их нам, прежде чем они сами утратят влияние. Думаю, и мой и Лёшин «проводник» и твоя седовласая женщина спешили поделиться даром, пока он окончательно не исчезнет. Мне, как я полагаю, вскоре тоже придётся искать себе так называемую замену в лице какого-нибудь бравого парня со спортивным телосложением, не имеющего вредных привычек. А позже, по всей видимости, и вам предстоит та же процедура. Вы ещё владеете этим даром, но надолго ли, вот в чём вопрос.

Спустившись к костру, остаток дня до вечера мы провели в тягостном молчании, лишь изредка прислушиваясь к шороху пермского леса. Рептилии и предки динозавров нас пока не тревожили, да и находились они ближе к водопоям, а ручей, что протекал с нами поблизости, их не

интересовал. Не тот объём. Гигантские хищники вроде тираннозавров в пермском периоде ещё не существовали, и нам стоило опасаться лишь подобных рептилий, величиной с небольшой коттедж на берегу океана.

— Кстати, об океане, — нарушил затянувшееся молчание Андрей. Было ясно, что каждый из нас по-своему переживал предстоящую утрату генетического дара, но нам с Анжеликой до этого было ещё далеко, а наш старший приятель, тем не менее, держался молодцом, нисколько не переживая по этому поводу. Во всяком случае, так выглядело со стороны.

— Сейчас в пермском периоде идёт процесс расцвета протоокеана Панталассы, а суша является единым суперконтинентом Пангеей, почти не разделённым между собой. Естественно этот процесс растянут на несколько миллионов лет, да и Великое пермское вымирание происходит постепенно, растягиваясь на сотни тысяч лет. Это в земном масштабе по меркам Земли вымирание для нас, потомков, кажется единым целым, но происходило оно в крайне длительные периоды, исчезая вид за видом, класс за классом, род за родом.

— Где тогда нам искать наших незнакомых приятелей? — спросила Анжелика, допивая из кувшинки остатки вина, которое, к слову, оказалось не таким уж крепким. Очевидно, монахи и младшие инквизиторы имели на этот счёт какие-то соответствующие указания со стороны их начальства, а настоящее выдержанное вино находилось где-то в кладовых форпоста, предназначенное высшему руководству Ордена.

Андрей стремительно поднялся, хлопнул ладонями по коленям и потянулся.

— Так! — выдал он воодушевлённо. — Отдохнули немного, подкрепились, пора и честь знать. Где искать наших незнакомых приятелей я не знаю, — повернулся он к девушке, впиваясь в неё своим гипнотическим взглядом. — Твоя память не выдаёт никаких координат, кроме названия пермского периода, но эта эпоха растянута на десятки миллионов лет, и в каком промежутке временного вектора их искать, я не имею ни малейшего представления. Световые маркеры их фантомов давно растворились в пространстве, не оставив после себя ни шлейфа, ни дымки, ни светящегося следа. Поэтому искать их без датчиков обнаружения не имеет смысла. Нас может занести к чёрту на кулички, в какое-нибудь логово плотоядных рептилий, а может вообще выбросить к берегам Панталассы, где песчаные пляжи будут кишеть всевозможными морскими скорпионами, аномалокарисами и трилобитами, вперемежку с плезиозаврами или их предками, выбравшимися на сушу. Следовательно, предлагаю такой вариант: нам необходимо запастись дат-

чиком слежения, которые мы видели с Алексеем на поясах монахов. Ты представляешь, о чём идёт речь? — взглянул он на Анжелику.

Та помедлила немного, очевидно копаясь в своей памяти:

— Видела на охранниках. Что-то напоминающее современные планшеты, верно?

— Да. Конфигурация похожая, но функции, извлекаемые из него, далеко обогнали нашу технологию. Эти приборы из будущего.

— Из чего? — едва не поперхнулся я, сглатывая подступивший комок.

— Из грядущих десятилетий, Лёша, — подтвердил он свою мысль. — А что ты хотел? Путешествуют же ликвидаторы в наше с вами время из своих форпостов, расположенных в древних эпохах. Для них это тоже своеобразное будущее. Так отчего они не могут перемещаться на несколько десятилетий вперёд?

— Но зачем? Я понимаю, что в наших реальностях они выискивают таких как мы, но какова их цель посещать миры следующих столетий?

— Кто знает... — предположил он. — Может, и в грядущих десятилетиях «перебежчиками» являются наши с вами потомки. Недаром ведь мы предполагаем вскоре передать наш дар следующему поколению, верно? А те другому, а другие — третьему... и так далее. Орден инквизиторов, очевидно для этого и существует в многочисленных пространствах, чтобы пресекать всяческие попытки таких, как мы горе-энтузиастов, путешествовать по эпохам. Впрочем, — вздохнул он, — сейчас не об этом. Нам нужно как можно скорее обнаружить их форпост здесь, в эпохе пермского периода. А найдя его, мы сможем завладеть одним из датчиков слежения, предварительно ускорившись, обезвредив охранника. Эту миссию я возьму на себя. Вам лишь стоит отвлечь кого-нибудь из стражников, а если появится кто-то из инквизиторов, то и их тоже. Завладев датчиком слежения, мы сможем настроить его на световые маркеры наших незнакомых приятелей, узнав, таким образом, в каком промежутке пермского периода они находятся. Готовы?

— А как ты сможешь управлять этим датчиком, если в руках его не держал? — полюбопытствовал я напоследок.

— Разберусь, не проблема. Я видел в прошлый свой плен, как ими пользовались инквизиторы, выслеживая остальных наших товарищей. Видимо, служители Ордена совершенно не опасались, что я когда-нибудь смогу воспользоваться этим прибором, но когда я бежал, было уже поздно. Запомнив их манипуляции на сенсорных экранах, я отложил их в блокировку своей памяти, чтобы в будущем никто не смог её

разблокировать. При надобности я выужу из своего подсознания всю информацию, и поминай нас, как знали, — закончил он шуткой.

— Да, но как мы сейчас узнаем, где находится их форпост? Здесь, в пермском периоде?

— А вот это, Лёша, самый главный вопрос. Мы попросту вернёмся на несколько секунд назад к столу с монахами, которые так и не успели позавтракать, я ускорюсь, и пока ты будешь их снова отвлекать, позаимствую на секунду датчик. Войду в меню, направлю луч вектора на пермский период и, задав ему команду найти такой же идентичный вектор, тем самым обнаружу здешний форпост. Всё просто.

— Тогда зачем нам отбирать датчик здесь, в пермском периоде? — спросила Анжелика. — Мы просто можем пользоваться тем, что ты заберёшь у моих бывших охранников.

— Всё дело в лучевых векторах. Между собой они взаимосвязаны и могут находить луч друг друга в любом пространстве тысяч измерений. Но световые маркеры «перебежчиков» они способны обнаружить лишь в той эпохе, к которой привязаны своим лучевым вектором. Иными словами, как думаете, отчего я всё время перекидываю нас из эпохи в эпоху? Чтобы не находиться в радиусе их действия одного и того же лучевого вектора. Портал-то в каждой альтернативной реальности свой собственный. Теперь ясно?

— Более-менее, — ответил я не совсем уверенно. — Тогда что? Перемещаемся?

— Готовы?

Он посмотрел нам обоим в глаза, гипнотическим взглядом вызывая наших зеркальных двойников.

— Исчезнуть!

И пермский период перестал для нас существовать.

Впрочем, лишь на долю секунды.

...Всё прошло как по маслу.

Монахи ещё не совсем отошли от потрясения, что их стол оказался пуст, как мы уже снова были рядом. Из дверей ближайшего жилого помещения только начинали выбегать всполошенные охранники, а Андрей уже ускорился. Подскочив к обездвиженным за столом стражникам, он сдёрнул с одного из них пояс, завладел датчиком и вошёл в меню. Для реального мира все наши действия уложились в долю секунды, а в мире, ускорившемся для нас, но остановившемся для прочих его обитателей, всё наше посещение заняло несколько минут. Нам с Анжелой

даже не пришлось отвлекать многочисленную стражу. Застыв кто как, в той позе, где их застал радиус ускорения, они походили сейчас на обездвиженных манекенов: кто с протянутой рукой, кто с открытым в крике ртом, а кто и вовсе с поднятыми в беге ногами. Даже пчёлы внутри нашего ускорения прекратили свой полёт, беспомощно застыв в пространстве, где их застал радиус поглощения генетического дара.

Вычислив лучевой вектор направления, Андрей в миг ока вернул датчик на место, похлопал ради забавы застывшего монаха по плечу, и метнулся к нам, совершенно не обращая внимания на начинавшийся переполох. Через секунду нас уже не будет, так стоит ли беспокоиться по мелочам, решил он.

Мы уже покидали этот отрезок времени, как вдруг Анжелика встрепенулась, очевидно, что-то вспомнив.

— Постой, — опустила она взгляд, чтобы Андрей не успел внушить ей вектор следующего направления. — Прежде чем мы отправимся на поиски остальных «перебежчиков», могу я на минуту посетить свой мир, удостоверившись, что с моим сыном всё в порядке? Меня выдернули из моей реальности внезапно, и я до сих пор тешу себя надеждой, что он находится у моей мамы.

— Ты хочешь отправиться прямо сейчас? — удивился Андрей. — Из этого измерения?

— А что, существует разница? — улыбнулась она и Андрей вмиг растаял. — Для окружающего нас мира это уложится в секунду, и монахи даже не успеют добежать до этих подсолнухов, — обвела она рукой засеянное поле. Мы как раз находились у того пригорка, где меня обнаружил Андрей, когда мы только намеревались спасти нашу очаровательную попутчицу. Теперь и я загорелся такой же идеей, пользуясь временной передышкой. Не дав ему ответить, я предложил свою версию:

— Можешь её сопровождать, а я тем временем навещу свою дочь и супругу. Когда проведаете сына Анжелы, вернёшься за мной в мою реальность и заберёшь сюда. Тебе по силам такой фортель? — пошутил я. — Она права. Судя по последним нашим перемещениям, для этого антимира всё произойдёт за какую-то секунду, а для нас самих может растянуться на несколько часов. Мне, к примеру, хватит. Появлюсь дома, поужинаю с семьёй и, сославшись на усталость после дороги, отправлюсь прогуляться перед сном. Там меня и заберёшь. Я такое часто прежде практиковал, Лена не удивится.

— А как ты объяснишь исчезновение своего паспорта, мобильного телефона и остальных вещей, что были у тебя в сумке? — с сомнением поинтересовался Андрей, словно был уже на месте моей супруги.

— Бумажник с документами потерял, — пожал я плечами. — С каждым бывает. А вещи с сумкой забыл в такси.

— Что-то не слишком впечатляющее объяснение. Такси можно найти по звонку в агентство, а документы придётся восстанавливать.

— Ничего, Лена у меня понятливая, ты сам мог убедиться, когда видел её в кинозале. А что касается сумки, сошлюсь на банальную растерянность после дороги.

Андрею и самому хотелось сопровождать свою новую подругу, да и она была, по всей видимости, не против, очевидно, уже имея намерение познакомить его со своим сыном, а заодно и с бабушкой. Было видно, как с первого же взгляда при встрече, между ними пронеслась какая-то искорка, позволившая распалить давно забытые чувства двух одиноких людей. Краткие отношения должны были вот-вот перерасти в бурный роман, и своевременное спасение невольницы Андреем, было как нельзя кстати.

— Хорошо, — прислушиваясь к отдалённому лаю собак во дворе часовни, согласился он. — На всё про всё у нас несколько часов. В нашем мире, разумеется. Затем я перемещу своего зеркального двойника к твоему дому, ты выйдешь перекурить, и мы вернёмся в пермскую эпоху, к костру у ручья. Анжела уже будет нас ждать — я её оставлю там ненадолго.

На том и решили.

Через несколько секунд мы разделились, оставив после себя едва заметную дымку светового шлейфа, который тотчас растворился, не оставив шансов нашим преследователям. Никто из них не мог предположить, в какую именно эпоху мы направились, а пока найдут нас по световым маркерам, мы уже будем далеко в пермском периоде. Андрей с Анжеликой в долю секунды превратились в мезонное облако, а я, вызвав своего двойника, помчался сквозь электромагнитные вихри бушевавшего пространства навстречу своей семье.

...Там воронка портала и выплюнула меня из своих объятий.

Глава 5. Наше измерение

Понедельник, 21:00 (по реальному земному времени).

Такси стояли на своих местах, будто я и не покидал этот мир в багажнике неизвестного автомобиля. Всё было как прежде, словно я только сейчас вышел из подземного перехода. Вдохнув родной воздух всей ширью своих лёгких, я, тем не менее, огляделся по сторонам, пытаясь различить в потоке вышедших пассажиров непонятных незнакомцев, не вписывающихся в этот мир. В карманах было пусто (монахи постарались), поэтому, зайдя в укромный уголок за стоянкой, куда не попадали неоновые огни вокзала, я мысленно отдал команду взлететь, оставаясь невидимым для всего человечества. Выглядит высокопарно, но именно так я себя и чувствовал в этот момент. Зачем мне деньги на такси, если я смогу преодолеть расстояние до своего дома за несколько минут, промчавшись под проводами столбов подобно бестелесному фантому?

Подо мной раскинулся сияющий огнями город, а площадь, где я ещё недавно наблюдал за своей молодой женой, была теперь похожа на сказку. Ни автоматов с газированной водой, ни маленьких каруселей, которые присутствовали в том мире. Вместо них сплошной архитектурной чередой взвивались в небо подсвеченные фонтаны и, пролетая над ними, меня обдало тысячами мелких брызг, отчего я даже зажмурился. Очевидно, моё невидимое тело на миг приобрело обтекаемые очертания, поскольку запоздалые голуби в темноте приняли меня за непонятную птицу, в беспорядочной свалке спикировав вниз. Это напомнило мне быть осторожным и не повторять тех ошибок, что были описаны Гербертом Уэллсом в романе «Человек-невидимка». Всюду копошились маленькие фигурки людей, машины ползли нехотя по магистралям, а в небе сияла уже взошедшая луна, освещая своим сиянием мой путь к дому.

Вскоре я был у подъезда. Даже как-то странно выглядело, что я, вот такой себе обыкновенный обыватель, ничем, в общем-то, не отличающийся от остальных людей, мог позволить себе подлететь к своему балкону и, зависнув в пространстве, заглянуть внутрь сквозь приоткрытые занавески. Лена как раз накрывала в зале стол к моему возвращению и, пользуясь моментом, когда дочь выйдет из ванной, что-то ей говорила. От звука её голоса дрожь прошла у меня по спине, будто кто-то ладонью дотрагивался поочерёдно до каждого позвонка.

— Яна, красавица ты наша, — улыбалась моя супруга, расставляя тарелки и выкладывая в корзинку свежий хлеб, — папа сейчас зайдёт, а ты ещё волосы не высушила.

— Ты ему звонила? Он уже на вокзале?

— В том и дело, что не знаю. Номер недоступен уже больше часа. Вне зоны покрытия.

— Странно, — появилась дочь в зале, протирая волосы полотенцем. Семейная идиллия была налицо, и обдала меня тёплой волной нежности. С соседнего балкона послышался лай комнатной собачонки, видимо, почувствовавшей моё невидимое присутствие, и мне ничего не оставалось, как покинуть это место. Уже отлетая назад в темноту, я успел краем глаза заметить, как через этаж от меня, в комнате к шкафу направляется совершенно раздетая женщина, младше моей супруги на несколько лет. Фигура её тела была настолько восхитительна, что заставила меня на миг замереть, любясь увиденным. Однако, взяв себя в руки, я поспешил скрыться, поскольку считал себя порядочным семьянином, не давая Лене поводов усомниться в моей верности. Опустившись на землю за гаражами, я, как ни в чём не бывало, вышел во двор, зашёл в подъезд, поднялся на лифте и позвонил в дверь. Ключи мои проделали тот же путь, что и бумажник с телефоном: где они сейчас находились, одному богу известно. Точнее, не богу, а монахам-инквизиторам.

После бурных приветствий и взаимных поцелуев, когда я уже вышел из ванной и сел к столу, Яна, наконец, спросила:

— А отчего ты без вещей, пап?

Я принял что-то лепетать насчёт забывчивости, и при этом упомянул о потере телефона с бумажником. Лена как-то странно посмотрела на меня и всплеснула руками. Деньги её не интересовали, но восстановление документов обещало некоторые известные хлопоты.

— Вот почему номер у тебя был недоступен! Телефон уже кто-то подобрал и сменил сим-карту. Как это случилось, Лёша?

— Сам не знаю. Проснулся, вышел к вокзалу, а когда спохватился, поезд уже отошёл, скрывшись вдаль. Очевидно, выронил из кармана, а сумку впопыхах забыл. Ничего, — подмигнул я, — восстановим. А телефон и так хотел менять — устарел больно.

— И как ты добирался от вокзала без денег? — не унималась Яна, подозрительно косясь на мои непросохшие после фонтана волосы.

— Знакомый попался, — соврал я, всё больше погружаясь в выдуманную мною историю. Не мог же я им объяснить, что телефон находится вне зоны доступности, потому что через бездны пространств до

нас не доходит его зона покрытия, а сам я добирался к дому, паря в воздухе наравне с голубями и воронами. За такой бред я рисковал быть не совсем понятным, с последующим вызовом в психиатрический диспансер.

В остальном ужин удался на славу, решили завтра же заняться восстановлением документов и покупкой телефона, а денег в бумажнике было не так уж много, поэтому Лена не слишком придиралась к моей якобы забывчивости. В общем и целом встреча прошла даже проще, нежели я представлял себе, опасаясь, что рано или поздно выдам себя, особенно перед подозрительной Яной. Моя дочь в подобных случаях вела себя как скрупулёзный следователь, выискивая в оправданиях всяческие неточности, скорее из интереса, чем от язвительности. В этом плане ей не было равных.

Но всё обошлось.

Сославшись после ужина на желание выйти во двор перекурить, я уже было направился к дверям, как вдруг меня остановила Яна. Супруга в это время убирала со стола и готовилась ко сну. Завтра ей в ателье предстояла какая-то презентация, а дочь с утра должна была пойти в студию танцев, пока длились каникулы. Остановив меня в дверях, Яна доверчиво прошептала:

— Ты где, папочка, так вымок? В машине своего друга? — и тихо засмеялась, чтоб не услышала мать. Что мне оставалось делать? От пристальных глаз моей дочери не мог бы скрыться под микроскопом даже вырвавшийся наружу микроб. Впрочем, подозрения её вытекали, скорее, из любопытства, нежели от желания уличить меня в неверности. Не дав ответить, она потащила меня в свою комнату, крикнув маме на ходу, что перед папиной прогулкой хочет показать новые наброски картин, что она успела сделать сегодня в студии. Таким образом, я избавился от новых объяснений, плавно перетекающих всё глубже в мистическую ложь. Когда мы плюхнулись с ней на небольшой диван, стоящий рядом с кроватью, она тут же сунула мне в руки большой разноцветный альбом, в котором собирались все её работы, начиная с прошлых годов, когда только открылись художественные курсы. Пока я рассматривал иллюстрации к будущим экзаменационным работам, она комментировала, восхищённо отзываясь о своих наставниках. Я не слишком спешил во двор, справедливо полагая, что при надобности могу ускориться, и если Андрей уже ждёт, то даст о себе знать каким-нибудь условным знаком. Например, хлопнет по плечу и тут же исчезнет, поджидая меня у гаражей. По нашим предварительным расчётам, я должен буду вернуться в этот мир сразу после перекура во дворе, и

ни дочь, ни жена, не будут иметь ни малейшего представления, что я отлучался куда-то в иные измерения.

— Смотри, — глаза Яны сияли. — Взяла почитать в библиотеке, — и протянула мне пару книг, когда я уже откладывал в сторону альбом, похвалив её за прекрасную работу.

— Ты записалась в библиотеку? — удивлённо вскинул я брови. Дочь была из той прослойки молодёжи, что не сидели по подъездам, играя в карты, запивая портвейном из пластмассовых стаканов. Кроме художественной школы она посещала студию танцев, ходила в бассейн и занималась рукоделием, что не мешало ей каждый вечер перед сном почитать ту или иную книгу. В этом плане она пошла в меня, поскольку перечитала уже всю нашу домашнюю библиотеку, начиная от классиков научной фантастики и заканчивая авторами мистической философии, которой увлекалась Лена. Теперь записалась в библиотеку и, одобряя её желание читать книги только в бумажном переплёте, а не на планшетах, я окинул быстрым взглядом обложки.

...Тут-то и произошло то, что я впоследствии назову ударом свалившейся лавины. Просматривая титульный лист первой книги, я внезапно почувствовал внутри себя какое-то неясное шевеление, будто что-то или кто-то пытался всеми путями вырваться наружу, освободив себя от гнетущего одиночества. Сознание буквально выстрелило пучком несуразных мыслей, что вот здесь, прямо сейчас, не выходя из комнаты, я могу вызвать своего зеркального двойника и, прихватив с собой дочь, посетить любую страницу книги, как это было в случае с Леной, только в зале кинотеатра, когда наши сознания устремились внутрь кинофильма. От такого озарения я едва не подпрыгнул, дав тем самым возможность Яне посмотреть на меня с сомнением.

— Что, не нравится автор?

— Нет... — в горле у меня застрял комок величиной с Бразилию. — Наоборот, Янусь, мне даже как-то непривычно, что ты отдаёшь предпочтения таким взрослым книгам.

Она покраснела от удовольствия, а я всё не мог избавиться от ощущения, что меня будто кто-то подталкивает изнутри: «взгляни ей в глаза, взгляни ей в глаза...»

Книги были одного автора.

У меня возникло предчувствие, что сейчас должно произойти то неведомое, что теплилось в моей душе с момента обретения генетического дара, когда я уже успел совершить путешествие с Леной внутрь кинофильмов. С того момента, где-то в глубине подсознания зрела едва зыбкая, ещё не сформировавшаяся мечта, посетить иные измерения и

со своей дочерью. С точки зрения Андрея, ни Лена, ни Яна не будут помнить всего случившегося с ними, как, впрочем, и произошло с Леной. Ни разу за всю нашу совместную жизнь, вплоть до сегодняшнего дня, она не вспомнила ни намёка на свои посещения, когда ещё на заре своих любовных отношений отправилась куда-то в неизвестность с молодым Алексеем. Я ещё не осознавал толком, каким образом смогу внушить Яне, последовать за моим зеркальным двойником на страницы книг, но мысль эта теплилась у меня в душе, ожидая подходящего случая.

Теперь этот случай наступил.

Автором был не слишком известный мне Александр Зубенко.

Первая книга называлась «Глория. Властелины двойных планет», вторая «Восемь лётчиков или хозяин Байкала», и обе мне совершенно ни о чём не говорили. Где она откопала их в библиотеке, приходилось только гадать.

Я заставил мысленно Яну посмотреть мне в глаза, она тут же обмякла, сползла на диван и окунулась в небытие. Раздался едва слышимый хлопок, комната на миг озарилась нашими световыми маркерами, запахло озоном, и точка сингулярности швырнула наши сознания в вихри бушевавших магнитных полей.

...Наше путешествие началось.

Сразу схватив её за руку, мне на миг показалось, что мы оба потеряли слух. Глубокая мёртвая тишина в стоячем без движения воздухе оглушила нас буквально с головой. Так бывает в вакууме, когда будущие астронавты проходят тренировки в космической барокамере. Яна округлила глаза, прижалась ко мне и открыла рот от изумления, дрожа всем телом. Повсюду, куда бы ни распространялся наш взгляд, сплошными рядами шли какие-то секции, ячейки и ряды, уставленные доверху различными коробками, контейнерами и всевозможными упаковками. Только тут мне вспомнился сам сюжет книги «Глория. Властелины двойных планет», попадавшей мне оказывается не так уж давно. Автор описывал в этой книге некое Мегахранилище, находящееся на виртуальной планете Глории, которая вращается вокруг солнца на той же орбите, что и наша Земля, только в противоположной её точке относительно солнца. Планета-дубль, планета-двойник, искусственно созданная цивилизацией V-го типа по шкале Кардашёва, именуемой Властелинами Двойных планет. В этом Мегахранилище за миллионы лет Властелинами были собраны образцы всего, что когда-либо жило, росло

или производилось на Земле за всю историю её существования, начиная от археозойской эры и заканчивая последними днями, когда писалась книга. Иными словами, в этом Мегахранилище находился животный и растительный биом всех эпох Земли, включая и последнего представителя — человека разумного. В секциях и комплексах Глории, которых насчитывалось несколько десятков миллионов, можно было обнаружить всё, что угодно. От первых трилобитов до саблезубых тигров, от синантропов до неандертальцев и современного человека, от каменного топора до суперсовременного компьютера, от первых хвощей и плаунов до последнего выведенного сорта орхидеи. И так далее, и так далее, и так далее. Сейчас мы, по-видимому, стояли в одной из сотен тысяч секций, которые, в свою очередь, входили в бесконечные комплексы, уровни и сегменты Мегахранилища. Я начинал смутно вспоминать сюжет книги. Некий инженер, заснувший в зоне магнитной аномалии, начал посещать в своих снах Мегахранилище, каким-то образом пересекая взаимодействующие между собой параллельные пространства. Помню, за ним начали охотиться какие-то ассасины, существующего в антимире клана, почти как за нами с Андреем. Дальше действие книги переходит в мезозойскую эру, где главные герои встречаются с представителями иных измерений, а под конец книги происходит первый в истории Земли контакт с инопланетным разумом сверхцивилизации Властелинов Двойных планет. Яна ещё не осознала, куда мы попали, но я уже имел смутные представления, что ожидает нас впереди. В этом Мегахранилище с древними артефактами нам не имело смысла задерживаться, поэтому, отдав мысленную команду своему зеркальному двойнику переместить нас на несколько десятков страниц вперёд, я прижал всё ещё дрожащую дочь к себе, встретился с ней взглядом, и... провалился в небытие.

Хлопок, пустота, запах озона, доля секунды, и мы уже около гигантских загадочных пирамид, веками стоящих в эпохе мезозоя. Вокруг всепоглощающая буйность растительности, летающие меганевры, ползающие артроплевры, ходячие диплодоки и прочие обитатели мезозойской эры. Огромное по объёму и непривычное нам солнце слепило глаза, воздух был влажным, и чувствовалось близкое веяние протоокеана Панталассы. Вот когда я вспомнил Андрея, ещё недавно рассуждавшего о костра о пермском периоде, куда нас занесло с Анжеликой.

Я внушил Яне, как и до этого своей будущей супруге, чтобы она ничему не удивлялась, воспринимая нашу вылазку на страницы книг, как само собой разумеющееся, и теперь она стояла, задрав голову, всмат-

риваясь в небо, где над верхушками монолитных конусов парили птеродактили.

— Где мы, пап? — единственный вопрос, что она задала.

— Очевидно в мезозое, детка! — а у самого голос дрожал как натянутая струна. По сюжету книги сейчас здесь должны были оказаться представители Ордена ассасинов, перемещающиеся из пространства в пространство сообразно своему желанию, а те, за кем они охотятся, должны были посетить эти загадочные пирамиды, которые начинали вибрировать каждый год, вероятно, посылая импульсы лучей куда-то в соседнюю галактику.

И действительно. Не успев, как следует осмотреться и принять необходимые меры безопасности, мы с дочерью сразу оказались в гуще развивающегося сюжета, тем самым став его полноценными участниками. Я едва успел схватить её за руку и рвануть вверх, как мимо нас промчался какой-то громила с глубоким шрамом во всё лицо. Ни больше, ни меньше — бульдожья морда, оценил я его внешность. Имея за плечами что-то типа ранца, он взмыл вверх и направил какой-то замысловатый прибор на силуэт громадного конуса, возвышающегося над тропическим океаном первобытных джунглей. Я уже хотел ускориться и последовать за ним, как вдруг он был атакован сразу несколькими птеродактилями, парившими неподалёку в поисках пищи. Теперь я вспомнил этот сюжет. Сейчас появятся антигравитационные шары-телохранители, принадлежащие обитателям этого комплекса, и Бульдожья морда со шрамом будет взят в плен. Здесь нам делать было нечего. Куда более мне хотелось посмотреть отлёт этих арктурианских пирамид, который происходит в конце данной книги. Приказав мысленно зеркальному двойнику переместить нас на последние страницы книги, я прижал восхищённую дочь к себе, велел ей глубоко вздохнуть и закрыть глаза. Секунда, хлопок — и мы в середине поселения Хранителей комплекса мезозоя. Мегамозг Девятого космического флота Властелинов Двойных планет как раз передавал голосовое сообщение обитателям комплекса, как вдруг на наших с Яной глазах, при всём скоплении народа, гигантские пирамиды завибрировали, покрылись разрядами молний, грузно оторвались от земли и, покидая нашу планету, устремились в безграничные дали космоса. Это был конец книги, и мы едва успели увидеть их отбытие. Теперь главные герои повествования устремятся к созвездию Волопас, звёздной системе Арктур, планете K2\155d, как и запланировано автором данной книги. Яна трепетно следила за грандиозным поднятием в небо, потом вопросительно посмотрела на меня и звонко рассмеялась. Такой счастливой я свою дочь

ещё не видел. Выходит, не напрасно я потащил её за собой, посетив страницы первой попавшейся мне книги. Теперь, находясь в своей комнате и читая её вживую, она будет представлять дальнейшие события, словно сама побывала внутри их развитий.

Всё, на удивление, оказалось просто.

— Мы и другую книгу можем посетить? — едва не задушила она меня в своих радостных объятиях.

— А хочешь?

— Ещё как! Я ведь потом ничего не буду помнить, верно?

— Увы, дочка. Не имею понятия, как всё это работает, но, возвратившись в свой мир, ты будешь помнить лишь зыбкий сюжет романа, будто побывала там воочию.

— Тогда вперёд, папочка! — потянула она за рукав. — Успею хоть насладиться этим неведомым миром.

И мы пропали.

...Фабула романа «Восемь лётчиков или Хозяин Байкала» развивалась автором вокруг сюжета о пропавшей в тайге советской экспедиции, во время которой геологи в разных местах своего маршрута обнаруживали одного и того же лётчика времён второй мировой войны, лежащего всегда в одинаковой позе. При каждом обнаружении, загадочным образом погибал один из членов команды, перед этим, через червоточину времени побывав в различных исторических эпохах планеты, начиная от Курской дуги 1943 года, наступления Наполеона в 1812 году, пещерного века неандертальцев и, заканчивая цивилизацией Тапробан, существовавшей в триасовом периоде. Восемь лётчиков — восемь смертей геологов, в итоге чего, к концу книги остаётся последний выживший из экспедиции. Это я успел прочесть в аннотации, прежде чем внушить Яне, покинуть наш мир.

Теперь мы были внутри данной книги, и что делать дальше, я абсолютно не знал.

Воронка временного портала выбросила нас в таёжный массив Байкала, бескрайней стеной уходивший к горизонту, где среди сосен и кедров едва просматривалась сверкающая на солнце прозрачная гладь озера. Ни Яна, ни я вначале не смогли, как следует сориентироваться, и единственное, что пришло нам в голову, это тотчас взлететь к верхушкам деревьев, зависнуть в пространстве и осмотреться вокруг себя. Ускориться я мог в любой момент, поскольку дал себе мысленную команду быть осторожным при любом стечении обстоятельств. Эту книгу

я не знал, ориентируясь только на краткую аннотацию, и что произойдёт в любой момент, мне было неизвестно.

Наблюдая за дочерью, державшуюся за мои плечи, я заметил, как она восхищённо оглядывает развернувшуюся под нами панораму грандиозного лесного массива, как у неё пылает взор и вырывается возглас радости — совсем как недавно у Лены, когда мы с ней посетили кинофильм Дикого Запада. Теперь перед нами расстился Байкал, во всём своём могуществе и великолепии.

— Куда дальше, пап? — спросила она с раскрытыми от восхищения глазами.

— Даже не знаю, — пожал я плечами, оглядывая с высоты сплошной океан зелёной тайги. — Может, попробуем ускориться и приблизимся к самому озеру?

— Давай! — хлопнула она в ладоши.

Опустившись на землю, я посмотрел ей в глаза, мысленно заставив зеркального двойника увлечь нас за собой. Доля секунды, и мы промчались мимо стены деревьев, обступавших нас со всех сторон, по пути заметив на миг семейство лосей и бурого байкальского медведя. Они пронеслись мимо нас как в убыстренной съёмке кинофильма, а когда нас швырнуло на побережье озера, Яна едва не воскликнула от радости.

— Смотри, папа! Нерпы!

Это действительно были они. Этих милых созданий здесь были сотни, если не тысячи, облепивших все прибрежные скалы, над которыми стаями носились водяные скопы. Зрелище было настолько захватывающим, что я даже не заметил, как к берегу из-за деревьев вышел человек, очевидно едва державшийся на ногах, поскольку достигнув воды, он тут же упал на колени, загребая почерневшими ладонями живительную влагу. Он всё пил и пил, а мы с дочерью ошалело смотрели на оборванного незнакомца, находясь поодаль, чтобы он не смог нас заметить. Сразу бросалось в глаза, что этот молодой паренёк провёл в одиночестве нескольких дней, блуждая по тайге в поисках выхода к озеру. Одежда его превратилась в лохмотья, свисавшая грязными сосульками с плеч, лицо было всё в ссадинах, давно не бритая борода представляла собой клочки выдранных волос, а глаза были настолько воспалены, что едва просматривались сквозь набухшие веки.

— Это, видимо, тот главный герой книги, что остался жив после всех смертей своих товарищей по экспедиции, — шепнул я дочке, увлекая её за собой к ближайшему дереву, где мы и затаились. Помочь ему, означало, что мы невольно смогли бы изменить весь ход повествова-

ния, задуманного автором, поэтому мы ограничились лишь наблюдением, тем более к берегу уже причаливал баркас с рыбаками на борту. Увидев своих спасителей, бедняга воздел руки к небу и хрипло зарыдал. Рыбаки кинулись к нему, укрыли одеялом, сунули в рот флягу, очевидно, со спиртом и, уложив на шкуры, отчалили от берега. Парень был спасён.

— Как вернёмся, — потрепал я дочь по волосам, — сразу прочти книгу. Потом мне расскажешь, чем закончилась наша история, в которой мы сейчас побывали. Хорошо?

— А мы уже возвращаемся? — с сожалением спросила она, наблюдая, как детёныши нерп резвятся в воде, разбрызгивая кучу брызг.

— Приходится. Здесь нам уже делать нечего. Для первого раза достаточно, Янусик. В следующий раз побываем где-нибудь ещё.

— И я ничего не буду помнить?

— Да. Как я уже и говорил.

— А как же мама?

— А что, мама?

— Её ты тоже можешь взять с собой, как и меня?

— Могу. И уже брал. Только не в книги, а в фильмы.

— Ух ты! — захлопала она в ладоши. — И я хочу. Возьмёшь нас вместе?

Мне пришлось улыбнуться.

— Возьму, куколка моя, возьму. Только позже. Идёт? А сейчас нужно возвращаться. Обещаешь мне про книгу?

— Как вернусь, сразу примусь за чтение. Самой интересно.

Она подмигнула мне, я мысленно внушил ей перемещение, зеркальный фантом устремил нас в пустоту вакуума, раздался хлопок, и всё исчезло. Последнее, что я успел заметить в этом мире, это наш световой маркер, растворяющийся в воздухе, словно шлейф прозрачной дымки.

Вскоре и он исчез.

Андрей материализовался в реальном мире Анжелики с тем же успехом, что и я. Поддерживая свою новую подругу за локоть, он моментально ускорился, поскольку электромагнитный импульс портала выбросил их в гущу толпы, движущуюся в разных направлениях. Они оказались на перекрёстке и едва не угодили под колёса мчавшейся машины, но мгновенно сгруппировавшись, Андрей выбросил пучок мыслей себе в мозг, тотчас превратившись в молниеносный фантом с Анжели-

кой в обнимку. В долю секунды они преодолели пару километров трассы, пронесли мимо застывших пешеходов, нырнули в подземный переход и, остановившись там, перевели дыхание. В радиусе нескольких метров по-прежнему ничего не двигалось — люди застыли в тех же позах, что застал их генетический дар обоих «перебежчиков».

До дома Анжелики теперь было рукой подать, и остаток пути они проделали пешком. Поднявшись на лифте, девушка позвонила в дверь, поскольку её карманы подверглись такой же чистке, как и Андрея, и ключа при себе она не имела. Андрей скромно стоял в лестничном пролёте, первый раз в жизни почувствовав себя не совсем уверенно, мысленно представляя встречу и знакомство с матерью своей избранницы.

Дверь открыл сын, и девушка бросилась к нему, едва не задушив в объятиях. За спиной сына показалась пожилая, но вполне презентабельная женщина, с причёской и свежим маникюром на ногтях. Окинув взглядом незнакомого мужчину, она с удивлением уставилась на свою дочь, всё ещё не отпускавшую сына.

— Ты как будто неделю его не видела. Задушишь!

— Не видела... — прошептала Анжелика с влажными от слёз глазами.

— Пусти, мам, — высвобождаясь от её ласк, покраснел паренёк, которому было от силы лет девять. — Ты же только вчера меня с бабушкой оставила!

Андрей тактично приблизился, протянул руку и представился:

— Андрей. Друг твоей мамы.

— Никита. Её сын, — в тон ему ответил тот.

Знакомство состоялось.

Когда уже сидели за столом и Андрей знал, что женщину зовут Полиной Сергеевной, он всеми силами пытался городить какую-то чепуху насчёт их давнего знакомства с Анжеликой. Не сговариваясь заранее, они дополняли друг друга, выдумывая всё новые и новые несуразные факты своих, якобы уже давно состоявшихся отношений. Андрей не был уверен, поверила ли Полина Сергеевна их, в общем-то, не слишком достоверному рассказу, но то, что парень принял всё за чистую монету, сомневаться не приходилось. Уже через полчаса они были лучшими друзьями, он показывал гостю свою коллекцию роботов и машинок, а Полина Сергеевна в это время выпытывала у дочери всю подноготную их знакомства, отведя её на кухню подальше от нескромных ушей. Одним словом, атмосфера уюта оказалась не такой уж и страшной, как представлял себе новоиспечённый ухажёр. Слово за слово, и Андрей уже было собрался откланяться, абсолютно не зная, куда ему податься

в этом измерении, как вдруг Полина Сергеевна сама дала ему возможность увести дочь с собой.

— Я вижу, Андрюша, что вы вполне порядочный человек и очаровали мою дочь ещё, видимо, задолго до нашего с вами знакомства. Она мне ничего прежде не рассказывала о вас, но то, что Никита проникся к вам таким чистым доверием, говорит уже само за себя. Он у нас мальчик не слишком общительный, и выбирает себе друзей весьма скрупулёзно, если здесь применимо такое сравнение.

Речь её была слегка напыщенной и вычурной, совсем не подходящей к современному представлению о культуре, походившей, скорее, на светский раут в кулуарах какой-нибудь оперы, но Андрей учтиво поклонился, изобразив из себя представителя княжеских кровей. Благоклонно протянув ему руку для поцелуя, великосветская мама Анжелики изъявила желание напутствовать их на дорогу.

— Надеюсь на ваше воспитание и чувство джентльмена. Сходите в кино, покатайтесь на лодочках. Моя дочь давно не ощущала внимания мужчин.

Анжелика покраснела до кончиков волос и поспешила вытянуть Андрея в коридор, направляясь к лифту. Послав воздушный поцелуй Никите, они зашли в кабину и уже через минуту были у гаражей.

— Тебе не показалось, что ни мама, ни сын, совершенно не заметили, сколько ты отсутствовала в этом мире, словно ты отдала Никиту на попечение только вчера?

— Они это и сказали, — кивнув головой, согласилась Анжелика. — Выходит, я только на сутки покидала этот мир?

— А сколько ты провела в подземелье иного измерения?

— Дня три. Точнее, в самом подвале два, а перед этим был ещё день, когда меня швырнули в какой-то замок. Там была каменная башня...

— Всё ясно. Как раз из башни этого замка меня и вызволил Алексей. Это их форпост в одном из узлов параллельных пространств.

— Кого «их»?

— Того Ордена инквизиторов, что за нами охотятся. За мной, тобой, Алексеем и ещё шестью «перебежчиками», как они нас называют. Я уже вкратце упоминал об этом у костра.

— И что нам теперь делать?

Они как раз выходили на оживлённую улицу, но Андрей придержал девушку за руку.

— Сына ты повидала, с мамой тоже всё в порядке. Она у тебя благородных кровей, похожа на княгиню.

— Так воспитали родители, — в тон ему отшутилась Анжела. — Да, теперь я спокойна. Возвращаемся в пермский период?

— Да. Придётся мне оставить тебя там на несколько секунд, но ты можешь воспарить к веткам папоротника и подождать нас, пока я не вернусь с Алексеем.

— Как и задумали?

Андрей кивнул:

— Он без меня ещё не может вернуться, поскольку не знает точного вектора, куда должен его переместить портал времени. Я быстро. Если он уже ждёт меня, то мы мигом окажемся у тебя — глазом не успеешь моргнуть.

Оба путешественника зашли за кирпичную стену, огляделись и, не заметив никого постороннего, уставились друг другу в глаза, при этом прижавшись телами, отчего у обоих затрепетало в душе. Два зеркальных двойника отделились виртуально от тел, пропали в пространстве, оставив после себя едва заметную дымку шлейфа, раздался хлопок, и всё исчезло. Рядом сидящий кот принюхался к запаху озона, вздёрнул хвостом и отправился на свидание с соседской кошкой. ...Реальный мир Анжелики перестал существовать.

— Пап, смотри, — протянула мне дочь две книги, которые взяла в библиотеке. — Знаешь этого автора?

Мы сидели на небольшом диванчике у её кровати, и она только что открыла глаза, направившись к столу. Взяв две книги, она удивлённо уставилась на мою одежду.

— Откуда у тебя сосновые иголки? Весь рукав в них.

Я взглянул по направлению её пальца, но тотчас взял себя в руки, отмахнувшись:

— Не бери в голову. Зацепился у гаражей, там кто-то ёлку выкинул после нового года.

— Ёлку? Летом?

— Бывают такие чудачки. Ты лучше у мамы спроси, когда она выкинет наш засохший кактус?

А сам подумал: действительно, каким образом сосновые иголки могли переместиться со мной сюда из байкальского леса, если в иных измерениях книг и кинофильмов путешествуют только наши виртуальные фантомы? Нужно будет при случае расспросить Андрея. Если так пойдёт и дальше, то из пермского периода я могу невольно в кармане захватить какую-нибудь сколопендру, а то и первобытную рептилию

средних размеров. «Синдром бабочки» описанный Бредбери в книге «И грянул гром...», по-моему, ещё никто не отменял. Помнится, в сюжете этого произведения некие путешественники во времени посещают эпоху динозавров и, возвращаясь в свой мир, приносят с собой приставшего к подошве ботинка первобытного мотылька, из-за которого, собственно, и происходит коллапс времени. Вернувшись домой, они застают совершенно иную картину своего мира, эволюция которого пошла совсем по иному витку развития. Вот после этого, с лёгкой руки автора, и возник «Синдром бабочки». Не бери ничего с собой из иного измерения! — гласит негласный закон писателей-фантастов. А тут эти иголки... Нужно поговорить с Андреем и выяснить, что может означать сей непонятный феномен?

Пока же, пользуясь возможностью, я посмотрел на дочь, поинтересовавшись:

— Ты знаешь этого автора?

— Да нет. Просто подвернулся под руку на полках. Прочла аннотации: вроде бы о каких-то лётчиках на Байкале.

— Это вторая книга. А первая? — рассматривая с интересом обложки, уточнил я.

— Первая вообще заинтриговала. О планете Глории, находящейся на той же орбите, что и наша Земля, только в противоположной её точке относительно солнца. Какое-то Мегахранилище. Уже жуть как интересно! Стало любопытно, вот и взяла.

— Молодец! — похвалил я её. — Уверен, что не пожалеешь. Потом расскажешь мне.

Она чмокнула меня в щёку, я направился к выходу, а сам думал:

«Как и предполагалось. Совершенно не помнит, что с нами произошло».

И вздохнул.

Чудеса!

Поцеловав Лену, я помог ей расставить посуду, намеренно сунул в рот сигарету и, бросив напоследок полный любви взгляд, отправился навстречу своей дальнейшей судьбе.

Последнее, что я услышал в этом родном для меня мире, было напутствие супруги:

— Много не кури. Спать будешь плохо. А нам завтра документы восстанавливать.

С тем и расстались.

Андрей ждал меня у гаражей.

— Как прошла встреча?

Странно, но я так был рад его видеть, как будто мы расстались в прошлом веке!

— Не представляешь! Ни жена, ни дочь, совершенно не заметили моего длительного отсутствия в прежних измерениях. Что это? Коллапс времени?

— Да нет, — усмехнулся он. — Скорее, всё та же пресловутая петля Мёбиуса. В иных измерениях мы проводим неограниченное количество времени, а здесь оно проносится за секунду. Дар генетического эксперимента. Как встретили?

— Удивились, что без багажа и документов, как ты и предполагал. Пришлось городить несуразную ложь, а дочь к тому же заметила мокрые волосы и одежду.

Я рассказал ему, как летел над фонтаном, как дочь после ужина дала мне в руки две книги, и как я увлёл её за собой на страницы их сюжета.

— И тут успел? — едва не засмеялся он. — Впрочем, рано или поздно ты всё равно без меня бы это сделал. Тут я тебе не указчик. Единственное замечание — напрасно рисковал, не предупредив меня. А если бы по какой-то причине застрелял там со своей дочерью? Как бы я тебя потом искал?

— По световым маркерам, — парировал я. — В фильме с Диким Западом ты же меня нашёл с Леной.

— Тогда я был как бы рядом. А сейчас мы с Анжелой находились совсем в ином измерении, у неё в реальном мире, и могли потерять тебя из виду. Откуда, по-твоему, я бы знал, в какую книгу ты попал? Ни автор, ни названия мне неизвестны.

— Прости, — осознал я свою ошибку. Действительно, что могло бы случиться, если бы мы с дочерью, скажем, застряли в мезозойской эре рядом с пирамидами арктирианцев, не покидая сюжет данной книги? Где бы Андрею пришлось искать мой световой маркер, если таких параллельных антимиров миллионы и миллионы?

Тут я вспомнил о сосновых иголках, прилипших к одежде на берегу Байкала, упомянув при этом пресловутый «Синдром бабочки». Поведав ему об этом, я вопросительно уставился на него.

— Иголки свежие были? — нахмурился он.

— А какие? Не прошлогодние же...

— Я не об этом. Запах хвои шёл от них?

— Какой запах? — чертыхнулся я. — Если бы не Яна, мне вообще было бы невдомёк, что притащил их с собой.

— Следовательно, — поднял он вверх палец, — перемещение сквозь магнитные поля никак на них не действует. В противном случае, они бы сморщились, иссохли и потеряли свежесть.

— И о чём это говорит?

— О том, Лёша, что через пространства можем перемещаться не только мы, одетые в современную одежду, а и любые предметы или организмы их других измерений.

— Точно! Я уже думал об этом. Не хватало, чтобы мы из пермского или ордовикского периодов притащили с собой в свой мир какого-нибудь клопа или споры гигантских грибов. Вся эволюция рухнет в одночасье. Новый виток развития, новые формы животного биома планеты, и как результат, вместо человека разумного, в реалии нашего мира могут быть какие-нибудь шестикрылые осьминоги с разумом человека.

— Вполне возможно, — согласился он, всё больше хмурия брови. — Вот от таких как мы, бедолаг-энтузиастов, и спасают планету наши знакомые инквизиторы, как они себя называют. Представь, что было бы, если каждый «перебежчик» в нашем лице приносил из потустороннего мира с собой какие-нибудь несуществующие вирусы и бактерии. Что мешает небольшой рептилии залезть тебе в карман и переместиться с тобой в твой собственный мир? А если она, к тому же, будет собираться откладывать яйца? И отложит их не в своей временной нише пермского периода, а в нашем реальном времени?

— И эти ликвидаторы...

— Как раз и занимаются чисткой. Выявляют таких как мы, забирают в свои эпохи, держат в плену, чтобы они не нарушали баланса планеты.

— Но ведь нас всего девять. Зачем им тратить столько усилий, создавать форпосты по всем виткам измерений, если нас, что кот наплак.

— Откуда ты знаешь, что нас только девять?

— Сам же говорил.

— Я говорил то, что слышал от них самих. Девять, включая теперь и тебя, только в ЭТОМ мире, современном для нас. А сколько их может быть в других эпохах и измерениях? Думаешь, тот профессор был один, кто проводил генетический эксперимент? Один он был в НАШЕМ с тобой реальном мире, а таких профессоров по всем просторам измерений, возможно, видимо-невидимо. В каждой эпохе свой профессор и

свои «проводники». А там где «проводники», там и «перебежчики», унаследовавшие их генетический дар. Всё просто.

Мы ещё немного побеседовали, я бросил последний взгляд на свещающееся окно своего балкона, пустил струю дыма, проводил глазами вернувшегося со свидания кота и, подмигнув Андрею, весь подобрался.

— Готов? — оглядел он меня.

— Готов.

— Тогда вперёд! Анжела там тоже одна.

— Расскажешь, как прибудем?

— О чём?

— О встрече с её мамой и сыном.

— Расскажу.

И мы пропали.

Кот удивлённо поднял шерсть дыбом, проводил исчезающие световые маркеры и, забившись под гараж, пригрозил оттуда недовольным урчанием.

Мой мир остался за пределами сознания.

На этом всё.

Глава 6. Вызволнение из плена

Четверг, 18:30 (по реальному земному времени).

Анжелика поджидала нас, сидя на ветвях раскинутого папоротника, откуда ей был виден весь простор зелёного океана первобытных джунглей. Как мы и предполагали, Андрей нашёл её по свещающемуся шлейфу, который ещё не успел раствориться в пространстве, и когда мы прибыли, материализовавшись в точке сингулярности, она едва не вскрикнула от радости. Огромные стрекозы-меганевры, величиною с локоть руки, летали вокруг неё, норовя запустить своё жало в тёплое тело жертвы. Ей пришлось стать невидимой, но эти твари пермского периода находили бедную девушку, очевидно, по запаху, а возможно и с помощью каких-то рентгеновских лучей, как наши комары, только весьма чудовищных размеров. Это было ещё не всё. На ветвях копошились всевозможные жужелицы-артроплевры, превышающие размерами торс человека, а внизу, в соцветиях голосеменных растений кишели полчища сухопутных скорпионов-аномалокарисов. Как только мы оказались в поле их видимости, раздалось гулкое шипение, их бульдозерные клешни защёлкали в поисках добычи и, схватив Анжелику, Андрей стремительно выдернул её из этого крошечного ада. Причина такого

скопления гигантских насекомых была в колоссальном термитнике, который располагался под нависавшими листьями папоротника. Переместив девушку к соседнему дереву, мы, наконец, смогли перевести дух. Анжелика дрожала, но была на седьмом небе от радости.

— Думала, погибну! — нервно засмеялась она, влюблёнными глазами смотря на своего нового возлюбленного.

— Как же тебя угораздило оказаться прямо над этим муравейником? — Андрей осматривал её в поисках укусов.

— Ты исчез, — начала объяснять она. — Из хвощей и плаунов вылезла какая-то морда, похожая на экскаватор, уставилась на меня, и уже готова была растерзать на клочья, когда я взмыла вверх, не разбирая дороги. А эту рептилию, в свою очередь, поглотила какая-то тварь, сожрав её без остатка. Видишь, какое пиршество внизу? — указала она рукой на кишачий клубок щетинистых насекомых, величиной с домашних кошек. — Доедают внутренности. Огромная тварюка была, и я едва не выдала себя, вовремя став невидимой. Какой-то гребень на голове, вся в шипах и бородавках. Сожрала в считанные минуты, рыгнула, и уползла в кусты. Только тут я заметила, что вокруг меня настоящие легионы этих ползучих тварей. Оцепенев, я похолодела от страха. Но как раз и вы подоспели.

— Выходит, ты пробыла здесь в одиночестве не менее получаса?

— Скорее, минут двадцать. А что?

— Я думал, мы с Алексеем вернёмся тут же, как я тебя покинул, — после некоторого размышления, ответил Андрей. — Странное что-то творится с этими перемещениями. То у Лёши к одежде сосновые иголки пристают, причём, прямиком из Байкала, то временной промежутки удлинятся.

— Ты о чём?

Мне пришлось повторно рассказать своё путешествие с дочерью на страницы книг, не слишком известного мне автора Александра Зубенко, пока Андрей в реальном мире Анжелики знакомился с внуком Полины Сергеевны. И пока мы, таким образом, беседовали, наш старший товарищ уже успел ускориться, переместившись к ручью. Выловив в нём какую-то кистепёрую рыбку, он разжёл костёр и приготовил на самодельном вертеле весьма аппетитный ужин. Всё заняло не более полминуты. Я ещё не успел окончить наши с Яной приключения, а он уже зывал нас к импровизированному столу.

В этот вечер мы больше никуда не отдалялись, поглощая благоухающую на дыму рыбу и строя планы на будущее. Переночевать решили в высокой листве отдалённого от муравейника папоротника, усте-

лив широкими листьями нечто похожее на гнёзда. Насекомые не мешали, хищные рептилии были слышны где-то у водоёма, аномалокарисы и меганевры, отходя ко сну, больше не тревожили, а вместо них лес наполнился иными звуками, будоражившими иногда наш слух. Андрей устроился рядом с Анжеликой, я приготовил себе лежанку чуть ниже и, взирая на восхитительные звёзды в ночном небе, мы, наконец, заснули.

...Был четверг, его полночь, по реальному земному времени.

Потом наступило утро.

Нас разбудил неимоверный грохот, словно сразу несколько топков паровозов пришли в действие, выбрасывая в небо клубы искр, пепла и чёрных облаков, похожих на сгустки расплзающейся плазмы. Кипящая лава от далёкой горы устремилась в джунгли, пожирая своим прожорливым огнём всё, что вставало на её пути. Извержение вулкана началось столь быстро и непредсказуемо, что мы едва пришли в себя. Стремительный шквал обжигающего ветра поднял в небо несметные столбы дыма, а подножие земли под нами сразу стало кишеть бегущими стремглав рептилиями, которые наседали друг на друга в такой же панике, как и люди при пожаре. Пространство первобытного леса наполнилось грохотом и гулом, от которого наши барабанные перепонки едва не оказались у соседнего ручья. Этот поток воды в мгновение ока превратился в бурлящее месиво всевозможных организмов, попавших под извержение, и сейчас был похож на сток мусорной канализации огромного мегаполиса. Крупные рептилии ломались сквозь плауны и хвощи, давили под собой более мелких представителей, а те, в свою очередь, наседали на себе подобных, образуя настоящую свалку. Над лесом распространился сладковатый запах сгоревшего мяса, а вскоре добавился и смрад обожжённой падали.

Вскочив первым, Андрей подхватил Анжелику и отпрянул в сторону, как раз в тот момент, когда с высоты чёрных облаков на дерево спикировал первый огненный обломок, тысячами выбрасываемый из пылающего кратера. За ним ещё, потом ещё, пока, наконец, не начался сплошной огненный камнепад, сметавший всё на своём пути. Животные гибли под падающей с неба плазмой едва ли не сотнями, а весь лес превратился в самый настоящий стонущий кошмар. Вот где было впору задуматься об армагеддоне, пронеслось у меня.

— Извержение! — закричал Андрей, и голос его поглотил очередной грохот. Листья папоротников вспыхивали мгновенно, кругом носи-

лись вихри обжигающего ветра, насекомые испепелялись тысячами, а тот термитник, что привёл в ужас Анжелику, в доли секунды превратился в пылающий факел. Она только сейчас осознала крайнюю опасность, нависшую над нами и, не дожидаясь команды, вцепилась Андрею в руку.

— Взлететь!

И они взмыли над деревом, переместившись на несколько метров вперёд. Туда же последовал и я. Огромный плазменный сгусток свёргся на дерево, подмял его под собой и превратил в погребальный костёр. Там где только что находились наши листовые гнёзда, приготовленные вчера для ночлега, вдруг образовалась огненная впадина, в которую устремились обгоревшие трупы обитателей леса. Всё заняло не больше пяти секунд, а небо уже бушевало с новой силой, обрушивая на землю потоки огнедышащей магмы.

— Ускоряйся! — крикнул мне Андрей. — Немедленно! — и пропал с Анжеликой, оставив после себя едва заметный шлейф светового маркера. Лихорадочно отдав команду на мысленное ускорение, я последовал за ними, догнал их в пространстве, и тут же остановился. Всё замерло на месте. Сгустки плазмы зависли в небе, дым глобального пожара так и застыл над лесом, а мы, переведа дух, смогли, наконец, осмотреться.

— Я эту гору видела ещё вчера, прежде чем мы отошли ко сну, — прокомментировала Анжела. — Вот уж не думала, что может разразиться такая катастрофа...

— Ты забываешь, что мы находимся в пермском периоде, в стадии формирования планеты, и подобные извержения тут не редкость, — постарался успокоить Андрей, прижав девушку к себе, отчего у меня даже потеплело на душе (если так можно было выразиться в этом пекле).

— Ты как? — повернулся он ко мне. — Успел за нами?

— Сразу.

— Хорошо! Твои экзамены не прошли даром. Считаю, ты уже на финале к окончательному владению генетическим даром.

— Нам нельзя здесь оставаться, — напомнила девушка, пристально обводя взглядом глобальную разруху. Всё застыло на том месте, где нас застало ускорение. Горячий полыхающий ветер замер, движения животных масс в радиусе нескольких метров прекратилось, и лишь одни мы могли двигаться в этом обездвиженном пространстве.

— Сколько может длиться наше ускорение?

— Не знаю. Но, судя по последним перемещениям, промежутки не всегда стабильны. То уменьшаются, то, как в твоём случае, наоборот —

удлиняются. Помнишь, как ты нас прождала едва ли не полчаса, вместо запланированных нескольких секунд? Это тоже надо учитывать.

— И что делать?

— Вызывать зеркальных двойников и перемещаться в безопасное место.

— Куда?

— Я успел отследить по световым маркерам расположение здешнего форпоста инквизиторов, когда заглядывал в датчик слежения. Он находится в одном из векторов времени, обозначенном, как Великое пермское вымирание. Помните, я вам рассказывал, что именно в этом периоде закончился палеозой и начала своё, так называемое, восхождение следующая эра истории планеты — мезозой. Тектоника геологических плит смещается в пермском периоде, что позволяет постоянным вулканам выбрасывать в стратосферу огромные количества сероводорода, отчего животные гибнут повсеместно. При формировании Пангеи вымерло около восьмидесяти процентов всего живого на Земле, и происходило это двести пятьдесят миллионов лет назад, задолго до появления класса динозавров, которые появятся затем от их нынешних предков — терапсидов и сфенакодонтов. Видимо, одного из терапсидов ты и видела, когда он пожирал ту тварь, что тебя испугала, — обратился он к Анжелике. — Крупнейшее вымирание планеты коснётся трилобитов, но даст толчок возникновению первых предков птеродактилей.

— Я их видел, — внезапно вспомнив, откликнулся я.

— Где?

— В книге, когда путешествовали с Яной. Они напали в небе на какого-то наёмника с флайбордом за спиной. Ранец, с помощью которого можно летать, — пояснил я. — Он наблюдал за пирамидой арктурианцев из созвездия Волопас... — тут я отмахнулся. — Впрочем, не берите в голову. Я и сам не знаю сюжет книги, но как вернусь к себе в реальное время, обязательно разыщу этого автора. Дочь мне сказала, что он есть в библиотеке.

Дальше рассуждать, не было времени. Ускорение вот-вот могло закончиться, поскольку мы до сих пор не знали его временных промежутков, а лавина расплавленной массы готова была поглотить нас целиком. Начинался самый настоящий апокалипсис.

— Ты знаешь направленный луч вектора? — спросила Анжелика.

— Знаю. Туда и направимся. Готовы?

Мы кивнули.

Он посмотрел нам обоим в глаза, послал телепатически команду на перемещение, внутри меня что-то зашевелилось, и зеркальный двой-

ник увлѣк моё сознание в пустоту вакуума. Воронка тоннеля раскрыла свои объятия, всосала в себя и, словно заработавший пылесос, помчалась сквозь пространства навстречу новой незнакомой эпохе. Последнее, что я успел увидеть, как Андрей схватил Анжелику, прижал к себе, раздался хлопок и...

И наступила пустота.

Огромный плазменный сгусток, круша всё на своём пути, прорвал завесу горящих листьев, с грохотом врезался в то место, где мы только что стояли и, разбрызгав вокруг себя ошметки кипящей магмы, ушёл в расплавленную землю.

Нас здесь больше ничто не удерживало.

...Следующая остановка была совсем в ином измерении. Сколько мы их уже преодолели? Сколько этих бесчисленных узлов временных векторов окружают нас повсюду? Пространства наслаивались друг на друга, как коржи рождественского торта, поданного к столу, с той лишь разницей, что они были виртуальными, не имея ни начала, ни конца. Бесконечная «восьмёрка Мёбиуса», как однажды сказал Андрей.

Крутящийся вихрь воронки выкинул нас где-то посреди зелёной бескрайней долины, на которой росли доисторические кактусы, высотой с девятиэтажный дом, в подножиях которых тут и там носились весьма резвые представители плотоядных ящеров — будущих потомков велоцирапторов. Меловой и юрский периоды ещё не наступили, поэтому мы не слишком опасались тираннозавров, однако эти подвижные и юркие твари с двумя рядами острых клыков тоже производили весьма жуткое впечатление. Долина буквально кишела ими, но портал времени выбросил нас на достаточном расстоянии, чтобы они смогли нас заметить. В листве плаунов и хвощей паслись первые предки игуанодонов, по берегу небольшого озера ползали панцирные существа с костяными гребнями на голове, до боли напоминающие наших черепах, совершенно гигантских размеров. Анжелика трепетно смотрела на всё это великолепие планетарной природы, а мы с Андреем первым делом оглядели горизонт.

— Бинобль бы сюда, — прошептал он, толкая меня в локоть. — Смотри, как наша очаровательная спутница светится от восторга. Не каждый день побываешь в цветущей долине пермского периода, не коснувшейся извержений. Суперплюмы вулканов сюда ещё не достигли своими разрушениями, однако это произойдёт уже скоро. Видишь что-нибудь? — он крутил головой, а я следовал за ним взглядом.

— Вижу за теми скалами что-то похожее на постройку, — указал я рукой в противоположную от озера сторону. Извилистая река обрамляла своими зигзагами подножия скалистых утёсов, и в расщелинах мы заметили несколько жилых строений, издали похожих на карточные домики. Здесь уже была цивилизация. Виднелись параболические антенны, радиорелейные установки, какие-то нагромождения блоков и ангаров, крытые пакгаузы, технические пристройки. Всё это было накрыто сверху прозрачным куполом, ослепительно сверкающим на солнце, словно по нему прошлись влажной салфеткой, сметая пыль и прочий мусор. Это уже было что-то! Это была уже не церковь, не замок, не подземелья с каменными башнями. Тут располагался целый комплекс! И где? В пермском периоде палеозойской эры?

Чудеса!

Андрей схватил Анжелику, телепатически внушил ей ускорение, махнул мне, и через секунду мы были возле ущелья. Теперь мы стали невидимы и могли досконально осмотреть территорию. Только тут мы заметили, что от одной из построек отделился какой-то человек, прошёл внутрь двора, что-то крикнул, вернулся и исчез за ближайшим сараем. Все конструкции были из термопластика, по бокам возвышались панели солнечных батарей, вырабатывающих электроэнергию, а раскрытые настежь окна говорили о том, что обитатели форпоста никого не опасались, находясь под воздействием энергетического купола, который служил им защитой. Система охраны, очевидно, была автоматической, и непрошенные гости сюда не забредали. Параболическое зеркало антенны совершало оборот вокруг своей оси, зорким оком осматривая всю близлежащую территорию, а датчики обнаружения светились неоновыми огнями по всему периметру загадочного объекта.

— Ты что-нибудь понимаешь? — почти в ухо прошептал мне Андрей, прижимая к себе Анжелику. Девушка не издавала ни звука, расширенными глазами наблюдая за происходящим. Она была в полной власти своего нового возлюбленного и, доверяя ему, абсолютно полагалась на его чутьё. Ту что-то было не так.

Не по-земному.

Не по-настоящему.

Будто взяли гляцевую картинку журнала, разрисовали красками, вдохнули жизнь, и весь этот разноцветный комикс поместили в ущелье пермского периода. Не доставало только манекенов. Всё казалось каким-то искусственным, не натуральным, кукольным. Было ощущение, что мы попали в придуманный кем-то мир, всунутый между скал подобно театральной постановке какого-нибудь передвижного театра на ко-

лесах. Так изготавливают различную бутафорию для съёмок очередного кинофильма, с той лишь разницей, что мы не видели здесь камер. Режиссёры, операторы и актёры тоже отсутствовали. Вместо них по двору туда и сюда сновали незнакомцы в серебристых комбинезонах, похожих на костюмы радиационной защиты, а на верхней крыше одной из построек возвышался какой-то уникальный летательный аппарат, прежде мною никогда не виденный. Всё напоминало фантастический сюжет американского блокбастера, отчего у Анжелы вырвался вздох изумления. Этот неведомый нам узел портала, очевидно, принадлежал к высшей касте Ордена инквизиторов, если вообще не был их центральным пультом управления. Ни намёка на средневековье, ни монахов, ни стражников с арбалетами. Всё было совершенно, грандиозно по своей структуре, технологически обогнавшее наше время, и напрасно мы искали что-либо знакомое для своего пытливого взгляда.

Это была технология БУДУЩЕГО.

Андрей едва не присвистнул, но вовремя удержался, почувствовав сжатие руки. Анжела прижала палец к губам и взглядом указала на постройку. Дверь бесшумно отъехала в сторону, раздался музыкальный зуммер снятия блокировки, в ближайшем ангаре что-то загудело, и во двор ступил высокий человек в серебристом комбинезоне. Это, очевидно, был пилот неведомого аппарата, а из ангара вот-вот должен был показаться его напарник.

Так и вышло.

Двери из неизвестного материала разъехались, во двор выехала горизонтальная площадка, и мы увидели блестящий на солнце прозрачный шар идеально круглых размеров, напичканный внутри всевозможной электроникой. Два кресла были пусты, а в третьем, для водителя, сидел такой же незнакомец в серебристом комбинезоне. Механические щупальца выдвинули прозрачную сферу на край площадки, отцепились, вобрались внутрь, и аппарат загудел, откинув в сторону одну из створок кабины. Первый сотрудник влез внутрь, пристегнулся, отдал какую-то команду, шар завибрировал, плавно поднялся в воздух и...

Исчез.

В мгновение ока.

Сгинул. Пропал. Испарился. Векторный импульс оставил после себя едва заметную точку сингулярности, бликнул на солнце и, превратившись в вакуум, исчез вместе с аппаратом. Типичный случай растворения в пространстве.

От изумления мы раскрыли рты. Такого нам ещё не приходилось встречать.

— Да тут целый научный комплекс! — выдохнул Андрей. — У них технология на грани будущих столетий.

— И как мы вызволим наших собратьев?

Он на минуту задумался.

— Нужно спрятаться в утёсах и понаблюдать хотя бы до вечера. Вот так, с наскоку, не зная ни количества охраны, ни обитателей, ни их системы сигнализации, мы, чего доброго, и сами угодим им в руки. Прибыли спасать, а окажемся такими же пленниками. Предлагаю вот что... — он подмигнул Анжелике, отчего у той затрепетали ресницы. — Устроимся между камнями вон в той ложбинке, — указал он рукой на зелёный оазис среди скал. — Там нас не видно, следовательно, можно будет передохнуть, обследовать местность, разведать обстановку. Ночью тоже будем дежурить, сопоставляя их быт и режим работы. За теми камнями виднеется отличная площадка для наблюдения, скрытая кустами плауна. Летающих птерозавров в пермском периоде ещё нет, поэтому нам никто не помешает. К утру мы будем уже знать, как себя вести дальше, и что в первую очередь делать. Прежде всего, нужно каким-то образом, став невидимым, пробраться на территорию объекта, из разговоров узнав, где томятся пленники. Этим займусь я. Парить я уже не умею, но ускориться и стать невидимым смогу. Анжела меня подстрахует. Мы сможем среди них передвигаться хоть до вечера, используя своё ускорение — они и не заметят.

— А датчики обнаружения?

— Не думаю, что они используют их внутри форпоста. Эти приборы нужны им, когда они прочёсывают иные измерения, эпохи и временные векторы наших световых маркеров. Тут-то они зачем? Сейчас поднимемся вверх к поляне, обустроим себе место для ночлега, подкрепимся, передохнём немного, и устроимся наблюдать.

— Весь вечер?

— И всю ночь, — кивнул он. — Но прежде, мы с Анжелой посетим их внутренний двор, а ты займись ужином.

Я развёл руками:

— И как ты себе это представляешь? Разжечь костёр? Они же запах учуют. Дым от тлеющих углей ещё никто не отменял, — попытался пошутить я. — Да и заметят сразу.

— А ты не здесь. Ускорься, как в тот раз, когда ловил сома при замене. Смотайся к озеру, познакомься с местными рептилиями, — в тон мне отшутился он. — Ты уже вполне самостоятельно можешь владеть генетическим даром, так что тебе под силу поймать какую-нибудь черепаху или ползающую рыбу, как в том ручье. Главное, чтобы на вид

сьедобным казалось. Удалишься подальше в долину, разведёшь в укромных кустах плауна костёр, прожаришь, а там и вернёшься. На всё про всё у тебя уйдёт не больше минуты. Схватил — разжёл — пожарил — возвратился. Здесь вверху и перекусим. А мы тем временем побываем внутри форпоста. Ночь предстоит долгая, поэтому нужно быть в оптимальной физической форме. Ты не устала? — обратился он к девушке. Анжелика отрицательно покачала головой, давая понять, что отправится за ним хоть на край света.

— Вот и решили. Я, правда, ещё не совсем представляю, как мы будем вызволять своих собратьев, но одно то, что они владеют такими же способностями, уже вселяет уверенность. Главное, дать им возможность выбраться наружу, а там они уже позаботятся о себе сами.

— Ты думаешь, их держат в таких же подвалах, как и меня? — спросила Анжелика.

— Но это же очевидно! Раз они могут пользоваться левитацией, ускорением и телепортацией, то их сунули в закрытые казематы, не имеющие сношения с наружным миром.

— Но им ведь носят еду...

— И что? Если никто до сих пор из них не выбрался, значит, они, либо связаны, либо прикованы. Это мне повезло, что Алексей оказался для охранников своеобразным сюрпризом, имеющим ещё неосознанную способность парить в пространстве. Он взлетел к решётке, выломал её, выбрался из каменного колодца, услышал меня, подтянул на руках, и через секунду мы были на свободе. Ликвидаторы, доставившие его в замок, видимо, и предположить не могли, что он может летать.

— А охранники?

— А тем-то что? Обыкновенные монахи с арбалетами. Им не сказали, они не знали. Когда спохватились, было поздно. Только потом они засуетились и послали по нашим световым маркерам своих новых ликвидаторов. Да нас уже и след простыл. Спасибо Алексею, — он дружелюбно хлопнул меня по плечу. — Так бы и с тобой не познакомился, если бы не он. Сидеть бы и мне сейчас где-нибудь здесь взаперти. Тебя, кстати, тоже сюда должны были переправить. Да мы успели, — поцеловав её в ямочки на щеках, закончил он. — В общем, будем надеяться, что озарение к нам придёт по ходу разработки плана. Сначала краткая разведка, потом ужин, отдых и, к самой ночи — наблюдение.

— Мне отправляться к озеру? — спросил я, уже чувствуя азарт от подступавшего голода. Странно, в последнее время я его не чувствовал, а тут прямо удвоился с новой силой. Возможно, сказывалось вол-

нение перед решающими событиями. Ради них мы и прибыли в данную эпоху, к чёрту на кулички, отстоящую от нас на 250 миллионов лет, чтобы освободить наших незнакомых собратьев по генетическому дару. Ни оружия, ни навыков нападения, ни какого-либо плана: лишь собственные сверхъестественные способности, да вера в наши силы. Что будет потом, никто предугадать не мог, даже более опытный Андрей. Очевидно, после освобождения, все «перебежчики» затеряются в бесчисленных инородных пространствах, продолжая и дальше скрываться от своих преследователей. Андрей, вероятно, заберёт Анжелику и её сына Никиту с собой, в своё измерение, где они начнут новую жизнь, а что касается меня, то я твёрдо решил не пользоваться своим генетическим даром, чтобы меня не смогли обнаружить по световому маркеру. Нет шлейфа, нет и «перебежчика». Нет распространяемых световых волн, блуждающих в слоях пространства, нет и самого обладателя. Я хотел вернуться к семье, к Лене, к дочке, по-прежнему жить, словно и не было у меня никаких последствий после гипноза в поезде.

На том и решили.

Андрей с Анжелой, ускорившись и приняв невидимость, скользнули молнией внутрь технических построек, а я отправился к озеру, не забыв при этом вызвать своего зеркального двойника. Телепатический фантом в мгновение ока доставил меня к водной глади, где я оказался в окружении сотен доисторических рептилий.

Тут-то всё и началось.

Не успел я как следует осмотреться, как сразу же был атакован непонятной тварью, высунувшейся из воды подобно гигантскому моллюску с двумя раскрытыми в зеве створками. Стекающая с пасти слизь напоминала тягучую пену, а щупальца, нацелившиеся на меня, готовы были присосаться своими присосками, похожими на чайные блюдца столового сервиза. Сравнение не очень удачное, но выбора не было. Ещё секунда, и эта огромная устрица поглотила бы меня без остатка, оставив наружу лишь ноги, не поместившиеся в её мерзком чреве. Ни дать, ни взять — исчадие дантовского ада.

Я едва успел отпрянуть, но, споткнувшись, растянулся на земле, краем глаза наблюдая, как какой-то скорпион, величиной с собаку, тянет ко мне щетинистые клешни, похожие на зубья экскаватора. Эта вылазка могла оказаться последней в моей жизни. Сверху уже пикировали на редкость здоровые меганевры, напоминающие наших стрекоз, только неизмеримо крупных размеров. С точки зрения биологии я для

них представлял весьма сытный ужин, поэтому, изрядно струхнув, я в смятении отдал импульс на ускорение. Оцепенение прошло, и уже через секунду я стоял на ногах. Всё застыло на месте. Щупальца, до этого болтавшиеся в воздухе, остановились в нескольких сантиметрах от меня, а клешни скорпиона-аномалокариса так и замерли в движении, не успев дотянуться до моего тела. Меганевры словно зацементировались в воздухе и, протянув руку, я вполне мог их сбить веткой, не задумываясь о последствиях. Неведомый мир пермского периода превратился в вязкий кисель, и в радиусе нескольких метров застыл в своей обездвиженной красе.

Отдышавшись и приведя в порядок свои нервы, я не спеша направился к берегу, тем не менее, обойдя гигантскую устрицу стороной. Вода тоже представляла собой неподвижную гладь, поэтому, выбрав наугад какую-то рыбину крупных размеров, я оглушил её камнем, взвалил на плечо и отдал команду на исчезновение. Последнее, что я успел заметить, телепортируясь к кустам плауна, как устрица щёлкнула створками, схватила скорпиона и отправила себе в пасть. Аномалокарис пермского периода сам превратился в жертву, которой я считал себя несколько секунд назад. Вот такой себе закон природы.

Дальше всё пошло как в убыстренной киносъёмке. Разведя огонь, я выпотрошил рыбу, изжарил её на костре, разделил на части, завернул в листья папоротника, подхватил под мышки и покинул это негостеприимное место навсегда. На всё про всё ушло не более полуминуты. Одиссея моей вылазки к озеру считалась законченной.

Однако меня ждала другая новость.

Временная стоянка наша была пуста.

Странно. Они должны были вернуться не позднее меня, поскольку, обладая даром ускорения, могли пересечь пространство в любом направлении, замедлив текущее время, едва ли, не до нулевой отметки. Ещё не совсем осознав причину задержки своих друзей, я аккуратно разложил на камнях благоухающие костром листья папоротника, выглянул из-за утёса и всмотрелся в очертания объекта. Всё было мирно, тихо, спокойно. Антенны совершали свой оборот, площадка перед ангаром была пуста, а на заднем дворе, метрах в двадцати от него, несколько мужчин беседовали между собой, одетые в такие же серебристые комбинезоны, какие я видел на пилотах прозрачного шара. По моим подсчётам, Андрей с Анжеликой должны были уже предстать передо мной, напичканные всевозможными новостями и захватывающими впечатлениями, ведь не каждый день доведётся увидеть научный комплекс грядущих десятилетий, да ещё и в геологических пластах перм-

ского периода планеты. Рассуждая, таким образом, я уже намеривался присоединиться к друзьям, настроив мысленную телепатию на луч светового маркера, как вдруг произошло непредвиденное.

Вначале завывала сирена.

Рефлекторное зеркало параболической антенны пришло в бешеное движение, кружась вокруг своей оси, подобно детскому волчку, а следом за сиреной во двор начали выскакивать озабоченные сотрудники станции. Всё сразу замельтешило перед глазами, кто-то выдернул меня из кустов, швырнул в воронку раскрывшегося туннеля, крикнул в ухо: «Телепортируйся!», и...

Всё исчезло.

Остаточная дымка шлейфа завязалась в узел, растаяла в пустоте, хлопнула как пузырь и пропала. ...Геологическая эпоха пермского периода перестала для меня существовать.

— А теперь всё по порядку, — провозгласил Андрей, бережно прижимая к плечу Анжелику. Оба смотрели на меня с каким-то лукавством и дружеским участием. У ног горел костёр, и только сейчас, придя в себя, я, наконец, смог оглядеть окружающую местность. Несколько пальм, искристый песок, ручей, маленьким водопадом стекающий с небольшой скалы, кокосы повсюду, гнёзда птиц, вездесущие обезьяны и полное отсутствие людей.

— Мы на острове? — опешил я, поднимаясь и оглядываясь вокруг. Везде, до самого горизонта, куда бы я ни бросил взгляд, простирался сплошной могучий океан, пенистым прибоем накатывая волны на песчаный берег. Солнце клонилось к закату, вдали над водой реяли буревестники, а запах тропического леса приятно входил в лёгкие своим чистейшим дуновением ветра. Ни дать, ни взять, идиллия райского сада, разве что бескрайний океан простирался во всех направлениях, куда хватало глаз.

— Сколько я был без памяти? — видя их весёлые лица, попытался я восстановить мысли.

— Около часа, — едва не рассмеялась Анжелика. — По реальному земному времени, разумеется.

Я тупо уставился на костёр, в углях которого лежали те самые листья папоротника, в которых была завёрнута моя пойманная рыба.

— Кто-нибудь объяснит, что произошло? — с досадой на самого себя вымолвил я, чувствуя, как краска стыда заливает моё, и без того, глупое лицо. — И хватит потешаться над товарищем, — зло посмотрел

я на Андрея. Наконец он не сдержался, и разразился безудержным хохотом. Анжела встала, обняла меня за плечи и подтолкнула к костру.

— Подкрепись, Лёша. Сам же выловил. Мы уже поели, пока ждали, когда ты, наконец, придёшь в себя.

— Да что случилось?! — едва не заорал я. — Почему мы на острове, да ещё и, судя по всему, необитаемом, где делся форпост инквизиторов, где наши вызволенные пленники, и отчего я только сейчас открыл глаза. Что со мной произошло?

— Я же и говорю, — едва сдерживая слёзы от смеха, промычал Андрей. — Начнём всё по порядку. Ты бы глянул сейчас на свою рожу, Шарапов, — процитировал он высказывание небезызвестного персонажа братьев Вайнеров. — Не обижайся, — вытер он рукавом повлажневшие глаза. — Просто мы сами в таком весёлом и радостном настроении, что Анжеле пришлось в голову не трогать тебя, пока ты сам не очнёшься.

Он подкинул в костёр несколько веток, запустил кокосом в настёрных обезьян, свисавших с тропических пальм и норовивших стащить кусок прожаренного на углях ананаса, и уже более серьёзно начал. Анжела подала мне на листе рыбу, я впился зубами в мягкое филе и, уже остыв от гнева, приготовился слушать.

— Прежде всего, мой друг Алексей, мы на острове, причём, ты прав — необитаемом. Я намеренно выбрал этот лучевой вектор, чтобы затеряться подальше в безлюдной местности, пока нас ищут по всем измерениям наши ликвидаторы. Временной промежуток точно не скажу, но где-то в районе семнадцатого — восемнадцатого века. Эпоха пиратов, корсаров и флибустьеров всех мастей и народностей. Место пребывания — Полинезия. Пока ты находился в так называемой nirване, я успел вычислить приблизительные координаты по лучевому вектору световых маркеров, а когда мы перенеслись сюда, я оставил тебя с Анжелой и на секунду успел вернуться за твоим пойманным трофеем. Не хотелось тебя расстраивать, учитывая, какой опасности ты подвергался, добывая нам ужин. Теперь насчёт твоего обморока. Объясню. Когда мы, фигурально выражаясь, «вынырнули» с Анжелой из пространства, за нами уже гнались ликвидаторы, поэтому мне ничего не оставалось, как послать тебе в мозг мощнейший импульс внушения, отчего твоя блокировка на несколько мгновений потеряла контроль. Одним словом, наступила перегрузка бинарных полушарий мозга. Мыслительная фаза, отвечающая за перемещения сквозь измерения, дала временный сбой и, услышав мой повелительный крик: «телепортируйся!», ты в долю секунды перенёлся вместе с нами сюда, потеряв чувство контроля. Что

делает в таких случаях мозг? Правильно — выставляет защитную реакцию. А защитной реакцией в твоём случае был обыкновенный обморок. Сознание просто на время отключилось, дав твоему генетическому дару пройти процесс так называемой «перезагрузки». Пока ясно выражаюсь? Ты ешь, не смотри на меня как ворона на сыр в басне Крылова. Мы едва со смеху не померли, когда ты открыл глаза и стал озираться вокруг. Прости, друг мой. Я бы и сам опешил: пальмы, пляж, песочек, обезьяны...

— Это я понял, — уже не сердясь, отмахнулся я. — Что с остальными? Как прошло ваше внедрение в комплекс инквизиторов?

— Что касается остальных «перебежчиков», то все сейчас кто где, но главное — в безопасности. Всё прошло, как и планировали, с редким исключением, что мы едва успели унести ноги. Но Анжела сама расскажет. Мне нужно на минуту отлучиться. Вернусь, объясню.

Он передал слово Анжелике, а сам исчез, едва я успел моргнуть глазом.

— Решил проверить, нет ли за нами погони, — объяснила она. — Ты наелся? Ры-ба, скажу я тебе, — протягивая слова, щёлкнула она пальцами, — объе-де-ние!

— Спасибо. Меня чуть не сожрала какая-то гигантская устрица, пока я намеривался поймать её. Спасло ускорение. Ещё секунда, и меня бы сейчас переваривал в желудке представитель палеозойской эры.

Заметив её округлившиеся глаза, я поспешил отмахнуться:

— Об этом позже. Где все остальные? И, прежде всего, как вам удалось их спасти, не быв обнаруженными?

— Нас и обнаружили, — улыбнулась она. — В самом конце. Едва ноги унесли. Но давай по порядку, как сказал Андрияша.

Я вскинул благосклонно брови:

— Андрияша?

— Так я его называю, — покраснела она. — Он мне уже сделал предложение. — Взгляд её потупился, и затрепетавший голос выдал радостное волнение. — Хотели тебе позже объявить, когда расскажем всю историю изволения из плена, да вот не сдержалась.

Я бросился к ней в объятия.

— Поздравляю! Андрей великолепный парень! Будет тебе отличным мужем и прекрасным отчимом Никите.

Мы ещё немного порадовались, затем Анжела продолжила.

— Когда он увлёк меня за собой в их, так называемый, лагерь, я приняла такое же ускорение, отправив своего зеркального двойника вслед за его фантомом. Вначале всё шло как по маслу. Вокруг всё за-

мерло, обездвижилось, приняло застывшие позы, даже собаки остановились в движении, разинув пасти в безмолвном лае. Андрей молнией пронёсся по техническим пристройкам, заглянул в ангар, секции техобслуживания, а меня послал проверить жилые блоки. Там-то я и увидела весь размах этого центра управления всеми форпостами, которые разбросаны у них по иным измерениям. В сам пульт управления я не заглядывала — туда наведалься он сам — но, судя по спальным помещениям, в этом форпосте их обитало не менее полусотни.

— Видела кого-нибудь из главного начальства?

— Нет. Только сподручных, да пару-тройку наших знакомых ликвидаторов. Верхушку Ордена видел Андрияша, — она покраснела от смущения, — когда пронёсся внутрь пульта управления. Потом он мне рассказал, что рассматривать Главного Инквизитора ему было некогда, заметил только, что это был глубокий старик, в длинной суконной мантии и капюшоне на голове, как их изображают в американских «Звёздных войнах». Выскочив из пульта, он наткнулся на меня, и я ему поведала то, что видела в спальнях блоках. Пленников нигде не было, а действие ускорения под этим энергетическим куполом могло вот-вот приостановиться. Мы же не знаем до сих пор, как воздействуют на генетический дар электромагнитные возмущения силового экрана, верно? Поэтому, недолго думая, мы обследовали весь двор, пока не обнаружили бетонные плиты, уходящие в подземелье. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы не догадаться, что они там. В плитах были утоплены раздвижные двери, открывающиеся электроникой по телепатической команде одного из стражников. Двое из них как раз находились на дежурстве и готовы были спуститься вниз, относя пленникам ужин. Андрей подошёл к одному, застывшему в нелепой позе, развернул к себе, всмотрелся в глаза и снял блокировку памяти. Мысленный пароль стал нам известен. А дальше, собственно, было дело техники. Послав мысленный вектор в датчик опознавания, он, тем самым, открыл двери, мы спустились внутрь и...

— И тут же обнаружили наших незнакомцев, — дополнил Андрей, в долю секунды возникший ниоткуда. — Заждались? Сколько меня не было?

Раздался хлопок, воздух насытился озоном.

Голос его был весёлым, настроение преотличное, и видно было, что он не намерен долго задерживаться на этом, пусть райском, но обитаемом острове.

— Всё в порядке, слезки никакой, — объявил он. — Нас ищут в совсем иных измерениях, эпохах и пространствах. Световые маркеры ус-

пели развеяться, и за нами нет никаких шлейфов. Наши следы они обнаружат нескоро, а при известной сноровке мы вообще можем затеряться у чёрта на куличках. — Он хлопнул меня по плечу. — Однако это касается только нас с Анжелой. Мы можем забрать Никиту, удалиться куда-нибудь в иную эпоху, зажить новой жизнью, изредка навещая Полину Сергеевну в её реальном мире. А у тебя семья, жена, дочь, работа, квартира. Решать тебе. Что касается остальных, то, как только мы их выпустили из подземелья, даже не успев, как следует познакомиться, я объявил им, что они вольны распоряжаться собой, как им заблагорассудится. Шесть мужчин почти нашего с тобой возраста, вот и всё, что я успел заметить. Тотчас завывала сирена, ускорение моё и Анжелы стало катастрофически падать, всё вокруг пришло в движение и, махнув друг другу на прощание, мы разметались кто куда. В мгновение ока, исчезнув в пространстве, они, очевидно, разлетелись по разным измерениям, чтобы их световые маркеры успели раствориться в пространстве. Внушив Анжеле лучевой вектор ускорения, я подскочил к тебе, мысленно приказал: «телепортируйся!», ну а... дальше ты знаешь.

Я немного задумался.

— И ты сейчас понятия не имеешь, кто они, и куда раскидал их портал времени?

— Абсолютно!

— Такие, как мы, говоришь?

— Более-менее. Старых не видел.

— Все мужчины?

— Да. Как и предполагали.

— И что с ними будет дальше?

Он улыбнулся, глядя на предмет своих воздыханий. Анжелика ответила любящим взглядом.

— Честно сказать, мне без разницы. Свою миссию мы выполнили, пленников освободили, и, к тому же, я приобрёл нечто более дорогое для меня, нежели эти чудесные сверхспособности. Сегодняшнюю ночь проведём здесь, на этом острове, а уже к утру, как ни печально, мы с тобой расстанемся. Это будет наша последняя ночь вместе. Мы с Анжелой уже, форменным образом, обручились...

— Я ему сказала об этом, — в очередной раз покраснела девушка.
— Не выдержала.

— Когда? — вскинул он брови.

— Только что. Пока тебя не было.

— Вот что значит, оставь женщину одну! — рассмеялся он. — Ни на минуту нельзя отлучиться. Выходит, что меня не было несколько минут?

— Хватило как раз на то, чтобы рассказать о нашей вылазке, заодно и упомянуть о твоём предложении.

Теперь засмеялись все, включая меня.

Вечер прошёл незаметно. Большой частью разговаривали о Главном Инквизиторе, его помощниках и наших планах на будущее. Андрей несколько раз ускорялся, пропадал на секунду, затем внезапно появлялся, то с большой, уже ощипанной птицей, то со связкой бананов или ананасом. Костёр потрескивал, обезьяны переместились в другую часть островка, а мы всё сидели, вглядываясь в безмятежное звёздное небо.

Пока...

Время было около полуночи по реальному земному времени.

Я уже спал, но, услышав, как встрепенулся Андрей, тоже принял сидячее положение.

— Всплеск вёсел, — тихо прошептал он, опасаясь разбудить Анжелу. Девушка спала глубоким чистым сном, подложив ладони, костёр мирно потрескивал, но нас что-то разбудило. Неясный шум постороннего присутствия сразу обострил все наши внутренние чувства и, не сговариваясь, мы ускорились, в долю секунды переметнувшись к песчаному берегу.

То, что мы увидели, заставило нас похолодеть на месте.

В нескольких кабельтовых от полосы прибоя, на волнах качался громадный корабль, похожий на испанский галеон прошлых веков. Впрочем, Андрей ведь так и говорил, что мы попали в семнадцатый или восемнадцатый век истории планеты. Чёрный флаг и разодетая в лохмотья публика, прыгающая в лодки, сразу дали нам понять, что к нам в гости прибыли пираты. Первая шлюпка, разбудившая нас всплеском вёсел, уже причалила к берегу, из неё на песок посыпались восторженные искатели морских приключений, а от бортов уже отчаливали следующие лодки. В течение минуты воздух над побережьем маленького островка наполнился гамом, руганью, смехом и пьяными песнями. Рядом с нами, в темноте деревьев, внезапно возникла заспанная Анжела, очевидно, разбуженная самым бесцеремонным образом.

— Проснулась от шума, увидела, вас нет, вот и телепортировалась сюда за вашими световыми маркерами.

Андрей кивнул, прижав её к себе:

— Похоже, наше одиночество закончилось. Остаток ночи придётся следить за ними и слушать их пьяные оргии. Видимо, это из тех полинезийских пиратов, что пополняют запасы пресной воды на таких безлюдных островках. Погостят пару дней, перестреляют всех обезьян и птиц, разнесут островок по камушкам, оставят кучи мусора и отбудут себе дальше, настигая очередную жертву в виде торговых судов. Мне кажется...

— Стоп! — перебил я его. — Там же костёр остался!

В мгновение ока я метнулся назад, забросал тлеющие угли песком, замёл ветками следы нашего пребывания, а когда вернулся, Андрей даже глазом не успел моргнуть.

— Делаешь успехи, — похвалил он. — Секунда, хлопок, тебя нет, снова хлопок, и ты здесь. Считай, экзамены пройдены на отлично. Всё прибрал?

Я кивнул, польщённый.

— А запах? — спросила Анжелика, следя, как остальные лодки продолжают причаливать к берегу.

— Пока они доберутся до нашего ночлега, которого уже нет, запах гари развеется и смешается с морским бризом. Да если и обнаружат, нам-то что? Ускориться мы всегда успеем, а вот поспать нам уже не удастся.

В это время на песчаном пляже происходила та суматоха, которая сопутствует любой высадке на берег, когда люди провели в океане ни один день и ни одну неделю. Кто таскал пустые бочонки для воды, кто разбирали лодки, устанавливая временные палатки, кто сразу занялся костром, а отделившаяся группа разношерстной публики, направилась к небольшому водопаду, где я впервые пришёл в себя после переборки из пермского периода. Двое или трое, подняв на плечи неимоверно длинные ружья, углубились в маленький лесок, где уже по пальмам носились разбухшие обезьяны. Тут и там раздавались ружейные выстрелы, пьяная ватага подралась из-за бочонка вина, с борта палубы были сброшены в последнюю лодку несколько визжащих поросят, пока, наконец, в натекающие на песок волны не ступил сам капитан огромного галеона. Вся речь передавалась нам уже в её переводе, и по строению фразеологических оборотов можно было предположить, что перед нами португальцы. Я не слишком силён в различии португальского языка от испанского, но подсказала Анжела.

Капитан флибустьеров вышел на берег, отдал какие-то распоряжения своим помощникам, и вскоре под пальмами начали воздвигать деревянный сруб, похожий на большую древнерусскую избу.

— Никак баню для начальства сооружают? — тихо хохотнул Андрей.

— Смотрите, — дёрнула за рукав Анжела. — А вот и клад пожаловал.

На берег из лодок начали выгружать громоздкие сундуки, окованные медью. Несколько матросов принялись устанавливать нечто подобие длинного стола со скамьями, стуча молотками и оглашая лес своими пьяными песнями. Воткнутые в землю факелы создавали эффект какой-то фантазмагии, отчего блуждающие тени деревьев принимали мистический облик. Не хватало шаманов или прыганий через костёр, иначе картина напоминала бы дикие пляски каких-нибудь индейцев-папуасов, ещё не открытых цивилизацией.

— Всё ясно, — подвёл итог Андрей. — Этот островок они наметили для себя, чтобы закопать награбленные сокровища. Вот вам и пресловутые клады, за которыми охотятся едва ли не все энтузиасты наших с вами времён. Flint, попугай, сундук мертвеца, карта и бутылка рому. Все атрибуты налицо. Сейчас за теми столами будет произведена опись и делёж награбленного. Видите, выкладывают перья, чернильницы... Капитан уже уселся во главе, так называемой комиссии.

И действительно. Пока на вертелах зажаривались поросята, текло рекой вино, орались песни и происходили мелкие стычки, у стола сгрудились помощники капитана, раскрывая сундуки, извлекая из них груды золота, украшений и сверкающих на луне разноцветных камней. С места нашего укрытия не слишком было видно всё это богатство, но Анжела успела охнуть при виде столь сногшибательной добычи.

— Да тут целые миллионы по нашим меркам! — едва выдохнула она. — Это ж сколько торговых судов они ограбили...

Тем временем из небольшого леска раздавались выстрелы. Перепуганные обезьяны прятались в кронах пальм своих детёнышей, вспархивали и тут же падали подстреленные птицы, а весь островок наполнился звуками смерти. Грянула пушка, Анжела вздрогнула и прижалась крепче к Андрею. Начиналась самая настоящая вакханалия.

У костра появились разодетые женщины, непонятно каким образом, оказавшиеся на корабле, поскольку всем известно, что пираты не приветствовали подобных эксцессов, когда в море не выходило ни одно судно, если на борту присутствовал женский пол. Их было несколько,

похожих на цыганок, и они танцевали у костра наравне с пьяными матросами.

— Очевидно, это их последний рейс, — заметил Андрей. — Иначе не взяли бы с собой женщин для развлечения. Поделят добычу, часть закопают, составят карту, и поминай, как знали. Пару месяцев будут отдыхать, пока снова не вернутся сюда.

— Они будут закапывать? — с придыханием спросила Анжела.

— Думаю, да. Смотри сколько сундуков! — указал он рукой на лодки, из которых всё продолжали и продолжали выносить награбленное. Песок у стола приобрёл вид пещеры Аладдина, а всё нарастающая куча сверкающих под луной драгоценностей, грозила превратиться в настоящую гору. Здесь были картины великих мастеров возрождения, кубки и чаши, статуэтки и ожерелья, предметы одежды и обихода, золотая кухонная посуда и горсти настоящих самоцветов. Подсвечники и канделябры были свалены вповалку с серебряными эфесами, кортиками, саблями и палашами. Диадемы валялись вперемежку со слитками и монетами различной чеканки, от которых в алчных глазах пьяных матросов горели красные зрачки. Все танцующие креолки с головы до пят были облачены в золотую парчу, в ушах сверкали серьги, на щиколотках и запястьях бренчали массивные браслеты.

— И мы можем в любой момент сюда вернуться, верно? Когда-нибудь наведаться, прихватив пару-тройку безделушек, они и не заметят...

Мы тихонько посмеялись, представляя такую радужную перспективу. Действительно, что нам стоит спустя какое-то время посетить снова этот богом забытый островок и, пользуясь нашим генетическим даром, позаимствовать у грабителей несколько вещиц из золота и серебра. Настроение наше сразу улучшилось.

Так бы продолжалось и дальше, если бы вдруг не случилось то, что мы, в общем-то, не могли ранее предвидеть.

Воздух внезапно сгустился сам по себе, подёрнулся мелкой рябью, заколыхался и начал скручиваться в узел.

— Это что ещё за хрень? — едва не выругался Андрей.

Нас потащило куда-то в сторону от берега, Анжела тихо вскрикнула и схватилась за торчащий сук. Стремительно возникшая деформация пространства мешала нам принять удобную позу, словно нас влекло каким-то невидимым магнитом. Берег с пиратами расплылся перед глазами, как испорченная плёнка кинофильма, рвануло порывом ветра, раздался хлопок и...

Всё исчезло.

Последнее, что я успел увидеть, это расплывающийся по воздуху силуэт Андрея, принимающий форму стекающей по стеклу капли. Анжела деформировалась, словно на картине Сальвадора Дали с расплавленными часами. Всё превратилось в сплошное месиво причудливых обтекаемых форм, моё сознание провалилось в пустоту, и мир гиперпространства перестал существовать.

...Больше я их не видел.

Глава 7. Конец генетического дара

(Понедельник, 21:30 по реальному земному времени)

Оказавшись у гаражей своего родного двора, я, прежде всего, посмотрел на балкон. Свет ещё горел, соседский кот вылез из укрытия и с урчанием уставился на меня. В этом мире прошло не более минуты, как мы покинули его с Андреем. Мой окурок ещё дымился на асфальте, а взошедшая недавно луна так и светила своим серебристым светом, будто я никуда не отлучался. Что случилось в том пространстве? — потряс я головой. Ни Анжела, ни Андрей, ни, тем более, я не вызывали зеркальных двойников, чтобы переместиться в иную реальность. Воздух сам по себе сгустился, обрёл некое подобие полярности, всосал в себя и расшвырял нас по разным измерениям: Анжелику с Андреем в одно, меня — в другое. Какая сила могла самостоятельно, без генетического дара, раскидать нас по антимирам, в мгновение ока, выдернув из эпохи пиратских галеонов? Что это? Очередной сбой в генетическом даре, как в случае с торможением во времени, когда нас поджидала девушка? Или наши сверхъестественные способности начали мутировать, не дождавшись своего конечного срока? Наступившая внезапно деформация пространства дала толчок на ускорение, и наши тела телепортировались сами собой, без нашего на то указания? И где, в конце концов, сейчас Андрей с Анжелой? Почему в мой реальный мир перебросило только меня, оставив их где-то совершенно в ином измерении?

Вопросы лавиной сыпались на меня, а я, как последний двоечник, не знал на них ответа. Что-то подсказывало мне внутри, что ни Андрея, ни Анжелику я больше не увижу.

Никогда.

Нигде.

Мой зеркальный двойник не отзывался, сколько я не пытался его мысленно вызвать. Соседский кот уставился на меня с крайним изумлением, когда я попытался подпрыгнуть и зависнуть в воздухе. Когда мне

это не удалось, он с сомнением посмотрел на меня, вздёрнул хвостом и попятился, словно принял за полоумного. Мужик, прыгающий и махающий руками под светом луны, кого хочешь собьёт с толку.

Я потерял свойства генетического дара? — с ужасом мелькнуло у меня в голове. Но как? Что могло случиться в тот момент, когда мы наблюдали, как восторженные пираты принялись делить награбленные ценности? Ничто ведь не предвещало столь внезапного исчезновения. Бац! И я уже дома, а мои друзья, откинутые электромагнитным вихрем, унеслись куда-то к чёрту на кулички. В каких измерениях они теперь находятся? Успели забрать сына Никиту? Преследуют их по-прежнему ликвидаторы и главные инквизиторы Ордена? Где их световые маркеры, растворившиеся в пространстве?

Опять вопросы, и ни одного ответа.

Я уже испробовал все мысленные команды, но результат был отрицательным. Ни подняться вверх, ни стать невидимым, ни прочесть мысли kota...

Оставалась последняя надежда. Ускорение.

И именно в этот момент меня с балкона позвала супруга.

— Лёша! Долго будешь курить? Яна хочет тебе что-то показать.

Задёрнув шторы, она исчезла в глубине комнаты. Я поддел потухший окурочок ногой, позвал мысленно kota, и когда тот не вернулся, отправился домой, отложив проверку ускорения на следующее утро. Сейчас я был потрясён не меньше этого kota, и если мой генетический дар утерян полностью, я не хотел об этом узнать тотчас же. Завтра проснусь с ясной головой, возможно, за ночь силы восстановятся, и всё вернётся как прежде.

С такими невесёлыми мыслями я вошёл в квартиру, поцеловал на кухне жену, отчего она притворно сморщилась, позвал Яну и бессильно опустился в зале на диван. Думать ни о чём не хотелось. Дочь вбежала в комнату с уже знакомыми мне книгами.

— Смотри! — раскрыла она обложку, присев рядом и закинув мне ноги на колени. — Этой иллюстрации я раньше не видела!

Глаза её горели от волнения.

— Когда первый раз пролистывала, или не заметила, или страницы слиплись, и я пропустила. Странно даже. Обычно я бережно просматриваю иллюстрации, если они есть, прежде чем начинать читать. Работы художников дают мне первые впечатления, а потом я уже погружаюсь в сам текст сюжета.

Я раскрыл первую книгу в матовой и довольно презентабельной обложке. Автор всё тот же: Александр Зубенко. Название книги: «Глория.

Властелины Двойных планет». Помнится, мы с Яной посещали там некие загадочные пирамиды, которые вскоре стартовали из эпохи мезозоя куда-то в глубокие просторы вселенной. Я даже припомнил, что адрес конечного пункта прибытия главных героев была звёздная система Арктур в созвездии Волопас.

И каково же было моё удивление, когда на иллюстрации, что открыла мне Яна, я увидел рисунок неизвестного мне художника, очевидно, штатного оформителя книги. На рисунке были изображены...

Мы с Яной.

У меня похолодело внутри, и отвисла челюсть.

— Правда, похожи? — ничего не подозревая, спросила она. — Даже одежда. А причёска, смотри, пап! Точно, как у меня.

Сказать по чести, если бы сейчас в комнате пролетела муха, она непременно бы остановилась в полёте, увидев мой раскрытый рот, чтобы обследовать это непонятно возникшее на её пути отверстие.

...Иллюстрация изображала взлёт арктуринских пирамид, и на переднем плане стояли две фигурки: мужчины и юной девушки переходного возраста. Она держала его за руку и, запрокинув головы, они смотрели в небо, где в бескрайние просторы космоса удалялись громадные конусы неизвестной цивилизации. Сходство было настолько поразительным, что я невольно оглядел причёску Яны, а затем и свою одежду. Всё верно. Её хвостики на голове и мои джинсы с футболкой были переданы художником с абсолютной точностью, хоть и уменьшенные до размеров формата книги. Позади нас виднелись другие обитатели комплекса мезозойской эры.

Яна следила за моей реакцией, совершенно не понимая, отчего я так опешил. При виде столь явной похожести на нас, что она, что я пришли в крайнее изумление. Типичный случай остолбенения. И если моя дочь не имела о наших перемещениях абсолютно никакого понятия, то я-то знал всю подноготную этих иллюстраций. Мы путешествовали на страницах книги, следовательно, мы были её частью. Но каким образом художнику удалось нарисовать нас с такой поразительной точностью? И самое главное — в фабуле романа мы не должны присутствовать! Это априори! Это противоречит всем физическим законам природы, постулатам физики и присутствию здоровой логики.

Такого не может быть никогда!

Нигде!

Ни в одном измерении!

...Наступила тишина.

— Я тебе больше скажу, пап, — протянула она мне вторую книгу этого же автора. — Всё бы ничего, но смотри дальше.

Прошло несколько томительных мгновений, прежде чем я тупо уставился на обложку. Такой же матовый переплёт с уже знакомым названием: «Восемь лётчиков или Хозяин Байкала», такая же политура и формат издания, та же редакция, что и в первой книге.

— Мужчина с девушкой, похожие на нас, — донёсся, словно изда- лека, голос Яны. — В той же одежде, с такой же причёской.

От удивления её очаровательные глаза были величиной с чайные блюдца.

— И ЭТУ картинку я не видела, — сделала она ударение, всё ещё не понимая происходящего.

Она стала листать страницы с иллюстрациями, и на какой бы мы не останавливали свой взгляд, везде изображались мужчина с девушкой.

В такой же одежде.

С той же причёской.

Коридоры времени перенесли нас с дочерью в сюжет книги, запечатлели в своей памяти, дали толчок художнику изобразить наши обра- зы, а сама суть романа осталась прежней, не претерпев никаких изме- нений. В этом, очевидно, и заключался пресловутый парадокс беско- нечной восьмёрки Мёбиуса, о которой упоминал Андрей, сидя у костра с Анжеликой.

На одной иллюстрации мы стояли с Яной над мёртвым лётчиком времён второй мировой войны, неизвестно каким образом, оказавшимся в таёжных массивах Байкала, а на второй мы уже провожаем взгля- дами удаляющуюся по озеру лодку, в которой рыбаки спасли последне- го выжившего из экспедиции. Того самого паренька, за которым мы следили, спрятавшись у дерева. На одной из картинок он был изобра- жен художником в тех же изорванных лохмотьях, когда вышел к озеру из сплошной стены леса. На другой мы с Яной преследуем какой-то бестелесный фантом, о котором, видимо, идёт речь в данной книге, но неведомый мне, поскольку я так и не успел с ней ознакомиться.

Здесь тоже становилось очевидным, что художник изобразил нас такими, какими мы присутствовали мельком в этих сюжетах. Оставался вопрос: это единичные экземпляры, где мы с дочерью нарисованы, или в остальных книгах выпущенного тиража дело обстоит таким же обра- зом? Иными словами, наши рисунки присутствуют только в этих двух книгах, которые мы листали, и на страницы которых нас увлекло моим

генетическим даром? Или наше проникновение внутрь сюжета затронуло ВСЕ издания книг этого автора?

Когда Яна попыталась что-то понять, сопоставить и проанализировать нелепость ситуации, я только устало махнул рукой, притворившись, что уже засыпаю после дороги. Что я мог объяснить своему ребёнку, если сам ни черта не знал, каким образом мы оказались на картинках книги?

— Они ведь похожи на нас как две капли воды, папа!

— Да? — мне приходилось казаться безразличным, хотя отвисшая челюсть по-прежнему ждала пролетающей мухи. — Не бери в голову, ангел мой. Это нам так кажется.

— А твоя футболка? Мои хвостики, перевязанные ленточками? Даже цвет совпадает!

— Ну, мало ли бывает хвостиков у таких очаровательных девушек... — попытался отшутиться я. — А что касается футболки...

И замолк. Сказать мне было нечего. Эту футболку мне подарила Лена, когда мы были в отпуске, проезжая страны Прибалтики. В Риге мы ходили по местным бутикам, и она присмотрела довольно уникальный вариант национального фольклора. На футболке был изображён собор, где некогда снимали эпизоды фильма «Семнадцать мгновений весны», когда пастор Шлаг играл на органе. Этот собор и был изображён на футболке. Таких редкостных экземпляров в городе больше не было. Это был едва ли не эксклюзивный вариант, и при желании можно было взять лупу, навести её на картинку и отчётливо увидеть верхушки шпилей собора. Даже невооружённым глазом просматривались его очертания, хоть художник и нарисовал их едва видимыми мазками красок. Но это, несомненно, был он. Яна переводила взгляд с картинки на меня, сравнивая футболку, в которой я сейчас сидел, смотрела мне в глаза, и ничего не понимала. А внушить блокировку памяти я ей уже не мог. Мой генетический дар иссяк безвозвратно, сколько я не пытался подвергнуть её гипнозу. После гаражей я мысленно вызывал несколько раз своего зеркального двойника, но всё было напрасно. Прочсть мысли дочери я тоже не мог. Стволовые клетки моего мозга, очевидно, навсегда потеряли способность читать мысли других собеседников, а уж становиться невидимым, и подавно. Напрасно я пытался внушить Яне очистку памяти — всё, как и прежде, было бесполезно. Неведомый мир иных измерений перестал для меня существовать. С точки зрения остального населения Земли, я вновь стал обычным человеком. Теперь мне суждено было вернуться в свой первоначальный образ, ка-

ким я и был до того момента, когда в поезде ко мне подсел незнакомый попутчик.

— Маме ничего не говори... — последнее, что я успел произнести, прежде чем меня накрыла волна какой-то удручающей унылости. Дуга электрического разряда пронзила мой мозг, сознание в мгновение ока заблокировалось, в голове раздался хлопок, и... всё вокруг померкло.

Не помню, как я добрался до кровати и, свалившись в неё, забылся беспробудным сном. Только часам к десяти утра меня еле разбудила супруга, удивившись, что я вчера вечером буквально провалился в небытие. Всю ночь я метался в бреду, вспоминая какие-то башни, галеоны и замки, а к утру, по её словам, она не смогла меня добудиться, словно я перед этим проглотил упаковку снотворного.

— Таким я тебя давно не видела, — озабоченно присела она на кровати. — И компресс тебе делала, и температуру мерила. Как себя чувствуешь?

— У меня был жар?

— Ещё какой! Вы с Яной о чём-то беседовали в зале, затем она позвала меня, и мы едва дотащили тебя до кровати. Я уже «скорую» хотела вызывать, настолько внезапно у тебя случился приступ.

— Приступ чего?

— Не знаю. Но к утру ты, вроде бы, успокоился. Сейчас нормально? — потрогала она лоб.

— Странно, — кивнул я, — а мне показалось, что я сам добрался до кровати.

— Нет. Яна рассматривала какие-то книги из библиотеки, а потом ты вдруг, что называется, сполз с дивана и, крикнув мне, она тебя подхватила. С утра, не добудившись тебя, я позвонила в ателье и отменила презентацию. Опасалась, что всё-таки придётся вызывать врача.

— Не нужно, — отмахнулся я. — Просто устал с дороги, а может, переутомился за последние несколько дней.

— Ты хочешь сказать, что беспробудно проспал всю ночь и всё утро, совершенно не чувствуя, как я тебя будила?

— Ага. Без задних ног, — виновато улынулся я. — Но всё уже прошло. Где она, кстати?

— Ушла в библиотеку сдавать книги. Я, правда, ничего не поняла: только их взяла, собиралась прочесть за несколько дней, а тут вдруг, ни с того ни с сего — умчалась. Не знаешь, о чём они?

— Книги?

— Да.

— Мы как раз рассматривали их, когда у меня закружилась голова. Потом ничего не помню, — пришлось соврать мне. — Наверное, не понравился автор. А может, сам сюжет.

Она помолчала.

— Странно.

Затем решительно поднялась.

— Ну, если всё в порядке и чувствуешь себя хорошо, то давай завтракать. Еда на столе, кофе горячий. Всё равно уже сегодня не попаду на работу. Считай, что ты выспался за все недели.

Поцеловав в щёку, она направилась на кухню, крикнув уже оттуда:

— Не забывай, нам сегодня восстанавливать твои документы. Яна придёт, сама пообедает.

...Вот так.

Так, собственно, и начался мой новый день, уже новой, прежней моей жизни.

Когда я вошёл в ванную и попробовал ускориться, у меня ничего не вышло.

...Тогда-то я и понял, что стал обычным человеком.

Спустя несколько дней я собрался по работе в очередную командировку. Документы были восстановлены, книги сданы в библиотеку, и по обоюдному молчаливому согласию, мы с дочерью больше не возвращались к этой теме. Странно, но после эпизода в зале, когда я в беспмятстве сполз с дивана, она посчитала, будто над этими книгами довлеет какое-то мистическое чудо, а ещё через несколько дней она вообще напрочь забыла об их существовании. Не знаю, что уж произошло у неё в мозгу, и как очистилась память, но когда я однажды напомнил ей о моей футболке и её хвостиках, перевязанных ленточками, Яна только удивлённо вскинула брови.

— Ты о чём, пап?

— О тех книгах, что ты принесла из библиотеки. Помнишь?

— А! — отмахнулась она на ходу, уходя куда-то. — Посмотрела картинки, пролистала страницы...

— И что?

— Поняла, что не моё. Какие-то перемещения во времени, какие-то пропавшие экспедиции, планета-двойник. — Она подмигнула. — Мне бы о замках с принцессами, о рыцарях с драконами...

— Ясно, — подытожил я облегчённо. — Типичный случай женского фэнтези, которым напичканы все литературные площадки интернета. Другого ничего не могла подобрать?

— Подобрала. Как видишь, не захватило.

И умчалась.

После этого краткого разговора я окончательно убедился, что она ничего не помнит. Её память самостоятельно очистилась, выбросив эпизод с картинками как ненужный хлам. Так же обстояли дела и с Леной. Моя супруга совершенно не помнила наших приключений в чёрно-белом фильме, как не помнила и Дикий Запад, где ей так и не довелось встретиться со своим любимым Клинтом Иствудом. Сколько я ей осторожно не намекал, результат был всегда похожим:

— Ты о чём, Лёша? Какой фильм? Какой Дикий Запад?

Из всего этого следовал только один вывод. Ни моя дочь, ни моя супруга больше никогда не вспомнят, что с ними произошло за «дверями» коридоров времени. А что касается меня, то несколько дней подряд при любом удобном случае я пытался мысленно возратить себе генетический дар, но после нескольких неудачных попыток, понял, что утерять его окончательно, без каких-либо видимых причин и соответствующих этому событий. Я просто обессилел в один момент, в один миг, самопроизвольно утратив все навыки своих сверхъестественных способностей. Не знаю, что могло произойти, и какова причина утери генетического дара, но то, что я вновь стал нормальным человеком, не вызывало сомнений. Прежде всего, я проверил это на том самом коте, который встретил меня после моего перемещения из эпохи пиратов. Сколько я не внушал ему принести мне кусок рыбы или накинуться на соседнюю кошку, выходило всегда одно и то же. Задрав хвост и с высокомерием подняв морду, он удалялся восвояси, словно меня не существовало на этой планете. То же самое происходило и с чтением мыслей. Кому бы я ни заглядывал в глаза, тщетно пытаясь уловить их ход, на меня удивлённо смотрели, полагая, что имеют дело с тихим психом, сбежавшим из психического диспансера. Шутка, конечно, не совсем подходящая, но другого вывода я не находил. А что касается ускорения, то оно пропало так же безвозвратно, как и остальные навыки генетического дара. Все последующие дни, выбрав тот или иной подходящий момент, я пытался мысленно ускориться, но выходила лишь жалкая попытка остановить на мгновение какой-либо эпизод, который вскоре тут же растворялся, не оставив после себя даже светового маркера.

И если подвести итог всем моим печальным рассуждениям, то выходило, что мой генетический дар стал для меня отныне недосыгаем.

Вот и всё.

Можно было бы на этом и закончить свою историю, если бы не один эпизод, на этот раз последний, произошедший со мной, когда я возвращался из командировки.

Итак...

Мы в вагоне пассажирского экспресса, следующего через мою станцию прибытия.

Время вечер, понедельник, 18:00 по реальному земному времени.

За окном медленно и неуклонно, минуя полустанки. Проплывала однотонная местность — кустарники, равнины, иногда высохшие пруды с одинокими утками. Я безразлично смотрел на заброшенный пейзаж, всё было уныло, знакомо, не радостно. Моросил дождь. Сосед по купе сменил очередного вышедшего пассажира, а я всё ехал, почти сутки, люди менялись, а я всё смотрел в окно. На столике остатки ужина, недочитанная книга о пропавшей экспедиции на Байкале. Сосед попался молчаливый. Почти старик. Седые волосы, на редкость густые, были аккуратно зачёсаны, морщинистое лицо слегка иссохло за давностью лет, а глаза у него показались мне бездонными как пропасть. Он поминутно сморкался в платок, и когда время подошло к вечеру, внезапно заговорил тихим глухим голосом.

— Не будем называть друг другу имён — они не столь важны. Мы просто попутчики, волею судьбы, оказавшиеся на одной колее жизненного пути. Я выйду, вы сойдёте — так и разбежимся, каждый своей дорогой. Но прежде, хочу рассказать вам свою историю. Она забавна и, думаю, будет вам весьма интересна.

Спустя секунду он начал.

(Долгая-долгая пауза)

А потом наступила пустота.

...Когда я пришёл в себя, его уже не было. В голове мельтешили сумбурные мысли, какая-то органическая сущность готова была вырваться наружу, а за окном уже виднелись первые постройки железнодорожной станции. Поезд подъезжал к моему городу. Меня словно оглушили обухом по голове, настолько всё было зыбко, расплывчато, нереально. Его спокойный умиротворяющий голос ввёл моё сознание в

состояние всепоглощающего транса, и неведомый мир, раскрывшийся передо мной, погрузил в себя без остатка. Только теперь я начал понимать всю подноготную нашей встречи.

Так вот, что меня буквально пригвоздило к месту!

Эта встреча была не случайной! Седовласый старец, так поразительно похожий на меня, был никем иным, как лично мною, только уже в зрелом возрасте, с поправкой на время! Это был Я, собственной персоной, непонятно каким образом, оказавшийся в моём реальном мире, минуя все хаотические пространства и измерения. Он пробрался сквозь вихри магнитных бурь и эфирных полей, пересёк ту грань, которую мы называем «потусторонним миром», покорил ВРЕМЯ, как физическую величину, и материализовался в моём измерении, чтобы успеть передать свой генетический дар. Выходит, я передал сверхъестественные способности самому себе, а не помнил об этом лишь потому, что произошло это только что, несколько минут назад!

Что-то близкое, родное и до боли знакомое всплывало в голове, когда я, забыв свой багаж, спускался на перрон своего вокзала. Как в тумане я пересёк подземный переход, дошёл до стоянки такси, влез в машину, назвал адрес, и откинулся на спинку заднего сиденья, совершенно не замечая, что за мной следят.

Два странных незнакомца в нелепом одеянии средневековой инквизиции, с капюшонами на головах, отделились от толпы прибывших пассажиров, последовали за моим световым маркером, и...

Растворились в пустоте, издав негромкий хлопок в пространстве. Лишь вспугнутые чем-то голуби взвились в небеса. Никто из окружающих их так и не заметил.

Они были не из этого мира. Не из этого пространства. Не из этой реальности.

Что касается меня, то я благополучно добрался домой, совершенно забыв свою встречу с загадочным попутчиком. Меня встретили жена и дочь, немало удивившись отсутствию багажа и утери своих документов. Хорошо, что Лена вовремя расплатилась с таксистом. Только тут я вспомнил, что покидая купе пассажирского вагона, я напрочь забыл о своих вещах, лежавших на верхней полке. Непонятная лавина беспмятства, нахлынувшая на меня, казалось, блокировала всё моё сознание, не давая опомниться и прийти в себя, прежде чем я достигну порога своего дома.

Только много позже, когда мы уже восстановим документы и возьмём с дочкой из библиотеки две книги неизвестного мне автора, где-то далеко, на задворках памяти, я кратковременно вспомню этот эпизод с

незнакомцем, подсевшим ко мне в поезде. Вспомню и книги с иллюстрациями, которые в этих изданиях будут отсутствовать напрочь.

Вспомню, и тут же забуду.

Загадочный и неведомый парадокс петли Мёбиуса продолжит своё существование на планете.

...Но это будет позже.

А пока всё.

Моя история закончена.

Как там говорят в театре?

«Пьеса окончена, декорации убраны, занавес опущен. Дело — за актёрами».

Эпилог

...Прошло около двух месяцев.

Дочь пошла в школу.

Когда несколько дней спустя она сходит на почту и принесёт посылку, мы будем крайне удивлены, поскольку ни от кого из близких мы такой сюрприз не должны были получать. Нас бы предупредили по телефону или отправили сообщение. Ни того ни другого не было. Гадая, что в ней может быть, мы собрались на кухне и сорвали матерчатую упаковку, до боли напоминающую ткань парусины. Под ней оказался грубо сколоченный деревянный ящик, поразительно похожий на старинный сундук минувших веков.

И каково же было наше изумление, когда, открыв его, мы обнаружили внутри...

Восхитительной красоты золотую массивную диадему, усыпанную рубинами, алмазами, изумрудами и сапфирами, величиной с крупные горошины.

Женская половина моей семьи так и ахнула, едва не сползая на стулья.

— Что эт-то... папа?— спросила Яна дрожащим от волнения голосом.

— Да тут целые миллионы! — Лена смотрела на сокровище из потустороннего мира, совершенно не понимая, каким образом это чудо света могло добраться до нашего дома.

Я тоже не знал.

Посылка была без обратного адреса.

P. S.

...А в это время, в совершенно ином измерении и абсолютно другом пространстве, некий безвестный профессор готовился к своим генетическим экспериментам, предварительно дав объявление в газету. В нём говорилось, что желающий подвергнуть себя медицинскому опыту должен быть одиноким, не имеющим семьи и близких родственников, не злоупотребляющим вредными привычками, и желающим посвятить себя на благо науки. В случае положительного исхода, добровольцу полагался заслуженный гонорар.

Но я об этом не знал.

Это происходило не здесь. Не в моём мире.

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Бёзрук

НЕ НАДО ПЛАКАТЬ	3
ИЗЛОМ	7
МОЯ МЭРИЛИН	9
СТРАННЫЙ СТАРИК	14

Сергей Калабухин

ПОСМЕРТНЫЙ РАБ	15
СВЕЧА НА ВЕТРУ	33

Салтанат Рахимбекова

ДИСТАНЦИОНКА	37
ЗЛАТОЙ ВЕК	43
МОДНЫЙ ШАГ	47

Валентина Карпушина

СТИХИ	56
-------	----

Дмитрий Учитель СТИХИ	65
Дмитрий Игнатов ДЕМОН ПЕЙНА	67
Андрей Мансуров ПРОКЛЯТИЕ СОКРОВИЩА ХРОАКА	134
Александр Зубенко ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	202

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 31**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com

ISBN 978-3-910935-93-8

9 783910 935938

